

Герберт Спенсер

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ЛИЧНОСТЬ
И ГОСУДАРСТВО

I
ТОМ

СОЦИАЛЬНАЯ
СТАТИКА

II
ТОМ

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ

III
ТОМ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОПЫТЫ

IV
ТОМ

ЭТИКА
ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ

V
ТОМ

Герберт
СПЕНСЕР

ЛИЧНОСТЬ
И ГОСУДАРСТВО

Опыты о государстве, обществе и свободе

 Социум

Москва • Челябинск

УДК 321.01:342.7+316.244

ББК 66.0

С71

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

Книга издана при поддержке
Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)

Спенсер, Герберт

С71 Политические сочинения : в 5 т. / Г. Спенсер. — Москва ; Челябинск : Социум, 2014.

ISBN 978-5-906401-14-4

Т. I : Личность и государство : опыты о государстве, обществе и свободе. — 464 с.

ISBN 978-5-906401-15-1

Герберт Спенсер (1820—1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, основатель органической школы в социологии, представитель классического либерализма.

В очерках, собранных в этом томе, автор задокументировал процесс постепенного вырождения в Великобритании после 1850 г. классического либерализма в то, что в XX в. станет называться социальным либерализмом, и вызванный этим возврат к меркантилистскому и воинственному социальному порядку. Спенсер показывает, как постепенное приращение власти государства незаметно ведет к деспотизму и порабощению. Он критикует законодателей за игнорирование экономических законов, координирующих желания и усилия людей; атакует доктрину неограниченного суверенитета правительства, будь то монархического или парламентского, и связанную с ней концепцию прав как созданных государством и поэтому с такой же легкостью государством отменяемых.

УДК 321.01:342.7+316.244

ББК 66.0

ISBN 978-5-906401-14-4

ISBN 978-5-906401-15-1 (Т. I)

© ООО «ИД «Социум», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Эрик Мэк.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	VII
<i>Генри Хэзлит.</i> От 1884 г. СПЕНСЕРА до «1984 г.» ОРУЭЛЛА	XVI
<i>Альберт Джей Нокк.</i> НОВОЕ РАБСТВО	XXVIII

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
I. Новый торизм	3
II. Грядущее рабство	22
III. Грехи законодателей	57
IV. Великий политический предрассудок	96
ПОСЛЕСЛОВИЕ	130

ШЕСТЬ ОПЫТОВ О ГОСУДАРСТВЕ, ОБЩЕСТВЕ И СВОБОДЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТИННОЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВА	139
Письмо I	139
Письмо II	143
Письмо III	147
Письмо IV	154
Письмо V	162
Письмо VI	167
Письмо VII	174
Письмо VIII	180
Письмо IX	187
Письмо X.	194
Письмо XI	197
Письмо XII	200
ЧРЕЗМЕРНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	204
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ И К ЧЕМУ ОНО ПРИГОДНО?	259
СОЦИАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ	300
СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ	342
ОТ СВОБОДЫ К РАБСТВУ	385
Комментарии	410
Аннотированный указатель имен	420

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Наследие Герберта Спенсера в области политической философии представлено четырьмя крупными произведениями, не считая многочисленных эссе, дополняющих и развивающих его мысли. Первое из этих произведений, «Размышления о надлежащей роли государства» (1842), — наименее известно. Второе, «Социальная статика» (1851), — самый знаменитый трактат Спенсера в этой области, являющийся систематическим изложением его взглядов. Третья крупная политическая работа Спенсера — «Личность и государство» (1884) — носит более полемический и более квазисоциологический характер, чем первые две и последнее из значимых политических исследований Спенсера — «Справедливость», представляющая собой четвертую часть его «Принципов этики» (1891).

Помимо первой и третьей из этих работ, настоящее издание включает также два сравнительно ранних политических эссе Спенсера — «Чрезмерность законодательства» (1853) и «Представительное правление» (1857), два важных эссе по политической социологии — «Социальный организм» (1860) и «Специализация управления» (1871), а также работу «От свободы к рабству» (1891), в которой развиваются полемические и аналитические темы «Личности и государства».

Герберт Спенсер родился в английском городе Дербши 27 апреля 1820 г. Он происходил из семьи священников-диссентеров и учителей, отличавшихся ярко выраженным антиэтатистским индивидуализмом вследствие давней оппозиции по отношению к связи государства и церкви и своего решительного отождествления с растущим коммерческим классом. Как его отец Джордж Спенсер, так и дядя преподобный Томас Спенсер были сторонниками отделения церкви от государства, выступали против хлебных законов и за расширение избирательного права. Отец и дядя Спенсера, самоучки и учителя, больше уважали науки и их практическое применение, нежели классическую традицию. По наследству от них Герберту Спенсеру передалась

¹ Перевод с англ. Николая Эдельмана.

антиэтатизм, индивидуализм и научно ориентированный рационализм. Спенсер сам указывал на возможные гуситские или гугенотские корни семьи как на частичное объяснение своего индивидуализма и неуважения к авторитетам. Он часто говорил, что его вера во Вселенную, целиком управляемую естественным законом причинности, выросла из научных интересов его отца и любопытства к причинам природных явлений.

Свое образование Спенсер получил почти исключительно от отца, а впоследствии своих дядьев Вильяма и Томаса. Акцент делался на естественных науках и биологии. Он собирал растения и насекомых, ставил опыты, делал зарисовки, решал математические задачи, а также посещал лекции в Философском обществе Дерби. В пору юности Спенсера дядя Томас попытался расширить его образование, познакомив Герберта с классическими авторами, языками и историей. Но его независимый племянник оказался не слишком отзывчив к этим бесполезным и догматическим занятиям.

В ноябре 1837 г., вскоре после того, как на трон взошла королева Виктория, Спенсер получил должность инженера на Лондонско-Бирмингемской железной дороге. С этого момента до 1841 г., а затем с 1845 по 1848 г., работая в различных компаниях, Спенсер стал участником великой фазы лихорадочно-железнодорожного строительства. Судя по всему, он весьма компетентно и успешно справлялся с решением любых инженерных задач; как в эти годы, так и позже Спенсер сделал ряд технических изобретений, а с 1839 по 1842 г. опубликовал несколько работ в «Журнале гражданского инженера и архитектора» («Civil Engineer's and Architect's Journal»). Лишь его интерес к литературной карьере и, возможно, неспособность серьезного и целеустремленного молодого человека наладить теплые отношения с коллегами помешали ему посвятить инженерному делу всю жизнь. Впоследствии впечатляющее развитие британской железнодорожной сети Спенсер постоянно приводил как пример прогрессивной координации усилий социума без участия государства. С не меньшим постоянством он указывал на провал всех попыток муниципальных властей принять меры против шума, издаваемого поездами, как на пример неспособности правительства выполнять свои надлежащие отрицательные функции.

Начиная с весны 1842 г. Спенсер сочинил ряд писем для журнала радикальных диссентеров «Нонконформист». Переизданные в виде памфлета «Размышления о надлежащей роли государства», эти письма в некоторых отношениях представляют собой наиболее радикальное политическое эссе Спенсера. Он утверждает, что сфера полномочий государства должна ограничиваться гарантированием справедливости, понимаемой как уважение к естественным правам, а не непосредственным стремлением ко «всеобщему благу». Этот стандарт требует от индивидуумов лишь неучастия в актах прямого угнетения, от государства же он требует лишь предотвращения подобных актов.

Публикация «Размышлений о надлежащей роли государства» совпала с единственным периодом активного и регулярно участия Спенсера в политической деятельности. Он занимал в Дерби должность секретаря местного отделения Союза за всеобщее избирательное право и писал многочисленные короткие памфлеты как для этой группы, так и для Ассоциации за отделение церкви от государства. Поскольку литературная деятельность этого периода не принесла ему серьезных денег, в 1845 г. он возвращается инженером на железную дорогу. Однако в 1848 г. Спенсер получает должность младшего редактора в «Экономисте». В то время «Экономист» был ведущим органом сторонников свободной торговли и принципа *laissez faire*, и взгляды Спенсера, изложенные им в «Размышлениях о надлежащей роли государства», едва ли могли воспрепятствовать этому назначению.

За пять лет, проведенных Спенсером в «Экономисте», он работал главным образом с неидеологизированными новостями, однако в «Социальной статике», опубликованной им на третий год службы, Спенсер развивает и систематизирует учение, изложенное в «Размышлениях о надлежащей роли государства».

Десятилетие, последовавшее за изданием и умеренным успехом «Социальной статике», Спенсер посвятил сочинению ряда ключевых статей, в которых развивались его ламаркистские взгляды на эволюцию, а также важных политических и социологических эссе. Хотя здоровье и финансы Спенсера находились в расстроенном состоянии, в течение этого периода он завязал дружбу со многими выдающимися британскими интеллектуалами, включая Джорджа Элиота, Томаса Гексли, Джорджа Льюиса и Джона Стюарта Милля. Приобретенный в этом

и последующих десятилетиях статус Спенсера как политического еретика не должен заслонять от нас его более широкую роль как видного представителя светского научно-интеллектуального сообщества. В 1858 г. Спенсер сформулировал амбициозный план своей «Синтетической философии», работе над которой он посвятил следующие тридцать лет своей жизни, невзирая на другие занятия и приступы нездоровья. Этот грандиозный труд включает в себя «Основные начала», а также многотомные «Принципы» биологии, психологии, социологии и этики. В поисках средств, позволивших бы ему довести свой труд до конца, Спенсер пытался получить синекуру в индийской колониальной администрации, должности начальника тюрьмы, почтового чиновника и даже хотел поступить на консульскую службу. После того как подходящих вакансий не нашлось, Спенсер решил финансировать свой великий проект с помощью подписки. В итоге неоценимую помощь он получил от своего главного последователя в Америке Эдварда Йуменса, нашедшего Спенсеру многих подписчиков. Когда в середине 1860-х годов этот план провалился из-за того, что подписчики перестали платить, а Спенсер опоздал с изданием очередных частей «Синтетической философии», Милль вызвался покрыть его срочные расходы и собрать средства, позволившие бы ему продолжить работу. Спенсер отклонил это щедрое предложение. Однако, когда Йуменс убедил американских сторонников Спенсера организовать фонд, деньги из которого шли бы либо самому Спенсеру, либо его американским издателям, Спенсер «презиравший издателей сильнее, чем ненавидел благотворительность, не смог отказаться».

Политические эссе этого десятилетия, опубликованные после «Социальной статики» — «Чрезмерность законодательства» и «Представительное правление», — можно воспринимать как развитие учения, изложенного в «Социальной статике». Они содержат решительную критику эффективности государственной системы и убеждение в том, что прогресс покончит с нелепой верой во всемогущество государства — хотя эта вера будет «умирать медленно» (с. 258)¹. Мы снова видим здесь уверенность Спенсера в том, что только всеобщее избирательное

¹ В скобках указаны страницы по настоящему изданию.

право покончит с классовым законодательством — «равномерное распределение политической власти между всеми служит надежной охраной общему благу» (с. 293). Однако эффективная бдительность избирателей возможна лишь в том случае, если задачи представительной власти будут ограничены защитой простых и неизменных «принципов справедливости (equity)» (с. 294), но отнюдь не тогда, когда правительство берет на себя «сложное дело регулирования всей жизни нации» (с. 259).

Два социологических эссе — «Социальный организм» и «Специализация управления» — представляют другую сторону Спенсера как мыслителя, не вполне совместимую с его остальными взглядами. Взаимосвязи между политическими представлениями Спенсера и его эволюционизмом, а также эволюционной социологией, носят слишком сложный и запутанный характер, чтобы разбирать их здесь, — если разобраться в них вообще возможно. Однако можно указать на несколько моментов в связи конкретно с этими эссе. Во-первых, главная задача метафоры «социальный организм» состоит в том, чтобы подчеркнуть немеханистический, неинтенциональный, однако взаимно скоординированный характер тех процессов, которые обеспечивают возникновение и существование любого конкретного общества и его институтов, и тот факт, что любое общество пронизано социальными структурами, которые, если воспользоваться выражением Хайека, являются результатом человеческих действий, но не замысла. Эта метафора помогает также выявить дальнейшие параллели, например между физиологическим и экономическим разделением труда. В намерениях Спенсера не входило проповедовать нравственный или методологический органицизм в каком бы то ни было виде. Так, он утверждает, что в противоположность биологическим организмам, «корпоративная жизнь [общества] в этом случае должна подчиняться жизни отдельных частей, а не жизнь отдельных частей — корпоративной жизни» (с. 312). Однако и здесь намерение расходится с результатом. Как пишет Спенсер в «Социальном организме», «наши парламентские палаты исправляют в социальной экономике должности, во многих отношениях удобосравнимые с должностями масс головного мозга у позвоночных животных» (с. 336). Подобные утверждения явно послужили отправной точкой для рассуждений Т. Гексли в «Административном

нигилизме» о том, что из метафоры организма следует возможность и порой даже желательность преднамеренного парламентского контроля за экономикой и вмешательства в ее функционирование, аналогично тому, как организм может и обычно должен управляться и контролироваться центральной нервной системой индивидуума.

Ответ Спенсера на эти утверждения, приведенный им в «Специализации управления», к сожалению, и несостоятелен, и несовместим с его теориями. Спенсер полагает, что и высший биологический организм, и высший социальный организм обладают как системами осуществляемого по принципу отрицательной обратной связи пассивного контроля над внутренними органами и их взаимодействием, так и системами активного контроля над внешними органами и их связями с окружающей средой. Однако с целью провести аналогию с внутренними органами Спенсер вынужден пойти на неправдоподобное допущение о том, что функциональные внутренние органы биологических организмов нуждаются лишь в пассивном регулировании, приблизительно соответствующем соблюдению принципа равной свободы и надзору за выполнением контрактов. А с целью провести аналогию с внешними органами Спенсер вынужден утверждать, что в сфере иностранных дел государство обязано выходить за рамки гарантирования справедливости, предпринимая положительные действия. Такой взгляд явно противоречит негативному отношению Спенсера к агрессивным войнам, колониализму и государственному регулированию внешней торговли. Спенсер не понимает, к чему приведет наделение правительства функциями положительного контроля за иностранными делами, потому что путает эту серьезную уступку с трюизмом (применимым и к внутренним, и к иностранным делам) о том, что правительство должно осуществлять положительный контроль за своим собственным аппаратом.

Растущая слава и финансовая обеспеченность Спенсера в 1870—1880-е годы не прибавила ему ни счастья, ни здоровья. По крайней мере отчасти личная трагедия второй половины жизни Спенсера была вызвана его представлениями о постепенном отступлении после 1850 г. к меркантилистскому и милитаристскому социальному — «воинственному», как он выражался, — строю. Хотя в одном из своих писем Спенсер называет книгу

«Личность и государство» «законченной формой», ради которой он трудился в течение сорока двух лет, и «положительным кредо для передовой политической партии», в общем и целом Спенсер был преисполнен глубокого пессимизма по поводу возможности остановить скатывание к «коммунизму». К моменту завершения этой работы Спенсер видел свою задачу уже не в том, чтобы обрисовать путь прогресса, по которому следует человечество, а скорее в том, чтобы сопротивляться процессу «возвращения к варварству». Эссе, вошедшие в состав книги «Личность и государство», представляют собой самый последовательный, блестящий и горький акт такого сопротивления.

В «Новом торизме» предпринята попытка дать определение истинному либерализму и объяснить, почему Либеральная партия пришла к защите новой системы государственной власти. В «Грядущем рабстве» Спенсер подробно разбирает динамику постепенного приращения государственной власти, в конечном счете ведущего к деспотизму и порабощению. В «Грехах законодателей» критикуется незнание законодателями как экономических законов, определяющих желания и поступки людей, так и эволюционного закона, согласно которому прогресс «не обходится без страданий». Здесь мы находим формулировку принципа «выживание наиболее приспособленных», хотя следует помнить, что под наиболее приспособленными Спенсер понимал наиболее адаптировавшихся к социальной жизни и даже тех, кого внезапные приступы сочувствия подвигают на помощь «достойным собратьям, попавшим в беду». В «Великом политическом предрассудке» Спенсер нападает на теорию о неограниченном суверенитете государства, будь то парламентском или монархическом, и на соответствующее учение о том, что права даруются государством, которое так же вправе их отменить. Последняя часть этого эссе представляет собой впечатляющее резюме политических взглядов Спенсера. Наконец, в эссе «От свободы к рабству» Спенсер противопоставляет свободное, промышленное общество — общество договора, — воинственному обществу принуждения, обществу статуса. Здесь же содержатся пророчества, своей яркостью не уступающие предсказаниям Бакунина о том, какие бедствия ожидают трудящихся, подчиненных «армии чиновников, объединенных общими интересами официоза».

Два вопроса, затронутых в этих последних эссе, еще сильнее загнали Спенсера в оборону и изоляцию. Спенсер яростно нападал на Генри Джорджа и сторонников национализации земли и, в свою очередь, подвергался нападкам за отказ от своих собственных взглядов об общественной собственности на землю. Джордж, в частности, критиковал Спенсера за отступничество, проявившееся в изъятии главы «Право пользования землей» из издания «Социальной статистики» 1892 г. Спенсер гневно отвечал, что он никогда не менял своих взглядов принципиально и что по-прежнему верит в общественную собственность на землю и в необходимость справедливой компенсации нынешним землевладельцам — по крайней мере возмещения затрат на улучшение качества земли. Однако, поскольку он начал понимать (на основе рассуждений, которые иначе как сомнительными не назовешь), что общество не может себе позволить выплату справедливой компенсации, и поскольку нынешний агрессивный официоз доведет от общественной собственности на землю до социализма, в данных обстоятельствах следует отказаться от открытой социальной реапроприации [обобществления]. Далее Спенсер объявляет всю эту проблему спорной, поскольку все, включая автора «Великого политического предрассудка», признают, что в конечном счете суверенитет над землей принадлежит парламенту. Земельный вопрос может служить пробным камнем, позволяющим оценить истинность теорий о дрейфе Спенсера к консерватизму. У нас еще нет удовлетворительных ответов на вопросы о том, имел ли место такой дрейф, а если да, то в чем он выражался и как его можно объяснить, однако нам не обойтись без них для полного понимания взглядов Спенсера.

Напротив, за существенным исключением готовности согласиться на воинский призыв в случае оборонительной войны, в своем неприятии милитаризма и империализма Спенсер оставался твердым и последовательным антиконсерватором. В начале 1880-х годов Спенсер вернулся в активную политику, предприняв неудачную попытку создать влиятельную Лигу против агрессии. Именно этим тщетным попыткам и изнурительному турне по Америке летом и осенью 1882 г. Спенсер приписывал дальнейшее ухудшение своего здоровья. Тем не менее в течение 1880—1890-х годов Спенсер продолжал критиковать

агрессивную внешнюю политику Великобритании, пытаясь заручиться поддержкой общественного мнения. В «Трехах законодателей» он гневно обрушивается на тех мнимых либералов-империалистов, которые «не могут с полным спокойствием думать о страданиях, сопровождающих борьбу за существование, которая ведется без насилия среди членов одного и того же общества, и могут смотреть безмятежно на самую страшную форму тех же страданий, когда они огнем и мечом причиняются целым общинам» (с. 87). Спенсер видел в этих явлениях наступление откровенного милитаризма, который в различных отношениях представлял собой глубинную причину социального регресса последних десятилетий XIX в. Согласно его словам в эссе «От свободы к рабству», «хронические войны везде и во все времена порождали военный тип организации не только войска, но и мирной общины» (с. 392). Такое видение нации, упустившей свои исторические возможности и тем самым предавшей юношеские надежды и предсказания Спенсера, омрачает последние годы его жизни. Вызванные этим разочарованием горечь и печаль проявляются в последних актах сопротивления со стороны Спенсера — его работах «Регламентация», «Возврат к варварству» и «Империализм и рабство», изданных в 1902 г. Герберт Спенсер умер 8 декабря 1903 г. с убеждением в том, что по крайней мере в качестве политического мыслителя и автора он прожил свою жизнь зря.

Эрик Мэк
1981 г.

ОТ 1884 г. СПЕНСЕРА ДО «1984 г.» ОРУЭЛЛА¹

В 1884 г. Герберт Спенсер написал быстро прославившуюся книгу «Личность и государство». Сегодня об этой книге вспоминают редко, а сама она пылится на библиотечных полках — если библиотеки вообще хранят ее до сих пор. Когда современные авторы все-таки удосуживаются упомянуть о политических взглядах Спенсера, в большинстве случаев они рассматривают их как «крайний случай *laissez faire*» и поспевают «дискредитированные».

Но любого непредвзятого человека, который возьмет на себя труд прочесть или перечесть эту книжку, возможно, поразят две вещи. Во-первых, недюжинная проницательность, с которой Спенсер провидел то, что будущие посягательства государства будут нацелены, вероятнее всего, на личную свободу, причем в первую очередь в экономической сфере. Во-вторых, то, каких масштабов эти посягательства достигли в 1884 г., — в том году, когда писалась книга.

Нынешнее поколение воспитано в убеждении, что до введения в 1933 г. Нового курса государство не заботилось о «социальной справедливости» и не интересовалось судьбой нуждающихся. Предшествующие эпохи изображались как времена, когда никто не «заботился» [о людях], когда свирепствовала политика *laissez faire*, когда позволялось умирать с голоду тем, кто проиграл в ожесточенной конкуренции, которую эвфемистически называли свободным предпринимательством, но которая была попросту системой «человек человеку волк» и «загнанных лошадей пристреливают». И если нынешнее поколение считает, что это было правдой даже для 1920-х годов, то в том, что так оно и было в 1880-х, считающихся апогеем *laissez faire*, люди уверены абсолютно.

И все же первоначальное изумление читателя, приступившего к чтению сочинения Спенсера, начинает проходить уже

¹ Глава 23 книги Г. Хэзлита «Man vs. the Welfare State» (1969). Перевод с англ. Т. Даниловой под редакцией А. Куряева.

к середине книги, так как одна причина для удивления объясняет другую. Спенсер всего лишь демонстрирует законодательные тенденции, существовавшие в 1880-х годах, и экстраполирует их в будущее. Ему это удалось потому, что он был настолько потрясен этими тенденциями, что осознал их гораздо резче большинства своих современников, и гораздо яснее видел, куда они поведут, если их не обуздать.

Даже в своем предисловии к «Личности и государству» он обращает внимание на то, как «увеличение формальной свободы» сопровождалось «уменьшением свободы фактической»: «С каждым годом вводится все больше правил, ограничивающих гражданина в направлениях, где прежде его деятельность не была стеснена, и принуждающих его к действиям, которые он прежде мог предпринимать или не предпринимать по собственному разумению; и в то же время более тяжелое бремя общества... еще сильнее ограничивает его свободу, снижая его доходы, которые он может тратить как нравится ему, и увеливая долю, изымаемую у него, чтобы быть потраченной как нравится представителям власти» (с. 2)¹.

В первой главе «Новый торизм» Спенсер утверждает, что «Большинство тех, кого в то время считали либералами — это тори нового типа» (с. 3). Либералы его времени, отмечает он, уже «потеряли из виду ту истину, что либерализм обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства» (с. 6).

Так что полная смена англо-американской системы координат, по которой «либерал» сегодня означает прежде всего сторонника государственного вмешательства, началась уже в 1884 г. Выдвигались предложения, «представляя на то основательные доводы, организовать систему обязательного страхования, по которой люди были бы обязаны с юности делать сбережения на то время, когда они не в состоянии будут работать» (с. 16). Вот где следует искать корни американского Закона о социальном страховании 1935 г.

Спенсер также уделяет внимание антилиберальным последствиям растущего налогового бремени. Те, кто взимает дополнительные налоги, фактически говорит: «До сих пор вы

¹ В скобках указаны страницы по настоящему изданию.

могли тратить эту часть своего заработка по своему усмотрению; теперь же вы не будете иметь возможности делать этого, но мы будем тратить ее для общего благополучия» (с. 16).

Затем Спенсер обращается к принуждению, которое профюкы применяли к своим членам уже тогда, и задает вопрос: «Если люди пользуются своей свободой таким образом, что отказываются от свободы, то разве это помешает им сделаться рабами впоследствии?» (с. 18)

Во второй главе «Грядущее рабство» Спенсер обращает внимание на существование того, что он называет «политическим импульсом», подразумевая под этим тенденцию государственного вмешательства и аналогичных политических мер увеличиваться в масштабах и ускоряться в том направлении, в котором они уже задействованы. В последние несколько лет американцы познакомились с этим импульсом чрезвычайно близко.

Спенсер иллюстрирует: «Ежедневно говорится: „Мы уже сделали то-то и то-то; почему нам не действовать и далее в том же направлении?“» и продолжает: «Покупка государством телеграфов и ведение ныне этого дела на счет казны, — которое уже управляло ими в Англии, когда он писал эту книгу, — являются побудительной причиной для требований, чтобы государство выкупило из частных рук и эксплуатировало само также и железные дороги» (с. 34). А ниже цитирует требования одной группы о том, что государство должно приобрести железные дороги, «с вознаграждением или без вознаграждения теперешних владельцев» (с. 49).

Британское государство не приобретало железных дорог и не занималось ими 65 лет, до 1948 г., но все же шло именно к тому, чего опасался Спенсер.

Но не одни прецеденты поощряют постоянное расширение интервенционистских мер, указывает Спенсер, но и «необходимость дополнять так или иначе мероприятия, оказывающиеся недействительными, и бороться с искусственным злом, беспрепятственно нами создаваемым. Неудачи обыкновенно не подрывают в нас доверия к принимаемым мерам, а только побуждают или к более настойчивому применению их» (с. 35).

Он приводит один пример того, как «для предотвращения этого зла, порожденного обязательной благотворительностью, ныне предлагают ввести обязательное страхование».

Сегодня в Америке можно указать на множество примеров вмешательства, в основном предназначенных для устранения рукотворных бед, вызванных предыдущими вмешательствами (от мер по выправлению «дефицита платежного баланса» до постоянно множющихся мер борьбы государственной «войны с бедностью»).

Везде, продолжает Спенсер, неявно предполагается, что «бороться со всяким злом есть непреходящая обязанность правительства... чем чаще повторяется правительственное вмешательство в общественную жизнь, тем более люди укрепляются в мысли о необходимости этого вмешательства и тем чаще, громче и настойчивее его требуют» (с. 36). Каждая дополнительная мера по оказанию помощи вызывает надежды на будущие подобные меры: «Чем чаще проявляется общественное вмешательство, тем сильнее развивается в гражданах мнение, что все должно делаться для них и ничего ими самими. Люди с каждым поколением все больше и больше сами теряют привычку личными усилиями или усилиями обществ и товариществ, образуемых по частному почину, добиваться желаемого, и все более и более привыкают рассчитывать на помощь правительственных учреждений, так что доходят, наконец, до того, что на эти учреждения начинают смотреть как на единственные, от которых они могут ожидать себе пользы» (с. 38—39).

«Социализм, — заключает Спенсер, — в какой бы форме он ни проявлялся, заключает в себе рабство... Действительно же характерной чертой раба является то, что он работает по принуждению, чтобы удовлетворить желаниям другого». Это отношение допускает множество степеней. Деспотичное налогообложение — это форма рабства индивида у общества в целом. «Вся суть дела в том: сколько он принужден работать на других и сколько затем у него остается свободного времени, чтобы работать на самого себя?» (с. 45).

Вероятно, даже Спенсер недоверчиво отнесся бы к предсказанию, что менее чем через два поколения предельные ставки налогов в Англии поднимутся выше 90% и множество энергичных и амбициозных людей в Англии и США будут вынуждены тратить более половины своего времени и труда, работая на содержание общества, а на содержание себя и своей семьи, им позволят тратить менее половины своего времени и труда.

Современный прогрессивный подоходный налог может служить количественной мерой степени экономической свободы человека и его порабощения.

Те, кто полагает, будто муниципальное жилье является совершенной новинкой, будут поражены, услышав, что зачатки этого явления (а также некоторые их вредные последствия) в 1884 г. уже существовали: «Там, где муниципальные корпорации делаются домостроителями, они неизбежно роняют цену домов, построенных на частные средства, и мешают сооружению новых... Вместе с возрастающими помехами к сооружению новых домов, особенно небольших, должно возрасть и требование к местной администрации, чтобы она пополняла недостаток в них... если мы дойдем до того, что в городах муниципальные власти сделаются главными домовладельцами, то это послужит уже хорошим прецедентом к снабжению на общественный счет домами и сельского населения, как это предлагает программа радикальной партии и как этого хочет демократическая федерация, требующая „принудительного устройства здоровых жилищ для ремесленников и хлебопашцев, в размере, соответствующем числу населения“» (с. 46).

Спенсер не предвидел только одного вида вмешательства государства — введения регулирования арендной платы, которое делает невыгодным для частных лиц владеть старыми доходными домами, ремонтировать или реконструировать их или строить новые. Последствия регулирования арендной платы вызывают негодующие обвинения в том, что в сфере обеспечения достаточным количеством жилья «частное предпринимательство попросту не работает». Вывод: следовательно, государство должно вмешаться и принять этот труд на себя.

В другой сфере Спенсер явно сформулировал свои опасения по поводу того, что государственное образование, которое бесплатно предоставляло то, за что частные школы должны были брать плату, со временем разрушит частные школы. Но, разумеется, он не предвидел, что в конце концов государство будет обеспечивать бесплатное обучение даже в *колледжах* и университетах, существующих за счет налогов, все более и более угрожая таким образом существованию частных колледжей и университетов, постепенно дрейфуя ко все более и более единообразному конформистскому образованию, при котором

рабочие места профессорско-преподавательского состава колледжей в итоге зависят от государственной власти, и тем самым развивая экономическую заинтересованность в преподавании и обучении этатистской, проправительственной и социалистической идеологии. Тенденция к образованию, поддерживаемому государственной властью, в конце концов неизбежно ведет к государственной монополии на образование.

«Либеральные» читатели 1970 года, возможно, будут шокированы, узнав, что недавние меры государственного вмешательства, которые они считают самоновейшими выражениями передовой и сострадательной философии, были предвосхищены еще в 1884 г., точно так же как читатели-этатисты во времена Спенсера должны были быть шокированы, узнав от него, как много недавних мер государственного вмешательства 1884 г. были предвосхищены во времена Древнего Рима и в Средние века. Ссылаясь на историка, Спенсер напомнил им, что в Галлии времен упадка Римской империи «число получателей стало так велико сравнительно с числом плательщиков, и бремя поборов сделалось так громадно, что земледельческий класс пришел в разорение, поля обратились в пустыни, и лес вырос там, где некогда бороздил плуг» (с. 48).

Спенсер напомнил своим читателям также о законах о ростовщичестве во Франции при Людовике XV, которые подняли процент «с пяти на шесть, когда они имели намерение опустить его на четыре» (с. 61).

Он напомнил им о законах против «скопления товаров» (скупка товаров с целью дальнейшей перепродажи) также в средневековой Франции. Целью этих законов было помешать каждому «покупать на рынке более двух мер пшеницы», что мешало торговцам и перекупщикам выравнивать предложение во времени и лишь усиливало дефицит (с. 61).

Он также напомнил своим читателям о мере, которая в 1315 г. в целях уменьшения голода предписывала цены съестных припасов, но позднее была отменена после того, как привела к полному исчезновению с рынка некоторых продуктов питания (с. 62).

Он напомнил им, кроме того, о множестве попыток установить величину заработной платы, начиная со Статута о рабочих при Эдуарде III (1327—1377).

И о Статуте 35 Эдуарда III, направленного на сдерживание роста цен на сельдь (который был вскоре отменен, потому что привел к росту цены).

А еще о законе Эдуарда III, по которому трактирщики в портовых городах присягали в том, что будут обыскивать своих посетителей, чтобы «помешать вывозу монеты или слитков за границу».

Последний пример нетактично напомнит американцам нынешний запрет на частное владение и вывоз золота, а также о предложении администрации Джонсона ввести запретительный налог на заграничные путешествия и о действующем запретительном налоге на иностранные инвестиции. Добавим существующие до сих пор запреты даже якобы передовых европейских стран на вывоз из страны их местных бумажных денег, за исключением крохотных сумм!

Я подхожу к одной чрезвычайно специфической параллели между 1884 г. и сегодняшним днем. Это касается расчистки трущоб и реконструкции городов. Британское правительство времен Спенсера на существование убогого перенаселенного жилья ответило введением Законов о жилищах рабочих. Это дало местным властям право сносить плохое жилье и обеспечивать возведение хорошего: «Каков же был результат этой меры? Сокращенный отчет о деятельности столичного бюро работ от 21 декабря 1883 г. показывает, что до сентября этого года бюро, увеличив налоги на один миллион с четвертью, изгнало из жилищ 21 тысячу человек и построило домов на 12 тысяч человек. О помещении остальных 9 тысяч намерены позаботиться в будущем, а пока они остаются без пристанища. И это еще не все... Если мы прибавим к этому 1734 человека, выселенных столичным бюро, то мы найдем, что почти 11 тысяч человек остались без крова и принуждены были разместиться кое-как в уже обветшалых жилищах» (с. 68).

Тех, кто заинтересован в доскональном изучении параллелей [дней Спенсера] с современностью, я отсылаю к книге профессора Мартина Андерсона «The Federal Bulldozer» (1964). Цитирую лишь один короткий абзац из его выводов: «Федеральная программа реконструкции городов на самом деле усугубила недостаток жилья для групп с низким доходом. С 1950 по 1960 г. было разрушено 126 000 единиц жилья (большинство из них

с низкой арендной платой). По оценкам этого исследования число новых построенных единиц жилья менее четверти числа снесенных, а арендная плата в большинстве новых жилых домов высока. Сравните с чистым приростом предложения жилья на миллионы стандартных домов от частного предпринимательства при минимальном вкладе федеральной программы по реконструкции городов» (с. 229).

В книге Спенсера есть красноречивый абзац, напоминающий его читателям 1880-х годов о том, чем они *не* обязаны государству: «Не правительству обязаны мы массой полезных изобретений, начиная с заступа и кончая телефоном; не правительство сделало открытия в физике, химии и в других науках, руководящих современными фабрикантами; не правительство выдумало те машины, которые служат для фабрикации различных предметов, для перевозки людей и предметов с места на место и всеми возможными способами содействуют нашему удобству. Все коммерческие операции, распространяющиеся на страны всего мира, вся торговля, наполняющая улицы наших городов, этот мелочный обмен, благодаря которому мы имеем под рукой необходимые в повседневной жизни предметы, — во всем этом нет никакого участия правительства, все это результаты добровольной деятельности граждан, работавших в одиночку или группами» (с. 78).

Наши современные этатисты энергично стараются все это изменить. Они отнимают у налогоплательщиков все больше миллионов долларов, чтобы передать их на «научные исследования». Подобная принудительно субсидируемая государственная конкуренция вытесняет из этой феры частные фонды научных исследований, лишая их ресурсов, что со временем угрожает сделать научные исследования государственной монополией. Но сомнительно, что все это в перспективе выльется в больший научный прогресс.

Конечно, денег на «исследования» тратится значительно больше, но они распределяются по сомнительным направлениям: на военные исследования, на разработку все более и более мощных супербомб и другого оружия массового уничтожения, на проектирование сверхзвуковых пассажирских самолетов, разработанных исходя из предположения, что мирные жители должны попадать на места отдыха в Европе или на Карибах

со скоростью 1200 или 1800 миль в час, а не всего 600, и какая разница, сколько при этом лопнет барабанных перепонок обывателей или стекол в окнах; и, наконец, на такие штучки в стиле Бака Роджерса¹, как высадка человека на Луне (как бы ни захватывало дух от такого успеха) или даже на Марсе. Направления исследования определяются вовсе не тем, что ученые считают самым важным или самым настоящим, а тем, что, по мнению политиков, произведет наибольшее впечатление на массы.

Совершенно очевидно, что все это подразумевает широко-масштабное растраниживание ресурсов; очевидно, что государственные бюрократы будут иметь возможность определять, кто получит финансирование исследований, а кто нет, и этот выбор будет зависеть либо от произвольных условий вроде тех, которые сегодня используются при оценке кандидатов на государственную службу (этим путем вряд ли отыщешь самые незаурядные умы), либо от хороших отношений получателя гранта с конкретным государственным чиновником, отвечающего за распределение средств.

Но наши сторонники государства всеобщего благосостояния, по-видимому, полны решимости поставить нас в такое положение, когда мы будем зависеть от государственной власти даже в отношении нашего будущего научного и промышленного прогресса, либо в положение, когда они по крайней мере смогут правдоподобно утверждать, что мы настолько зависимы.

Далее Спенсер показывает, что тот род государственного вмешательства, который он порицает, расносилен не только ограничению частной собственности, но и фактическому отказу от нее: «...смещение понятий, происходящее от того, что обыкновенно смотрят на вопрос с одной только стороны, замечается во всяком законодательстве, которое силой отнимает у одного человека его собственность, чтобы наделить даровыми благодеяниями другого» (с. 90).

Молчаливо подразумеваемое предположение, лежащее в основе всех этих действий, состоит в том, что «на свою ответственность, даже на ту, которую он приобрел в поте лица своего, ни один человек не имеет права иначе, как с разрешения

¹ Герой комиксов, важный элемент американской поп-культуры. — *Прим. перев.*

общины, и что община может лишить его этого права в той мере, в какой она сочтет нужным. Невозможно оправдать это отобрание имущества А в пользу В иначе, как опираясь на тот постулат, что общество, как целое, имеет абсолютное право на имущество каждого из своих членов» (с. 91).

В последней главе (непосредственно перед «Послесловием») Спенсер приходит к выводу: «В прошлом функция либерализма заключалась в том, чтобы полагать пределы власти королей. Функцией истинного либерализма в будущем будет ограничение власти парламентов» (с. 129).

Согласие с некоторыми аргументами «Личности и государства» Спенсера, признание проницательности многих его догадок и удивительной точности его предсказаний политического будущего, не означает, что мы разделяем его позицию целиком и полностью. Само название книги Спенсера было в некотором отношении неудачным. Фраза о «личности против государства» («Man versus the State») неявно подразумевает, что государство как *такое* излишне и является злом. Государство, разумеется, абсолютно необходимо для сохранения закона и порядка, а также для содействия миру и общественному сотрудничеству. Но государство, которое узурпировало чрезмерную власть и вышло за пределы своих легитимных функций, супергосударство, социалистическое государство, перераспределительное государство, — словом, государство, по иронии неверно названное «государством благосостояния», — именно такое государство является излишеством и злом, и именно такое государство уменьшает свободу и угрожает истинному благополучию индивидуума.

С другой стороны, нам нет нужды принимать «первый принцип» Спенсера (изложенный в 1850 г. в «Социальной статике») для определения функции закона и пределов государства: «Каждый человек свободен делать все, что он хочет, если он не нарушает равной свободы другого человека».

Понятая буквально, эта фраза может быть истолкована в том смысле, что бандит имеет право встать на углу с дубинкой и бить по голове всякого, кто выходит из-за этого угла, — при условии, что он признает право каждой своей жертвы делать то же самое.

Во всяком случае, принцип Спенсера, по-видимому, позволяет причинение любых взаимных неудобств, за исключением

насилия. Совершенно верно, что, как указывал Локк, «целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы». Но единственная краткая формула, которую мы можем использовать для описания функции закона, должна быть такой, чтобы максимизировать свободу, порядок и счастье посредством минимизации насилия, жестокости и вреда.

Точное применение всякой столь же простой формулы представляет множество трудностей и проблем. Здесь не место углубляться в них, разве что сказать, что прецедентное право, развившееся из древнего обычая и ста тысяч решений судей, решает эти проблемы веками, и в наш век юристы и экономисты продолжают уточнять эти решения.

Но Спенсер был безусловно прав в главном пафосе своего довода, который по своему существу был доводом Адама Смита и других классических либералов, что двумя неотъемлемыми функциями государственной власти являются: во-первых, защищать страну от агрессии любой другой страны, а во-вторых, защищать индивида-гражданина от агрессии, несправедливости или гнета любого другого гражданина, и всякое расширение функций государственной власти за пределы этих двух главных обязанностей следует тщательно изучать с ревнивой бдительностью.

Другая проблема, по которой мы необязательно согласны со Спенсером, заключается в том, что он полностью отвергал государственные пособия, основываясь на негибком и начетническом применении своей доктрины «выживания наиболее приспособленных». Он был совершенно прав, одобрительно цитируя отчет Комиссии закона о бедных: «...с одной стороны, мы едва ли найдем один устав, касающийся управления общественной благотворительностью, который показал бы результаты, имевшиеся в виду законодателями; наоборот, большинство из них было причиной новых зол и увеличило те, которые они должны были пресечь» (с. 73). Это суждение можно с легкостью применить с еще большей убедительностью к чрезвычайному распространению, расширению и улучшениям мер помощи в наше время.

И все же, хотя проблема помощи в бедности и несчастье не решена, мы не можем черство отрицать, что эта проблема

существует. Полностью поручить ее решение частной благотворительности мы тоже не можем. Приведем пример исключительный, но, к несчастью, один из тех, что происходят ежедневно: если на улице задавили ребенка, или если столкнулись два автомобиля, должен иметься быстрейший из возможных порядок действий для того, чтобы немедленно забрать и доставить жертву или жертв в больницу, если это необходимо, прежде чем определять, могут ли они позволить себе оплатить услуги врача и больницы, и независимо от предложения некоего доброго самаритянина (который может случиться или не случиться рядом) гарантировать оплату больничного счета.

Разумеется, большая проблема состоит в том, как обеспечить такую чрезвычайную помощь, не позволив ей выродиться в помощь постоянную; как облегчить крайние страдания тех, кто беден не по своей вине (или из-за малой вины), не поддерживая в праздности тех, кто беден в основном или полностью по собственной вине.

Формулируя проблему иначе (как я сделал выше): каким образом можно смягчить расплату за неудачу или несчастье, не подрывая стимулы к усилиям и успеху? В каких именно случаях и в какой именно мере участие в разрешении этих проблем должно быть обязанностью государства? За три тысячелетия истории нигде и никакой государственной властью эта проблема так и не была решена удовлетворительным образом. Я не претендую на знание точного решения. Но двойственность проблемы облегчения страданий без разрушения стимулов должна быть четко признана и «консерваторами», и «либералами»; и, во всяком случае, выгода в том, чтобы сформулировать эту проблему откровенно и ясно.

И все же, каковы бы ни были наши сомнения или оговорки, мы в глубоком долгу у Герберта Спенсера за его распознавание оком, более зорким, чем у любого из его современников, угрозы «грядущего рабства», к которому дрейфовало государство их времени и к которому мы сегодня дрейфуем еще быстрее.

Генри Хэзлит

НОВОЕ РАБСТВО¹

В 1851 г. Герберт Спенсер опубликовал трактат под названием «Социальная статика, или Изложение законов, обуславливающих счастье человечества»². Помимо других теоретических достижений, в этом сочинении автор подробно разработал фундаментальный принцип, согласно которому общество должно строиться на основе добровольного сотрудничества, а не принудительного и не достигнутого под угрозой принуждения. Одним словом, в противоположность этатизму — принципу, лежащему в основе всех коллективистских доктрин, которые сегодня правят бал повсюду, в этом произведении утверждался принцип индивидуализма, предполагающий сведение к абсолютному минимуму власти государства над индивидом и усиление до максимума социальной власти в противоположность принципу этатизма, который стремится к обратному. Спенсер утверждает, что вмешательство государства в дела индивида должно ограничиваться наказанием преступлений против личности или собственности, признаваемых таковыми «здравым смыслом человечества» (как его называли шотландские философы)³, принуждением к исполнению договорных обязательств и осуществлением бесплатного и легкодоступного правосудия. За эти пределы государство выходить не должно; оно не должно накладывать на индивида дополнительных принудительных ограничений. Все, что государство может сделать в интересах общества (единственный способ, которым

¹ Перевод с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева.

² См.: Спенсер Г. Политические сочинения. В 5 т. Т. II. М., Челябинск: Социум, 2014.

³ Это то, что право определяет как деяние, преступное по своему характеру (*malum in se*), в отличие от деяния, преступного в силу запрещения законом (*malum prohibitum*). Так, к примеру, классифицируются убийство, поджог, грабеж, словесное оскорбление и угроза действием; «здравый смысл» или приговор человечества практически единодушны в рассмотрении их в качестве преступлений. Тем не менее продажа виски, владение золотом и выращивание определенных культур являются примерами *malum prohibitum*, касательно которых такого всеобщего согласия не существует.

оно может способствовать постоянному и устойчивому благополучию общества), достигается с помощью этих чисто отрицательных (негативных) вмешательств. Позвольте ему, выйдя за их пределы, попробовать оказать содействие благополучию общества через положительное принуждение гражданина, и любое кажущееся и временное благо будет достигнуто в значительной мере за счет реального и постоянного блага.

Опубликованное единственный раз в 1851 г., это сочинение Спенсера давно стало библиографической редкостью. Его необходимо переиздать, поскольку для философии индивидуализма оно имеет такое же значение, как труды немецких философов-идеалистов для доктрины этатизма, «Капитал» для этатистской экономической теории, а послания апостола Павла для протестантской теологии¹. Однако эта книга мало помогла в деле сдерживания бурного наступления этатизма в Англии, и еще меньше в минимизации пагубных последствий этой тенденции. С 1851 г. и до самой своей смерти в первые годы XX столетия Спенсер время от времени писал статьи отчасти в жанре текущих комментариев на ускорение темпов наспления этатизма, отчасти в жанре разъяснения своей позиции посредством иллюстраций и примеров, а отчасти в жанре пророчеств — оказавшихся поразительно точными — о последствиях огульного замещения индивидуалистического принципа добровольного

¹ В 1892 г. Спенсер опубликовал пересмотренное и исправленное издание «Социальной статики», в котором сделал несколько незначительных изменений и по причинам, известным ему одному, — по причинам, которые так и не были прояснены или объяснены, — он оставил позицию, которую удерживал в 1851 г. и которая наиболее важна для его общей теории индивидуализма. Нет нужды говорить, что каждый в своем праве отказаться от позиции, по какой-либо причине или вовсе без причины, но следует также отметить, что сам по себе отказ от позиции не влияет на ее состоятельность. Он единственно служит постановке предшествующего вопроса о том, состоятельна позиция или нет. Отрицание Галилеем коперниканской астрономии, к примеру, означает самое большее отсылку к повторному рассмотрению системы Коперника. Для непредубежденного ума деятельность Спенсера в 1892 г. предлагает не более, чем та занятая им позиция, которую читатель в 1851 г. рассматривал впервые и выносил собственное решение о ее состоятельности или несостоятельности, в силу предложенных доказательств.

сотрудничества принципом сотрудничества по принуждению, т.е. этатистским принципом. В 1884 г. он издал четыре статьи из этой серии под названием «The Man Versus The State» («Личность и государство»).

* * *

Особый интерес в наши дни¹ представляет первое эссе «Новый торизм», демонстрирующее разительный контраст между целями и методами раннего либерализма и либерализма современного. Сегодня мы слышим много разговоров о либерализме, либеральных принципах и либеральной экономической политике. На политической сцене либералами себя величают самые разные люди, а своих оппонентов, они именуют «тори», зарабатывая очки у публики. В общественном сознании либерализм — это воплощенное благородства, тогда как торизм — особенно «экономический торизм» — позорное клеймо. Нет нужды говорить, что содержание этих терминов никогда не подвергается верификации: самозванный либерал завоевывает популярность по номиналу своих заявлений, и точно так же бездумно принимаются меры экономической политики, предлагаемые в качестве либеральных. В этих условиях полезно посмотреть, каков исторический смысл этого термина и насколько согласуются с ним цели и методы современного либерализма, а также, с учетом сказанного выше, насколько современный либерализм имеет право носить это имя.

Спенсер показывает, что везде, где только можно, ранние либералы последовательно отстаивали сокращение принуждающей власти государства над гражданином. Они выступали за сведение к минимуму числа вопросов, в которых государство может насильственно вмешиваться в дела индивида. Они боролись за неуклонное расширение пределов существования, в рамках которых гражданин может заниматься своими делами и организовывать их так, как он считает нужным, без какого-либо контроля или надзора со стороны государства. Либеральные меры экономической и социальной политики, в том виде, как они были задуманы изначально, отражали именно эти цели. Тори же, напротив, выступали против этих целей, и предлагаемые ими меры отражали этот враждебный настрой.

¹ 1939 г. — расцвет Нового курса в Америке. — *Прим. ред.*

В целом, либерал последовательно тяготел к индивидуалистической философии общества, тогда как тори последовательно тяготел к этатистской философии.

Более того, Спенсер показывает, что в практической политике ранний либерал двигался к осуществлению своих целей методом отмены. Он выступал не за принятие новых законов, а за отмену старых. Это самое важное, что следует помнить. Всякий раз, когда либерал видел закон, расширяющий право на принуждение гражданина государством, он выступал за его отмену без замены другим законом. В британском законодательстве таких законов было немало, и когда либералы пришли к власти, они занялись расчисткой этих авгиевых конюшен.

Спенсеру оставалось лишь описывать в близких ему терминах, что он и делает на страницах этого очерка, каким образом во второй половине прошлого столетия британский либерализм полностью перешел на позиции философии этатизма, и, отрекшись от политического метода отмены существующих мер принуждения, стал превосходить тори в создании новых мер принуждения, становившихся все более и более детальными и конкретными. Этот эпизод британской политической истории имеет огромную ценность для американских читателей, так как позволяет понять, насколько близко американский либерализм следует этому курсу. Он позволяет правильно оценить влияние и роль либерализма в задании направления развития нашей общественной жизни на протяжении последних 50 лет и понять к чему привело это влияние, в чем состоят последствия этого влияния, и какие еще последствия можно ожидать в дальнейшем.

Например, этатизм утверждает, что у гражданина нет прав, которые государство обязано уважать, а те права, что у него есть, дарованы ему государством, так что оно может ослаблять или отменять эти права по собственному усмотрению. Эта доктрина — фундамент, без которого не могли бы существовать все бесчисленные номинальные разновидности и формы этатизма, известные в Европе и в Америке под различными названиями: социализм, коммунизм, нацизм, фашизм и т.п. Индивидуализм, проповедовавшийся ранними либералами, отстаивал обратное: он утверждал, что у гражданина есть права, нарушать которые не имеет права ни государство, ни любое другое

учреждение. Это основополагающая доктрина; без опоры на нее любая формулировка индивидуализма превращается в макулатуру. Более того, ранний либерализм принимал ее не только как фундаментальную, но и как аксиоматичную, самоочевидную. Можно напомнить, к примеру, что в основу нашей великой хартии, Декларации независимости, положена самоочевидная истина этой доктрины: утверждение о том, что уже по факту рождения человек наделен определенными «неотчуждаемыми» правами и именно «для обеспечения этих прав» люди учреждают правительство. В политической литературе не существует более явно сформулированного отрицания этиатистской философии, чем в этом исходном постулате Декларации.

Теперь спросим: в каком направлении дрейфует новейший американский либерализм? К расширению какого типа сотрудничества он стремится: добровольного или принудительного? Направлены ли его усилия на отмену существующих мер государственного принуждения или на придумывание и введение новых? Имеет ли он тенденцию неуклонно расширять или сужать границы, в пределах которых индивид может поступать, как ему заблагорассудится? Предполагает ли он постоянное увеличение или постоянно сокращение поводов государственного вмешательства в дела гражданина? Словом, что он последовательно демонстрирует: философию индивидуализма или философию этиатизма?

Полагаю, ответ очевиден, причем подтверждающие его факты столь общеизвестны, что умножение примеров было бы пустой тратой времени. Взять хотя бы один из наиболее заметных: либералы сделали все возможное, чтобы посредством поправки о подоходном налоге протащить в Конституцию принцип абсолютизма — и добились успеха. Теперь конгресс имеет право не только отнять последний грош у гражданина, но и вводить конфискационное и дискриминационное налогообложение, налоги «для уравнивания богатства» или для любой иной цели. Трудно придумать меру, которая бы шире открывала дорогу для чисто этиатистского режима, дав в руки государства столь чудовищный механизм, по сути карт-бланш государственным чиновникам против гражданина. Повторим ее раз: нынешняя администрация составлена из самозванных либералов, и ее курс состоит в непрерывном триумфальном усилении

этатизма. В одном из абзацев написанного в 1884 г. предисловия к этим очеркам Спенсер суммирует политическую историю США за последние шесть лет: «Быстро множась диктаторские меры непрерывно стремились сузить свободы индивидов и делали это двояким путем. С каждым годом вводится все больше правил, ограничивающих гражданина в направлениях, где его деятельность прежде не была стеснена, и принуждающих его к действиям, которые он прежде по своему разумению мог предпринимать или нет, и в то же время более тяжкие общественные обременения, главным образом местные, еще более ограничивали его свободу, уменьшая ту долю его заработков, которые он может тратить как угодно ему самому, и увеличивая долю, изымаемую у него, чтобы быть потраченной как то угодно представителям власти» (с. 2).

Вот как близко с 1932 по 1939 г. курс американского этатизма следовал курсу этатизма британского с 1860 по 1884 г. Было бы совершенно уместно (и никоим образом не бесцеремонно) спросить мистера Рузвельта и его присных, учитывая их заверения в собственном либерализме, верят ли они в то, что гражданин имеет какие-либо права, которые государство обязано уважать. Готовы ли они искренне, т.е. не с предвыборными целями, подписаться под основополагающей доктриной Декларации независимости? Если да, то это вызвало бы неподдельное удивление. И все-таки подобное заявление в определенной степени способствовало бы прояснению разницы (если она существует) между «тоталитарным» этатизмом некоторых стран Европы и «демократическим» этатизмом Великобритании, Франции и США. Наличие этой разницы считается само собой разумеющимся, однако сторонники данной точки зрения не дают себе труда объяснить, в чем именно она состоит, а для неангажированного наблюдателя ее существование, мягко говоря, неочевидно.

Спенсер завершает главу «Новый торизм» предсказанием, которое сегодня представляет особый интерес для американских читателей, с учетом того, что оно было написано 55 лет назад в Англии и в первую очередь для английских читателей. Он пишет: «Законы, принятые либералами, привели к такому ужесточению принудительных мер и ограничений, применяемых к гражданам, что среди консерваторов, которые страдают от их агрессивности, усиливается тенденция к сопротивлению.

Доказательством может служить тот факт, что „Лига защиты свободы и собственности“, в большинстве своем состоящая из консерваторов, выбрала своим девизом фразу „Индивидуализм против социализма“. Поэтому если положение вещей не изменится, вскоре может на самом деле случиться так, что тори будут защитниками свобод, которые либералы попрали в погонае за тем, что они считают народным благодеянием».

В США это пророчество уже сбылось.

* * *

Очерки, следующие за «Новым торизмом», по-видимому, не требуют специального предисловия или объяснений. В основном они посвящены рассмотрению причин, по которым усиление этатизма ведет к быстрому социально-экономическому упадку, и того, почему этот процесс, если его не остановить, вызовет полный распад общества. Все что нужно делать американскому читателю по ходу чтения этих очерков, это проводить параллели с развитием этатизма в США и на каждой странице отмечать силу и точность Спенсера прогноза, подтвержденного непрерывной последовательностью событий, произошедших со времени написания его эссе. Читатель наглядно увидит, куда эта дорожка завела Англию: социальная власть оказалась полностью изъята и превращена во власть государства настолько, что ныне ее не хватает для оплаты счетов государства, а гражданин находится в положении абсолютного и униженного раба государства. Читатель также поймет, о чем он уже, несомненно, подозревает: в ситуации, сложившейся в Англии, по-видимому, уже поздно что-либо предпринимать. Ничего не даст даже успешная революция (если таковая вообще возможна) против военной тирании, которая собственно и является крайним изводом этатизма. После революции народ будет столь же глубоко пропитан этатистскими идеями, как и до нее, и, следовательно, революция будет не революцией, а *coup d'Etat*¹, от которого гражданин не выиграет ничего, кроме простой смелы угнетателей. За последние 25 лет мы были свидетелями множества революций, и именно такой вывод следует из их истории. Их итоги — всего лишь впечатляющее подтверждение той великой истины, что правильные действия возможны только тогда,

¹ Государственный переворот (франц.). — Прим. перев.

когда опираются на правильное учение. Пока умом гражданина правит легкая, притягательная, поверхностная философия этатизма, нельзя провести в жизнь никаких социальных перемен, ни революционными, ни какими-либо иными средствами.

Я оставляю читателя делать выводы о порядках, господствующих ныне в США, и поразмышлять о том, чем все это кончится, если позволить событиям развиваться естественным образом. Уверен, что эти очерки помогут ему, причем, вероятно, больше, чем любая другая книга.

Альберт Джей Нокк
Наррагансетт, Род-Айленд
25 октября 1939 г.

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

В номере «Westminster Review» за апрель 1860 г. была опубликована статья «Парламентская реформа: опасности и меры предосторожности»¹. В той статье я рискнул предсказать некоторые результаты предлагавшихся в то время политических изменений.

Вкратце ее тезис заключается в том, что несмотря на все принятые предосторожности, за расширением свободы по форме последует сокращение свободы по сути. С тех пор не произошло ничего, что заставило бы меня изменить высказанное мнение. С того времени законодательство эволюционировало в предсказанном направлении. Быстро множась диктаторские меры постоянно сужали свободы индивидов, делая это двояким путем. С каждым годом вводилось все больше правил, ограничивающих гражданина там, где его деятельность прежде не была стеснена, и принуждающих его к действиям, которые он прежде мог предпринимать или не предпринимать по собственному усмотрению, и одновременно более тяжкие общественные обременения, главным образом местные, еще более ограничивали его свободу, уменьшая долю его заработков, которую он может тратить по собственному желанию, и увеличивая долю, изымаемую у него, чтобы быть потраченной по желанию представителей власти.

Причины описанных выше последствий, действовавшие в то время и продолжающие действовать сегодня, судя по всему, лишь усиливаются; я обнаружил, что выводы, сделанные в отношении этих причин и следствий оказались верными, что подвигло меня сделать аналогичные выводы относительно будущего и как можно сильнее акцентировать их, чтобы хоть таким способом привлечь внимание к надвигающимся несчастьям.

Именно в этих целях написаны четыре нижеследующие статьи, первоначально опубликованные в «Contemporary Review» в феврале, апреле, мае, июне и июле текущего года. Чтобы ответить на критику и устранить некоторые возможные возражения, для настоящего издания написано послесловие.

Бейсуотер,
июль 1884 г.

¹ См.: *Спенсер Г. Политические сочинения. В 5 т. Т. IV: Политические опыты.* М., Челябинск: Социум, 2014. С. 308—334.

I | НОВЫЙ ТОРИЗМ

Большинство тех, которые считаются теперь либералами, — это тории нового типа. Вот парадокс, который я хочу оправдать. Чтобы доказать это, я должен сначала представить, чем были обе эти политические партии вначале, а затем я попрошу читателя извинить меня, если напомним ему уже знакомые факты, так как я иначе не могу хорошо объяснить, в чем состоит самая суть истинного торизма и истинного либерализма.

Если мы вернемся к эпохе, предшествовавшей возникновению этих названий, то мы увидим, что обе политические партии представляли собой два противоположных типа социальной организации: тип воинствующий и тип промышленный. Первый нашел себе выражение в государственном режиме, общем почти для всех стран в древние времена; второй — в режиме соглашения, контракта, распространившемся в наше время, главным образом, среди западных наций и в особенности в Англии и Америке. Если мы употребим слово «кооперация» не в тесном, а в более обширном смысле, в смысле соединенных усилий всех граждан при какой бы то ни было системе управления, то режимы эти можно будет определить так: один — это система насильственной кооперации, а другой — система кооперации добровольной. Типичный строй первой системы мы видим в регулярной армии, все единицы которой в разных чинах должны выполнять приказания под страхом смертной казни и получают пищу, одежду и плату по произвольному распределению; типичный строй второй системы представлен армией производителей и потребителей, которые входят между собой в соглашение и за определенную плату оказывают определенные услуги и которые, по желанию и по предварительному заявлению, могут вовсе выйти из организации, если она им не нравится. В течение социальной эволюции Англии различие этих двух, неизбежно противоположных форм кооперации выступало постепенно; но гораздо раньше того, как названия «тории» и «виги» вошли в употребление, можно было уже констатировать наличность этих двух партий и заметить до известной степени их отношение к милитаризму и к индустриализму.

Известно, что в Англии, как и в других странах принудительной регламентации, характеризующей кооперацию при правительственном (государственном) режиме, сопротивление оказывалось обыкновенно населением городов, состоявшем из ремесленников и купцов, привыкших к кооперативной работе при режиме соглашения, тогда как кооперация при государственном режиме, обязанная своим происхождением и устройством постоянным войнам, удержалась в сельских местностях, где жили прежде военачальники и их подчиненные, у которых сохранялись старые идеи и традиции. Более того: этот контраст в политических тенденциях, проявившийся раньше, чем ясно определилось различие между принципами вигов и ториев, продолжал выступать и впоследствии. В эпоху Революции*, «в то время как села и маленькие города находились в руках ториев, большие города, промышленные области и торговые порты служили крепостями для вигов». Доказывать, что, за немногими исключениями, положение это существует и поныне — излишне.

Таков был, сообразно с их происхождением, характер обеих партий. Посмотрим теперь, как этот характер проявлялся в их первых действиях. Вигизм начался сопротивлением Карлу II и его клеветам, старавшимся восстановить неограниченную монархическую власть. Виги «рассматривали монархию как гражданское учреждение, установленное нацией для блага всех ее членов», тогда как для ториев «монарх был посланником Неба». Одна из этих доктрин заключала в себе убеждение, что подчинение королю было условно, другая, что оно абсолютно. Говоря о виге и тории, какими их представляли себе в конце XVII в., т. е. лет за пятьдесят до выхода в свет «Рассуждения о партиях», Болинброк говорит: «Наследственное, священное, неотъемлемое право, преемственность его в прямом колене, пассивное повиновение, непротивление, рабство и иногда также папизм — вот понятия, которые во многих умах соединялись с представлением о тории и которые считались несовместимыми с представлением о виге».

Если мы сравним эти описания, то увидим, что в одной партии преобладало стремление противодействовать принудительной власти короля над подданными и уменьшить ее, а в другой — желание удержать или даже увеличить эту принудительную власть. Это различие в стремлениях, различие,

превосходящее по своей важности все политические различия, обнаруживается тотчас же в действиях обеих партий. Принципы вигов выразились в *habeas corpus* акте* и в мероприятии, ставившем судей в независимое от короны положение, в отвержении билля, требовавшего, чтобы законодатели и административные служащие связывали себя присягой ни в каком случае не сопротивляться королю оружием; эти же принципы впоследствии выразились в билле, имевшем целью оградить подданных от враждебных действий монархической власти. Все эти акты имели по существу одинаковое значение: они ослабляли принцип обязательной кооперации в общественной жизни и укрепляли принцип добровольной кооперации. Замечание Грина по поводу периода, в течение которого виги находились у власти, после смерти Анны, показывает, что Политика этой партии имела то же общее направление, как и в предшествующую эпоху: «Прежде чем протекло пятидесятилетие их власти, англичане уже забыли, что возможно было преследовать людей за религиозные убеждения, отменить свободу печати, вмешиваться в применение правосудия или управлять без парламента».

А теперь, оставив в стороне период войны в конце XVIII и начале XIX в.**, в течение которого личная свобода потеряла бóльшую долю завоеванной области, и когда ретроградное движение к социальному типу милитаризма проявилось в различного рода принудительных мерах, начиная с тех, которые насильственно овладевали людьми и собственностью граждан и пытались обуздать печать, — припомним общий характер всех изменений, произведенных вигами или либералами, когда восстановление мира дало возможность воскресить промышленный режим со свойственным ему строем***. Под возрастающим влиянием вигов законы, запрещавшие ассоциации рабочих, были отменены так же, как и законы, ограничивавшие свободу их перехода с места на место. Упомянем также и закон, по которому диссиденты могли веровать, во что хотели, не подвергаясь гражданским наказаниям, и закон, позволявший католикам исповедывать свою веру, не теряя известной доли своей свободы. Область свободы расширилась благодаря актам, запрещавшим покупать негров и держать их в рабстве. Монополия Ост-Индской компании была уничтожена, а торговля с Востоком объявлена свободной для всех. Благодаря *Биллю о реформе*

и Биллю о муниципальной реформе* число граждан, не имеющих представителей, было уменьшено, так что, как с общей, так и с местной точки зрения, масса менее страдала от принуждения со стороны немногих. Диссентеры, отколовшиеся от англиканской церкви, были избавлены от подчинения церковной форме брака, получив возможность жениться по чисто гражданскому церемониалу. Позднее явились уменьшение и отмена ограничений при покупке иностранных товаров и при пользовании иностранными судами и моряками, а еще — позднее отмена стеснительных для прессы постановлений, изданных прежде всего для того, чтобы помешать распространению мнений. Нет никакого сомнения, что все эти изменения, были ли они сделаны либералами или нет, совершены были сообразно с провозглашаемыми ими принципами.

Но зачем перечислять давно известные всем факты? Единственно затем, что, как мы уже сказали, необходимо напомнить читателю, чем был либерализм в былые времена, дабы он видел, насколько он разнится от так называемого либерализма нашего времени. Мы считали бы излишним перечислять одну за другой все эти различные мероприятия для того, чтобы показать их общий характер, если бы они в наше время уже не были забыты. Мы забыли, что так или иначе все эти истинно либеральные перемены уменьшили обязательную кооперацию в социальной жизни и увеличили добровольную. Мы забыли, что в том или другом смысле они уменьшили область правительственной власти и увеличили поле действия, где каждый гражданин может свободно действовать. Мы потеряли из виду ту истину, что либерализм обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства.

И теперь мы должны спросить себя: каким образом либералы потеряли из вида эту истину? Как могло случиться, что либеральная партия, приобретая все большую и большую долю власти, делалась все более и более принудительной в своих законодательных мерах? Как случилось, что, опираясь на свое собственное большинство, или же косвенно, путем содействия, оказываемого ею в некоторых случаях большинству партии своих противников, либеральная партия в широких размерах присвоила себе право руководить действиями граждан и, следовательно, уменьшать область, в которой эти действия

были свободны? Каким образом объяснить это смещение понятия, которое заставило партию в стремлении к тому, что кажется общественным благом, отбросить метод, который в былые времена помогал ей служить этому общественному благу?

Хотя на первый взгляд и кажется, будто невозможно объяснить себе эту бессознательную политическую перемену, мы найдем, однако, что это произошло вполне естественно. Принимая во внимание мысль, которая обыкновенно преобладает в политических вопросах, и настоящие условия, нельзя было и ожидать ничего другого. Чтобы доказать справедливость этого мнения, необходимо войти в некоторые предварительные объяснения.

Начиная с низших животных, до самых высших, умственные способности прогрессируют путем дифференциации, и таким же образом прогрессируют они и у человека, начиная от круглых невежд до ученых. Точно классифицировать, поместить в одну группу существенно однородные вещи, а в другие группы вещи существенно различные — вот основное условие для правильного управления действиями. Начиная с общего зрительного впечатления, предупреждающего нас о прохождении вблизи большого темного тела (точно так же, как мы с закрытыми глазами, обратясь к окну, видим тень руки перед нами и, следовательно, узнаем, что какое-то тело движется между окном и нами), мы мало-помалу достигаем такого развития зрения, которое, путем тонкой оценки соединения форм, цветов и движений дает возможность узнавать в появляющихся вдали предметах добычу или опасность и приспособлять наш образ действий к тому, чтобы завоевать себе пищу или избежать смерти. Это прогрессивное понимание различий и получающиеся вследствие того более точные распределения по отделам и составляют развитие ума в главных его проявлениях и наблюдаются также и тогда, когда от восприятия простым физическим зрением мы переходим к сравнительно более сложному восприятию умственным зрением, позволяющему нам группировать более верным и более соответствующим их строению и их природе образом предметы, которые мы раньше группировали по некоторым внешним чертам сходства и по чисто внешним условиям. Незрелое умственное зрение различает так же плохо и ошибается в своей группировке так же, как и «незрелое» физическое

зрение. Приведем в пример прежнюю классификацию растений на деревья, кустарники и травы, где самая выдающаяся их черта — величина — составляет основу различия, и группы формируются таким образом, что соединяют в себе много растений совершенно разнородных и разъединяют другие, принадлежащие к одному семейству. Или возьмем еще лучший пример: а именно народную классификацию, соединяющую под одним общим названием рыб и раковины (fish и shell fish) и причисляющую к раковинам черепакожих и моллюсков; она идет даже еще дальше, причисляя к рыбам китообразных животных. Таким образом, вследствие ли сходства в образе жизни, как обитателей вод, вследствие ли чего-либо общего во вкусе их мяса, народ соединил в один отдел и один подотдел существа менее сходные по своей природе, чем рыба и птица.

Подтверждаемая этими примерами общая истина проявляется также и в высших сферах умственного зрения относительно предметов, недоступных чувствам, каковы политические учреждения и мероприятия; ибо и в этих вопросах продукты несовершенной умственной способности или несовершенного умственного развития, или того и другого вместе, представляют собой ошибочную группировку, ведущую к ошибочным выводам. И даже в этой области шансы заблуждения гораздо более многочисленны, так как предметы, принадлежащие к интеллектуальной области, не могут быть рассматриваемы так же легко. Вы не можете ни осязать, ни видеть политическое учреждение; вы можете познать его только усилием своего творческого воображения. Точно также вы не можете уловить физическим чувством политическую меру: это также требует умственной работы, соединяющей составные части в одну идею и приводящей нас к пониманию сущности этого соединения. Значит, здесь еще более, чем в вышеупомянутых случаях, несовершенство умственного зрения проявляется в группировке явлений по внешним чертам и внешним условиям. Доказательство того, что эта причина производит ошибки в классификации учреждений, мы видим в общераспространенном мнении, что римская республика была демократической формой правления. Рассмотрите поближе идеи прежних французских революционеров и вы увидите, что они брали себе в пример политические акты и формы римлян, и можно было бы даже назвать имя

того историка, который ставит в пример испорченность римских нравов, чтобы показать, к чему приводит демократическое правление. А между тем, между римскими и истинно свободными учреждениями существует не менее разницы, чем между акулой и морской свиньей, так как эти учреждения, несмотря на одинаковую внешнюю форму, представляют совершенно различный внутренний строй. Общество, в котором относительно небольшое число людей, имевших в своих руках политическую власть и пользовавшихся известной свободой, были все сплошь маленькими деспотами, которые держали не только своих рабов и подчиненных, но даже своих детей в таком же полном рабстве, как и свой скот, такое общество может считаться скорее подвластным обыкновенному деспотизму, чем собранию граждан, обладающих равными политическими правами.

Если мы перейдем теперь к нашему специальному вопросу, то мы в состоянии будем заметить то смешение понятий, в котором запутался либерализм, и выяснить источник тех ошибочных группировок политических мер, приведших к его ошибкам, — группировок, сделанных, как мы увидим ниже, сообразно с выступающими внешними признаками, а не внутренними свойствами явлений. Какова была в глазах народа и в глазах либералов, произведших реформы в былые времена, цель этих реформ? Эти реформы должны были устранить причины неудовольствия народа или лишь части народа: таков был общий их характер, запечатлевшийся в уме людей. Они должны были смягчить зло, от которого прямо или косвенно страдали целые классы населения, уменьшить причины нищеты и разрушить преграды к счастью. И так как в уме большинства людей устраненное зло равняется совершенному благу, на эти меры стали смотреть, как на положительные благодеяния, а либеральные государственные люди и либеральные избиратели стали считать благосостояние масс целью либерализма. Отсюда и произошло смешение понятий. Так как внешней выдающейся чертой всех либеральных мер древнего времени было приобретение какого-либо блага для народа (а благо это состояло главным образом в уменьшении стеснения), то и случилось так, что либералы увидели в народном благе не цель, которой следовало достигать косвенным образом, путем уменьшения стеснения, но цель, которой следует достигать непосредственно.

А стараясь достигнуть ее непосредственно, они стали пользоваться методами, по существу своему противоположными тем, которые употреблялись прежде.

Теперь, когда мы увидели, каким образом произошло это изменение в политике (исключение частичное, так как недавние законы о погребениях и усилия, сделанные для уничтожения всех еще существующих религиозных неравенств, показывают, что прежняя политика еще продолжается в некоторых направлениях), рассмотрим, до чего дошло это изменение в последнее время и до чего оно дойдет еще в будущем при продолжающемся преобладании современных идей и чувств.

Прежде, чем идти дальше, не лишним будет, может быть, заявить, что мы не имеем намерения порицать мотивы, вызвавшие постепенно известные ограничения или известные меры. Мотивы эти без сомнения в большинстве случаев были похвальны. Мы должны допустить, что ограничения, внесенные законом 1870 г. в обычай пользоваться трудом женщин и детей на фабриках, где красят материи в красный, так называемый адрианопольский цвет, были, по мысли законодателя, столь же гуманны, как и постановления Эдуарда IV, устанавливавшие минимум времени, на которое рабочий мог быть нанимаем. Без сомнения, парламентский акт относительно доставки семян (Ирландия), дозволяющий общинным администраторам покупать семена для бедных арендаторов и наблюдать за тем, чтобы эти семена сеялись надлежащим образом, был внушен не менее сильным желанием народного блага, чем акт 1533 г., предписывающий число баранов, которое мог заводить арендатор, или акт 1597 г., приказывающий возобновлять обветшавшие постройки ферм. Никто не будет отрицать, что различные меры, принятые за последние годы для ограничения продажи опьяняющих напитков, как и меры, принимавшиеся в прежние времена для уменьшения зла, причиняемого роскошью, как, например, в XIV в., когда введены были ограничения расходов за стол и одежду — что все эти меры имели в виду общественную нравственность. Каждому должно быть понятно, что эдикты, изданные Генрихом VIII для того, чтобы удержать низшие классы от игры в кости, в карты, в кегли и т.д., были внушены таким же желанием способствовать общественному благосостоянию, как и современные законы о денежных играх.

Кроме того, я вовсе не имею намерения оспаривать целесообразность этих современных постановлений, в введении которых состязаются консерваторы и либералы, и точно так же не оспариваю целесообразности тех прежних постановлений, на которые современные походят во многих отношениях. Мы не будем рассматривать, насколько принятые недавно проекты для охранения жизни матросов более остроумны или менее удачны, нежели то радикальное шотландское постановление середины XV в., которое запрещало капитанам кораблей выходить в море во время зимы. В данную минуту мы не будем обсуждать вопроса, существуют ли более веские причины, которые дают инспекторам право посещать известные дома, чтобы видеть, не имеется ли там вредных пищевых продуктов, чем причины, вызвавшие закон Эдуарда III, предписывавший трактирщикам в портовых городах давать присягу в том, что они будут обыскивать своих посетителей с целью помешать вывозу чеканной монеты за границу. Мы допускаем, что в параграфе, относящемся к судоходству по каналам и запрещающем владельцу судна давать даровое содержание детям матросов, более смысла, чем в актах, относившихся к так называемым Spitafields, запрещавших фабрикантам до 1824 г. в интересах ремесленников устраивать свои мануфактурные заведения далее, чем на десять миль от королевской Биржи.

Мы не будем возбуждать вопроса о том, руководствовались ли законодатели мотивами человеколюбия или разума, мы допускаем, что они действовали под влиянием тех или других. Нас занимает лишь обязательная природа этих законов, которые, будучи хорошими или дурными, смотря по обстоятельствам, вступили в силу за то время, когда либералы были у власти.

Чтобы не ходить далеко за примерами, вернемся только в 1860 г., ко второму министерству лорда Пальмерстона. В этом году ограничения, содержащиеся в законе о фабрикантах, распространились на прачечные и красильные заведения; дано было право заставлять делать анализ пищи и напитков, причем за эти анализы должны были платить общины; учреждена была должность инспекторов газовых заводов и установлены качество и максимальная цена газа; закон, усиливающий постановление об инспекции рудников, устанавливает наказание для тех, которые заставляют работать в рудниках мальчиков

моложе 12 лет, не посещающих школу и не умеющих читать и писать. В 1861 г. обязательные постановления, внесенные в закон о мануфактурах, были распространены и на кружевные фабрики; администрация благотворительных учреждений и т.д. получила право принуждать к прививке оспы. Местным советом дано было право назначать таксу для найма лошадей, мулов, ослов и лодок, и некоторым местным комитетам дана была власть взимать известный налог за осушение и орошение полей и за доставку воды для скота. В 1862 г. издан был закон, ограничивающий употребление для работы в прачечных под открытым небом женщин и детей; другой закон запрещал каменноугольные копи с одной шахтой или с шахтами, отделенными друг от друга меньшим промежутком, чем было назначено. Наконец, третий закон давал медицинскому ведомству исключительное право издавать фармакопею, цена которой должна быть установлена финансовым управлением. В 1863 г. прививка оспы сделалась обязательной в Шотландии и Ирландии. Некоторым советам дано было право делать займы, покрываемые местными налогами. Городским властям дано было право отбирать покинутые участки в свою пользу с целью украшения города и облагать население сбором за их содержание. Затем издан был закон относительно булочных; в нем определялся наименьший возраст для служащих в известные часы; предписывалось периодическое оштукатуривание стен, три слоя краски и мытье горячей водой с мылом по крайней мере через шесть месяцев. Наконец, другой закон давал право судье определять годность или негодность пищевого продукта, представленного ему инспектором. Между принудительными мерами, установленными с 1864 г., следует назвать расширение закона относительно мануфактур с разными станками, некоторые правила, касающиеся чистки и вентиляции, и предписание некоторым служащим на спичечных фабриках принимать пищу исключительно в мастерских, где пилят лес. Был издан также закон о чистке труб, закон о продаже пива в Ирландии, закон об обязательном испытании канатов и якорей, закон, дающий более широкое применение закону 1863 г. касательно общественных работ, закон о заразных болезнях. Этот последний закон давал полиции в известных местностях права, уничтожающие для известного класса женщин различные установленные в прежние времена гарантии личной

свободы. В 1865 г. приняты были новые меры для доставления временно приюта и облегчения за счет местных жителей некоторого рода путешественникам. Затем издан был закон о закрытии кабаков и другой закон, устанавливающий правила тушения пожаров в Лондоне. Во время управления сэра Джона Рассела, в 1866 г. следует отметить закон относительно хлебов на фермах и т.п. в Шотландии, предоставляющий местным властям право наблюдать за санитарными условиями и определять число голов скота; закон, принуждающий хмелеводов обозначать на тюках хмеля год сбора, место происхождения, вес, и дающий полиции право проверять заявления; закон, облегчающий устройство меблированных домов, надзор за ними, ограничение числа жильцов, и содержащий правила относительно штукатурки, окраски и т.п., и, наконец, закон о публичных библиотеках, дающий местным властям права, по которым большинство может принудить меньшинство к покупке его книг.

Если мы перейдем теперь к законодательству в эпоху управления Гладстона, то мы увидим в 1869 г. учреждение государственных телеграфных контор и запрещение посылать депеши иным путем; министру предоставлено право устанавливать правила для способов для препятствования распространению эпизоотий, закон о розничной продаже пива и закон о сохранении морских птиц (следствием которого будет большая смертность рыбы). В 1870 г. издан был закон, предоставляющий совету общественных работ право выдавать ссуды землевладельцам для улучшения их имений и арендаторам на покупку этих имений; затем мы имеем закон, предоставляющий ведомству воспитания и обучения право составлять школьные комитеты, которые могут покупать места для школ и могут основывать школы, содержимые за счет местных налогов, право позволять школьным комитетам вносить школьную плату за ученика, принуждать родителей посылать детей в школу и т.д.; мы имеем еще закон относительно мануфактур и мастерских, создающий новые ограничения, между прочим запрещение принимать женщин и детей в мастерские фруктовых консервов и соления рыбы. В 1871 г. является закон касательно морской торговли, приписывающий служащим торгового совета записывать водоизмещение каждого судна, выходящего из порта; затем есть еще другой закон о мануфактурах и мастерских,

создающий новые ограничения, есть закон о разносной торговле, налагающий наказания за разносную торговлю без разрешения и ограничивающий район, в области которого разрешение действительно; есть еще новые меры касательно обязательной прививки оспы. Среди законов 1872 г. назовем тот, который запрещает брать на воспитание более одного грудного младенца, за исключением домов, записанных властями, определяющими число детей, которое дозволяется принимать. Назовем еще закон о винных лавках, запрещающий продавать спиртные напитки лицам моложе 16-летнего возраста, и другой закон о морской торговле, устанавливающий ежегодную ревизию пассажирских пароходов. Затем в 1873 г. был издан закон о пользовании детским трудом в земледелии; по этому закону фермеру запрещалось употреблять для работы ребенка, не имеющего свидетельства об окончании элементарной школы; издан был также закон о морской торговле, требующий, чтобы каждое судно имело шкалу, обозначающую вымещаемое количество воды и дающую торговому совету право назначать число лодок и спасательных средств, которые ему следует брать с собой.

Посмотрим теперь либеральные законы, изданные при нынешнем правительстве. В 1880 г. издан был закон, запрещающий давать матросам жалование вперед на известных условиях; другой закон предписывал известные меры для перевозки хлебных грузов; третий дозволял принуждать посылать детей в школу. В 1881 г. является запрещение продавать в воскресенье стакан пива в Уэльсе. В 1882 г. торговому совету предоставлено право давать разрешения на производство электричества и его распространение; муниципалитетам разрешено было взимать налог за электрическое освещение; разрешены были новые приборы для облегчения устройства бань и прачечных; местные власти получили разрешение издавать добавочные законы о труде лиц, нанятых для сбора плодов и овощей. Между законами 1883 г., принадлежащими к этой категории, следует назвать закон об удешевленных поездах, которыми, отнимая у населения 400 000 ф. ст. годового дохода (в форме упразднения налога на путешественников) или же за счет владельцев железнодорожных линий, дается возможность рабочим передвигаться более дешевым образом, так как торговый совет имеет право через посредство железнодорожных комиссаров устраивать для рабочих

довольно частые поезда с достаточно удобными вагонами. С другой стороны, существует также закон, запрещающий, под страхом пени в десять фунтов стерлингов, расплачиваться с рабочими в кабаках; существует новый закон о фабриках и мастерских, предписывающий надзор за фабриками белил (чтобы следить за тем, имеются ли в них респираторы, бани, прохладительные кислые напитки и т.д.) и за булочными, регулирующий число рабочих часов в тех и других и заключающий в себе подробные правила относительно некоторых построек, за исправным содержанием которых должны смотреть инспекторы.

Но идея наша будет не вполне ясна, если мы будем рассматривать только те принудительные законы, которые были изданы за последние годы. Мы должны также рассматривать и те, которых требуют и которые грозят быть гораздо более радикальными и стеснительными. Один из якобы наиболее либеральных министров объявил недавно, что проекты последнего правительства для улучшения жилищ рабочих недостаточно энергичны, и утверждал, что следует произвести давление на владельцев маленьких домов, земельных участков и на плательщиков податей. Другой министр, обращаясь к своим избирателям, с презрением говорит об усилиях филантропических обществ и религиозных корпораций помочь бедным и добавляет, что «весь народ этой страны должен бы считать такое дело своим собственным», иначе сказать, он требует какой-нибудь грандиозной меры со стороны правительства. С другой стороны, один радикальный член парламента стремится, с каждым годом увеличивающимися шансами успеха, к тому, чтобы принудить население к умеренности, давая местному большинству право ограничивать свободу обмена некоторых товаров. Регулирование часов труда для некоторых классов, распространяясь мало-помалу благодаря постепенному расширению законов о мануфактурах, по всей вероятности распространится со временем еще более, и уже поднят вопрос о мере, подчиняющей всех служащих в магазинах таким же правилам. Все чаще и чаще раздаются требования о бесплатном обучении для всех, и на школьную плату начинают смотреть как на несправедливость; государство должно нести этот расход. Кроме того, многие предлагают, чтобы правительство, рассматриваемое как в высшей степени компетентный судья в деле воспитания бедных,

предписывало хорошие методы воспитания и для средних классов, чтобы оно налагало на детей последних свою государственную печать, прекрасное качество которой кажется защитникам такой идеи столь же неоспоримым, каким она казалась китайцам, когда они установили свой метод воспитания. С некоторых пор стали энергично требовать «фондов для взысканий». Каждый год правительство с этой целью выдает 4000 ф. ст., которые распределяет по своему усмотрению Королевское Общество. При этом за отсутствием протестов против давления со стороны заинтересованных лиц, пользующихся поддержкой тех, кто от них зависит, названное общество мало-помалу может установить оплачиваемый «священнический сан науки», которого давно уже требовал сэр Давид Брюстер. Предлагают снова, представляя на то основательные доводы, организовать систему обязательного страхования, по которой люди были бы обязаны с юности делать сбережения на то время, когда они не в состоянии будут работать.

Исчисление всех принудительных мер, которые рано или поздно могут быть применены, еще не окончено. Мы упомянули лишь вскользь об увеличении общих и местных налогов. Частью для того, чтобы оплачивать расходы, налагаемые выполнением этих все более и более умножающихся принудительных мер, из которых каждая требует целого штата служащих, частью для покрытия расходов, вызываемых новыми общественными учреждениями, как, например, школы с пансионом, публичные библиотеки, музеи, бани и прачечные, места для отдыха и т.д., местные поборы увеличиваются с каждым годом, а общие налоги возрастают благодаря субсидиям на воспитание, на ведомство наук и искусств и т.д. Каждый из этих налогов представляет собой новое стеснение и все более ограничивает свободу гражданина. Каждое новое требование заключает в себе следующие, обращенные к плательщикам слова: «До сих пор вы могли тратить эту часть своего заработка по своему усмотрению; теперь же вы не будете иметь возможности делать этого, но мы будем тратить ее для общего благополучия». Таким образом, прямо или косвенно, а в большинстве случаев прямо и косвенно, гражданин на каждом шагу развития этого принудительного законодательства лишается какой-либо из свобод, которыми он пользовался прежде.

Таковы плоды деятельности той партии, которая именует себя либеральной на том основании, что считает себя защитницей все более расширяющейся свободы.

Я убежден, что многие члены этой партии прочитали предыдущие страницы с некоторым раздражением: они, конечно, хотели поставить мне на вид большое упущение, которое, по их мнению, разрушает значение моей аргументации. «Вы забываете, — скажут они мне, — основную разницу между властью, которая в былые времена установила ограничения, отмененные либерализмом, и властью, в настоящее время устанавливающей ограничения, которые вы называете антилиберальными. Вы забываете, что первая была власть неотвечественная, тогда как вторая есть власть ответственная. Вы забываете, что, если новое законодательство ввело различные правила, институт, создавший их, учрежден самим народом и от него получил полномочие делать то, что он делает».

На такое возражение отвечу, что не забыл этой разницы, но готов доказать, что она имеет весьма мало значения в данном вопросе.

Прежде всего главный вопрос состоит в следующем: происходит ли большее вмешательство в жизнь граждан, чем прежде, а не в том, к какой категории принадлежит тот агент, который производит это вмешательство. Возьмем более простой случай: член рабочей ассоциации присоединился к другим лицам, чтобы учредить организацию чисто представительного характера. Согласно уставу этой организации, он обязан участвовать в забастовке, если того требует большинство; ему запрещается принимать работу под иными условиями, чем те, которые признаются этим большинством; ему мешают извлекать из своего умения и из своей более высокой энергии все выгоды, которые он мог бы извлечь из них, если бы был совершенно свободен. Он не может ослушаться, не утрачивая тех материальных выгод, которые заставили его вступить в ассоциацию, и не навлекая на себя преследование и, может быть, насилие своих товарищей. Разве же он менее чувствует стеснение, потому что его голос, вместе с другими голосами способствовал учреждению стесняющего его общества?

Затем, если мне возразят, что аналогия не верна, потому что институт, управляющий нацией, защищающей жизнь

и интересы нации, институт, которому все должны подчиняться под страхом общественной дезорганизации, имеет гораздо более распространенную на граждан власть, нежели управление частной организации может иметь на своих членов, я отвечаю, что и допуская разницу, данный мною ответ имеет не меньшее значение. Если люди пользуются своей свободой таким образом, что отказываются от свободы, то разве это им помещает сделаться рабами впоследствии? Если народ путем плебисцита выбирает человека, чтобы он царствовал неограниченно, то разве он останется свободным, потому что сам создал этот деспотизм? Разве принудительные указы, изданные этим деспотом, должны считаться законными, потому что они представляют собой продукт народного голосования? Если бы это было так, то можно было бы утверждать, что африканский житель, который ломает свое копьё в присутствии другого и тем становится его рабом, все-таки сохраняет свою независимость, потому что свободно выбрал своего господина.

Наконец, если некоторые либералы не без раздражения, пожалуй, отвергнут это рассуждение и скажут, что не может быть полной аналогии между отношениями народа к правительству там, где избран был единый неответственный властитель, чтобы царствовать навсегда, и теми же отношениями там, где существует ответственный институт, подчиненный время от времени переизбранию, — тогда я дам на это мой последний ответ, который удивит многих. Я скажу, что многочисленные ограничительные акты не могут быть оправданы тем, что они исходят от избранного народом института, так как власть подобного института, так же как и власть монарха, не может считаться неограниченной. Как истинный либерализм в былые времена боролся против монарха, который хотел пользоваться неограниченной властью, точно так же и в наше время истинный либерализм будет бороться против парламента, который захочет захватить в свои руки подобную же власть.

Во всяком случае, как в последнее время, так и раньше, истинный либерализм всегда выражал в своих действиях стремление к теории ограниченной парламентской власти. Все эти отмены ограничений, относящихся к верованиям и религиозным обрядам, к обменам и передвижениям, к рабочим ассоциациям и к свободе передвижения рабочих, были молчаливыми

выражениями желания ограничения. Точно так же забвение, которому преданы были древние законы против роскоши, законы, запрещавшие те или другие увеселения, законы, предписывавшие этот или иной способ культуры, и другие законы того же рода показывают, что государство не должно было вмешиваться в эти вопросы. Точно так же и меры, принятые либеральной партией последнего поколения для устранения препятствий, встречаемых личной деятельностью в различных ее проявлениях, были выражением той идеи, что в этом направлении и сфера правительственной деятельности должна быть уменьшена. Признавая попытку ограничения правительственной деятельности, приготавливались ограничить ее в теории. Одна из самых ходячих политических истин есть та, что в ходе социальной эволюции обычай предшествует закону и что раз обычай утвердился, он становится законом, получая официальную санкцию и определенную форму. Итак, очевидно, что либерализм, устанавливая ограничение в прошедшие времена, подготавливал путь к принципу ограничения.

Если от этих общих рассуждений я обращусь к специально занимающему нас вопросу, то я снова повторю мой ответ, а именно: что свобода, которой пользуется гражданин, должна измеряться не сущностью правительственного механизма, при котором он живет — будет ли это правительство представительным или нет, но меньшим сравнительно числом наложенных на него ограничений, и что действия этого механизма, созданного при участии или без участия граждан, не имеют либерального характера, если увеличивают стеснения за пределы необходимого числа, чтобы препятствовать всякому прямому или косвенному нанесению вреда, то есть необходимого числа для защиты свободы всякого против посягательства других: эти стеснения можно следовательно назвать отрицательно принудительными, а не положительно принудительными.

По всей вероятности либерал, а еще более его разновидность — радикал, который более чем кто-либо другой в последнее время воображает, по-видимому, что если цель, к которой он стремится, хороша, то он имеет право проявлять над людьми все насилие, на какое он способен, будут протестовать. Зная, что цель его есть общественное благо, которое должно быть достигнуто тем или другим путем, и думая, что торием,

напротив, руководит интерес касты и желание сохранить власть касты, радикал будет утверждать, что в высшей степени нелепо помещать его в одну и ту же категорию, и отвергнет аргументацию, доказывающую, что он действительно принадлежит к ней.

Может быть, при помощи аналогии он лучше поймет ее справедливость. Если бы где-нибудь на Востоке, где личное правительство есть единственная форма управления, он услышал из уст одного из жителей рассказ о борьбе, благодаря которой они низложили порочного жестокого деспота и поставили на его место другого, деяния которого выказывают его заботу об их благосостоянии, и если бы после того, как они выразили бы радость по поводу этой перемены, он сказал бы им, что они не изменили сущности своего правительства, он весьма удивил бы их этим, и, вероятно, ему трудно было бы объяснить им, что замена злого деспота добрым не мешает их правительству быть деспотическим. Точно то же можно сказать и о правильно понятом торизме. Когда торизм есть синоним принуждения со стороны государства по отношению к свободе личности, торизм остается торизмом, независимо от того, распространяет ли он это стеснение из корыстных или из бескорыстных мотивов. Как несомненно то, что деспот остается деспотом независимо от того, будут ли мотивы проявления его произвола хороши или дурны, точно так же несомненно и то, что торий остается торием, преследует ли он корыстные или бескорыстные цели, заставляя правительство ограничивать свободу гражданина сверх степени, необходимой для охранения свободы других граждан. Корыстный торий так же, как и бескорыстный, принадлежит к виду ториев, хотя и представляет собой новую разновидность этого рода. И оба они представляют собой резкий контраст либералу, каким он был в те времена, когда либералы действительно заслуживали этого названия. Определение либерала было таково: «Человек, требующий наибольшей отмены стеснительных мер, в особенности в политических учреждениях».

Таким образом, оправдывается выраженный мною в начале этой главы парадокс. Как мы уже видели, торизм и либерализм произошли вначале один от милитаризма, другой от индустриализма. Один защищал режим государства, другой — режим соглашения; один — систему вынужденной кооперации,

сопровождающей законное неравенство классов; другой — добровольную кооперацию, сопровождающую их законное равенство; и нет никакого сомнения в том, что первые акты обеих партий имели целью, с одной стороны, поддержать те постановления, которые производят эту насильственную кооперацию, а с другой стороны — ослабить то, что нынешний либерализм, поскольку он распространил систему принуждения, есть лишь новая форма торизма.

Истина этого мнения еще более очевидным образом будет доказана на следующих страницах.

Примечание. Многие газеты, заметившие эту статью сразу после ее первого выхода в свет, решили, что вышеприведенные абзацы означают, что либералы и тори поменялись местами. Однако из статьи этого не следует. Появление новых видов тори вовсе не требует исчезновения старых. Написав на с. 11, что «консерваторы и либералы состязаются в ведении» мер государственного вмешательства, я явным образом дал понять не только то, что либералы проталкивают принуждающие законы, но и то, что консерваторы вовсе не отказались от этого. Тем не менее верно, что законы, принятые либералами, привели к такому ужесточению принудительных мер и ограничений, применяемых к гражданам, что среди консерваторов, которые страдают от их агрессивности, усиливается тенденция к сопротивлению. Доказательством может служить тот факт, что Лига защиты свободы и собственности*, в большинстве своем состоящая из консерваторов, выбрала своим девизом фразу «Индивидуализм против социализма». Поэтому если положение вещей не изменится, вскоре может на самом деле случиться так, что тори будут защитниками свобод, которые либералы попрали в погонах за тем, что они считают народным благодеянием.

II | ГРЯДУЩЕЕ РАБСТВО

Чувство участия, сожаления к страждущим имеет родство с любовью. Родство это проявляется, между прочим, и в том, что мы одинаково склонны идеализировать как человека, которого любим, так и человека, который возбуждает в нас сожаление. Чувство симпатии к ближнему, возникающее при виде его страданий, невольно подавляет в нас на время даже воспоминание об известных нам проступках и пороках лица страдающего; это чувство, вызывающее у нас представление о «бедняке», исключает всякую мысль о «негодяе», которая в другое время, может быть, и возникла бы. Поэтому вполне естественно, что, если несчастный нам мало или совсем неизвестен, мы совершенно не обращаем внимания на те недостатки, которые он может иметь. Поэтому же, как в настоящее время часто и случается, рассказы о крайних лишениях бедного люда вызывают в нас обыкновенно представление о невинных страдальцах, терпящих незаслуженно, и не допускают мысли о том, что несчастья и лишения составляют, может быть, удел людей порочных, как на самом деле это и бывает весьма и весьма нередко. В тех, чьи бедствия так рельефно выставляются в памфлетах и так красноречиво описываются в проповедях и речах, находящихся себе отголосок и в обществе — почти всегда видят людей вполне достойных, но жестоко обиженных судьбой, и ни в одном из них не предполагают человека, несущего только заслуженную кару за свои проступки и пороки.

Если вы позовете экз на одной из лондонских улиц, то, может быть, немало изумитесь, видя, как дверцы его непременно будут услужливо отворены кем-то, неизвестно откуда явившимся и желающим получить от вас подачку в вознаграждение за свои хлопоты. Изумление ваше, однако, должно будет значительно уменьшиться, лишь только вы попытаете сосчитать всех праздношатающих у дверей таверн или обратите внимание на то, как быстро всякие уличные процессии и зрелища собирают вокруг себя толпы зевак, появляющихся из соседних глухих переулков и с задних дворов. Видя, как много этого люда собирается по временам на небольшом пространстве,

даже на самой маленькой улице, становится ясным, что во всем Лондоне подобных лиц кишат тысячи и даже десятки тысяч. Вы скажете, может быть, что у них нет работы. Скажите лучше, что они от нее или совсем отказываются, или спешат как можно скорее отделаться. В большинстве случаев все эти праздношатающиеся — просто-напросто бездельники, живущие тем или другим способом на счет порядочных людей: бродяги, глупцы, настоящие или будущие преступники, юноши, лежащие тяжелым бременем на своих истомленных трудом родителей, мужья, отнимающие у жен их заработок, молодцы, живущие на содержании у проституток; а рядом со всеми этими личностями стоит менее многочисленный и не так резко бросающийся в глаза, но вполне соответствующий им, класс женщин.

Разве естественно — чтобы уделом подобных людей было счастье? Не гораздо ли естественнее, чтоб они составляли несчастье как свое собственное, так и всех, с ними связанных? Не очевидно ли, что среди нас имеется большое число несчастий, которые являются прямым результатом дурного поведения и не должны быть отделяемы от него? Существует мнение, которое всегда было более или менее распространено, но которое в настоящее время выражается с особенной энергией, — что всякое общественное зло может быть удалено и что удаление его составляет чью-то непременною обязанность. Но и то, и другое предположение совсем неверны. Стараться отделить страдание от дурного поведения — значит идти против самого существа вещей и подготавливать этим еще худшие беды. Спасая людей от естественной кары за порочную жизнь, мы тем самым вызываем необходимость подвергать их искусственным наказаниям в виде одиночного заключения, каторги, телесного наказания и т.п. Я полагаю, что следующее изречение, с которым и религия, и знание вполне согласны между собою, является в высшей степени авторитетным; оно гласит: «кто не хочет работать, тот не должен есть». Это ни более, ни менее как христианское выражение того мирового закона природы, при действии которого только жизнь и могла подняться на ее настоящую высоту, — закона, на основании которого тот, кто не обладает достаточной энергией, чтобы найти себе средства к жизни, обречен на смерть; вся разница только в том, что в одном случае закон предписывается искусственно, в другом — он является

естественной необходимостью. Тем не менее, однако, этот особенный догмат своей религии, который находит себе такое очевидное подтверждение и в науке, христиане, кажется, менее чем кто-либо склонны признавать. Ходячее мнение таково, что будто бы среди нас совсем не должно быть страдания и бедности и что если они существуют, то в этом виновато общество.

Но разве мы можем считать себя безответственными даже в тех случаях, когда страдают люди порочные?

Если слово *мы*, кроме нас самих, распространить еще на наших предков и в особенности на предшествовавших нам законодателей, то ответственности этой отрицать нельзя. Я признаю, что все лица, которые первоначально создали или впоследствии подвергали изменениям, или, наконец, приводили в исполнение старый закон о бедных* (Poor-Law), вполне ответственны за порожденную им массу ужасающей безнравственности, для искоренения которой понадобится, конечно, не одно поколение, а гораздо более. Я допускаю также, по крайней мере отчасти, и ответственность недавних и современных законодателей за введение таких постановлений, благодаря которым у нас образовался целый класс бродяг, кочующих из одного рабочего союза в другой. Я признаю этих законодателей ответственными и за то, что среди нас состав преступников постоянно пополняется вследствие того, что после отбытия наказания они возвращаются в общество при таких условиях, которые почти побуждают их к совершению новых преступлений. Кроме того, я признаю, что не лишены своей доли ответственности и филантропы, которые, оказывая помощь детям людей порочных, тем самым наносят ущерб детям честных родителей, увеличивая лежащую на последних тяжесть местных налогов. Наконец, я допускаю даже, что толпы этих ни на что не годных людей, которые кормятся и размножаются на частные и общественные средства, терпят, благодаря оказываемым им разным вредным средствам помощи, гораздо больше, чем терпели бы, если бы этой помощи совсем не было. Но разве такого рода ответственность обыкновенно подразумевают? Я думаю, что нет.

Но, оставив в стороне вопрос о какой бы то ни было ответственности и обращаясь к рассмотрению самого зла, что скажем мы о способах его излечения? Начну с факта.

Мой покойный дядя, достопочтенный Томас Спенсер, в течение двадцати пяти лет состоял священником в Гинтон-Чартергаузе, близ Бата. Лишь только он вступил в исполнение своих пастырских обязанностей, как весь отдался заботам о благосостоянии бедных своего прихода, завел для них школу, читальню, организовал снабжение их одеждой, наделение земельными участками и выстроил для них несколько образцовых коттеджей. До 1833 г. он был явным покровителем всех нищих, которые жили на счет прихода, и почти всегда принимал их сторону в делах с приходским попечителем. Но в этом году был предпринят пересмотр старого закона о бедных (Poor-Law), и парламентские прения по этому поводу произвели сильное впечатление на моего дядю, показав ему весь вред господствовавшей тогда системы. Горячий филантроп, он, однако, не был робким сентименталистом, поэтому лишь только новый закон вошел в силу, дядя приступил к немедленному и полному применению его в своем приходе. Но тут он встретил почти всеобщую оппозицию: не только неимущие выступили против него, но даже и фермеры, на которых до тех пор лежала главная тяжесть весьма значительного налога на содержание бедных. Странно сказать, интересы фермеров, по-видимому, считались ими тождественными с поддержанием системы, которая налагала на них такую большую тяжесть. Это объясняется укоренившимся обычаем, в силу которого рабочие на фермах получали часть платы за свой труд от общества, из суммы, для образования которой существовал особый налог; получали так называемую дополнительную рабочую плату (make-wages). И хотя фермеры участвовали больше всех в платеже налога для образования фонда, из которого выплачивались make-wages, но так как налог в то же время был распределен и между остальными плательщиками податей, то казалось, что фермеры как будто бы были в выигрыше при существовании этой системы. Дядю, однако, нелегко было заставить отказаться от осуществления начатого дела; он с энергией выдерживал оппозицию, пока, наконец, новый закон не был применен. В результате оказалось, что по истечении двух лет ежегодные налоги в пользу бедных прихода с 700 ф. ст. уменьшились до 200 ф. ст.; вместе с этим благосостояние прихода значительно возросло. Лица, до этих пор шатавшиеся праздно по улицам или толпившиеся

у дверей пивных, теперь должны были заняться каким-нибудь делом, и один за другим получили работу, так что из восьмисот человек, составлявших население прихода, только пятнадцать оказались неспособными к труду и были помещены в богадельню Батского Союза (тотчас же, как только тот возник); между тем, как прежде, ежегодно около ста человек получали на руки вспомоществование от прихода. Когда дядя мой, спустя несколько лет, получил от своих прихожан в подарок телескоп, стоимостью в 20 ф. ст., то было бы ошибочно думать, что этот подарок был изъявлением признательности только со стороны плательщиков податей. Такому предположению вполне противоречит уже то обстоятельство, что когда дядя, еще несколько лет спустя, умер вследствие чрезмерных трудов своих на пользу благосостояния своих прихожан, провожавшая его в Гинтон процессия состояла не из одних только людей зажиточных, но и из массы бедных.

Несколько причин побудили меня привести здесь этот рассказ. Во-первых, мне хотелось показать, что участие к народу и самоотверженное служение ему вовсе не предполагают непременно одобрения системы даровой помощи. Во-вторых, я имел в виду указать на пользу, какую можно принести бедным, не размножением искусственных средств к смягчению бедности, а, напротив, их уменьшением. Затем у меня была еще цель — подготовить путь к сравнению.

В настоящее время мы, только в другом виде и в другой сфере, проводим систему, по существу своему тождественную с той, которая лежала в основании дополнительной рабочей платы (make-wages) в пору, когда действовал старый закон о бедных. Хотя политики этого и не признают, однако является вполне очевидным фактом, что разные общественные меры, клонящиеся к улучшению быта рабочего класса за счет плательщиков податей, по существу своему тождественны тем, которые применялись в былое время, когда на сельских рабочих смотрели наполовину как на земледельцев, наполовину как на нищих, находящихся на иждивении прихода. В обоих случаях работник взамен своего труда получает в виде заработной платы деньги только для покупки некоторых из потребляемых им предметов, средства же для снабжения его остальными предметами берутся из общественного фонда, образуемого

путем тех или иных налогов. Не все ли при этом равно, какого рода предметы приобретаются рабочим на свою заработную плату, выдаваемую хозяином, и какие доставляются плательщиками податей? Принцип остается тем же. Заменяем деньги купленными на них предметами и удобствами и рассмотрим, в чем состоит существо дела. При действии старого закона о бедных фермер оплачивал получаемый им труд наймом для рабочего квартиры, хлебом, одеждой, топливом; плательщики податей снабжали работника и его семью обувью, чаем, сахаром, свечами, ветчиной и т.д. Такое распределение предметов, конечно, произвольное; во всяком случае, не подлежит сомнению, что фермер и плательщики податей поставляли все необходимое рабочему сообща. В настоящее время работник получает от своего хозяина жалованье в размере, соответствующем стоимости пищи, одежды и других потребляемых вещей, а общество удовлетворяет прочие нужды и желания рабочего. На средства плательщиков податей в иных случаях рабочий уже имеет, а скоро и во многих других будет иметь, квартиру дешевле ее ходячей стоимости. Если, например, муниципалитет в Ливерпуле потратил около 200 000 ф. ст. и собирается истратить еще столько же на снос и перестройку жилищ для бедных, то само собою разумеется, что таким образом плательщики податей снабжают бедных более удобным помещением, чем те могли бы иметь на свои собственные средства. Далее, при обучении своих детей, рабочий опять-таки получает от общества гораздо более, чем платит, и весьма вероятно, что скоро обучение это будет даваться ему совсем даром. Кроме того, плательщики податей удовлетворяют и потребности самого рабочего в духовной пище, снабжая его книгами, газетами и удобным помещением для чтения тех и других. В иных случаях, как, например, в Манчестере, общие учебные заведения для мальчиков и девочек, детей рабочих, снабжены, между прочим, и всем необходимым для рекреации. Таким образом, и в настоящее время рабочий получает на средства местного общества некоторые такие выгоды и удобства, каких он не может иметь на свой заработок. Вся разница между этой системой и старой системой *make-wages* зависит лишь от рода получаемых рабочим на общественные средства удобств. Но такая разница ни мало не изменяет сущности дела.

В основании обеих систем лежит одна и та же иллюзия. В обоих случаях то, что кажется даровым, на самом деле вовсе не даровое. Тот прибавок к своему еженедельному доходу, который, при действии старого закона о бедных, наполовину нищий земледелец получал от прихода, в сущности не был, как казалось с первого взгляда, даровым. Получение этого прибавка вело к соответствующему равномерному с ним понижению заработной платы, что сделалось вполне очевидным, когда, с уничтожением прежней системы, плата за труд вдруг значительно повысилась. То же самое происходит и теперь с теми мнимыми щедротами, какие оказываются рабочему люду в городах. Говоря это, я имею в виду не только факт, что рабочие даже в случае, когда они не состоят сами действительными плательщиками податей, в уплачиваемой ими части квартирной платы незаметно участвуют в повышении цен за свои жилища, но, главным образом то обстоятельство, что их жалованье, подобно жалованью фермерских работников, понижается вследствие общественных тягостей, которые падают на хозяев. Прочтите недавние отчеты о стачках рабочих на ткацких фабриках в Ланкашире; они заключают в себе свидетельства самих рабочих, доказывающие, что в этом производстве чистая прибыль так скудна, что фабриканты, менее искусные или с недостаточным капиталом, неизбежно приходят к банкротству, а конкурирующие с ними кооперативные товарищества могут выдерживать лишь только в редких случаях. Посмотрим, какие последствия должны произойти из этого в отношении размера заработной платы. В счет стоимости производства должны быть включены между прочим и все налоги, как общие, так и местные. Если последние, как, например, в наших больших городах, составляют треть, а иногда и более всего дохода, если предприниматель обязан платить их не только за свое частное жилище, но и за все торговые помещения, конторы, кладовые и проч., то понятно, что в окончательном результате вся эта сумма платежей или должна уменьшить процент прибыли с капитала, или должна быть взята из фонда, идущего на уплату заработной платы, или же и то, и другое вместе. Если конкуренция между капиталистами, в одинаковых или разнородных предприятиях, имеет следствием такое уменьшение размера прибыли, при котором одни выигрывают, другие теряют, а иные разоряются; если

капитал, не находя в данной местности или занятии соответственной прибыли, утекает в другие места или обращается на другие предприятия; если таким образом масса рабочих оказывается вдруг без дела, то для них, естественно, не остается ничего другого, как выбирать между уменьшением количества работы или понижением платы за свой труд. Кроме того, вследствие подобных же причин, увеличение местных налогов ведет еще к повышению стоимости предметов потребления рабочего. Издержки по производству торговли означенными предметами в обыкновенном порядке вещей определяются текущим размером процента на капитал, вложенный в это дело, причем все экстренные расходы неизбежно должны быть оплачиваемы соответственным возвышением цен. Таким образом, как раньше деревенский работник терял в одном случае то, что выигрывал в другом — точно так происходит и теперь с городским рабочим. Но мало того, в обоих случаях рабочие оказываются в убытке, так как в конце концов за их же счет оплачиваются все издержки на содержание администрации, необходимой для приведения в исполнение той или другой меры, и все другие связанные с этим расходы и потери.

Но могут спросить: какое отношение имеет все это к «Грядущему рабству»? Никакого прямого, но очень большое косвенное, как мы увидим дальше; но прежде сделаем еще несколько предварительных замечаний.

Рассказывают, что в Испании, в первое время после проведения здесь железных дорог, крестьяне окрестных поселений нередко попадали под поезда и что вина в этом обыкновенно взваливалась на машинистов, которые не остановили вовремя поезда: деревенская опытность не представляла данных, из которых можно бы было получить надлежащее понятие о силе импульса огромной массы, двигающейся с большой скоростью.

Приведенный рассказ невольно приходит мне на память, как только я начинаю вдумываться в идеи так называемых *практических политиков*, в уме которых, по-видимому, не зарождалась мысли даже о политическом импульсе вообще, а тем более о таких политических импульсах, которые после того, как они даны, не только не ослабевают и не остаются на одном уровне, но с течением времени все усиливаются и усиливаются. Эти

политики в своих расчетах по поводу предпринимаемых мероприятий исходят обыкновенно из того предположения, что влияние последних прекратится именно там, где они желают, и не распространится дальше. Все внимание таких политиков устремлено только на то, чего они хотят достигнуть; о дальнейших последствиях вызванного ими в жизни движения они мало думают, а о побочных результатах его — еще менее. Когда во время войны нужно было поставить много «пушечного мяса» и для этого приходилось поощрять увеличение народонаселения, Питт говорил: «Оказание помощи тем, у кого много детей, пусть будет для нас делом справедливости и чести, и ни в каком случае не должно быть поводом к позору и унижению»¹. Тогда никто не ожидал, что налог в пользу бедных через пятьдесят лет учетверится, что женщины с несколькими незаконнорожденными детьми, благодаря приданому в виде получаемой ими от прихода пенсии, будут иметь больше шансов для выхода замуж, чем девушки хорошего поведения, и что множество плательщиков податей вдруг попадет в ряды нищих. Законодатели, которые в 1833 году подавали голос за субсидию в 20 000 ф. ст. на постройку школ, конечно, отнюдь не предполагали, что шаг этот поведет к усиленным поборам, местным и общим, доходящим ныне до 6 000 000 ф. ст.; они вовсе не желали тогда устанавливать принцип, чтобы *A* являлся ответственным за воспитание потомства *B*. Им и не снилась возможность принудительной меры, в силу которой бедные вдовы лишаются ныне опоры своих старших детей; и еще менее могли они ожидать, что их преемники, побуждая обедневших родителей обращаться в советы попечителей (Boards of Guardians) с просьбами о взносе платы за обучение детей, но прощаемой учебным комитетом (School Boards), положат начало привычке к такого рода просьбам, которая поведет затем к увеличению нищенства². Точно так же и составители закона 1834 года о регулировании в некоторых фабричных производствах женского и детского труда* не воображали, что мера их впоследствии приведет к ограничению и инспекции труда во всякого рода промышленных заведениях, где имеется более пятидесяти человек рабочих. Этим законодателям и в голову

¹ Hansard's «Parliamentary History», p. 710.

² Fortnightly Review, January, 1884, p. 17.

не приходило, что учрежденная названным законом инспекция постепенно придет к требованию от всех поступающих на фабрику юношей и девушек ниже известного возраста свидетельства врача, который по своему личному усмотрению (ничем не ограниченному) удостоверяет, что субъект не имеет таких телесных недостатков и не страдает такими болезнями, которые делали бы его неспособным к труду; так что, следовательно, право молодых людей на заработок будет поставлено к совершенную зависимость от приговора врача¹. Еще менее, как я сказал, представляют себе политики, как бы гордящиеся даже практичностью своих стремлений, косвенные результаты, которые могут произойти от прямых последствий принимаемых ими мер. Укажем для примера на случай, стоящий в связи с одним из упомянутых выше. Когда проектировалась система *вознаграждения учителей по результатам их деятельности** (payment by results), ничего другого не имелось в виду, кроме желания дать учителям действительное побуждение для более усердного исполнения своих обязанностей. Никто, конечно, не предполагал, что такое побуждение может во многих случаях весьма губительно отразиться на их здоровье; никто также не ожидал, что они станут прибегать к излишествам в преподавании и будут чрезмерно налегать на слабых и неспособных детей, во вред последним. Никто не предвидел, что это часто будет вести к такому ослаблению физических сил учащихся, которое не может быть вознаграждено никаким количеством грамматики и географии. Устанавливая сумму лицензий на содержание трактиров, харчевен и т.п., имели в виду одну только цель — поддержание в обществе порядка; тот, кто придумал эту меру, и не подозревал, что она породит такие интересы, которые будут иметь сильное и вредное влияние на выборы представителей в парламент. Практическим политикам, сделавшим обязательным обозначение грузовой линии на торговых судах**, тоже не приходило в голову, что интересы судовладельцев заставят последних в большинстве случаев поднимать эту линию до самого высшего предела и что, следуя в том же направлении шаг за шагом, грузовая линия будет постоянно повышаема даже на кораблях лучшего сорта, как, по достоверным сведениям, это случилось в действительности.

¹ Factories and Workshops Act. 41 and 42 Vic. cap. 16.

Законодатели, издавшие лет сорок тому назад парламентский акт, которым железнодорожные компании обязывались ввести у себя дешевый проезд, подняли бы на смех всякого, кто вздумал бы предсказать, что впоследствии этот акт послужит ко вреду и невыгоде компаний, улучшающих способы передвижения. А между тем такими именно и оказались результаты акта, так как компании, которые начали бы теперь перевозить пассажиров III класса со скорыми поездами, подлежат штрафу в размере пассажирской платы за каждого перевозимого таким образом пассажира третьего класса. По поводу железных дорог можно привести еще более поразительный пример, для чего стоит только сделать сравнение между системами железнодорожного законодательства в Англии и во Франции. Законодатели, содействовавшие окончательному переходу французских железных дорог в руки правительства, не воображали, чтобы это могло ухудшить способы передвижения; они не предвидели, что нежелание уронить стоимость имущества, случайно перешедшего в собственность государства, заставит правительство отказываться в выдаче разрешения на открытия конкурирующих линий и что при отсутствии таковых передвижение делается дорогим, медленным и совершающимся сравнительно редко. Между тем теперь, как доказал сэр Томас Фаррер, не может подлежать сомнению, что путешественник в Англии в настоящее время пользуется значительно большими преимуществами перед путешественником во Франции, как в отношении стоимости проездов, так и в отношении быстроты и количества поездов.

Но практик-политик, который, несмотря на такие из рода в род повторяющиеся указания опыта, продолжает заботиться лишь о достижении ближайших целей, конечно, никогда не думает о еще более отдаленных, более общих и более важных последствиях своих мер, чем те, примеры которых только что приведены. Повторяя прежнюю метафору, мы должны сказать, что такой политик, проводя какую-либо меру, никогда не задается вопросом, будет ли вызванное им политическое движение — в одних случаях ослабевающее, а в других значительно усиливающееся — находиться в соответствии с остальными такими же движениями? Не приобретет ли оно в связи с ними сугубую силу, и не последует ли вследствие того каких-либо непредвиденных изменений? Имея в виду только ход политического течения,

вызванного его собственной законодательною мерою, он не замечает, что и другие такие же течения, уже существующие или возникающие по его же инициативе, стремятся в том же, приблизительно, направлении, а потому ему никогда и в голову не придет, что все эти течения могут слиться в один большой поток, который вконец изменит весь порядок вещей. Или, оставив метафору и говоря проще, мы скажем: практический политик как будто бы не сознает той истины, что своими мерами он содействует образованию известного типа общественной организации; что однородные меры, производя в этой организации однородные изменения, все больше и больше обнаруживают склонность сделать данный тип общим, — и что, наконец, перейдя за известную черту, склонность эта становится уже непреодолимой. Подобно тому, как каждое общество стремится создать в других общественных группах такое же устройство, как и у себя; подобно тому, как у греков спартанцы и афиняне боролись каждые за распространение своих политических учреждений; подобно тому, как в эпоху Французской революции европейские державы с монархическим неограниченным правлением хлопотали о восстановлении во Франции самодержавной власти, а республика поощряла образование других республик, — точно так же во всяком обществе каждые отдельные группы непременно обнаруживают склонность к возможно большему распространению. Подобно тому как система свободной кооперации, в форме товариществ, ассоциаций, союзов, с торговыми и иными целями, стремится к преобладанию в обществе, точно так же и враждебная ей система принудительной кооперации при посредстве правительства преследует ту же цель. И чем больше те и другие кооперации распространяются, тем больше приобретают они сил к своему еще дальнейшему распространению. Для каждого политического деятеля должно быть самым первым и самым главным вопросом, так сказать, вопросом из вопросов: какой тип общественного строя намерен он создать? Но этот-то именно вопрос *практическим политикам* никогда и не приходит в голову.

Попробуем мы, вместо них, заняться этим вопросом. Сделаем обзор общему ходу позднейших изменений в нашей внутренней жизни и сопровождающему их течению идей и посмотрим, куда все это нас ведет.

Ежедневно говорится: «Мы уже сделали то-то и то-то; почему нам не действовать и далее в том же направлении?» Подразумеваемая в этих словах похвала предыдущим прецедентам заставляет нас двигаться все дальше и дальше по пути установления разного рода законодательных правил, касающихся регулирования труда. Парламентские акты, ограничивающие продолжительность рабочего дня и определяющие обращение предпринимателя с рабочими, получая постепенно все большее и большее распространение на новые и новые промышленные предприятия, теперь уже применяются даже и к занятию простою торговлею. От инспекции над домами для рабочих, с целью ограничить в них число жильцов и улучшить санитарные условия, мы перешли к инспекции над всеми домами, которые отдаются внаймы ниже известной платы и служат для жительства более чем одного семейства. А теперь мы готовы установить подобную же инспекцию и вообще над всеми маленькими домами¹. Покупка государством телеграфов и ведение ныне этого дела на счет казны являются побудительной причиной для требований, чтобы государство выкупило из частных рук и эксплуатировало само также и железные дороги. Снабжение на общественные средства детей бедных родителей умственной пищей уже повело за собою к доставлению им, в некоторых случаях, и пищи телесной; а когда эта последняя практика сделается более общеупотребительной, то можно ожидать, что предлагаемое ныне даровое снабжение в одном случае впоследствии будет предлагаться и в другом. Аргумент, что хорошим гражданам одинаково нужны как здоровая душа, так и здоровое тело, явится логическим поводом к такому распространению действующего ныне закона о даровом обучении². А затем,

¹ *Times*, Jan. 2, 1884: Letter of Local Government Board.

² Предположение это оправдалось даже скорее, чем я ожидал. Настоящая статья была окончена и отдана в печать 30 января. После того, именно 13 марта, лондонский учебный комитет (School Board) постановил ходатайствовать о даровом снабжении бедных детей пищей и одеждой за счет местных благотворительных сумм. С течением времени слово *бедные* будет, конечно, получать все более и более широкое значение: скоро число бедных детей начнет все увеличиваться и увеличиваться, и на снабжение их пищей и одеждой потребуются все большие и большие суммы.

ссылаясь на прецеденты, представляемые церковью, школой и читальнями, которые содержатся обществом и на общественные средства, можно будет доказывать, что и удовольствия в том смысле, в каком они ныне вообще понимаются, нуждаются в организации законодательным путем, по крайней мере столько же, как и труд.

Но не одни прецеденты поощряют такое распространение законодательного вмешательства. Последнее в значительной степени вызывается еще и необходимостью дополнять так или иначе мероприятия, оказывающиеся недействительными, и бороться с искусственным злом, беспрестанно нами создаваемым. Неудачи обыкновенно не подрывают в нас доверия к принимаемым мерам, а только побуждают или к более настойчивому применению их, или к еще более широкому распространению старых и созданию новых искусственных мер. Издание законов, имеющих в виду пресечение пьянства, началось уже очень давно, но изыскание средств к ограничению торговли хмельными напитками и по сию пору продолжает занимать почти каждую парламентскую сессию. Так как все принимавшиеся до сих пор меры не оправдали возлагавшихся на них надежд, то теперь является необходимость в более сильных законах, которые в некоторых местах совершенно запрещают производство питейной торговли; а скоро, без сомнения, и у нас, как это существует уже в Америке, потребуются, чтобы такое запрещение было повсеместным. Многочисленные мероприятия для уничтожения эпидемических болезней не прекратили повальных заболеваний оспой, тифом и т.п., и вот в настоящее время законодатели находят нужным прибегнуть в новой мере, которая заключается в предоставлении полиции права разыскивать по домам заразных больных и подвергать медицинскому осмотру как мужчин, так и женщин, всякий раз, как это найдут нужным санитарные чиновники. Старый закон о бедных* в течение нескольких поколений содействовал развитию в народе непредусмотрительности; для предотвращения этого зла, порожденного обязательной благотворительностью, ныне предлагают ввести обязательное страхование.

Широкое применение такой политики делает идеи, на которых она основана, все более и более популярными и распространенными в обществе, и таким образом вызывает

и поддерживает всеобщее убеждение в необходимости правительственного вмешательства во всякую неурядицу. «Неужели же вы хотите, чтоб это зло продолжалось!» — восклицают нам в ответ, лишь только вы заикнетесь против целесообразности многого из того, что ныне говорится и делается по поводу и для врачевания общественных недугов. Обратите внимание на внутренний смысл этого восклицания. В нем подразумевается, во-первых, что всякое страдание должно быть устранено, а это — неправда: страдание часто бывает полезно и действует на страдающего как лекарство; следовательно, уничтожая страдание, вы тем самым лишаете больного возможности излечиться; во-вторых, в нем предполагается, что всякое зло может быть устранено; на самом же деле, вследствие несовершенства человеческой природы, большинство зол может быть только или перемещено с одного места на другое, или превращено из одной формы в другую, — причем от подобных перемен самое зло часто еще более усиливается. В приведенном восклицании, кроме того, выражается еще совершенная уверенность, что бороться со всяким злом есть непрменная обязанность правительства. При этом обыкновенно совсем не задаются вопросом, нет ли других агентов, которые могли бы содействовать искоренению зла, и не принадлежит ли данное зло к числу таких, против которых именно эти другие агенты могут быть наиболее действительными. Затем уже становится очевидным, что чем чаще повторяется правительственное вмешательство в общественную жизнь, тем более люди укрепляются в мысли о необходимости этого вмешательства и тем чаще, громче и настойчивее его требуют.

Всякое распространение политики правительственного вмешательства влечет за собой увеличение числа правительственных агентов — дальнейшее развитие бюрократизма, и все возрастающую власть организации, состоящей из чиновников. Возьмите весы с большим количеством дробы на одной чашке и с очень маленьким на другой. Берите затем дробинку за дробинкой из более нагруженной чашки и перекладывайте постепенно в менее нагруженную; таким образом вы достигнете, наконец, того, что обе чашки придут в равновесие; если же вы будете продолжать перекладывание дробинки, то совсем измените положение весов. Предположите, что у весов плеча

коромысла неодинаковой длины и что мало нагруженная чашка висит на очень длинном плече: тогда перемещение каждой дробинки из одной чашки в другую будет производить гораздо больший эффект, и изменение в положении весов наступит гораздо скорее. Я употребляю этот образ, чтобы нагляднее показать результаты последовательного перемещения отдельных лиц из регулируемой массы общества в регулирующие сферы. Здесь такое перемещение ослабляет общественные силы и усиливает правящие классы в гораздо большей степени, чем можно заключить по изменению относительного числа тех и других. Сравнительно небольшая группа тесно сплоченных между собою чиновников, связанных одинаковыми интересами и действующих под руководством центральной власти, имеет огромное преимущество перед разрозненной массой публики, у которой нет определенной политики и которая может действовать единодушно лишь в редких, исключительных случаях, под влиянием какого-либо особенного, сильного возбуждения. Понятно поэтому, что когда организация из чиновников достигла известной степени развития, то борьба с нею становится все более и более невозможной, как мы и видим это на континенте, в государствах, где сильно развита бюрократия.

Будет мало сказать, что сила сопротивления регулируемой части общества ослабевает в геометрической пропорции по мере того, как усиливаются регулирующие классы: частные интересы многих отдельных лиц в самой регулируемой части делают изменение этого отношения еще более быстрым. Ныне во всех слоях общества много толкуют о том, что после введения конкурентных экзаменов, открывающих молодым людям доступ к общественной деятельности*, юноши должны воспитываться таким образом, чтобы, сдав экзамен, могли поступить на государственную службу. Одним из результатов этого является то, что люди, которые при других условиях смотрели бы враждебно на дальнейшее развитие бюрократизма, теперь относятся к нему если и не с одобрением, то во всяком случае с терпимостью, так как благодаря такому развитию их родные и близкие получают возможность сделать себе «карьеру». Стоит только вспомнить, сколько семейств из высшего и среднего круга стараются пристроить своих детей на государственную службу, чтобы видеть, что распространение системы

законодательного контроля встречает весьма сильное поощрение даже со стороны людей, которые, если бы не были связаны личными интересами, конечно, относились бы к этой системе не иначе, как вполне враждебно.

Эта погоня за карьерой усиливается вследствие предпочтения, которое привыкли отдавать деятельности, слывущей за почетную. «Пусть его жалованье невелико, — думает про себя отец, добывающий для сына место на государственной службе, — зато он будет иметь положение и занятия, приличные для джентльмена». И эта относительная важность положения правительственных чиновников сравнительна с положением лиц, посвящающих себя торговой или ремесленной деятельности, все растет и растет по мере того как административная организация становится более крупным и могущественным элементом в обществе и стремится окружить себя все большим и большим почетом. В настоящее время во Франции все честолюбие молодых людей устремлено на то, чтобы сначала заручиться хоть самым незначительным казенным местечком на родине, потом подняться до более крупного положения в местном правительственном центре и в заключение занять пост во главе одного из высших государственных учреждений в Париже. И в России, где всеохватность государственного регулирования, характеризующего военный тип общества, зашла дальше всего, эта умонастроение достигает апогея. Вот что пишет м-р Уоллес: «Все поголовно, даже лавочники и сапожники, метят в чиновники, а тот, кто прожил жизнь, не занимая никакой официальной должности, не считается за человека»¹.

Навстречу этим различным влияниям, действующим сверху вниз, снизу вверх идут все возрастающие в количестве ожидания и требования. Чрезмерно отягощенные труженики, которые составляют значительное большинство общества, а еще более те неспособные, которым постоянно помогают и которые постоянно требуют все новой и новой помощи, естественно, являются сторонниками системы, обещающей им ту или другую выгоду за счет государства, и всегда готовы верить во всем каждому, кто утверждает, что эти выгоды могут и должны быть предоставлены. Поэтому с полным доверием относятся они

¹ Russia, i, 422 (см. Уоллес, Мэкензи. Россия. В 2 т. СПб., 1880—1881).

к рассказам всевозможных строителей политических и воздушных замков, начиная с оксфордских ученых и кончая ирландскими непримиримыми; а всякий дополнительный налог, взимаемый с общества для поддержания их благосостояния, подстрекает в них надежды на дальнейшие блага путем установления новых налогов. В самом деле, чем чаще проявляется общественное вмешательство, тем сильнее развивается в гражданах мнение, что все должно делаться для них и ничего ими самими. Люди с каждым поколением все больше и больше сами теряют привычку личными усилиями или усилиями обществ и товариществ, образуемых по частному почину, добиваться желаемого, и все более и более привыкают рассчитывать на помощь правительственных учреждений, так что доходят, наконец, до того, что на эти учреждения начинают смотреть как на единственные, от которых они могут ожидать себе пользы. Такой результат весьма рельефно обнаружился на недавнем конгрессе *профессиональных союзов* (Trades Unions Congress), состоявшемся в Париже*. Английские делегаты на этом конгрессе в своих донесениях к избирателям сообщают, что между ними и иностранными делегатами произошло резкое разногласие по вопросу о том, «в какой мере следует требовать от государства, чтобы оно покровительствовало труду». Это сообщение прямо указывает на факт, известный и из других отчетов о заседаниях конгресса, что французские делегаты постоянно звали к правительственной власти как к единственной, могущей удовлетворить их желаниям.

Распространение образования действовало в том же направлении и будет, конечно, действовать еще дальше. Всем известны слова: «Мы должны воспитывать наших правителей»**, сказанные одним либералом, который противился последнему расширению льгот от обязательного образования. Да, если бы образование, о котором шла речь, заслуживало этого имени и удовлетворяло требованиям политического просвещения, то от него, конечно, можно бы было ожидать многого. Но знание синтаксических правил и умение прилагать их на практике, некоторые сведения по географии, да память, нагруженная датами вступления на престол королей и одержанных генералами побед, не могут сделать людей способными к здравому политическому суждению, точно так же, как приобретение навыка в рисовании

не может дать умения обращаться с телеграфом, или ловкость в игре в крикет не может дать умения играть на скрипке... «Но, — могут возразить мне, — грамотность открывает путь к знакомству с политикой». Несомненно, но идет ли кто-нибудь по этому пути? Всем известно, что из десяти человек по крайней мере девять читают лишь только то, что их развлекает или забавляет, а совсем не то, что могло бы научить их чему-нибудь; и менее всего они станут читать книгу, высказывающую неприятные для них истины или разбивающую неосновательные надежды. Очевидно, что настоящая система народного обучения в результате приводит только к весьма распространенному чтению таких сочинений, которые дают пищу приятным иллюзиям, а не таких, которые обращают внимание на суровую действительность. В «Pall Mall Gazette» от 3 декабря 1883 г., за подписью «Механик», была помещена статья, где, между прочим, говорится:

«Усовершенствованное первоначальное обучение заставляет стремиться к образованию, — образование же побуждает желать многого, что совершенно недоступно для рабочего люда... что, при бешеной конкуренции, характеризующей настоящее время, для бедных классов безусловно недостижимо; отсюда происходит их недовольство действительностью, и чем они образованнее, тем сильнее это недовольство. Отсюда же происходит и то, что многие считают м-ра Рескина и м-ра Морриса за истинных пророков».

Предполагаемая здесь связь между причиной и последствиями такова и в действительности; в этом нас достаточно убеждает настоящее положение вещей в Германии*.

Класс тех, в которых таким путем развивается страстное ожидание всяческих благ, достижимых будто бы посредством общественной реорганизации, ныне облечен избирательной властью; поэтому всякий, желающий приобрести в свою пользу голоса этих людей, если и не уступит искушению открыто согласиться с ними, то во всяком случае должен воздерживаться от противоречия их ошибочным взглядам. Таким образом, каждый кандидат в члены парламента оказывается вынужденным предлагать или поддерживать какой-либо новый проект законодательства *ad captandum***.

Мало того, даже самые вожди партий — как старающиеся сохранить за собой

власть, так и стремящиеся отнять ее у первых — и те, в свою очередь, стараются друг перед другом надавать как можно больше обещаний, чтобы таким способом заручиться большим числом сторонников. Каждый, как мы еще недавно видели, добивается популярности, обещая больше, чем обещал противник. Из деления голосов в парламенте очевидно, что традиционная приверженность к вождям партий имеет перевес над вопросами о действительном внутреннем достоинстве предлагаемых мер. Представители нации оказываются настолько недобросовестными, что голосуют за билли, которые они признают по существу вредными, потому только, что этого требуют интересы партии или соображения, касающиеся предстоящих выборов. Таким образом, вредная политика поддерживается и усиливается даже теми, которые сознают ее вред.

А тем временем в народе идет деятельная пропаганда, которой все эти влияния с руки. Коммунистические теории, в известной степени одобряемые одним парламентским актом за другим и безмолвно, если не открыто, поддерживаемые многими общественными деятелями, которые стараются приобрести себе сторонников, все шумнее и шумнее проповедуются в той или другой форме народными вождями и настойчиво проводятся в жизнь целыми организованными обществами. У нас существует, например, движение в пользу национализации поземельной собственности (*land-nationalization*), которое, стремясь к водворению идеально-справедливой будто бы системы арендаторства, как всему миру известно, было вызвано и поддерживается м-ром Джоржем и его друзьями с полным пренебрежением к правам настоящих владельцев земли, и которое по своим основаниям стоит более чем на полдороге к государственному коммунизму (*state communism*). У нас есть еще вполне организованная демократическая федерация* м-ра Гайндмена с его приверженцами. Эти говорят, что «горсть мародеров, ныне владеющая (землей), не знает и не может знать никакого *права*, кроме грубого насилия над десятками миллионов угнетаемого им населения». Они громко кричат против «акционеро-в, которым позволили наложить руки (!) на наши большие железнодорожные пути сообщения». Но всего больше клеймят они «класс деятельных капиталистов, банкиров, фермеров, эксплуататоров рудников, подрядчиков, управляю-

щих, заводчиков» — «этих новейших крепостников, выжимающих все больше и больше чистой прибыли из наемных рабов, которых они заставляют на себя работать». Они уверены также, что наступило великое время, когда промышленность и торговля «должны быть изъяты из-под контроля индивидуальной жадности»¹.

Остается еще заметить, что эти разнообразно выражаемые тенденции встречают сильную и с каждым днем все резче и резче выражающуюся поддержку со стороны прессы. Журналисты, всегда осторожные, чтобы не сказать чего-нибудь, что не понравится их читателям, принадлежат к числу тех людей, которые следуют по течению и стараются придать ему большую силу. Законодательные вмешательства, которые прежде ими порицались бы, теперь если и не оправдываются, то во всяком случае обходятся молчанием; принцип *laissez faire*, говорят они, отжил уже свое время. «Мысль о социализме теперь уже никого не испугает», — объявляют нам сегодня. Завтра же поднимают на смех город, который, отказываясь принять закон о вольных библиотеках (*Free Libraries Act*), обнаруживает страх по поводу меры, столь умеренно-коммунистической. А потом, после заверений издателей в том, что этот экономический переворот близок и должен быть принят, статьям защитников переворота отводится в журнале первенствующее место. Между тем те, которые считают настоящий ход законодательства губительным и сознают, что в будущем он сделается еще губительнее, молчат, находя бесполезным рассуждать с людьми, находящимися в состоянии политического опьянения.

Посмотрим теперь на общие результаты всех указанных причин, которые, действуя согласно, постоянно грозят ускорить совершающееся ныне преобразование общественного строя. Система административного регулирования получает все большее и большее распространение благодаря установившейся практике идти по пути предыдущих прецедентов, которые, понятно, становятся тем авторитетнее, чем дальше наша политика следует в этом направлении. Затем мы видим все возрастающую потребность в административных принуждениях и ограничениях, которые являются прямым следствием

¹ Socialism made Plain. Review, 185, Fleet street.

непредвиденных зол и вреда, причиненных предшествовавшими принуждениями и ограничениями. Далее, каждое новое правительственное вмешательство усиливает во мнении людей сознание, что государство обязано бороться со злом и упрочивать добро. Возрастающее могущество развивающейся административной организации сопровождается потерей в остальном обществе силы, необходимой для того, чтоб противодействовать дальнейшему росту этой организации и усилению ее влияния. Открывающееся, с развитием бюрократизма, множество новых карьер представляет соблазн для членов регулируемых классов относиться одобрительно к такому развитию, так как оно увеличивает шансы их родственников на достижение почетного и прочного положения. Массы людей, всегда склонные смотреть на выгоды, доставляемые им обществом, как на даровые, постоянно возбуждают и поддерживают в себе надежды на новые блага. Распространение образования, содействуя более распространению приятных заблуждений, чем суровых истин, еще сильнее подстрекает такие надежды и делает их более общими. Хуже того, надежды эти возбуждаются еще и кандидатами на общественные должности, ради того чтобы увеличить свои шансы на успех; а передовые государственные деятели, преследуя цели своей партии, поддерживают приятные иллюзии из расчета на народную любовь. Политические энтузиасты и неразумные филантропы, видя, что учение их то и дело оправдывается новыми, гармонирующими с ним законами, все с большей отвагой и успехом ведут свою агитацию. Журналистика, идущая всегда в согласии с общественным мнением, усиливает последнее, прибавляя к нему свой голос; между тем как противоположное мнение все больше и больше подвергается осуждению и лишь в редких случаях находит себе выражение.

Таким образом, разнородные влияния содействуют развитию корпоративной деятельности и ослабляют деятельность индивидуальную. Этому со всех сторон помогают составители разных проектов, из которых каждый заботится лишь о своем собственном излюбленном проекте и вовсе не думает об общей реорганизации, совершающейся вследствие совместной деятельности его мер и других подобных ей. Говорят, что Французская революция сама пожрала своих детей. Такой же катастрофы, по-видимому, следует ожидать и нам. Многочисленные

социалистические реформы, уже провозглашенные парламентскими актами и еще предстоящие в близком будущем, постепенно сольются в одно целое — в государственный социализм (state socialism); таким образом все маленькие волны будут поглощены одной огромной волной, которую они сами мало-помалу воздвигли.

Но многие, без сомнения, спросят нас: «Почему мы описываем все эти явления как *грядущее рабство*?» Ответ простой: социализм, в какой бы форме он ни проявлялся, заключает в себе рабство.

В сущности, что такое раб? Прежде всего мы понимаем под ним человека, ставшего собственностью другого лица. Чтобы не быть, однако же, только номинальной, собственностью должна проявляться в контроле господина над действиями раба, и вдобавок в таком контроле, который обыкновенно направлен к выгоде контролирующего. Коренное свойство раба заключается в том, что он принужден работать по воле другого. Отношение это допускает различные степени. Напомнив, что первоначально раб был пленник, жизнь которого находилась в руках и зависела от милости полонившего, здесь достаточно будет заметить, что существует суровая форма рабства, в которой трактуемый как животное раб принужден направлять все свои усилия на пользу господина. При системе менее суровой рабу, хотя и обязанному трудиться преимущественно на господина, дозволяется вместе с тем работать короткое время и на себя, и предоставляется участок земли для произращения некоторого излишка пищи. Дальнейшее улучшение в положении раба дозволяет ему продавать добытое на своем участке и сохранять в своих руках выручку. Затем мы приходим к еще более мягкой форме, являющейся обыкновенно там, где свободный хлебопашец, работающий на собственной земле, превращается завоевателем в то, что мы называем крепостным: последний принужден каждый год платить своему господину известную постоянную дань — работою или продуктами своего труда, или и тем, и другим вместе, — удерживая все остальное в свою пользу. Наконец иногда, как недавно еще было в России, ему дозволяется покидать имение своего господина и работать или торговать на себя в другом месте, платя господину только известный ежегодный оброк. Что заставляет нас в этих градациях рабства

считать его более или менее суровым? Очевидно — больший или меньший размер труда, употребляемого принудительно на пользу другого лица, вместо своей собственной. Там, где весь труд раба берет себе его собственник, рабство тяжело, а где господину отдается только небольшая часть труда, оно легко. Пойдем теперь далее. Представим, что собственник умирает, и его имение, с живущими здесь рабами, поступает в руки душеприказчиков; или, положим, имение это, со всем что в нем есть, покупает компания. Улучшится ли от этого хоть сколько-нибудь положение раба, если количество требуемого от него принудительного труда останется тем же? Затем, вместо компании поставим общину; составит ли это хоть какую-нибудь разницу для раба, если время, занятое у него работою на других, так же велико, а то, которое остается собственно для себя — так же мало, как и прежде? Вся суть дела в том: сколько он принужден работать на других и сколько затем у него остается свободного времени, чтобы работать на самого себя. Степень рабства изменится согласно с изменением отношения двух величин: того, что раб вынужден отдавать, к тому, что ему дозволяется удерживать; сущность дела остается той же, кто бы ни был господин: одно лицо или целое общество. Если, помимо воли своей, человек принужден работать на общество и получает из общественных складов только ту долю, какую обществу благоугодно будет уступить, то он становится рабом общества. Таким образом социалистические порядки ведут неизбежно к порабощению; к тому же нас направляют и многие недавние мероприятия, а особенно те, в пользу которых ныне агитируют. Рассмотрим сперва ближайшие, а затем и окончательные их результаты.

Политика, пущенная первоначально в ход законами о жилищах рабочего класса, способна идти и пойдет дальше. Там, где муниципальные корпорации делаются домостроителями, они неизбежно роняют цену домов, построенных на частные средства, и мешают сооружению новых. Всякая регламентация, касающаяся образа постройки и удобств, обязательно обеспечиваемых жильцу, уменьшает барыш строителя и побуждает его затрачивать свой капитал предпочтительно там, где ему не грозит такая потеря. Таким образом, домовладелец, знающий, что маленькие дома причиняют много излишних хлопот и потерь, и испытывший уже беспокойства инспекции и вмешательства

власти и причиняемые всем эти убытки — чувствуя, как его собственность день ото дня становится для него неприятнее, естественно, стремится продать ее; а так как у покупателей, по тем же причинам, отбита охота приобретать, то он вынужден продавать в убыток. Дальнейшее усиление регламентации может легко дойти, как это и предлагает лорд Грей, до требования от домовладельцев, чтобы они, в видах оздоровления своих домов, выгоняли из них неопрятных жильцов; такое прибавление к обязанностям, лежащим уже ныне на домовладельцах, еще обязанности инспектора по санитарной части, должно еще более побуждать их к продаже своих домов, обескураживая в то же время еще решительнее покупателей, и, стало быть, должно неизбежно вести к дальнейшему понижению цен. Что же из этого, наконец, произойдет? Вместе с возрастающими помехами к сооружению новых домов, особенно небольших, должно возрасть и требование к местной администрации, чтобы она пополняла недостаток в них. Муниципальные или другие подобные корпорации все чаще и чаще будут принуждены сами строить дома или приобретать такие, покупка которых, по указанным причинам, сделалась невыгодной для частных лиц и купить которые, вследствие падения цен, часто будет выгоднее, чем строить обязательно новые. Изложенному ходу дела будут способствовать и другие причины, так как всякое увеличение местных налогов, обеспеченных недвижимостью, будет еще сильнее обесценивать эту последнюю¹.

¹ Считающие неосновательными подобные опасения пусть поразмыслят о следующих данных. С 1867/68 по 1880/81 год сумма ежегодных местных земских расходов в пределах Соединенного Королевства возросла с 36 132 834 до 63 276 283 ф. ст.; в течение же 13 лет сумма муниципальных расходов в одной только Англии с Уэльсом с 13 млн достигла 30 в год! А в какой мере увеличение общественных тягостей, заодно с другими причинами, способствует переходу собственности из частных рук в руки общественные, видно из заявления м-ра У. Ратбона, члена парламента, на которое я обратил внимание уже после того, как моя статья была отдана в типографию: «На моей памяти, — говорит он, — местные налоги в Нью-Йорке, с 12 шилл. 6 пенсов на сто, дошли до 2 ф. ст. 12 шилл. 6 пенсов на сто, на капитал его граждан — тягость, которая больше чем поглотила бы весь доход английского помещика средней руки» (Nineteenth Century, February, 1883).

Затем, если мы дойдем до того, что в городах муниципальные власти сделаются главными домовладельцами, то это послужит уже хорошим прецедентом к снабжению на общественный счет домами и сельского населения, как это предлагает программа радикальной партии¹ и как этого хочет демократическая федерация, требующая «принудительного устройства здоровых жилищ для ремесленников и хлебопашцев, в размере, соответствующем числу населения». Очевидно, что все сделанное, делаемое и ожидаемое в этом направлении стремится к возможно полному осуществлению социалистического идеала, в котором община — единственный домовладелец.

К такому же результату ведет нас и развивающаяся день ото дня все шире политика, касающаяся условий разного рода владения и пользования землей. Задача осуществления новых общественных выгод при посредстве увеличенного состава должностных лиц, содержимых за счет увеличения общественных тягостей, должна вести неизбежно и в возрастающей степени к упадку дохода с земли, пока, по мере все большего и большего обесценения, препятствия к переходу ее из рук в руки не начнут постепенно исчезать. Уже и теперь, как всякий знает, во многих местностях трудно найти арендатора; земли сравнительно менее плодородные пустуют или если и обрабатываются собственниками, то нередко в убыток. Ясно, что размер прибыли на капитал, помещенный в землю, не так велик, чтобы, в видах размножения общественных должностей, местные и государственные налоги могли быть значительно увеличиваемы, не угрожая поглощением такой части этой прибыли, что собственники будут принуждены продавать землю по какой ни на есть цене, хотя бы и самой низкой, в расчете эмигрировать и купить в других краях землю, не обремененную такими тягостями. Подобные примеры теперь уже и случаются. В дальнейшем своем развитии этот процесс должен вести к прекращению обработки земель низшего качества; после чего, конечно, многие уже присоединятся к требованию, заявленному недавно м-ром Эрчем. В своем обращении к брайтонской радикальной ассоциации, жалуясь, что нынешние помещики не заботятся о том, чтобы их земли были достаточно производительны, насколько это следовало бы

¹ Fortnightly Review. November, 1883, pp. 619—620.

в видах общественной пользы, он говорит: «Желательно, чтобы нынешнее правительство провело закон о принудительной обработке земли»; требование это, встреченное рукоплесканиями, он оправдывал примером принудительного оспопрививания (новая иллюстрация, указывающая на значение прецедента). И требование это, конечно, найдет себе поддержку, и не только во имя необходимости сделать землю более производительною, но и во имя желательности доставить работу сельскому населению. Затем, когда для правительства станет уже привычным делом наем в широких размерах незанятых рук, для возделывания земель пустующих или приобретаемых по номинальной цене, мы достигнем той ступени, с которой останется уже только один последний и незначительный шаг до такого учреждения, которое — по программе демократической федерации — должно следовать непосредственно за национализацией земли: «До организации земледельческих и фабричных армий, под контролем государства, на кооперативных началах».

Тем, кто сомневается, что подобный переворот может совершиться описанным путем, мы укажем на факты, подтверждающие вероятность нашего предположения. В Галлии, во времена упадка Римской империи, число получателей стало так велико сравнительно с числом плательщиков, и бремя поборов сделалось так громадно, что земледельческий класс пришел в разорение, поля обратились в пустыни, и лес вырос там, где некогда бороздил плуг¹. Подобным же образом перед наступлением Французской революции бремя общественных тягостей достигло таких размеров, что многие фермы оставались необработанными, а некоторые были и вовсе заброшены — четвертая часть земли пришла в совершенное запустение, а в иных провинциях даже целая половина ее успела зарости вереском или кустарником². Подобного рода вещи случались и у нас, в Англии. Не говоря уже о том, что при действии старого закона о бедных, налоги в иных провинциях достигали половины арендной платы и что в различных местах фермы лежали необработанными, у нас был положительно такой случай, что подати поглотили весь доход с земли.

¹ «Lactant». De M. Persecut. pp. 7, 23.

² Taine, «L'Ancien Régime», pp. 337—338 (в английском переводе).

«В Чольсбери, в Беккингам-Шайре, в 1832 году, поступление налога на призрение бедных вдруг прекратилось за невозможностью продолжать его сбор, так как помещики отказались от ренты, арендаторы от своих ферм, духовенство от церковных земель и десятины. Пастор, м-р Джестон, показывает, что в октябре 1832 года приходские администраторы побросали свои счетные книги, и бедные собрались толпой у его дверей, когда он был еще в постели, прося у него совета и пищи. Несколько времени они поддерживались частью на собственные его скудные средства, частью милостыней соседей, частью на дополнительные сборы, наложенные на соседние приходы»¹.

К этому члены комиссии, из отчетов которой заимствована Приведенная цитата, присоединяют совет благодетельного ректора (духовный чин пастора): «Разделить всю землю между способными к работе приходскими нищими», — в надежде, что при известной помощи, в продолжение двух лет, они впоследствии будут в состоянии содержать себя сами. Подобного рода факты, как иллюстрация к сделанному в парламенте предсказанию, что при действии старого закона о бедных лет через тридцать земля перестанет возделываться, — ясно свидетельствуют, что при дальнейшем увеличении общественных тягостей дело может легко окончиться принудительной обработкой земли под контролем администрации.

Дальше возникнет вопрос о переходе в собственность государства железных дорог. Такой переход на материке совершается уже в широких размерах; и у нас, несколько лет тому назад, в защиту его раздавались громкие голоса. И вот теперь крик по этому поводу, поднятый было разного рода политиками и публицистами, подхвачен вновь демократической федерацией, предлагающей «приобретение железных дорог в собственность государства, с вознаграждением или без вознаграждения теперешних владельцев». По-видимому, давление сверху, поддерживаемое давлением снизу, сулит осуществить эту меру, внушаемую широко распространяющейся ныне повсюду политикой;

¹ «Report of Comissioners for Inquiry into the Administration and Practical Operation of the Poor Laws», p. 37, February 20, 1834. (Отчет комиссии для расследования администрации и практической деятельности законов о призрении бедных.)

а вместе с тем нам предстоит увидеть немало и других сопутствующих перемен. Железнодорожники, первоначально строители-владельцы одних только железных дорог, стали потом хозяевами весьма многих предприятий, посредственно или непосредственно связанных с железнодорожным делом, а потому государство должно будет приобрести вслед за покупкой железных путей и все эти предприятия. Имея уже в своих руках исключительную доставку писем и телеграмм и готовое присвоить себе не менее исключительную доставку посылок, государство сделается не только единственным перевозчиком пассажиров, товаров и минералов, но прибавит к своим и без того многочисленным промыслам еще много новых. Уже и теперь, кроме своих морских и военных сооружений: постройки гаваней, доков, молов и проч., — оно ведет дело кораблестроителя, пушкостроителя, фабриканта ручного оружия, изготовителя амуниции, солдатского платья и сапог; а когда оно, сверх того, приобретет и железные дороги, «с вознаграждением или без вознаграждения» (как гласят демократические федералы), — то должно будет сделаться, в придачу, еще и фабрикантом локомотивов, вагонов, изготовителем брезентов и смазки, собственником пассажирских пароходов, хозяином угольных копей, каменоломен, владельцем омнибусов и проч. Тем временем местные его представители, — муниципальные управления, — во многих местах уже и теперь водоснабдители, газопроводчики, строители и собственники конно-железных дорог, хозяева ванн и купален, — конечно, успеют нахватать себе еще немало и разного другого дела. И когда, таким образом, государство, косвенно или прямо, приобретет или создаст множество отраслей оптового производства и оптовой торговли, оно будет иметь уже веские прецеденты к распространению своей деятельности и на мелочную торговлю; следуя в этом, скажем, хотя бы примеру французского правительства, которое долго было табачным лавочником*.

Очевидно, стало быть, что нововведения, совершившиеся, совершающиеся и пропагандируемые, направляют нас не только к приобретению государством земли, жилищ и путей сообщения, которым всем сплошь предстоит быть управляемыми и обрабатываемыми посредством правительственных чиновников, но и к государственному захвату всех видов

промышленности, частная деятельность в которых, постепенно все более убиваемая конкуренцией государства, имеющего все средства устроить дело как только для него удобнее, постепенно будет все более вытесняться, подобно тому, например, как вытесняются пансионами школы для приходящих. И таким образом будет осуществлен желаемый социалистами идеал.

Представим себе теперь, что он уж осуществляет этот мечтаемый идеал, на пути к которому так называемые *практические политики* содействуют социалистам и который так соблазняет последних своею светлою стороною; спрашивается, какова должна быть его темная сторона, которой они не замечают? Известное замечание, повторяемое так часто по поводу затеваемых свадеб, говорит, что люди, согретые пламенными надеждами, сосредоточивают обыкновенно все внимание исключительно на ожидаемых ими радостях и совсем не думают о сопутствующих этим последним страданиях и печалях. Дальнейшею иллюстрацией этой избитой истины служат для нас политические энтузиасты и фанатические преобразователи. Находясь под исключительным впечатлением зол, присущих нынешнему общественному устройству, и не приписывая их врожденным недостаткам человеческой природы, лишь в ограниченной степени приспособленной к требованиям общественной жизни, — они воображают себе, что все бедствия очень легко могут быть устранены тем или другим переустройством. Но даже и при удаче их планов, они успели бы в действительности не более, как только заменить одно зло другим. Еще бы только они поразмыслили немного, с полным спокойствием, то скоро убедились бы, что со введением предлагаемых ими порядков их вольности и права, как свободных людей, должны будут уменьшиться в той же самой мере, в какой они надеются обеспечить материальное благосостояние.

Ни одна форма кооперации в большом или малом размере не может обойтись без контроля свыше и всегда требует подчинения распоряжающимся властям. Любая из существующих ныне организаций для проведения социальных реформ может служить этому доказательством. И они уже вынуждены иметь свои советы, своих облеченных властью вожakov, которым другие должны повиноваться под страхом неотвратимой в противном случае неурядицы и неудачи. Собственный опыт тех самых

людей, которые громче всех ораторствуют за новый социальный порядок под отеческим контролем правительства, свидетельствует, что даже в частных, добровольно сформированных обществах власть распорядителей становится скоро если и несовершенно неодолима, то все же весьма велика; на столько велика в самом деле, что очень часто возбуждает строптивость и ропот между прочими членами общества. Профсоюзы (Trades Unions), ведущие своего рода промышленную войну за интересы рабочих против интересов их нанимателей, убеждают нас, что для успеха им безусловно необходима строгая дисциплина — почти военная по своей суровости, и что всякое разногласие между руководителями губит дело. Даже в кооперативных товариществах, составляющихся, собственно, только для ведения тех или других промышленных или торговых предприятий, а потому не требующих такой покорности вожакам, какая необходима там, где дело идет о нападении или защите, должностная администрация на наших глазах приобретает все-таки такую власть, что иногда слышатся уже жалобы «на тиранство распорядителей». Судите же после этого — чего следует ожидать там, где вместо сравнительно совсем ничтожных ассоциаций местных и добровольных, к которым можно принадлежать или нет, как угодно, — вырастает ассоциация национальная и всеобъемлющая, в состав которой все граждане волей-неволей должны будут войти и из которой нельзя будет выйти иначе, как покинуть отечество. Судите сами, чем при таких условиях должна сделаться власть иерархически организованной и централизованной администрации, вооруженной всеми ресурсами всего государства и опирающейся на силу любого размера, какая только может потребоваться для приведения в действие ее декретов и для охранения того, что она называет порядком. Недаром такой человек, как Бисмарк чувствует вождеделение к государственному социализму.

Теперь, видя, — как и они должны видеть, если вполне обдумали свою схему, — власть распорядительных органов в новой социальной системе, рисующейся в таких привлекательных краях, пусть адвокаты этой системы спросят себя: к чему будет естественно стремиться такая власть? Не останавливаясь, как они обыкновенно делают, исключительно на вопросе о материальном благосостоянии и нравственном спокойствии, которые,

будто бы, могут быть вполне обеспечены благотворительной администрацией, пусть хоть немного подумают о цене, какую придется за это заплатить. Распорядители не в силах создать предметов житейской необходимости; они могут только распределять между отдельными лицами то, что последние сами, соединенными силами, произвели. Если от общинной власти будут требовать, чтобы она всех обеспечила, то она, с своей стороны, должна будет потребовать, чтобы ей доставляли все необходимые для этого средства. Тут уж немислимо, как при ныне действующей у нас системе, свободное соглашение нанимателя с нанимаемым; при будущей системе оно в принципе исключено. И на место его должно будет стать, с одной стороны, приказание местных начальников рабочим, а с другой — покорное исполнение рабочими заданного им от начальства урока. На такие именно отношения и указывают нам ясно, хотя, быть может, и бессознательно, члены демократической Федерации. Они предлагают именно, чтобы все работы производились «земледельческими и фабричными армиями, под правительственным контролем», забывая, по-видимому, что армии предполагают иерархию офицеров, которые будут естественно требовать себе повиновения, без чего ни порядок, ни подлежащий успех работы не могут быть обеспечены. А таким образом каждый станет перед агентами власти в положение раба по отношению к господину.

«Но персонал управляющих будет таким господином, которого сам управляемый, совместно с другими, создал и постоянно держит в своих руках и который поэтому не осмелится контролировать своих подчиненных строже, чем это необходимо для блага всех и каждого».

Первый ответ на подобное возражение — это то, что если бы на самом деле было и так, то все-таки каждый член общества, сам по себе, будет рабом общины как целого. Подобное отношение обыкновенно и существовало в воинствующих общинах, даже при мнимой народной форме правления. В Древней Греции действовал признаваемый всеми принцип, что каждый гражданин не принадлежит ни себе, ни своему семейству, а принадлежит городу; причем, как известно, у греков понятие города было равнозначно понятию государства. И эту-то систему, свойственную народу, живущему в состоянии непрерывной войны, социализм вдруг хочет воскресить в государстве, которое,

предполагается, будет чисто промышленным. Труд каждого делается собственностью всех, как собирательного лица, а самому трудящемуся будет выдаваемо за произведенную работу такое вознаграждение, какое власти заблагорассудят назначить. Таким образом, даже и при условии, если администрация будет действительно такой благодетельной, какой надеются ее видеть сторонники социального переворота, — все-таки рабство, хотя и мягкое, неминуемо должно быть неизменным результатом предполагаемой организации.

Второе возражение состоит в том, что администрация в самом скором времени неизбежно сделается совсем не такой, как того желают, а потому рабство будет далеко не мягким. Социалистические расчеты грешат тем, что исходят из ошибочного предположения, очень похожего на то, которое делает ошибочным и расчеты *практического политика*. Думают, что чиновник будет действовать именно так, как от него ожидают, чтобы он действовал, а этого в действительности никогда не бывает. Коммунистический механизм, подобно ныне действующему социальному механизму, придется строить из материала, какой имеется налицо в свойствах человеческой природы, а недостатки этой последней породят и в будущем те же бедствия, какие существуют и теперь. Властолюбие, эгоизм, несправедливость, недобросовестность, доводящие часто, сравнительно в очень короткий срок, до расстройств и разорения частные общества, — там, где последствия будут накапливаться из поколения в поколение, — неминуемо породят бедствия несравненно более крупные и менее исправимые; ибо обширная, сложная, обладающая всеми возможными средствами и пособиями, правительственная организация, однажды разившись и укороенившись, должна стать неодолимой. И если нужно еще доказывать, что периодическое отправление избирательной власти не в силах предотвратить этого, то достаточно привести в пример французское правительство времен Второй империи, которое, будучи чисто народным по происхождению и находясь от поры до времени под контролем народной воли, тем не менее попирало свободу граждан до такой степени, что английские делегаты на последнем конгрессе промышленных союзов называли это попирательство «позорным и небывалым явлением в республиканской нации»*.

Конечным результатом будет возрождение деспотизма. Дисциплинированная армия гражданских чиновников, подобно тому как и армия, состоящая из военных, даст своему главе верховную власть, такую власть, которая часто поведет к узурпации, как это было в средневековой Европе и еще больше в Японии, или, чтобы недалеко ходить за примером, как это случилось в наше время, у собственных наших соседей. Недавние признания мосье де Мопя* свидетельствуют, как легко глава конституционного государства, избранный и облеченный доверием от всего народа, может, при помощи небольшого числа бессовестных заговорщиков, парализовать значение представительного собрания и сделаться самодержавным. И мы имеем все основания полагать, что те, кто достигнет власти в социалистической организации, не посовестятся добиваться своих эгоистических целей во что бы ни стало, какими бы то ни было средствами. Если уже об акционерах, с выгодой или убытком для себя соорудивших сеть железных дорог, которая так возвысила наше народное благосостояние, в совете демократической федерации было сказано, что они *захватили пути сообщения*, то можно судить, с какою крайнею несправедливостью распорядители социальной организации способны себе объяснять претензии частных лиц и классов, им подчиненных. И, видя дальше, как члены того же совета требуют, чтобы государство приобрело железные дороги *«с вознаграждением или без вознаграждения»*, мы можем не без основания заключить, что вожди желаемой идеальной общины не будут особенно затрудняться какими-нибудь интересами справедливости и не остановятся в преследовании той политики, какую они сочтут за нужную, — политики, которая, разумеется, будет всегда тождественна с интересами их верховенства. Случись при таких условиях что-нибудь вроде войны с соседним государством или какой-нибудь междоусобной смуты, требующей вооруженной силы для ее подавления, и социалистическая администрация превратится разом в страшную тиранию, подобную той, которая существовала некогда в Древнем Перу, — тиранию, под гнетом которой масса народа, находясь в руках чиновничьей иерархии, живя под недремлющим уличным и домашним надзором и работая чисто для содержания правящих властей, будет получать сама едва одно только голое

пропитание. И тогда, в новой форме, воскреснет вполне та правительственная система совместного принудительного труда, исчезающую традицию которой представляет старый консерватизм — система, к которой новый консерватизм желает ныне нас возвратить.

«Но мы будем настороже против этого и примем все меры, чтобы предотвратить такие бедствия», — скажут нам, без сомнения, энтузиасты. Будут ли то *практические политики* с их новыми регулирующими мероприятиями, или коммунисты с их системой переустройства труда, ответ у них всегда один: «Правда, подобного рода планы, вследствие непредвиденных причин или неблагоприятных случайностей, часто рушились; но мы воспользуемся прошедшим опытом и достигнем цели». Нет, по-видимому, никакой надежды заставить людей убедиться в истине, кажется, однако же, довольно очевидной, что благоденствие общества и справедливость его учреждений зависит, в сущности, от характера его членов и что ни в том, ни в другом отношении улучшение невозможно без улучшения характера людей, которое достигается путем развития мирных занятий, не стесняемого ничем, кроме потребностей благоустроенного общежития. Ворование не одних социалистов, но и так называемых либералов, усердно расчищающих путь для первых, состоит в том, что при надлежащем умении худо функционирующее человечество может быть вогнано в формы отлично функционирующих учреждений. Но это не более как иллюзия. Природные недостатки граждан неминуемо проявятся в дурном действии всякой социальной конструкции, в какой бы их ни устроили. Нет такой политической алхимии, посредством которой можно бы было получить золотое поведение из свинцовых инстинктов.

III | ГРЕХИ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ

Правда ли или нет, что человек состоит из беззаконий и зачат во грехе, но несомненно, что правительство возникло от насилия и зачалось насилием. В маленьких первобытных обществах, где в течение многих веков царил мир, не существует ничего подобного; там нет никакой принудительной организации, а есть разве только почетное преобладание, когда вообще есть преобладание. В этих исключительных общинах, которые не нападают и сами, по особым причинам, не подвергаются никакому нападению, правдивость, честность, справедливость и гуманность установились в людях настолько твердо, что достаточно бывает, чтобы общественное мнение время от времени высказывалось на собрании старейшин, созываемом через неправильные промежутки времени. И наоборот, мы находим доказательства тому, что власть начальника, признанная сначала временно в течение войны, устанавливается навсегда, если война продолжительна, и укрепляется там, где война была удачна и повела к подчинению соседних племен. Затем примеры, встречающиеся у всех народов, несомненно доказывают ту истину, что принудительная власть царя и «царя царей» (титул, часто встречающийся на Востоке) возрастает по мере того, как он расширяет свои завоевания и соединяет под своим владычеством все большее и большее число народов. Сравнения открывают нам еще другую истину, которую мы должны бы всегда хранить в памяти, а именно, что правящая власть становится все более агрессивной внутри общины, чем она агрессивнее вне ее. Как для того, чтобы составить хорошую армию, необходимо, чтобы солдаты разных чинов повиновались командующему ими, точно так же для того, чтобы создать сильную воинскую общину, надо, чтобы граждане подчинялись руководящей власти; надо, чтобы они доставили нужное число людей и отдавали бы все имущество, которое от них требуют.

Очевидным выводом отсюда будет, что правительственная мораль, в зачатках своих тождественная с военными обычаями, должна долгое время сообразовываться с ними и может удаляться от них лишь по мере того, как сокращаются военная

деятельность и военные приготовления. Доказательство тому мы видим на каждом шагу. Теперь на материке гражданин свободен лишь тогда, когда он не служит более в армии; но он всю свою остальную жизнь трудится для того, чтобы поддерживать военную организацию. Даже в Англии серьезная война, делая рекрутский набор необходимым, отняла бы временно вольности большого числа людей и уменьшила бы их у других, принуждая их путем поборов платить за необходимые издержки, т.е. заставляя их работать известное число дней для государства. Кодекс поведения правительства относительно граждан неизбежно составляется сообразно с кодексом поведения граждан в их взаимных отношениях.

Я не буду в настоящей статье говорить ни о нарушениях права, ни о совершенных жестокостях; большая часть истории состоит в изложении таких фактов; я не хочу также описывать те внутренние беззакония, которые сопровождали беззакония внешние. Я не имею намерения делать перечень преступлений неотвественных законодателей, начиная с царя Куфу (камни его колоссальной гробницы были заложены в кровавом поту десятков тысяч рабов, которых заставляли работать под ударами кнута в течение долгих лет), продолжая египетскими, ассирийскими, персидскими, македонскими и прочими завоевателями, и кончая Наполеоном, который для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие и увидеть весь цивилизованный мир у своих ног, погубил по крайней мере два миллиона людей. Я не задаюсь также целью исчислять здесь грехи ответственных законодателей, оставляющих длинные списки законов, созданных в интересах господствующих классов. В Англии в этот список входят и законы, долгое время поддерживавшие рабство и торговлю невольниками, пользуясь которыми подвергали пытке около 40 000 негров в год, запикивали их в трюмы судов во время плавания под тропиками и губили таким образом большинство из них. Список этот заканчивается хлебными законами, которые, как говорит сэр Эрскин Мей, «чтобы поднять арендные цены, приговорили неисчислимую массу народа к страданиям голода».

Без сомнения, описание главных злодеяний ответственных и неотвественных законодателей было бы не лишним и послужило бы для различных целей. Оно ясно показало бы

тождественность правительственной морали с обычаями войны, тождественность, которая неизбежно существовала в те первобытные времена, когда армия была просто мобилизованное общество, а общество — армия на покое, которая существовала в течение долгих периодов и даже в наше время имеет большое влияние на наше судопроизводство и нашу повседневную жизнь. Показав, например, что у бесчисленных племен дикарей судебных функций начальника не существует, или они существуют лишь по имени, и что в большинстве случаев в первобытную эпоху европейской цивилизации каждый индивид должен был сам защищать себя и свои права, как только мог; показав, что в Средние века право частной войны между членами воинствующего ордена было отменено не потому, что верховный глава считал своей обязанностью подчинять споры своему суду, но потому что частные войны уменьшали силу его армии в общих войнах; показав, что в течение последующих веков применение правосудия сохраняло еще свой первобытный характер в судебных поединках, происходивших в присутствии короля или его представителя в качестве судьи — поединков, удержавшийся до 1819 г. в форме дуэлей — показав все это, мы могли бы утверждать, что и в наше время судебные поединки существуют под другим видом: поединки, в которых борцами являются адвокаты, а орудием — кошельки. В гражданских процессах правительство нисколько не заботится о том, чтобы потерпевшей стороне была оказана справедливость: его представитель следит лишь за тем, чтобы соблюдены были правила поединка; результат же менее зависит от справедливого отношения к делу, чем от туго набитого кошелька и от ловкости адвоката. Более того, правительство так мало заботится о правосудии, что, если в судебном поединке, происходившем в присутствии его представителя, кошельки борющихся опустели и если по апелляции одного из них решение было изменено, побежденный обязан заплатить за ошибки настоящего и бывшего представителя его, и весьма часто потерпевшее лицо, просившее о защите или возмещении потери, выходит из суда нищим.

Такой хорошо составленный список злодеяний правительства, список того, что оно сделало и чего не сделало, доказал бы, что известная часть кодекса еще находящейся в силе морали существует со времен военного положения и приспособлена

к нему, и умерил бы, может быть, рвение тех, которые работают для расширения правительственного контроля. Убедившись в том, что продолжают существовать не только внешние черты, но и принципы этого первобытного политического строя, созданного постоянным милитаризмом, реформатор и философ не стали бы, может быть, ожидать таких великих благ от всестороннего вмешательства правительства и стали бы более доверять неправительственным организациям.

Но, оставляя в стороне большую часть обширных вопросов, содержащихся в заглавии этой статьи, я намерен заняться здесь только относительно малой долей их, а именно теми грехами законодателей, которые являются не плодом их честолюбия или классовых интересов, но происходят от небрежного отношения к изучению того, что они нравственно обязаны знать прежде, чем примутся за работу.

Представьте себе, что аптекарский ученик, выслушав описание некоторых болей, которые он считает желудочными коликами, тогда как боли в действительности происходят от воспаления слепой кишки, предпишет больному сильное слабительное и уморит его. Его объявят виновным в убийстве по неосторожности. Его оправдание, что он имел доброе намерение помочь страждущему, не будет принято во внимание. Он не в состоянии будет защитить себя, сказав, что он просто ошибся в диагнозе. Ему ответят, что он не имел права подвергать опасности жизнь больного, вмешиваясь в дело, о котором он имеет весьма недостаточные сведения. Он не может оправдываться тем, что не знал, до какой степени он невежествен. По общепринятому правилу, он должен был знать то, что знают все, а именно, что даже те, которые изучили медицину, а тем более те, которые ее не изучали, делают ошибки в диагнозе болезней и в выборе лекарств. Так как он пренебрег предостережением, данным общепринятым мнением и опытом, он является ответственным за последствия.

Но ответственность законодателей за зло, которое они могут причинить, определяется с большим снисхождением. В большинстве случаев не только не думают, что они заслуживают наказания за то, что причинили вред законами, изданными по неведению, но их даже и не осуждают за это. Вообще думают, что общераспространенный опыт должен бы был

научить аптекарского ученика не соваться в медицину, но никто не думает, что общественный опыт должен бы был научить законодателя не издавать законов, пока он не приобретет достаточных для этого знаний. Хотя он имеет перед собой в собрании законов своей страны и других стран множество фактов, рисующих ему жестокие бедствия, бывшие следствием плохого законодательства, его все-таки не осуждают за то, что он пренебрег этими предостережениями против слишком поспешного вмешательства. Наоборот: все считают заслугой с его стороны, если он, может быть, только что оставив школу, может быть, приехав из провинциального города, где приобрел большое состояние, может быть, покинув судебную карьеру, в которой составил себе имя, вступает в парламент и тотчас же с легким сердцем начинает оказывать содействие или препятствие тому или другому образу действий политического учреждения. В этом случае нечего оправдывать его тем, что он не знает, насколько он невежествен, ибо публика вообще думает, так же как и он, что нет никакой надобности знать более того, что мы узнаем из дебатов и предположенных мерах.

А между тем достаточно бросить взгляд на историю законодательства, чтобы увидеть, насколько бедствия, причиненные невежественными законодателями, многочисленнее несчастных случаев, происшедших по вине невежд, бравшихся за лечение. Читатель извинит меня, если я приведу несколько общеизвестных примеров. Век за веком государственные деятели издавали против ростовщичества законы, ухудшавшие положение должника, заставляя подняться процент «с пяти на шесть; когда они имели намерение опустить его на четыре, как при Людовике XV», и причиняя косвенно множество непредвиденных зол, препятствуя, например, продуктивному употреблению имеющегося свободного капитала и «налагая на мелких владельцев бесчисленное множество постоянных обязательств». Точно так же попытки остановить скопление товаров в одних руках, продолжавшиеся в Англии в течение пятисот лет и не допускавшие во Франции, по свидетельству Артура Юнга, «покупать на рынке более двух мер пшеницы», в течение многих поколений увеличивали нищету и смертность, происходившие вследствие дороговизны. В действительности же функция негоцианта, который в трактате «De Pistoribus»* называется «притеснителем

бедного люда», состоит, как всем известно, в том, чтобы уравнивать снабжение продуктами рынка, не допуская слишком быстрого истощения запасов. Такова была также мера, принятая в 1315 г. для уменьшения голода, мера, предписывавшая цены съестных припасов, но вскоре отмененная после того, как она заставила совершенно исчезнуть с рынка некоторые пищевые продукты. Таковы были также меры, применявшиеся более долгое время, как, например, правила, по которым судья должен был определять *разумные* (умеренные) *выгоды* торговцев съестными припасами. Попытки, сделанные для того, чтобы установить высоту заработной платы, сделаны были в том же духе и имели те же пагубные последствия. Они начались со статута рабочих при Эдуарде III и прекратились лишь шестьдесят лет тому назад, после того, как, заставив долгое время фабрики и население квартала Spitalfields владеть печальное существование, лорды и палата общин, наконец, решились не возлагать на чиновников обязанности назначать плату ткачам шелковых материй.

Здесь меня, вероятно, остановят с нетерпением; мне скажут: «Все это давно известно — это старая история. Бедствия, причиненные вмешательством в торговые и промышленные вопросы, в достаточной степени намозолили нам уши, и нечего нам читать нравоучения по этому поводу». Во-первых, я отвечу на это, что большинство до сих пор этого как следует не изучало, а те, которые и знали это, уже все забыли. Разве мотивы, руководящие в наше время изданием подобных предписаний, не те же самые, что и в прежние времена? В статуте 35 Эдуарда III, целью которого было помешать увеличению цен на сельдь (но который был очень скоро отменен, потому что в действительности возвысил их), жалуются на то, что люди, приходя на рынок, торгуются за селедку и каждый покупатель из хитрости или зависти надбавляет цену против другого; если один предлагает 40 шиллингов, другой предложит на 10 шиллингов больше, и таким образом предложение одного превосходит предложение другого. Запрещенная таким образом в то время «манера перебивать товар на рынке», манера, приписываемая «хитрости и зависти», снова осуждается и в наше время. Зло конкуренции всегда составляло главный предмет жалоб социалистов, и совет демократической федерации осуждает

обмены, делаемые «под контролем индивидуальной алчности». Затем я скажу, что парламент постоянно распространяет на новые области закона спроса и предложения свое вмешательство, которое последующие поколения находят вредным, что он увеличивает, — как я готов доказать, — в этих областях зло, которое стремится пресечь, и вызывает другие бедствия, как вызывал их в былые времена в тех областях, куда он перестал теперь вмешиваться.

Возвращаясь к прежней теме, я продолжаю утверждать, что невежественные законодатели в былые времена постоянно усиливали страдания человечества, стараясь умерить их, и, обращаясь к читателю, скажу: умножьте число вышеупомянутых законов и число порожденных ими зол на десять или на еще большее число, и вы в состоянии будете составить себе понятие о законах, измышленных без знания социальной науки. В докладе, прочитанном в Статистическом обществе в мае 1873 г., Дженсон, вице-президент общества законодательства, констатировал тот факт, что со времени статута Мертона* (Генрих III) до конца 1872 г. было принято 18 110 законодательных мер, из которых четыре пятых, по его расчету, были отменены совершенно или отчасти. Он утверждает также, что число законодательных мер, совершенно или отчасти отмененных или измененных в течение трех лет (1870, 1871, 1872), достигало 3532, из которых 2759 были совершенно отменены. Чтобы видеть, продолжались ли эти отмены в той же пропорции, я рассмотрел для трех последних сессий тома, содержащие в себе «общие публичные статуты», печатавшиеся ежегодно. Оставляя в стороне многочисленные измененные парламентские акты, я нашел, что в трех последних сессиях шестьсот пятьдесят актов, *принадлежащих к настоящему царствованию* (королевы Виктории. — Прим. пер.) и к многим предшествующим царствованиям, были совершенно отменены отдельно или группами. Число это, конечно, превышает обычную норму, так как за последнее время *Свод законов* подвергся сильному очищению. Но в конце концов мы все-таки должны признать, что в наше время было отменено несколько тысяч законов. Конечно, некоторые законы были отменены потому, что они устарели; другие — по причине изменившихся условий (эту последнюю группу нельзя считать особенно многочисленной, если мы

вспомним, сколько недавно изданных законодательных актов подверглись отмене); третья — просто потому, что были нецелесообразны, и, наконец, несколько законов были соединены в один. Но нет никакого сомнения в том, что в большинстве случаев законы отменялись потому, что дали вредные результаты. Мы совершенно свободно говорим о таких изменениях, мы с полным равнодушием толкуем об отмененных законах, забывая, что эти законы, прежде чем их отменили, наделали много более или менее серьезного вреда: некоторые вредили в течение нескольких лет, другие в продолжение нескольких десятилетий, и даже веков. Замените ваше смутное понятие о дурном законе более определенным понятием; представьте себе закон как причину, влияющую на жизнь народов, и вы увидите, что он представляет собой такое-то количество страданий, такое-то число болезней, такую-то цифру смертей. Дурная форма судопроизводства причиняет истрацам убытки, проволочки и потерю процесса. Что отсюда получается? Бесполезная трата денег, которые необходимы для жизни, продолжительная и тяжелая тревога, несчастье целой семьи, дети, которым принуждены отказывать в пище и необходимой одежде, одним словом, всякие невзгоды, ведущие за собой новые несчастья. Подумайте также о множестве людей, которые, не имея средств или храбрости затеять процесс, решаются на обман, впадают в бедность и терпят материальные и нравственные страдания вследствие нанесенного им ущерба. Сказать, что закон был просто препятствием, это значит сказать, что он причинил бесполезную потерю времени, неприятности и хлопоты, а для людей, и без того занятых сверх сил, этот излишек хлопот и забот ослабляет здоровье и прямо или косвенно ведет к всевозможным страданиям. Итак, убедившись в том, что плохое законодательство есть синоним ущерба для жизни людей, вы можете судить, какую сумму нравственных и физических мучений, смертей представляют собой эти тысячи отмененных законов! Чтобы еще полнее доказать ту истину, что законодатель, не обладающий достаточными знаниями, причиняет громадный вред, позвольте мне привести следующий специальный факт, вызванный в моей памяти одним злободневным вопросом.

Я уже упомянул о том, что попытки изменить отношения между спросом и предложением, от которых уже отказались

в некоторых областях экономической жизни вследствие причиненных ими бед, имеют место теперь в других отраслях. Эти отношения считаются нормальными только там, где противное доказано злом, причиненным попытками вмешательства, — так мало люди верят в правомерность этих отношений. По-видимому, никто и не подозревает, что в тех случаях, когда ее, по-видимому, не существует, естественный ход событий был нарушен искусственными препятствиями. И тем не менее в том случае, о котором я говорю (постройка домов для бедных), стоит только задать себе вопрос: какое влияние оказывают с давних лет законы? И мы увидим, что страшные бедствия, на которые все жалуется, причиняются большей частью именно ими.

При предшествующем поколении поднят был вопрос о недостаточности и негигиеничности жилищ рабочих, и я имел случай заняться этим вопросом. Вот что я писал тогда:

«Один архитектор, исправляющий также должность инспектора, говорит, что строительный устав имел следующее действие: в тех кварталах Лондона, где находятся ветхие дома, построенные тем непрочным способом, который новый закон должен был изменить, домовладельцы, дома которых были построены до вотирования нового закона, получают в среднем достаточно выгодную квартирную плату. Эта средняя плата определяет цифру, которую можно получить в кварталах за новые дома такого же типа, то есть с тем же количеством комнат, так как люди, для которых их строят, не оценивают прочности стен, укрепленных железными брусьями. Из опыта же видно, что дома, построенные согласно с нынешними постановлениями и отданные внаймы по установившимся ценам, не приносят достаточного дохода. Поэтому строители ограничились тем, что построили дома в лучших кварталах (где возможность выгодной конкуренции с раньше существовавшими домами показывает, что раньше существовавшие строения были достаточно удобны), и перестали строить для бедных классов, исключая те кварталы, где гигиенические условия не требуют немедленных изменений. За это время в указанных выше бедных кварталах получилась слишком большая скученность населения, по полдюжине семей жили в одном доме, по двадцать человек в одной комнате. Явились и другие последствия.

Печальное состояние разрушения, до которого допускают эти жилища бедных, происходит от отсутствия конкуренции с новыми домами. Домовладельцы видят, что их жильцам не представляется случая оставить их дом для лучшего помещения. Ремонт, не доставляющий больших выгод, не производится... В сущности, наибольшая доля ужасов, которые наши санитарные агитаторы стремятся устранить путем законов, явилась по вине предшествующих агитаторов той же школы!» («Social Statics», 1851).

Законодательство причинило не одни только эти бедствия. Нижеприведенная цитата показывает, что существуют и другие. В одной статье «Строителя», написанной до отмены налога на черепицу, мы читаем: «Предполагают, что четвертая часть расходов на жилище, отдающееся внаймы за 2 шиллинга 6 пенсов или за 3 шиллинга в неделю, приходится на долю издержек по заключению контракта и налога на лес и кирпич, употребленные для постройки. Понятно, что домовладелец желает вернуть свои издержки и заставляет для этого жильцов платить 7 с половиной или 9 пенсов». Г. Гатклиф, секретарь общества для улучшения домов рабочих, описывая действие налога на окна, говорит: «Наше общество платит теперь в квартале св. Панкратия 162 ф. 16 шилл. налога на окна, т.е. 1% в год на капитал. Средняя цифра квартирной платы жильцов общества равняется 5 шилл. 6 пенсам в неделю, а налог на окна поглощает из них 7 с четвертью пенсов в неделю» (Times, 31 января 1850 г.).

И это не единственные примеры, взятые из печати того времени. Times, 7 декабря 1850 г. напечатал письмо из Reform Club'a, подписанное «Архитектор», где мы читаем следующее:

«Лорд Киннэрд во вчерашнем номере вашем рекомендует постройку образцовых жилищ путем соединения двух или трех домов в один.

Позвольте мне заметить его сиятельству и его другу, лорду Эшли, на которого он ссылается, следующее:

- 1) во-первых, если бы был отменен налог на окна,
- 2) во-вторых, если бы был отменен строительный устав (за исключением параграфов, требующих, чтобы внутренние и внешние стены были несгораемы);
- 3) в-третьих, если бы пошлины на строевой лес были уравнены или отменены;

- 4) в-четвертых, если бы издан был закон, облегчающий переход собственности, то было бы ровно столько же поводов строить образцовые жилища, сколько есть поводов строить образцовые суда, или образцовые ткацкие мастерские, или образцовые паровые машины.
- 5) Первый закон ограничивает жилище бедной семьи семью окнами.
- 6) Второй закон ограничивает пространство жилища бедняка 25×18 футами (приблизительно размеры порядочной столовой), и в это пространство строитель принужден поместить лестницу, переднюю, общую комнату и кухню (в том числе стены и перегородки).
- 7) Третий (закон о пошлинах) принуждает строителя употреблять для дома бедных негодный для постройки лес, так как пошлины на хороший товар (из Риги) в пятнадцать раз выше пошлин на плохой товар (из Канады). Само же правительство исключает последний из всех своих контрактов.
- 8) Четвертый закон внес бы большие перемены в несчастное современное положение жилищ для бедных. Мелкая земельная собственность могла бы тогда переходить так же легко, как и аренда. Иногда строили дурно только потому, что строили на арендованной земле.

Чтобы не впасть в заблуждение или преувеличение, я советовался с г-ном Форрестом, предпринимателем, имеющим за собой сорокалетний опыт и строящим в больших размерах в бедных кварталах. Как член фабричного совета и благотворительного комитета, он к своим обширным знаниям по части построек присоединяет еще и большую осведомленность в местных общественных делах. Г-н Форрест, разрешивший мне назвать его имя, подтверждает вышеприведенные мнения, за исключением одного, которое находит не вполне отвечающим истине. Он говорит, что «Архитектор» смягчает значение вреда, называя дом для бедных «домом четвертого разряда», так как размеры его гораздо ниже приводимых им (может быть, сообразно с более поздним изданием строительного устава). Г-н Форрест идет далее. Указывая на дурное воздействие сильного увеличения дохода с капитала (за 60 лет доход увеличился с 1 ф. до 8 ф. 10 шилл. за дом четвертого разряда), он говорит, что

вместе с другими причинами побудило его отказаться от планов, составленных им для жилищ рабочих, постройку которых он намерен был предпринять. Кроме того, соглашаясь с «Архитектором», что зло это весьма усилено было затруднениями в передаче земельной собственности, являющейся следствием утвержденной законом системы временных завещаний и заместительства, он отмечает развитие местных податей (он называет их запретительными налогами), послужившее еще лишним препятствием к построению домов малого размера. Один из его аргументов состоит в том, что к цене каждого нового дома следует прибавить еще налоги на содержание мостовой и стоков, высчитывающихся по длине фасада и лежащихся, следовательно, тяжелее на низенькие, нежели на высокие дома.

От этих зол, проистекающих от законодательства, зол, которые были уже достаточно велики при прежнем поколении и теперь еще увеличились, перейдем к более недавним бедствиям, происходящим от той же причины. Так как вследствие препятствий, воздвигавшихся против постройки домов четвертого разряда, а также вследствие скученности населения в существующих домах, нищета, болезни, смертность постоянно возрастали и становились чересчур кричащими, общество обратилось к правительству за помощью. Оно ответило на этот призыв законами о жилищах рабочих, давая местным властям право сносить постройки, находящиеся в плохом состоянии, и заботиться о возведении новых, более удобных домов. Каков же был результат этой меры? Сокращенный отчет о деятельности столичного бюро работ от 21 декабря 1883 г. показывает, что до сентября этого года бюро, увеличив налоги на один миллион с четвертью, изгнало из жилищ 21 тысячу человек и построило домов на 12 тысяч человек. О помещении остальных 9 тысяч намерены позаботиться в будущем, а пока они остаются без пристанища. И это еще не все. Один местный представитель правительства — комиссия стоков Сити — работая в том же направлении, законным порядком принуждения снесла в кварталах Гольден-Лэн и Петикот-Сквэр массы маленьких ветхих домов, в которых ютилось 1734 человека бедных. Из расчищенных таким образом участков один был продан, по соображениям общественной пользы, для постройки железнодорожной станции, а другой теперь только, через пять лет, начинает застраиваться домами

для рабочих, в которых впоследствии найдет убежище половина изгнанного из прежних домов населения. Если мы прибавим к этому 1734 человека, выселенных столичным бюро, то мы найдем, что почти 11 тысяч человек остались без крова и принуждены были разместиться кое-как в уже обветшалых жилищах.

Итак, вы видите, что сделали законодатели. Плохой постановкой налога они возвысили цену кирпича и строевого леса, увеличили стоимость постройки и побудили к употреблению, в целях экономии, плохого материала в недостаточном количестве. Чтобы эти меры не влияли на квартиры, они, как в Средних веках, установили правила, предписывающие качество производимого товара, не подумав о том, что, требуя более высокого качества и, следовательно, увеличивая цену, они ограничивают спрос и уменьшают предложение в будущем. Вводя новые местные налоги, они создали новые препятствия в постройке более удобных жилищ и, желая ослабить скученность в жилищах бедных, уменьшили пространство, которое и раньше уже не могло содержать их.

Кого же следует обвинять в нищете бедных? Против кого же должны раздаваться горестные жалобы «изгнанников» Лондона?

Немецкий антрополог Бастиан говорит нам, что если житель Гвинеи болен и, не оправдывая чудодейственной силы идола, не выздоравливает, то его убивают, и вообще в Гвинее, по всей вероятности, всякий, кто имел бы смелость усомниться в могуществе фетиша, был бы предан смерти. В те времена, когда правительственная власть поддерживалась такими строгими мерами, было столь же опасно непочтительно отзываться о политическом фетише. В наше время самое большое наказание, которому может подвергнуться человек, сомневающийся во всемогуществе этого фетиша, — это получить название *реакционера*. Он не может даже надеяться поколебать установившуюся веру при помощи собранных им фактов, ибо мы каждый день видим, что вера эта, вопреки всем доказательствам ее несостоятельности — непоколебима. Рассмотрим небольшое количество этих бесчисленных доказательств, на которые обыкновенно не обращается никакого внимания.

«Правительственное бюро похоже на опрокинутый фильтр: вы вводите туда ясные счета, они выходят оттуда смешанными». Такое сравнение сделал однажды в моем присутствии покойный

сэр Чарльз Фокс, отлично изучивший все административные учреждения. Если вышеприведенное сравнение и принадлежит ему, то мнение это разделяют очень многие. Газетные разоблачения и мысли, выраженные в парламенте по поводу этого вопроса, ясно показывают все недостатки административной рутины. Ее медлительность, на которую все постоянно жалуются и которая во времена Форкса Моля доходила до того, что «комиссии запаздывали иногда на два года», проявилась недавно еще в обнаружении общей переписи 1881 года, более двух лет спустя после того, как собраны были сведения. Если поищем объяснения этих проволочек, мы найдем, что они происходят от самой невероятной путаницы. По поводу переписи главный заведующий собиранием сведений говорит, что «затруднения заключаются не только в большом количестве различных округов, подлежащих переписи, но также в чрезвычайно запутанном разделении их границ». Действительно, существует 39 000 административных округов двадцати двух различных категорий, которые взаимно перекрещиваются друг с другом: кантоны, приходы, кварталы, судебные округа, округа административные, санитарные, городские и сельские, епархии и т.д. И таким образом, как на то указывает г. Ратборн (в «Nineteenth Century», 1883), эти бесчисленные роды разделений со своими переплетающимися разграничениями имеют свои отдельные составы служащих, полномочия которых распространяются взаимно на чужие области управления. Если кто-нибудь спросит: почему парламент установил новую серию разделений для каждой отрасли управления? То на это естественным ответом является, что он хотел сохранить последовательность в методе. Эта организованная путаница совершенно соответствует той организованной путанице, которую парламент увеличивает ежегодно: к массе старых законодательных мер он прибавляет известное число новых, противоречащих своими предписаниями предписаниям бесчисленных законодательных актов, к которым их присоединяют. Таким образом, определять, что есть в действительности закон, предоставляется частным лицам, которые тратят все свое состояние на то, чтобы получить судебное разъяснение. С другой стороны, эта система, состоящая в покрытии округов другой сетью округов, совершенно соответствует методу, по которому читающий закон 1872 г. об общественной

гигиене и желающий знать, какие налагаются на него обязательства, отсылается к двадцати с лишним предыдущим законам различных категорий, изданным в разные времена. То же самое мы можем сказать и об административной инерции. Беспрепятственно представляются случаи, показывающие упорное сопротивление бюрократии прогрессу. Так, например, когда адмиралтейскому ведомству предложено было употребление телеграфа, оно отвечало: «У нас есть достаточно хорошая система семафоров». Почтовое же ведомство, по словам сэра Чарльза Сименса, препятствовало пользованию усовершенствованными методами телеграфа, а затем и телефонными сообщениями. Аналогичные факты по отношению к жилищам рабочих показывают, как правительство постоянно одной рукой увеличивает то зло, которое старается уменьшить другой. Так, например, оно накладывает пошлину на страхование от пожара и устанавливает правила, облегчающие тушение огня, или предписывает такие способы постройки, которые, по свидетельству капитана Шау, увеличивают опасность пожара. С другой стороны, нелепости административной рутины, которая оказывается непреклонной там, где этого вовсе не требуется и, наоборот, делает послабления там, где бы должна была выказать твердость, бросаются прямо в глаза. Так, например, секретная государственная бумага большой важности делается известной всем и каждому благодаря тому, что переписка ее поручается плохо оплачиваемому писцу, который даже и не состоит постоянно на службе правительства. Или, например, скрывают от английских артиллеристов высших чинов метод литья Мурсома*, и они узнают его от русских, которым дали ознакомиться с ним; или диаграмма, показывающая расстояния, на которых английские и иностранные броненосцы могут быть пробиты нашими большими пушками, сообщается смелым атташе какого-нибудь посольства своему правительству и узнается затем «всеми Правительствами Европы», тогда как наши собственные офицеры ничего об этом не знают. Точно то же происходит и по отношению к административному контролю. Вполне доказано, что контроль серебра был бесполезен, а между тем он вредил торговле серебром; в некоторых случаях он понизил качество, установив норму, превышать которую не представляло выгоды. Рассмотрите также факт, относящийся к масляному рынку в Корке,

куда невыгодно приносить продукты высшего качества, так как их превосходство не приносит им никакой пользы, или вопрос о копчении селедки (теперь необязательном). В этом случае правило поставило бесчисленных солильщиков низшего разряда, достигающих как раз уровня административного требования, на одну доску с лучшими солильщиками, возвышающимися над этим уровнем, что, разумеется, отняло у последних охоту достигать лучших результатов. Но уроки эти ни к чему не служат. Даже в тех случаях, когда недостатки контроля бросаются в глаза, неуспешность его проходит незамеченной. Это доказывает страшная катастрофа при провале моста на Тэ*, когда потонул целый поезд, наполненный пассажирами. Со всех сторон раздаются жалобы против инженеров, подрядчиков и т.п., и никто, или почти никто, не говорит о служащих администрации, давших мосту официальную санкцию. Точно то же происходит и по отношению к мерам предупреждения против эпидемий. Никто не думает, что под руководством и вследствие предписаний правительственных агентов случаются большие бедствия; но мы знаем, как восемьдесят семь человек — жен и детей солдат — погибли на корабле «Акринтон», или как тиф и дифтерит разносятся благодаря правительственной системе осушения почвы, как в Эдинбурге, или как предписанные правительством санитарные меры — всегда плохо применяемые — увеличивают зло, которое должны пресекать.

Множество доказательств подобного рода не могут сокрушить доверия, с которым обращаются за помощью к санитарной инспекции — теперь к ней взывают еще более, чем когда-либо — как это доказывает выраженное недавно в печати мнение, что все общественные школы должны бы быть поставлены под контроль назначенных правительством врачей. Лучшее того: даже тогда, когда правительство вполне очевидно было причиной зла, на которое жалуются, вера в его благотворное вмешательство не уменьшается. Мы видим это из того факта, что после того, как правительство, лет тридцать тому назад, давало разрешение или, скорее, приказывало городам установить систему канализации, выливающую воду стоков в реки и отравляющую таким образом водоемы, поднялись жалобы против обществ водопроводов на нечистоту последних. Эти жалобы продолжались и тогда, когда города были принуждены

совершенно преобразовать, при громадных издержках, свою канализационную систему. И теперь, в виде единственного средства помочь беде, просят, чтобы правительство взяло все это дело в свое ведение. Все злодеяния правительства становятся таким образом, как и в случае с жилищами рабочих, мотивом просить его совершить еще другие злодеяния.

Действительно, это преклонение перед законодательством в известном отношении менее извинительно, чем обожание фетиша, с которым я в душе сравниваю его. Дикарь может привести в свое оправдание то, что фетиш не говорит, что он не признается в своем бессилии. Но цивилизованный человек упорно приписывает этому, сделанному его собственными руками, идолу могущество, в неимении которого этот идол так или иначе признается сам. Я хочу этим сказать не только то, что дебаты каждый день открывают нам законодательные меры, которые сделали зло вместо добра, ни то, что тысячи законодательных актов, отменяющих предшествовавшие акты — ничто иное как подразумевающиеся признания в неуспехе; я не намекаю также на те почти официальные признания, как, например, признание, содержащееся в докладах комиссии закона о бедных, где сказано: «С одной стороны, мы едва ли найдем один устав, касающийся управления общественной благотворительностью, который выказал бы результаты, имевшиеся в виду законодателями; наоборот, большинство из них было причиной новых зол и увеличило те, которые они должны были пресечь. Сошлюсь на признание некоторых государственных деятелей и заведующих общественными учреждениями. Например, в одной докладной записке Гладстону, принятой на заседании весьма влиятельных лиц под председательством лорда Литлтона, мы читаем:

«Мы, нижеподписавшиеся, члены палаты лордов и палаты общин и жители столицы, вполне признавая истину и важность высказанного вами в палате общин в 1866 г. мнения относительно плачевного состояния наших законодательных распоряжений, относящихся к общественным работам, согласны с тем, что в них одновременно высказывается и неуверенность, и нерешительность, и чрезмерная расточительность, и медлительность, и всевозможные недостатки

и т.д. и т.д.».

Вот еще пример, почерпнутый из недавней записки торгового совета (1883 г.), где говорится, что «после учреждения комитета кораблекрушений в 1836 г. едва была одна сессия, в которой не вотировался бы какой-нибудь закон, то предложенный палатой, то предложенный правительством, чтобы предупредить кораблекрушения», и что «многочисленность уставов, соединенных в 1854 г. в один закон, снова вызвала недоразумения и сделалась источником упреков», так как каждая мера была вотирована вследствие того, что предыдущие меры оказались никуда негодными. За этим тотчас же следует признание, что «с 1876 г. потери в людях и кораблях стали значительно прежнее». Между тем расходы по администрации увеличились с 17 000 ф. ст. до 73 000 в год.

Нельзя не удивляться тому, какое сильное действие некоторые искусственные средства, примененные известным образом, производят на воображение, вопреки разуму. Вся история доказывает эту истину, начиная с татуировки, которой дикарь старается напугать своего противника, до религиозных церемоний, королевских процессий, длинной мантии председателя суда и палочки пристава, одетого в мундир. Я помню ребенка, который мог спокойно смотреть на страшную маску, когда отец его держал ее в руках, и который начинал неистово кричать, если отец надевал маску на свое лицо. Подобная же перемена происходит в чувствах избирательного корпуса, когда их избранные из местечек и графств попадают в парламент. Пока они только кандидаты, они подвергаются насмешкам, пересудам, издевательству той или другой партии, и во всяком случае к ним относятся с крайним пренебрежением; но как только они собрались в Вестминстере, те самые, над которыми журналисты и ораторы издевались, которых они ругали и обвиняли в невежестве и безумии, начинают внушать безграничное доверие. Судя по обращаемым к ним прошениям, ничто не может быть выше их мудрости и могущества.

На все эти замечания мне, вероятно, ответят так: ничего не может быть лучше правительства «коллективной мудрости». Избранные нации, выделяя из своей среды небольшое число государственных деятелей, применяют весь свой просвещенный современной наукой ум к дебатировавшимся в их присутствии вопросам. «Чего же вам еще надо?» — спросит большинство читателей.

Я отвечу на это, что та современная наука, подвигшая, как говорят, наших законодателей к тому, чтобы приготовиться хорошо исполнять свои обязанности, есть наука, большая часть которой оказывается для них, очевидно, бесполезной, и что они заслуживают порицания, так как не видят, какая наука им может пригодиться. Если многие из них будут отличными филологами, то от этого они не будут лучшими судьями в очередных вопросах, и иностранная литература, знакомство с которой доступно для них благодаря их филологическим познаниям, вероятно, мало поможет им в данном случае. Политические опыты и рассуждения, основанные на истории древних обществ и на сочинениях философов, утверждающих, что война есть нормальное состояние, что рабство необходимо и справедливо и что женщин следует держать под постоянной опекой, не послужат тому, чтобы определить, какое действие произведут известные законодательные акты на великие нации современного типа. Они могут размышлять о действиях всех великих людей, которые, по теории Карлейля*, дают обществу его форму, и могут проводить годы за чтением наполняющих исторические сочинения подробностей о международных столкновениях, изменах и договорах, интригах, не облегчая себе этим понимание причин и происхождения различных общественных форм и общественных явлений и условий влияния на них законов. Познания, приобретенные на фабриках, на бирже и в залах судов, также далеко не дают надлежащей подготовки.

Что действительно необходимо — это систематическое изучение естественной связи между причиной и следствием в том виде, в каком эта связь проявляется среди человеческих существ, составляющих общество. Хотя ясное сознание этой связи является одним из конечных результатов умственного развития, хотя дикарь не имеет никакого понятия о механической причине, хотя даже греки думали, что полетом какого-нибудь дротика управляют боги, хотя эпидемиям почти до нашего времени приписывали сверхъестественное происхождение и хотя между социальными явлениями самое сложное из всех: отношение между причиной и следствием, по всей вероятности, еще долго останется неясным, — однако в наше время существование такого отношения сделалось слишком очевидным. Все мыслящие люди должны бы уже прийти к заключению, что

прежде чем брать на себя обязанность изменить это отношение, следует тщательно изучить его. Ясные теперь общественные факты, как, например, факт, что между числом рождений, смертей, браков и ценой хлеба существует известная связь; что в одном и том же обществе в течение жизни одного и того же поколения пропорция между числом преступлений и цифрой населения изменяется в тесных пределах — эти факты должны бы наглядно показывать всем, что человеческие стремления, руководимые соединенным с ними разумом, действуют всегда почти одинаково. Из этого следовало бы заключить, что среди других социальных причин, причины, порожденные законодательством, влияя одинаково и с некоторой регулярностью, должны изменять не только действия людей, но даже и их натуру — и изменять совершенно иначе, чем этого можно было ожидать. Следовало бы признать тот факт, что в обществе, более чем где-либо, причины порождают много последствий, и следовало бы предвидеть, что отдаленные и косвенные последствия столь же неизбежны, как и ближайшие. Я не говорю, что это мнение и эти выводы отрицаются; но убеждения бывают различной силы; некоторых держатся лишь номинально, другие слабо влияют на наш образ действий, третьи, наконец, имеют на нас неотразимое влияние во всех обстоятельствах жизни; и, к сожалению, убеждения законодателей касательно сцепления причин и следствий в социальных вопросах принадлежат к первой категории. Рассмотрим некоторые из истин, которые признаются всеми ими, но в очень ограниченном числе серьезно принимаются во внимание, когда издаются законы.

Нет никакого сомнения в том, что каждый человек до известной степени способен изменяться как в физическом, так и в умственном отношении. Все методы воспитания, все упражнения, начиная с упражнений ученого математика до упражнений профессионального борца, все награды за добродетель и наказания за порок, подразумевают мнение, выраженное в некоторых пословицах, гласящих, что употребление или неупотребление какой-нибудь способности, физической или умственной, бывает причиной изменения ее, то есть влечет за собой ее ослабление или усовершенствование.

Кроме того, всем известен факт, что изменения в природе, произведенные тем или другим путем, делаются наследствен-

ными. Никто не отрицает, что, вследствие накопления незначительных изменений в течение жизни нескольких поколений, сложение людей приспосаблиется к условиям, так что климат, нездоровый для других рас, не причиняет никакого вреда приспособившейся к нему расе. Никто не отрицает, что народы одного корня, расселившиеся в различных странах и ведущие различные образ жизни, приобретают с течением времени различные способности и направления. Никто не станет отрицать, что при новых условиях образуются новые национальные характеры даже в настоящее время. Доказательством тому служат американцы. А если никто не отрицает совершающегося повсюду и непрерывно процесса приспособления, то из этого следует, очевидно, заключить, что изменения этого процесса неизбежно сопровождают каждое изменение в социальных условиях.

К тому, что было сказано, можно, наконец, прибавить, что всякий закон, способствующий изменению образа действий людей — налагая на них новые стеснения или доставляя им новые облегчения, — влияет на них так сильно, что природа их с течением времени приспособляется к нему. Кроме всякого немедленного воздействия, есть еще воздействие отдаленное, совершенно игнорируемое большинством, преобразование среднего характера, преобразование, которое может быть желательно или нежелательно, но которое, во всяком случае, есть самый важный факт, и его следует принимать во внимание.

Другие общие истины, над которыми гражданин, а тем более законодатель, должен бы был подумать до тех пор, пока не усвоил бы их себе в совершенстве, открываются нам тогда, когда мы спрашиваем себя: из каких элементов складывается социальная деятельность? И когда мы убеждаемся в очевидности ответа, что она представляет собой коллективный результат желаний индивидов, ищущих возможность удовлетворить их каждый сам за себя и следующих обыкновенно по тому пути, который кажется им наиболее легким, судя по их ранее приобретенным привычкам и образу мысли, то есть по линии меньшего сопротивления (истины политической экономии — просто вывод из такого ответа). Нет надобности доказывать, что социальный строй и социальная деятельность являются так или иначе продуктом человеческих эмоций, направляемых идеями предков или людей

живущих. Исходя из этого рассуждения, мы вынуждены признать, что объяснение социальных явлений заключается в совместном действии этих факторов из поколения в поколение.

Такое толкование прямо ведет к заключению, что между коллективными результатами ищущих удовлетворения человеческих желаний, те, которые вызвали индивидуальные усилия или добровольную кооперацию, гораздо более способствовали социальному развитию, нежели те, которые побуждали к действию, благодаря вмешательству правительства. Если обильные жатвы покрывают теперь поля, на которых росли прежде лишь дикие ягоды, мы обязаны этим индивидуальному стремлению удовлетворить потребности, не ослабевавшему в течение жизни многих поколений. Если удобные дома заменили хижины, это совершилось потому, что люди хотели увеличить свое благосостояние; города тоже обязаны своим существованием подобным импульсам. Торговая организация, теперь столь обширная и сложная, началась в те времена, когда люди собирались на религиозные празднества, и создалась всецело благодаря стремлению к достижению своих личных целей. Правительства же всегда действовали наперекор этому развитию, и если и помогали ему чем-либо, то только исполняя отчасти присущи им функции и поддерживая общественный порядок. Точно то же замечается и по отношению прогресса наук и их применения, сделавшего возможным изменение строя общества и расширение общественной деятельности. Не правительству обязаны мы массой полезных изобретений, начиная с заступа и кончая телефоном; не правительство сделало открытия в физике, химии и в других науках, руководящих современными фабрикантами; не правительство выдумало те машины, которые служат для производства различных предметов, для перевозки людей и предметов с места на место и всеми возможными способами содействуют нашему удобству. Все коммерческие операции, распространяющиеся на страны всего мира, вся торговля, наполняющая улицы наших городов, этот мелочный обмен, благодаря которому мы имеем под рукой необходимые в повседневной жизни предметы — во всем этом нет никакого участия правительства; все это — результаты добровольной деятельности граждан, работавших в одиночку или группами. Более того, сами правительства обязаны этим добровольным

усилиям средствами выполнять свои обязанности. Отнимите у политического механизма все те пособия, которые доставляют ему науки и искусства; оставьте правительство только с теми ресурсами, которые выдумали чиновники, и деятельность его тотчас же прекратится. Даже язык, служащий ему для издания своих законов и для передачи своих приказаний своим чиновникам, есть орудие, которым оно обязано отнюдь не законодателю, язык создан незаметным образом в сношениях между людьми, преследовавшими свои личные цели.

Другая истина, вытекающая из предыдущей, это та, что различные части социальной организации, создавшейся добровольно, связаны между собой таким образом, что вы не можете действовать на одну, не действуя более или менее и на все другие. Это ясно видно, например, когда недород хлопка парализует сначала фабрикантов известных мануфактурных округов, затем влияет на действия оптовых торговцев и на продавцов всего государства, так же, как и на потребителей, и, наконец, затрагивает фабрикантов, купцов и потребителей других изделий — из шерсти, льна и т.д. То же самое наблюдаем мы, когда повышение цены на уголь влияет на домашнюю жизнь, создает помехи в большинстве производств, поднимает цены фабричных изделий, ограничивает потребление этих изделий и изменяет привычки потребителей. То, что мы ясно видим в приведенных примерах, имеет место более или менее заметным образом и в других случаях. Очевидно, что законодательные акты — один из факторов, которые, помимо своего непосредственного влияния, дают еще самые неисчислимы и самые разнообразные результаты. Один выдающийся профессор, труды которого создали ему большой авторитет в этих вопросах, высказал в моем присутствии следующую мысль: «Раз вы начали делать изменения в порядке природы, вы не можете сказать, каков будет конечный результат». Если это замечание верно по отношению к порядку в царстве природы, то это тем более справедливо относительно естественного порядка, существующего в организациях, созданных человеческими существами, соединенными в общества.

В подтверждение того вывода, что законодатель должен бы вносить в исполнение своей обязанности ясное сознание этих очевидных истин и других истин того же рода касательно

человеческого общества, составляющего объект его деятельности, я позволю себе развить более подробным образом одну из истин, о которой я еще не говорил.

Чтобы какой бы то ни было высший вид мог размножаться, он должен сообразоваться с двумя противоположными принципами. С представителями его должно обращаться противоположным образом в детстве и в зрелом возрасте. Мы рассмотрим эти два состояния.

Один из самых общеизвестных фактов — что животные высшего типа, сравнительно медленнее достигая зрелости, могут, достигнув ее, давать своим детенышам более забот, чем животные низших типов.

Взрослые кормят своих детенышей в течение более или менее продолжительного периода, в то время, когда детеныши еще неспособны доставать себе средства существования. Поэтому вполне очевидно, что поддержание вида бывает обеспечено только тогда, когда заботы родителей сообразованы с нуждами, вызываемыми несовершенством развития.

Нечего и говорить, что неоперившийся и слепой птенец или щенок, даже уже зрячий, погиб бы очень скоро, если бы был принужден доставать себе тепло и пищу. Самоотверженность родителей должна быть тем более сильной, что детеныши не приносят пользы ни себе, ни другим, и она может уменьшаться по мере того, как, развиваясь, детеныши становятся способными сначала заботиться о самих себе, а потом помогать и другим. Из этого мы делаем заключение, что в нежном возрасте благоденствия должны быть расточаемы в обратной пропорции к силе или ловкости того, кто их получает. Ясно, что если бы в первой части жизни блага были пропорциональны достоинству или награды сообразны с заслугой, то вид прекратился бы на протяжении поколения.

От этого *режима* семейной группы перейдем к *режиму* более обширной группы, состоящей из взрослых особей вида. Посмотрите, что произойдет тогда, когда новый индивид, вполне научившись владеть своими силами и перестав получать помощь от родителей, предоставляется самому себе. С этой минуты вступает в действие принцип как раз противоположный тому, который мы только что описали. В течение всей остальной своей жизни каждый взрослый индивид

получает блага пропорционально своему достоинству, награды — соответственно своим заслугам: под достоинствами и заслугами мы подразумеваем в том и в другом случае способность удовлетворять потребностям жизни, доставать себе кров и пищу и избегать врагов. В соревновании с членами своего собственного вида, в борьбе с членами других видов индивид чахнет и умирает или же благоденствует и размножается сообразно с тем, хорошо или плохо он одарен. Очевидно, что обратный режим, если бы возможно было его поддерживать, сделался бы со временем пагубным для вида. Если бы получаемые каждым индивидом блага были соразмеряемы с его несовершенством, если бы следовательно размножение слабейших индивидов было поощряемо, а размножение сильнейших останавливалось, следствием этого явилось бы прогрессирующее вырождение, и вскоре выродившийся вид не мог бы существовать рядом с видом, который ведет борьбу, и с видом, который конкурирует с ним.

При этом особенное внимание следует обратить на тот факт, что образ деятельности природы внутри семейной группы и вне ее — диаметрально противоположен в том и в другом случае и что перемещение порядка этой деятельности будет пагубным для вида тотчас же или в будущем.

Есть ли на свете человек, который думал бы, что эта истина не применима к человеку? Может ли он отрицать, что в человеческой семье, как и во всех семьях низших животных, соразмерность благ с достоинством должно иметь пагубные последствия? Может ли он утверждать, что вне семьи, среди взрослых не следует соразмерять блага с заслугами? Может ли он утверждать, что не произойдет никакого зла от того, что мало одаренным субъектам дана будет возможность благоденствовать и размножаться наравне с хорошо одаренными или даже более их? Человеческое общество, находящееся в борьбе или в соревновании с другими обществами, может быть рассматриваемо как вид, что оно так же, как и другие общества или разновидности, будет неспособно устоять в борьбе с обществами — своими противниками, если будет поддерживать свои низшие единицы в ущерб высшим. Разумеется, каждый должен видеть, что если бы принцип семейной жизни вполне применялся в социальной жизни, если бы вознаграждение всегда было тем больше,

чем меньше заслуги, то это повело бы к пагубным для общества последствиям. Если же это так, то даже частичное введение семейного режима в область режима правительственного должно привести к аналогичным последствиям. Общество как целое, не может, не подвергая себя немедленной или более или менее отдаленной гибели, перемещать действие этих двух противоположных принципов, следование которым сделало все общества способными достигнуть своего настоящего образа жизни и удерживаться в своем состоянии.

Я намеренно употребил выражение «общество как целое», так как отнюдь не намереваюсь устранять или осуждать помощь, оказываемую плохо одаренным людям людьми, лично хорошо одаренными. Правда, эта помощь наносит вред, если распределяется как и кому попало, так что дурно одаренные люди получают возможность размножаться. Но, при отсутствии помощи со стороны общества, личная благотворительность, к которой прибегали прежде с сознанием большей ответственности и шире, нежели это делается теперь, практиковалась бы ради оказания помощи несчастным, достойным участия предпочтительно перед теми, которые по существу не достойны помощи. Кроме того, из этой благотворительности общество извлекало бы все выгоды, которые вытекают из развития чувства симпатии. Однако это не мешает нам утверждать, что необходимо поддерживать радикальное различие между моралью семьи и моралью государства и что если великодушие должно лежать в основе первой, то существенным принципом второй должна быть справедливость. Не следует изменять нормальных отношений между гражданами, отношений, в силу которых каждый получает взамен своего грубого или искусного, физического или умственного труда вознаграждение, соответствующее спросу, вознаграждение, позволяющее ему благоденствовать и воспитывать своих детей соразмерно с теми качествами, которые делают жизнь его ценной для него и для других.

И однако, несмотря на то, что очевидность этих истин должна была бы поразить всех, кто, оторвавшись от поглощающих их внимание занятий, оглянулся бы на условия нашей жизни, к которым мы принуждены приспособляться, мы все-таки продолжаем требовать отечески распоряжающегося правительства. Смещение семейной морали с государственной

не только не считается вредным для общества, но по большей части призывается как единственно действительное средство обеспечить общественное благо. Это заблуждение достигло теперь такой степени, что извращает убеждения даже тех, кого следовало считать более свободными от него, нежели свободны другие. В сочинении, которому Cobden Club присудил* премию в 1880 г., говорится, что «истина свободного обмена затемнена заблуждениями системы *laissez faire*», и затем, что «нам нужно гораздо более отеческое правительство, какое было бы пугалом в глазах прежних экономистов».

Только что изложенная мною истина имеет весьма важное жизненное значение, так как от признания или непризнания ее меняются политические убеждения. Поэтому я позволю себе остановиться на ней, приведя выписки из одного сочинения, напечатанного мной в 1851 г., и попрошу только читателя не считать мое мнение неразрывно связанным с содержащимися в нем теологическими выводами. Представив картину «того состояния всеобщей войны, среди которого живут все низшие существа» и показав, что от этого получается некоторая доля добра, я продолжаю:

«Заметьте также, что их плотоядные враги истребляют в травоядных стадах не только тех особей, которые пережили уже период зрелости, но также и болезненных, дурно сложенных, менее сильных и быстрых из них. Этот отбор вместе с бесчисленными боями, происходящими в период спаривания, предупреждает вырождение расы, которое было бы следствием размножения низших особей, и обеспечивает сохранение организмов, вполне приспособленных к окружающей среде и, следовательно, наиболее способных обеспечить себе благосостояние.

Развитие высших видов есть движение вперед — к форме существования, способной дать счастье, свободное от этих неизбежных зол. Это счастье должно осуществиться в человеческой расе. Цивилизация есть последняя ступень к его осуществлению, идеальный человек есть существо, живущее в условиях этого счастья. А пока благополучие существующего человечества и движение к окончательному совершенству обеспечиваются той благодетельной, но строгой дисциплиной, которой подчинена вся природа. Эта

дисциплина беспощадна, этот закон неумолим; они ведут к счастью, но никогда не допускают послаблений, чтобы не причинить частичных и временных страданий. Бедность неспособных, несчастье неосмотрительных, нищета лентяев, уничтожение слабых сильными, оставляющее столь многих «среди подонков нищеты» — таковы результаты безграничной, но целесообразно поступающей доброты.

Чтобы стать способным к социальной жизни, человек должен не только отделаться от дикости своей природы, он должен еще приобрести необходимые для цивилизованной жизни навыки. Он должен развить в себе умение заниматься, изменить свой ум настолько, чтобы он мог приспособиться к своим новым задачам, а главное — должен обладать достаточной энергией, чтобы отказаться от ничтожного, немедленного наслаждения, и за то получить большее наслаждение в будущем. Переходное состояние будет, разумеется, тяжелым. Нищета есть неизбежное следствие несоответствия между природой человека и внешними условиями. Все бедствия, постигающие нас и принимаемые невеждами за очевидные последствия той или иной причины, которую возможно устранить, на самом деле — роковым образом сопровождают совершающееся приспособление. Человечество обязано подчиняться неизбежным условиям своего нового положения, оно должно приспособиться к нему и пустить в дело все свои силы, чтобы перенести истекающее из него зло. Процесс этот *должен* совершиться, страдания *должны* быть перенесены. Никакая сила в мире, никакой выдуманный искусными законодателями закон, никакой проект, имеющий целью исправить условия человеческой жизни, никакая коммунистическая панацея, никакая реформа, которую когда-либо совершили или совершат люди, — не могут уменьшить этих страданий ни на одну йоту. Можно усилить их интенсивность, и ее усиливают, и философ, стремящийся отвратить это зло, всегда найдет достаточно средств к изощрению своего мышления. Однако перемена ведет за собой *должную* долю страданий, которых нельзя уменьшить, не изменяя самих законов жизни.

Разумеется, если суровость этого процесса смягчается непосредственной симпатией людей друг к другу, на это ничего

возразить нельзя, хотя эта симпатия несомненно наносит вред, когда проявляется без предварительного изучения конечных последствий. Но вытекающие из этого неудобства ничто в сравнении со сделанным добром. Только тогда, когда симпатия побуждает к незаконным поступкам, когда она является причиной запрещенного законом нарушения общей для всех свободы, когда она в частном проявлении жизни искажает отношение между закономерным порядком и условиями жизни — только в таких случаях она безусловно производит зло. Тогда она сама мешает выполнению своих планов. Она способствует размножению людей, наименее способных к существованию, и, следовательно, препятствует размножению людей, наиболее способных к жизни, составляя менее места для последних. Она стремится наполнить мир людьми, которым жизнь принесет наибольшее количество страданий, и закрывает доступ в нее тем, кому она может принести наибольшее число радостей. Она создает положительное несчастье и мешает положительному счастью» («Social Statics», 1851).

Хотя с тех пор, как напечатаны были эти страницы, протекла целая треть столетия, я не вижу никакой причины отказаться от выраженного мною в то время взгляда. Напротив, этот период времени принес множество доказательств, подтверждающих приведенное здесь мнение. Время показало, что если выживают только способные индивиды, то от этого получаются бесконечно более счастливые результаты, чем результаты, описанные нами выше. Дарвин доказал, что «естественный подбор», соединенный со стремлением к видоизменениям и к наследственности видоизменений, есть одна из главных, но, как я полагаю, не единственная причина той эволюции, благодаря которой все живые существа, начиная с самых низших, достигли своей теперешней организации и приспособления к своему образу жизни. Эта истина сделалась слишком общеизвестной, и я должен извиниться в том, что привожу ее. И, однако, смешно сказать, именно теперь, когда эта истина принята большинством просвещенных людей, теперь, когда они прониклись благотельным влиянием продолжительности жизни наиболее способных до такой степени, что, по-видимому, не должны бы парализовать ее действие, они более, чем в какую бы ни было отдаленную

историческую эпоху, напрягают все свои силы для продолжения существования самых неспособных.

Но постулат, согласно которому люди считаются разумными существами, постоянно приводит нас к чрезвычайно далеким от истины заключениям.

«Да, в самом деле: ваш принцип выведен из жизни животных, а потому это — животный принцип. Вы не убедите меня в том, что люди должны подчиняться тем правилам, которым подчиняются животные. Мне нет никакого дела до ваших аргументов, взятых из естественной истории. Моя совесть внушает мне, что слабым и несчастным следует помогать, и что если эгоисты не хотят помогать им, то их следует принудить к тому законом. Не говорите мне, что млеко человеческой благодати должно быть расточаемо только в индивидуальных сношениях, а правительства должны воздавать каждому лишь по самой строгой справедливости. Всякий человек, одаренный малейшей долей симпатии, должен чувствовать, что надо устранять голод, страдание и грязь, и что если частные учреждения не достигают цели, то вмешательство правительства необходимо».

Такое возражение сделают мне из десяти человек девять. Некоторые, конечно, говорят под влиянием столь сильной симпатии, что они не могут видеть человеческое страдание без чувства нетерпения, а потом становятся неспособными думать об отдаленных последствиях. Что касается чувствительности других, то к ней можно отнестись с некоторым недоверием. Люди, которые то в том, то в другом случае выражают крайнее возмущение, когда видят, что Правительство, ради поддержания наших, якобы национальных, «интересов» или нашего национального «престижа», не спешит посылать на край света несколько тысяч человек, причем часть из этих тысяч, истребляя другие тысячи людей, ради того, что мы подозреваем их во враждебных намерениях или видим для себя угрозу в их учреждениях, или же хотим захватить их территорию для наших колонистов, такие люди, говорю я, право же, не могут быть воодушевлены столь нежными чувствами, чтобы вид страданий бедняка был для них невыносим. Не следует также восхищаться гуманностью тех людей, что требуют политики, разрушающей общества, которые идут по пути прогресса, и взирают

затем с циничным равнодушием на оставленную после разрушения путаницу, сопровождаемую печальным кортежем нищеты и смерти. Те, кто во время войны, когда буры с успехом отстаивали свою независимость, злились на то, что правительство не хотело поддержать британскую «честь», обрекая на смерть и страдания все большее и большее число наших солдат и их противников, не могут быть такими «восторженными гуманистами», какими они желали бы показать себя, защищая мнения, подобные изложенным выше. В действительности эта показная чувствительность, не допускающая людей смотреть на страдания, причиняемые «борьбой за жизнь», бесшумно происходящей вокруг них, отлично мирится в их душе с той бесчувственностью, которая не только терпит настоящие битвы, но еще и находит удовольствие смотреть на них. Об этом удовольствии говорит нам успех продажи иллюстрированных газет, содержащих сцены избиений, и жадность, с которой читаются подробные отчеты о кровавых битвах. Нам не могут поставить в вину недоверие к искренности людей, которые уверяют, что содрогаются при мысли о страданиях, переносимых главным образом людьми ленивыми и беспечными, и которые тем не менее раскупили тридцать одно издание «Пятнадцати решающих сражений мира»*, чтобы насладиться рассказами о кровопролитиях. Еще более удивительным представляется контраст между кажущейся чувствительностью и действительной жестокостью тех, которые желали бы перевернуть естественное течение жизни, чтобы облегчить немедленно страдания даже ценою гораздо больших страданий в будущем. При других обстоятельствах вы услышите, как те же лица, без всякой заботы о жизни своих ближних, будут утверждать, что в интересах человечества вообще следует истреблять низшие расы и заменять их высшими. Итак, к нашему удивлению, люди не могут с полным спокойствием думать о страданиях, сопровождающих борьбу за существование, которая ведется без насилия среди членов одного и того же общества, и могут смотреть безмятежно на самую страшную форму тех же страданий, когда они огнем и мечом причиняются целым общинам. Поэтому, мне кажется, что такое притворное великодушие по отношению к «меньшим братьям» внутри страны не заслуживает большого уважения, когда люди со спокойным сердцем жертвуют своими же «меньшими братьями» вне страны.

Но этот чрезмерный интерес, проявляемый к людям нашей расы, и полное равнодушие к людям чужой расы кажутся нам еще менее достойными уважения, когда мы видим, как они проявляются. Если бы этот интерес побуждал к личным усилиям, чтобы облегчить участь несчастных, его можно было бы одобрить по справедливости. Если бы большое число людей, щеголяющих этим дешевым состраданием, походило на малое число тех, которые неустанно, неделя за неделей и год за годом, посвящают значительную часть своего времени на то, чтобы помогать, ободрять, а иногда и веселить своих ближних, дошедших до нищеты вследствие несчастий, вследствие своей неспособности или дурного поведения, мы бы, не колеблясь, преклонились перед ними. Чем больше будет мужчин и женщин, доставляющих бедным средства помогать себе собственными усилиями, выказывающих свое участие к ним лично, а не через уполномоченных лиц, тем более мы будем радоваться этому. Но большинство лиц, желающих посредством законов облегчать участь несчастных и неосторожных, предполагают совершать это дело с весьма малыми издержками для себя, главным же образом на счет других, иногда спрашивая на то их согласие, а иногда и вовсе не спрашивая его. Больше того: те, которых хотят таким образом принудить оказывать благодеяния несчастным, очень часто сами нуждаются в благодеяниях. Бедные, достойные участия, всегда находятся в числе тех, которых обременяют налогами ради оказания помощи бедным, вовсе не стоящим никакого участия. Как при прежнем законе о бедных, прилежный и предусмотрительный труженик ради того, чтобы негодяи не страдали, был принужден платить до тех пор, пока он не падал под бременем налогов и сам не был принужден искать приюта в рабочем доме, точно так же и теперь местное обложение в больших городах доходит до такой цифры, за которую «перейти нельзя, не подвергая жестоким лишениям мелких ремесленников и торговцев, которым и без того трудно оберегать себя от позора пауперизма». Точно так же во всем остальном принятая у нас политика стремится увеличить страдания лиц, наиболее заслуживающих участия, чтобы помочь тем, которые не стоят ровно никакой жалости. Одним словом, люди до такой степени сострадательные, что не допускают, чтобы борьба за жизнь налагала на негодных людей страдания, происходящие от их негодности

или дурного поведения, в то же время настолько бесчувственны, что увеличивают тяжесть этой борьбы для граждан, заслуживающих уважения, и причиняют им и их детям искусственные бедствия, кроме естественных, которые тем приходится переносить.

Последнее соображение снова возвращает нас к теме, указанной в названии этой главы, к грехам законодателей. Здесь нашим глазам представляется самая обыкновенная из ошибок, которую делают стоящие у власти лица, ошибка до того обыкновенная и освященная обычаями, что никто и не смотрит на нее, как на ошибку. Здесь мы видим, что правительство, зародившееся, как мы уже сказали, на почве стремлений к захвату, продолжает своей политикой захваты выказывать свой прирожденный характер даже тогда, когда оно, с первого взгляда, представляется нам благодетельным по внешним приемам, то есть я хочу сказать, когда оно выказывает доброту, идущую рука об руку с жестокостью. Разве же не жестоко увеличивать страдания лучшей части человечества ради того, чтобы уменьшить бедствия худшей его части?

Любопытно видеть, как легко мы поддаемся обману благодаря фразам, изображающим только внешний вид фактов и ничего не говорящим о их внутреннем значении. Поразительным доказательством тому служат выражения «покровительство» (промышленности) и «протекционизм» (покровительственная торговая система), употребляемые противниками свободного обмена, выражения, молчаливо допускаемые самими сторонниками такого обмена. Что «покровительство» всегда обуславливает собой насилие и что название «протекционист» должно бы быть заменено названием «агрессионист» (насильник) — вот истина, которую они обыкновенно игнорируют, а другие до сих пор не умеют раскрыть. А между тем вполне очевидно, что если для того, чтобы поддержать выгоды А, мы запрещаем В покупать у С, или если мы на В налагаем штраф в виде таможенной пошлины в том случае, когда он покупает у С, то мы совершаем насилие над В ради того, чтобы оказать «покровительство» А. Более того, протекционисты вдвойне заслуживают названия насильников, так как для того, чтобы доставить выгоды одному производителю, они облагают поборами десять потребителей.

Подобное же смешение понятий, происходящее от того, что обыкновенно смотрят на вопрос с одной только стороны, замечается во всяком законодательстве, которое силой отнимает у одного человека его собственность, чтобы наделить даровыми благодеяниями другого. Обыкновенно когда дебатировалась одна из бесчисленных мер этого характера, думают главным образом о том, что надо защитить несчастного Джонса от какой-нибудь напасти, и нисколько не помышляют о вреде, наносимом этой мерой Брауну, который работает изо всех сил и очень часто гораздо более достоин сожаления. Вымогают деньги у поденщицы, которая не может платить налоги иначе, как терпя самые большие лишения, у каменщика, оставшегося без работы вследствие стачки, у ремесленника, у которого все сбережения поглотила болезнь, у вдовы, которая стирает и шьет с утра до ночи, чтобы накормить своих детей — и все это ради того, чтобы лентяй не страдал от голода, чтобы дети менее бедных соседей получали дешевое обучение и чтобы разные господа, большею частью более зажиточные, могли чуть не задаром читать газеты и романы! Употребление неправильных выражений имеет в данном случае более важные последствия, чем тогда, когда называют протекционистом того, кто должен бы называться агрессионистом, ибо, как мы это видели сейчас, покровительство порочным беднякам ведет к насилию над добродетельными бедняками. Правда, что большую долю вымогаемых денег платят люди не нуждающиеся, но ведь это не утешение для тех, которые стеснены в средствах и должны отдавать последнее. Более того, если мы сравним обязательства каждой из этих категорий, то мы увидим, что дело обстоит еще хуже, чем кажется на первый взгляд: действительно, для живущих в довольстве уплата налога является потерей их излишка, а для того, кто терпит нужду, она означает лишение необходимого.

Взгляните теперь, как грозит отомстить Немезида за эти постоянные прегрешения законодателю. Они и их класс, как и все собственники, подвергаются опасности пострадать от радикального применения того общего принципа, который на практике подтверждается каждым из этих актов конфискации, вотируемых парламентом. Из какого же молчаливо подразумеваемого предположения исходят, в сущности, издавая все такие законы? Из того, что на свою собственность, даже на ту, которую

он приобрел в поте лица своего, ни один человек не имеет права иначе, как с разрешения общины, и что община может лишить его этого права в той мере, в какой она сочтет нужным. Невозможно оправдать это отобрание имущества *A* в пользу *B* иначе, как опираясь на тот постулат, что общество, как целое, имеет абсолютное право на имущество каждого из своих членов. В настоящее время эта доктрина, прежде подразумевавшаяся, провозглашается во всеуслышание, так как Джордж и его друзья или Гандмен и его последователи довели теорию до ее логических выводов. Ими было доказано примерами, число которых увеличивается с каждым годом, что личность не имеет ни одного права, которым община могла бы пренебречь, не совершая несправедливости, и теперь они говорят: «Задача будет трудна, но мы превзойдем наших учителей, мы разом сумеем растоптать все личные права».

Различные злодеяния законодателей, о которых мы говорили раньше, объяснимы до известной степени и находят себе некоторое извинение, если мы дойдем до их источника. Они происходят от того ошибочного мнения, что общество есть продукт свободного творчества, тогда как оно есть продукт развития. Ни воспитание прошлых времен, ни нынешнее не научили сколько-нибудь значительное число людей выработать себе научное понятие об обществе, представлять его имеющим естественный строй, в котором все учреждения, правительственные, религиозные, промышленные, торговые и др. находятся во взаимной зависимости друг от друга, строй, который есть до известной степени органический. Если же подобное понятие и существует, то только номинально, и не им определяется образ действий. Наоборот, общество обыкновенно представляют себе, как известное количество теста, которому кухарка может придать какую ей угодно форму: пирога, лепешки или торта. Коммунист самым вразумительным образом показывает нам, что, по его мнению, политический организм может быть пересоздан так или иначе — по желанию, да и многие из наших законодательных мер заключают в себе признание, что общество людей, которым навязали ту или другую организацию, сохранил форму, которую ему хотят дать.

Право, можно было бы думать, что независимо от признания заблуждения того взгляда, будто следует считать общество

пластической массой, а не организованным телом, факты, ежеминутно бросающиеся нам в глаза, должны бы были возбудить в нас сомнения относительно успешности того или другого метода, которым хотят заставить людей изменить свой образ действий. Домашняя жизнь дает гражданину ежедневные доказательства того, что поведение людей обманывает все расчеты. Человек отказывается от мысли командовать своей женой и поступает под ее команду. Из всех методов, испробованных им в воспитании его детей, ни выговоры, ни наказания, ни убеждения не приводят к желаемым результатам, и никакие уговоры не могут заставить их мать не обращаться с ними так, как он считает вредным для них. Точно то же и с прислугой: бранит ли он или уговаривает ее — это редко действует на долгое время: недостаток внимательности, аккуратности, чистоты или трезвости побуждает часто менять прислугу. И однако, несмотря на затруднения, которые он встречает постоянно в своих сношениях с отдельными лицами, он убежден в своем умении распорядиться делами людей, составляющих целую нацию. Законодатель не знает и тысячной доли граждан, не видел и сотой части их, имеет лишь слабое понятие о привычках и образе мыслей тех классов, к которым принадлежит громадная масса, и тем не менее он твердо убежден, что все будут действовать так, как он предполагает, и будут стремиться к цели, которую он наметил. Разве же здесь нет поразительной несогласованности между послылками и выводами?

Эти неудачи домашней жизни, эта полнота, разнообразие и сложность социальной жизни, о которых говорит нам каждая страница газеты и всю грандиозность которых тщетно старается представить нам наше воображение, должны бы были вызвать у каждого большие колебания, прежде чем он возьмется издавать законы, а между тем люди, именно в этом случае, выказывают удивительную самонадеянность. Нигде не существует такого контраста между трудностью задачи и недостаточностью подготовки у тех, которые за нее берутся. Из всех чудовищных заблуждений самое чудовищное, без сомнения, то, что необходимо очень долго учиться какому-нибудь ремеслу, хотя бы, например, ремеслу сапожника, и что единственная вещь, которая не требует никакой выучки, — это умение создавать законы для целой нации.

Делая общие выводы из нашего рассуждения, не вправе ли мы сказать, что законодатель стоит перед столь хорошо известными тайнами, что они не должны бы быть тайнами для того, кто берет на себя громадную и страшную ответственность — сочинять законы для миллионов и миллионов людей, законы, которые, если не будут способствовать их счастью, увеличат их нищету и ускорят их смерть?

Прежде всего, все мы имеем ту неоспоримую, очевидную и вместе с тем совершенно непризнаваемую истину, что все явления, которые мы видим в обществе, имеют свои корни в явлениях индивидуальной жизни людей, а эти явления вытекают из жизненных явлений вообще. Кроме того, что мы принуждены сделать тот неминуемый вывод, что, если только отношения между физическими и умственными явлениями жизни не представляют собой совершенного хаоса (предположение, которого последовательность жизни не допускает), то вытекающие из этих отношений явления не могут быть хаотичными, а следовательно, необходимо существует известный порядок в явлениях, вытекающих из предыдущего ряда явлений, и там, где человеческие существа должны работать над общим делом. Очевидно, что если человек берется создавать правила жизни для общества, не изучив последовательные явления социального порядка в их последовательной связи, то он может быть уверен, что принесет вред.

Во-вторых, если оставить в стороне все априорные рассуждения, этот вывод должен представиться уму законодателя при сравнении различных обществ между собой. Всякому должно бы быть ясно, что прежде, чем заняться подробностями социальной организации, надо задать себе вопрос: имеет ли эта организация свою естественную историю? А чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть, начиная с самых простых обществ, в каких отношениях различные формы социального строя схожи между собой. Краткое изучение сравнительной социологии показывает нам всюду одинаковые начала: обычное существование начальника и утверждение его власти посредством войн, влияние, всюду захваченное врачом и жрецом, наличность культа с одними и теми же основными чертами; следы разделения труда, показывающиеся весьма рано и принимающие мало-помалу более определенные

черты, и затем различные сочетания политических, церковных, промышленных и других сил, появляющиеся по мере того, как группы соединяются и распадаются в результате войн. Все эти факты, когда мы их сравниваем, показывают, что, помимо их особенных, им одним свойственных отличий, общества представляют собой общие черты сходства в образе возникновения и развития. Они представляют собой черты структуры, доказывающие, что социальная организация имеет законы более сильные, чем личная воля людей, и что, не изучая их, люди рискуют сделать много зла.

Наконец, в-третьих, существует целая масса поучительных уроков, содержащихся в собраниях законов всех стран, и с этими уроками, очевидно, еще более необходимо считаться. В Англии, как и в других странах, все бесчисленные попытки, сделанные государственными деятелями, не принесли той пользы, которую должны были принести, и причинили бедствия, каких от них вовсе не ожидали. Шел век за веком, и новые меры, подобные прежним и основанные на тех же принципах, всегда оказывались несостоятельными и влекли за собою новые беды. А между тем ни избиратели, ни те, кого они избирают, не думают, что необходимо систематическое изучение этих законов, которые в былые времена делали народ несчастным, хотя и имели целью составить его счастье. А ведь нет никакого сомнения в том, что человек не может исполнять должность законодателя, если не обладает основательным знанием этих опытов, завещанных нам прошлым.

Итак, возвращаясь к аналогии, о которой мы говорили вначале, мы должны сказать, что в нравственном отношении законодатель является или свободным от порицания, или безусловно виновным, смотря по тому, изучил ли он фактически различные классы общества. Врач, который после многих лет ученья приобрел достаточные сведения по физиологии, патологии и терапии, не может считаться преступником, если человек умирает во время его лечения; он подготовился к лечению, как только мог, и сделал то, что мог. Точно так же и законодателю, который своими мерами, несмотря на обширные и систематические знания, освещающие его суждение, наносит вред вместо того, чтобы приносить пользу, может быть поставлена в упрек только ошибочность его суждений. Напротив, тот законодатель,

который не знает или плохо знает ту массу фактов, которые он обязан рассмотреть раньше, чем мнение его о предложенном законе могло получить какую-либо ценность, и который тем не менее способствует принятию этого закона, не заслуживает прощения, если этот закон увеличит нищету и смертность, точно так же, как и аптекарский ученик должен быть наказан, если лекарство, прописанное им по невежеству, делается причиной смерти больного.

IV | ВЕЛИКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СУЕВЕРИЕ

Великим политическим суеверием политики прошедших времен было божественное право монархов. Великое суеверие нашего времени — это божественное право парламентов. Миропомазания, по-видимому, совершенно незаметным образом с единой головы стекло на головы большого числа людей, освящая их самих и их декреты.

Можно находить первое из этих верований иррациональным; но нельзя не признать, что оно было логичнее второго. Если мы вернемся к тем временам, когда монарх был богом, или потомком бога, или посланником бога — то мы везде находим основательные причины для пассивного повиновения его воле. Когда, например, в царствование Людовика XIV такие теологи, как Боссюэт, учили, что короли — боги и некоторым образом обладают божественной независимостью, или когда люди верили, как наши торики былых времен, что «монарх есть посланник неба», то очевидно из этой предпосылки получалось обязательное заключение, что для власти государства не может быть пределов. Но современный принцип защищать таким образом нельзя. Законодательный корпус, который не может сослаться ни на божественное происхождение, ни на божественную миссию, лишен возможности прибегнуть к сверхъестественному авторитету для узаконения своих притязаний на неограниченную власть; с другой стороны, никто никогда не пытался обосновать такие притязания доказательствами естественного порядка вещей. Следовательно, вера в неограниченную власть законодательного корпуса не имеет логического характера прежней веры в неограниченную власть монарха.

Любопытно видеть, как люди вообще фактически придерживаются доктрин, от которых они уже отреклись в принципе, сохраняя таким образом сущность после того, как оставили форму. В теологии примером в этом отношении служит Карлейль: будучи студентом, он отрекается от веры предков, но, в сущности, он отбрасывает только оболочку и сохраняет

содержание его понятий о вселенной и о человеке; все его поведение показывает, что он остался одним из ревностных шотландских кальвинистов. Наука также дает нам пример человека, который с натурализмом в геологии соединяет веру в сверхъестественное в биологии — это сэр Чарльз Ляйель. Когда он впервые излагает теорию формации в геологии, он не обращает никакого внимания на космогонию Моисея, зато он еще долгое время продолжает защищать веру в сотворение каждого отдельного органического типа, веру, которая может опираться только на космогонию Моисея, и лишь в самый последний период своей жизни он соглашается с аргументами Дарвина. В политике, как это мы видели из предыдущего изложения, мы имеем перед собой подобную же картину. Молчаливым соглашением признана доктрина неограниченной власти государства: доктрины этой придерживаются и тории, и виги, и радикалы, но она имеет свое начало в той эпохе, когда законодатели считались посланниками Бога. Она жива еще и по сие время, несмотря на то, что вера в божественное посланничество уже исчезла. «О! Парламентский акт всемогущ», — отвечают гражданину, усомнившемуся в законности какого-либо произвольного вмешательства, и гражданин смолкает. Ему и в голову не приходит спросить, каким образом, когда и где возникло такое всемогущество, ограничиваемое только материальной невозможностью.

Мы позволим себе усомниться в этом всемогуществе. Так как теперь не ссылаются более на когда-то отвечавшую требованиям логики теорию, будто царствующий на земле есть представитель того, кто царствует на небе, и потому все люди обязаны повиноваться ему во всем, то мы спрашиваем: на каком основании мы обязаны во всем повиноваться конституционному или республиканскому правительству, не претендующему на небесное происхождение своей власти? Этот вопрос, очевидно, заставляет нас подвергнуть критике прошедшие и настоящие теории, касающиеся политической власти. Может быть, мы должны извиниться, что возвращаемся к давно решенным вопросам, но мы находим достаточное извинение в том, что общепризнанная теория, как мы это развивали выше, плохо обоснована или вовсе не имеет никакой основы.

Прежде всего мы берем понятие о верховной власти, и критический взгляд на это понятие в таком виде, в каком оно

усваивается всеми, кто не признает сверхъестественного происхождения такой власти, приводит нас к аргументам Гоббса.

Допустим справедливость постулата Гоббса: «Когда люди не живут под одной общей властью, держащей их в страхе, они находятся в состоянии, называемом войной... друг против друга». Это неправда, потому что мы знаем нецивилизованные общества, где без «единой общей власти, держащей их в страхе», царствует более глубокий мир и большая гармония, нежели в обществах, где эта власть существует. Предположим также, что Гоббс прав, когда он утверждает, что правительственная власть в обществах основана была первоначально из-за стремления поддержать в них порядок, хотя в действительности эта власть рождается обыкновенно из потребности подчинения вождю во время наступательной или оборонительной войны и не имеет вначале ни теоретически, ни фактически никакого отношения к поддержанию порядка в ассоциации, созданной индивидами. Еще раз допустим ту невозможную гипотезу, что члены общины, во избежание бедствий, причиняемых постоянно повторяющимися столкновениями, заключают между собой «договор или соглашение», по которому все они отказываются от своей первобытной свободы действий; допустим даже, что их потомки навсегда связаны договором, заключенным их отдаленными предками. Не будем, говорю я, возражать на эти данные, перейдем прямо к тем заключениям, которые выводит из них Гоббс. Он говорит так:

«Там, где не существует никакого договора, не была вручена известная часть общих прав, и каждый человек имеет право на все, следовательно, никакое действие не может быть несправедливым. Но там, где есть договор, нарушить его несправедливо, и несправедливость есть ни что иное, как неисполнение договора... Поэтому, прежде чем какому-либо поступку может быть дано название справедливого или несправедливого, необходимо существование принудительной власти, которая силой заставляяет всех людей одинаково исполнять их договор ради страха перед наказанием, более чувствительным, чем та выгода, которую они надеются извлечь из нарушения договора.»

Люди во времена Гоббса были, может быть, действительно настолько развращены, чтобы оправдывать его предположение,

будто ни один из них не исполнил бы договора, которым он связал себя, если бы не было принудительной власти и страха перед наказанием! В наши дни можно «применять эпитеты справедливый и несправедливый» даже и тогда, когда никакого принудительного права не признается.

Между моими друзьями я мог бы назвать с полдюжины таких, которые, — я в этом убежден — были бы верны своему обещанию и без того, чтобы им необходимо было угрожать наказанием, и для которых обязательства имели бы одинаковую силу как при отсутствии принудительной власти, так и при ее наличности. Однако, не останавливаясь на замечании, что эта ничем не доказываемая гипотеза ослабляет аргумент Гоббса в пользу государственной власти, и признавая одновременно и его предпосылки, и его заключения, мы должны остановить внимание читателя на двух важных выводах. Один из них — тот, что власть государства, покоящаяся на таком основании, есть только средство к достижению известной цели и законна лишь в тех случаях, когда служит для приближения к этой цели: если же цель не достигается, то и власть, на основании допущенной гипотезы, не существует. Другое заключение — то, что цель, ради которой получившая такое значение власть существует, состоит в том, чтобы возложить на обязанность правосудия поддерживать справедливость в сношениях между гражданами. Логически рассуждая, никакое принуждение по отношению к гражданам не может быть справедливым, если оно не необходимо или для предупреждения прямых и косвенных покушений, направленных к нарушению договора, или же для организации защиты против внешних врагов. Здесь мы имеем, во всей полноте их функций, обладание верховной властью такими, какими они вытекают из теории Гоббса.

Гоббс строил свои доводы в интересах абсолютной монархии. Его нынешний поклонник, Остин, поставил себе целью вывести авторитет закона из неограниченной верховной власти одного человека или большей или меньшей группы людей по отношению к целой общине. Остин служил сначала в армии, и о нем справедливо говорили, что военная служба оставила следы на его «Province of Jurisprudence». Если мы, не останавливаясь перед его приводящей в отчаяние педантичностью, его бесконечными определениями и беспристрастными

повторениями, служащими к тому, чтобы замаскировать сущность его доктрины, рассмотрим, из чего состоит эта последняя, то мы ясно увидим, что он отождествляет гражданскую власть с военной: он допускает а priori, что как одна, так и другая, по отношению к происхождению и распространенности, сферы влияния стоят вне всякого спора. Чтобы обосновать силу положительного закона, он возвращает нас к абсолютизму власти, которая предписывает его: к монархии, аристократии или наиболее значительной группе избирателей в демократическом государстве, и согласно с этим он называет верховным главой институт подобного рода, противопоставляя его остальной общине, которая по неспособности, или по какой-либо иной причине, остается в подчинении. Признав или, скорее, допустив без всякого рассуждения неограниченную власть того простого или сложного, широкого или узкого коллектива, который он называет носителем верховной власти, ему, разумеется, ничего не стоит вывести отсюда ценность декретов власти, которые он называет положительным законом. Но он только отдалил проблему, а не разрешил ее. Вопрос состоит главным образом в том, чтобы знать: откуда происходит верховная власть? С какой стати отдельное лицо или меньшинство, или большое число людей получает право на такое неограниченное преобладание над остальными членами группы? Критический ум с полным основанием мог бы сказать: «Не трудитесь выводить положительный закон из неограниченной власти; его происхождение достаточно очевидно: докажите сначала вашу абсолютную власть».

На этот вопрос вы не получите ответа. Рассмотрите точку отправления доктрины Остина и вы увидите, что она не более обоснованна, чем доктрина Гоббса. Если мы не допустим божественного происхождения или посланничества, никакое правительство с одной ли, со многими ли главами не может доказать основательности своих притязаний на абсолютную власть.

«Но позвольте, — слышу я со всех сторон, — существует неоспоримое право большинства, дающее неоспоримые права избираемому им парламенту».

Здесь мы дошли до самой сути вопроса. Божественное право парламентов означает божественное право большинства. Основной мыслью и для рассуждения законодателей, и для

народа служит убеждение, что большинство имеет неограниченные права. Такова теория, принятая всеми без доказательств, как истина, очевидная сама по себе. Тем не менее критика, как я думаю, покажет, что это общепринятое мнение должно подвергнуться радикальному изменению.

В статье «Об основах администрации железных дорог», напечатанной в «Review of Edinbourg» в октябре 1854 г., я имел случай говорить о полномочиях большинства, приводя в пример образ действий акционерных компаний, и не могу лучше расчистить дорогу для полученных мною выводов, как приводя следующее извлечение из этой статьи:

«При каких бы обстоятельствах или для какой бы цели ни работала совместно известная группа людей, мы допускаем, что если между ними возникнет разногласие, справедливость требует, чтобы исполнилась воля большинства, а не меньшинства, и это правило считается одинаково применимым во всех случаях, какого бы свойства ни был спорный вопрос. Это убеждение до того укоренилось, и в принципе, из которого оно вытекает, в него до такой степени мало вдумывались, что сомнение в основательности его удивит многих. А между тем краткое рассмотрение вопроса убеждает нас в том, что это мнение есть ни что иное, как политический предрассудок. Мы легко найдем примеры, доказывающие доведением до абсурда, что право большинства есть право чисто условное и применимое лишь в известных пределах. Предположим, на общем собрании какого-нибудь филантропического общества принято решение, что ассоциация не только будет облегчать бедных, но будет еще, кроме того, путем проповедей, бороться с папизмом в Англии. Могут ли пожертвования католиков, участвующих в ассоциации в видах благотворительности, быть на законном основании использованы для этой цели? Предположим далее, что в комитете для устройства публичной библиотеки большинство членов, придя к убеждению, что при существующих обстоятельствах стрельба в цель имеет более значения, нежели чтение книг, решит изменить цель ассоциации и употребит имеющиеся в его распоряжении суммы на покупку пороха, пуль и мишеней, — должны ли будут прочие члены подчиниться этому решению? Предположим еще, что под

влиянием полученных из Австралии известий, большинство в обществе свободных арендаторов решится не только в полном составе отправиться эксплуатировать золотые прииски, но и употребить капиталы общества на снаряжение корабля. Может ли считаться такой захват собственноручно справедливым по отношению к меньшинству? И обязательно ли меньшинство присоединиться к экспедиции? Едва ли найдется человек, который рискнет положительно ответить на первый из этих вопросов, а тем более на другие. И это понятно, ибо всякий должен признать такое положение: лицо по одному тому, что оно присоединилось к другим, не может без нарушения справедливости быть вовлечено в действия, совершенно посторонние той цели, которую оно имело в виду, вступая в ассоциацию. Каждое меньшинство в вышеупомянутом случае могло бы совершенно справедливо ответить тем, которые хотят оказать на него давление: «Мы соединились с вами в виду определенной цели; мы отдали наши деньги и наше время для достижения этой цели; во всех относящихся к ней вопросах мы согласились сообразоваться с волей большинства, но по другим вопросам мы на это не давали согласия. Если вы склоните нас примкнуть к вам с определенной целью, а потом задумаете преследовать другую цель, о которой мы не были предупреждены, то вы добиваетесь нашей поддержки под ложными предлогами; вы нарушаете выраженное или молчаливое соглашение между нами, и с этого момента мы более не связаны вашими решениями». Вот, очевидно, единственно рациональное толкование вопроса. Общий принцип, на котором покоится справедливое управление делами всякой ассоциации, заключается в том, чтобы члены его обязались одни перед другими, каждый за себя, подчиняться воле большинства во всех делах, относящихся к осуществлению той цели, по отношению к которой они вступили в сообщество, но не других каких-либо целей. Только в этих пределах соглашение и имеет силу. И действительно, так как самый характер соглашения обуславливает, что заключающие его знают наперед свои обязательства, и так как те, кто соединяются с другими для определенных целей, не могут предвидеть всех неопределенных целей, которые ассоциации вздумалось бы пре-

следовать, то из этого и вытекает, что подписываемое соглашение не может распространяться на эти, не обозначенные заранее, цели. А в том случае, когда подробно определенных соглашений между ассоциацией и ее членами относительно этих необозначенных целей не существует, то большинство, которое принудило бы меньшинство служить достижению этих целей, сделалось бы виновным в самой возмутительной тирании.

Понятно, что если такое смешение понятий относительно прав большинства существует там, где контракт ассоциации само собой ограничивает эту власть, то оно должно быть еще сильнее там, где такого контракта не было заключено. Тем не менее принцип остается неизменным. Я настаиваю на том положении, что члены ассоциации обязываются лично для себя подчиняться воле большинства во всех делах, касающихся выполнения целей, ради которых они вступили в общество, но не в виду каких-либо иных целей. И я утверждаю, что это положение применимо к целой нации так же, как и к какому-либо частному собранию.

Я предвижу еще одно возражение: «Так как не существует никакого проекта, в силу которого люди соединились в нацию, как это имеет место в ассоциации, так как цель этого соединения никогда не была и не могла быть определена, то никаких ограничений не могло быть предусмотрено, и, следовательно, власть большинства неограниченна».

Разумеется, мы должны признать, что общественный договор, как в форме, принятой Гоббсом, так и в форме, измышленной Руссо*, совершенно лишен основания. Более того: мы должны признать, что даже если бы такой договор и был заключен, он не мог бы связывать потомков тех, которые его заключили. Кроме того, если кто-нибудь скажет, что за отсутствием этих ограничений власти, обусловливаемых актом ассоциации, ничто не мешает большинству силой навязывать свою волю меньшинству, то с этим приходится согласиться, прибавив, однако, что если большая сила большинства служит ему оправданием, то сила деспота, опирающаяся на достаточно грозную армию, также имеет свое оправдание. Но мы отдаляемся от нашей проблемы. Мы ищем здесь какого-нибудь более серьезного оправдания подчинению меньшинства большинству, нежели бессилие

последнего перед материальным принуждением. Сам Остин, стремясь установить неоспоримый авторитет положительного закона и утверждая, что этот авторитет вытекает из абсолютного монархического, аристократического, конституционного или народного верховенства, принужден в конце концов допустить моральный предел: держась своей теории, он настаивает на том, что верховное собрание, вышедшее из недр народа, обладает «законной свободой ограничивать политическую свободу народа по своей воле и по своему произволу»; он соглашается, что *позитивная мораль* может помешать правительству исказить политическую свободу, которую оно предоставляет или которую дарует своим подданным». Следовательно, надо найти не материальное, а моральное оправдание мнимо законному всемогуществу большинства.

На это мне, конечно, возразят следующее: «Само собою разумеется, что, за отсутствием всякого соглашения и связанных с ним ограничений, власть большинства ничем не ограничена, так как справедливость требует, чтобы исполнялась воля большинства, а не меньшинства». Это возражение кажется весьма разумным, пока его не опровергнут. Мы можем ответить, однако, не менее основательным аргументом, что, за отсутствием соглашения, преобладания большинства вовсе не существует. Источником прав и обязанностей большинства и меньшинства является совместная деятельность, если же нет соглашения для совместной деятельности, то нет ни прав, ни обязанностей.

Здесь аргументация как будто останавливается на мертвой точке. При настоящем положении вещей нельзя ни господству большинства, ни ограничению этого господства приписать какое-либо моральное основание. Но, с небольшим усилием мысли, мы можем выйти из этого затруднения. Устранив мысль о соглашении на совместное действие, о каком было говорено выше, мы спросим: какое соглашение соединило бы теперь фактически граждан воедино. На это мы получаем достаточно ясный ответ и вместе с тем достаточно оправдание для преобладания большинства в известной сфере, но не вне этой сферы. Отметим прежде всего те из этих ограничений, которые накладываются тотчас же.

Спросите всех англичан, желают ли они согласиться на совместные действия, чтобы ввести религиозное обучение или дать

большинству право устанавливать верования и форму культа, — большая часть ответит энергично: *нет*. Если бы по поводу предложения воскресить законы против роскоши учредили анкету относительно согласия подчиниться воле большинства при выборе покроя и качества материала одежды, почти все ответили бы отрицательно. Точно так же (возьмем вопрос из современной жизни) пусть спросят всех англичан — подчинятся ли они решению большинства по отношению того, что им следует пить, конечно, половина и даже более половины скажут: *нет*. Как бы ни было широко желание вступить в сотрудничество для того, чтобы выполнить или урегулировать подобные действия, это желание было бы далеко не единодушным. Поэтому очевидно, что, если бы мы сами должны были затеять социальную кооперацию и ясно определить свою цель, прежде чем добиться согласия на совместную деятельность, нашлось бы немало таких областей человеческой деятельности, в которых не согласились бы на кооперацию, а следовательно, по отношению к ним не могло бы иметь место законное преобладание большинства над меньшинством.

Перейдем теперь к противоположному вопросу: для какой цели все согласились бы действовать совместно? Никто не станет отрицать, что для целей защиты от чужеземного вторжения согласие на кооперацию было бы фактически единодушным, за исключением квакеров, которые принесли в свое время большую пользу, а теперь начинают исчезать, все соединились бы для оборонительной (но не для наступательной) войны, и все тем самым обязались бы подчиниться воле большинства по отношению к мерам, которые следовало бы принять для достижения этой цели. Столь же фактически это единодушные проявилось бы и в соглашении на совместное действие для защиты от внутренних врагов. За исключением преступников, каждый должен желать, чтобы его личность и собственность были защищаемы. Кратко говоря, каждый гражданин желает охранять свою жизнь, охранять вещи, которые нужны ему, чтобы жить и наслаждаться жизнью, и сохранять неприкосновенной свою свободу пользования этими вещами и приобретать подобные вещи. Очевидно, что он не может делать этого, если будет действовать изолированно. Против внешнего вторжения он бессилен, если не соединится с согражданами, так как

защищать себя против покушений внутренних врагов, не вступая в подобный союз, было бы и трудно, и опасно, и бесплодно. Есть еще одна область совместного действия, в которой также все заинтересованы: это извлечение пользы из занимаемой территории. Если бы теперь, как и в первобытные времена, существовал общий контроль над пользованием землей отдельными лицами или группами, то решения большинства были бы законно преобладающими при определении условий, на которых земельные участки служили бы для продовольствия или средств сообщения, или же для других каких-либо целей. Даже теперь, когда вопрос осложнился благодаря развитию частной собственности, государство остается все-таки главным собственником (в глазах закона каждый землевладелец есть арендатор казны*), имеющим право взять обратно или экспроприировать, уплачивая соответствующую цену. Из этого можно заключить, что воля большинства преобладает по отношению к способам и условиям, при которых можно использовать почву так или иначе, а отсюда вытекает основа для соглашения в интересах публики с частными лицами или компаниями.

Нет надобности приводить здесь подробности или обсуждать пределы, отделяющие различные категории, или говорить, что входит в одну из них и что исключается из другой. Для поставленной нами цели достаточно будет признать ту неоспоримую истину, что существует бесчисленное множество таких действий, которые люди, если бы спросили их мнения, далеко не все согласились бы выполнить, даже если бы такова была воля большинства; и, наоборот, есть такие действия, на выполнение которых все согласились бы почти единодушно. Эта истина служит в наших глазах определенным основанием, чтобы навязывать волю большинства в известных границах, и определенным основанием, чтобы не признавать авторитета этой воли вне известных пределов.

При тщательном рассмотрении вопроса последний, очевидно, сводится к следующим. Каковы взаимные права группы и ее членов? Стоят ли права общины во всех случаях выше прав индивида? Или обладает ли индивид во всех случаях правами, стоящими выше прав общины? От решения этих вопросов зависит все построение политических мнений, в особенности тех, которые относятся к области управления в тесном смысле

слова. Я имею намерение воскресить замолкнувшие разногласия, надеясь прийти к иному заключению, чем общепринятое.

В сочинении «The State in Relation to Labor» («Об отношениях государства к труду») проф. Джевонс говорит: «Прежде всего мы должны выкинуть из головы мысль, что в сфере вопросов социальных существует что-либо похожее на отвлеченные права». В своей статье «О литературной собственности» Мэтью Арнольд выражает такое же мнение. Он говорит: «Автор не имеет никакого естественного права собственности на свои сочинения». Следовательно, он не имеет никакого естественного права на все, что он может произвести или приобрести. Например, я не так еще давно читал в одном весьма распространенном еженедельнике: «Доказывать еще раз, что не существует ничего подобного естественному праву, значило бы непроизводительно тратить свое время и свое знание». И мнение, выраженное в этих цитатах, высказывается обыкновенно государственными деятелями и юристами таким тоном, который заставляет думать, что не разделять его может только толпа, не привыкшая мыслить.

Может быть, этого не следовало бы заявлять в таком догматическом тоне, так как известно, что целая школа юристов на континенте держится мнения диаметрально противоположного мнению английской школы. Идея естественного права (*Naturrecht*) составляет основной принцип немецкой юриспруденции, а как бы ни думали о немецкой философии, нельзя сказать, чтобы она не проникала в вопросы до самой глубины. Доктрину, принятую нацией, отличающейся между всеми своим пытливым умом, нацией, которую, конечно, невозможно причислить к поверхностным мыслителям, нельзя отбрасывать, как какое-нибудь народное поверье. Но это говорим лишь к слову. С предложением, которое отрицается в вышеприведенных цитатах, связано утверждение противоположного предложения. Каково же оно, если мы рассмотрим его поближе и выясним, на чем оно основано?

Возвратимся к Бентаму, и мы найдем у него яркую формулировку этого контрпредложения. Бентам говорит, что правительство выполняет свою роль, «создавая права, которые оно дарует индивидам: права безопасности для лиц, права защиты для их чести, права собственности и т.д.». Если бы эта доктрина

выводилась из божественного права королей, она не содержала бы в себе ничего явно противного логике. Если бы она пришла к нам из Древнего Перу, где Инка считался «источником, из которого истекает все», или из Шoa (Абиссиния), где царь есть «неограниченный властитель людей и всех земных благ», или из Дагомеи, где «все люди — рабы царя», она была бы логична. Но Бентам не только не был таким абсолютистом, как Гоббс, но еще защищал народное правительство. В своем «Конституционном кодексе» он предоставляет верховную власть целому народу и говорит: лучше «отдать верховную власть большей части тех, которых хотят главным образом сделать счастливыми», потому что «такое соотношение более, чем всякое другое, соответствует достижению этой цели».

Посмотрим теперь, что будет, если мы поставим рядом эти две доктрины. Верховный властитель — народ — назначает представителей и создает таким образом правительство, которое в свою очередь создает права; затем, создав права, оно распределяет их отдельно каждому из членов державного народа, которым оно само было создано. Какой удивительный политический фокус! Матью Арнольд, утверждая в вышеназванной статье, что «собственность есть создание закона», предостерегает нас от «метафизического призрака собственности в самой себе». Действительно, из всех метафизических призраков более всего походит на тень тот, который предполагает, что вещь получается вследствие творческой деятельности известного лица, создающего эту вещь и вручающего ее затем своему собственному создателю.

С какой бы точки зрения мы ни взглянули на предложение Бентама, оно остается непонятым. Правительство, говорит он, выполняет свою обязанность, «создавая права». Слово «создавать» можно понимать двояко — оно может означать: творить что-нибудь из ничего, или же давать форму чему-нибудь, что уже существует. Многие люди думают, что сотворение чего-нибудь из ничего нельзя представить себе возможным даже для всемогущества, и я думаю, что никто не будет утверждать, будто человеческое правительство может создать что-нибудь из ничего. Другая альтернатива — та, что человеческое правительство создает лишь во втором указанном смысле: оно дает форму чему-нибудь, уже существовавшему раньше.

В последнем случае возникает следующий вопрос: «Какова эта уже прежде существовавшая вещь, которой оно дает форму?» Очевидно, что весь вопрос сосредоточивается на слове «создавать», которое обманывает читателя. Бентам был очень щепетилен по отношению к точности выражений, и в его «Книге об ошибках» («Book of Fallaces») есть глава, относящаяся к «ложным терминам». Удивительно после этого, что он сам мог доставить такой поразительный пример превратности понятий, получающийся от ложного термина.

Но оставим в стороне все эти непонятные предложения и поищем наиболее обоснованного толкования мнения Бентама.

Можно сказать, что все полномочия и права существовали первоначально в состоянии нераздельного целого у верховного властелина — народа, и что это нераздельное целое отдано, как говорит Остин, в руки правительства, назначенного верховным властелином — народом — для того, чтобы оно произвело раздачу или распределение этих полномочий и прав. Если, как мы видели, предложение, что права создаются, есть только фигуральное выражение, то непонятный смысл мнения Бентама заключается в следующем: совокупность индивидов, которые, как отдельные личности, хотят удовлетворить свои желания и которые, как целое, обладают всеми источниками удовлетворения, а также властью над всеми действиями индивидов, избирает правительство, и это правительство объявляет, каким образом и при каких условиях личная деятельность может иметь место и достигать желаемых результатов. Посмотрим, что под этим подразумевается. Каждый человек мыслится под двумя видами: как частный человек он подчинен правительству; как член общества он — член державного народа, избирающего правительство. Это значит, что как частный человек, он принадлежит к тем, которым дают права, а как член общества он — один из тех, которые через посредство избранного ими правительства дают права. Перейдем от абстрактного к конкретному и посмотрим, что означает это определение. Предположим, что община состоит из миллиона людей, которые, согласно нашей гипотезе, являются не только совладельцами населенной ими страны, но также и совладельцами всех свобод действовать и владеть, так как единственное признанное право есть всеобъемлющее право общины. Что из этого следует? Каждый индивид, не обладая

никаким продуктом собственного труда, обладает, как единица, наделенная верховной властью общины, одной миллионной частью права собственности на продукты труда всех остальных. Это есть неизбежный вывод. Так как, по мнению Бентама, правительство есть только агент, то даруемые им права суть права, доверенные ему державным народом, прежде, чем правительство, во исполнение своей должности, раздаст их индивидам; если же это так, то каждый индивид обладает одной миллионной частью этих прав в качестве члена общества, тогда как он, в качестве частного человека, никакими правами не обладает. Последние он приобретает лишь тогда, когда все прочие члены миллиона соединяются для того, чтобы даровать ему их, тогда как он сам соединяется с ними, чтобы облечь этими правами каждого из прочих членов миллиона.

Таким образом, как бы мы ни толковали предложение Бентама, мы постоянно попадаем в целую сеть нелепостей.

Даже не зная противоположного мнения немецких юристов, даже без всякого анализа, показывающего, что их мнение не выдерживает критики, последователи Бентама могли бы менее легкомысленно относиться к доктрине естественного права. Различные группы социальных явлений с одинаковой силой доказывают обоснованность этого учения, тогда как аргументы, которыми возражают на него, обоснованы очень плохо.

Некоторые племена в различных частях света дают нам картину того, как до возникновения определенного правительства жизнь регулируется обычаями. Бечуаны* повинуются «с давних пор существующим обычаям». Между готтентотами корана* скорее «терпят» своего вождя, чем повинуются ему, и «когда древние обычаи тому не противоречат, каждый человек действует так, как ему кажется справедливым на его собственный взгляд». Араукане* не руководствуются «ничем, кроме первобытных обычаев или молчаливого соглашения». У киргизов суждения старейшин основываются на всеобщем признанных обычаях». О даяках* Брук говорит, что «обычай, по-видимому, обратился в закон, и нарушение обычая влечет за собой штраф». Вообще существующие с незапамятных времен обычаи так священны для первобытного человека, что ему и в голову не приходит сомневаться в их справедливости, и когда устанавливается правительство, то власть его ограничивается ими.

На Мадагаскаре слово короля имеет силу только в том случае, «когда нет ни закона, ни обычая, ни прецедента». Рифль говорит, что на Яве «обычаи страны ограничивают волю вождей». На Суматре также «вождям не позволяют изменять древние обычаи». Иногда даже — как, например, у ашанти — «попытка изменить некоторые обычаи» влечет за собой свержение царя с престола. Между теми обычаями, которые существовали до появления правительства и которым это правительство должно подчиняться, мы находим обычаи, признающие некоторые личные права, права поступать известным образом и владеть известными предметами. Даже там, где право собственности менее признается, мы находим право собственности на оружие, орудия, личные украшения, и обычно это право распространяется на многие другие предметы. У индейцев Северной Америки, как, например, у племени змей*, не имеющих правительства, существует частная собственность на лошадей. У чипавеев*, «не имеющих организованного правительства», дичь, попадающая в частные сети, «считается частной собственностью», подобные же факты по отношению к хижинам, орудиям и другой личной собственности встречаются у ахтов, команчей, эскимосов и бразильских индейцев. Между различными нецивилизованными народами обычай установит право на сбор продуктов, выросших на вновь расчищенном участке, но не на самую почву; а тоды, не имеющие никакой политической организации, делают подобное же различие между собственностью на скот и на почву. Кольф и многие другие говорят о миролюбивых арафурах*, что «они признают право собственности в самом широком значении слова, не имея у себя иного источника права, кроме решений, постановляемых старшинами, сообразно с обычаями предков». Но даже не ища доказательств между нецивилизованными племенами, на первых ступенях цивилизации мы находим их в достаточном количестве. Бентам и его последователи, по-видимому, забыли, что наши законы суть ничто иное, как слияние воедино «всех обычаев королевства». Эти законы лишь дали окончательную форму тому, что уже существовало до них. Таким образом, факт и теория совершенно противоположны друг другу. Дело в том, что собственность была признана раньше возникновения закона; теория же учит, что «собственность есть создание закона».

Соображения иного рода заставили бы поколебаться учеников Бентама, если бы они только достаточно взвесили их значение. Если бы правда было, как говорит Бентам, что правительство выполняет свою обязанность, «создавая права, которые оно дарует индивидам», то это значило бы, что не может быть даже приблизительного однообразия в правах, даруемых различными правительствами. При отсутствии основательной причины, управляющей их решениями, можно было бы держать пари на сто против одного, что решения эти не были бы одинаковыми. И однако — между этими решениями существует большое сходство. С какой бы стороны мы ни взглянули, мы находим, что правительства запрещают одинаковые роды насилия и, соответственно этому, признают одинаковые права. Они обыкновенно запрещают человекоубийство, воровство, нарушение брачной верности; этим они заявляют, что граждане могут быть защищены от известных родов насилия. И по мере того, как общество прогрессирует, покровительство распространяется на менее важные личные права: являются возмещения и вознаграждения за нарушения контрактов, за клевету, за лжесвидетельство и т.д. Одним словом, сравнение учит нас, что кодексы законов, если и становятся различными в деталях по мере своего развития, всегда согласуются в своих основных пунктах. Что же это доказывает? Такое согласование не может быть случайным. Если оно существует, то лишь вследствие того, что так называемое создание прав заключалось единственно в санкционировании и формулировании их в более точном определении тех требований и тех положений права, которые естественно вытекают из индивидуальных желаний людей, живущих обществом.

Сравнительная социология бросает свет на другую группу фактов, из которых можно сделать тот же вывод. Вместе с социальным прогрессом увеличивается для государства задача не только санкционировать формулируемые им права индивидов, но и защищает их от всяких посягательств. Прежде чем постоянное правительство установится, и во многих случаях после того, как оно получило значительное развитие, права каждого индивида определяются и защищаются им самим и его семьей. У нынешних дикарей так же, как и у прежних цивилизованных народов и даже и теперь в некультурных странах

Европы, наказание за убийство есть частное дело, и «священное право требовать кровь за кровь предоставляется известному члену семейной группы». Точно так же требуется произвольно каждым индивидом или его семьей удовлетворение за нападения на собственность и за другого рода обиды. Но по мере того, как улучшается социальная организация, центральная власть все более и более берет на себя обязанность обеспечивать личную безопасность индивидов, охрану их имуществ и до известной степени основательность их требований, установленных контрактом.

Исключительно занятое вначале защитой общества как целого против других обществ или организацией своих нападений на другие общества, правительство мало-помалу принимало на себя обязанность защищать индивидов друг от друга. Стоит лишь вспомнить то время, когда ношение оружия было общераспространенным обычаем, стоит представить себе увеличение безопасности лиц и имуществ, которой мы пользуемся теперь благодаря улучшению полиции, или заметить сравнительную легкость, с которой удается добиться уплаты по небольшим долгам, чтобы убедиться в том, что государство обеспечивает каждому индивиду свободное преследование жизненных целей в тех пределах, которые ставит преследование подобных же целей другими лицами. Иначе говоря, рука об руку с социальным прогрессом идет также не только более широкое признание того, что мы называем естественным правом, но и более действительное его обеспечение правительством; последнее все более и более становится обязанным заботиться об осуществлении этих первичных условий индивидуального благосостояния.

В это же время происходила другая, еще более значительная, перемена. В первые времена, когда государство не вмешивалось в защиту индивида против насилия, оно само совершало насилия всякого рода. Древние общества, усовершенствовавшиеся настолько, чтобы оставить о себе воспоминание, имели все завоевательный характер и всюду носят на себе печать военного режима. Как для того, чтобы успешно организовать борющуюся армию, солдаты должны пассивно повиноваться и не брать на себя инициативы иначе, как с разрешения своих начальников, точно так же для того, чтобы успешно

организовать военное общество, граждане должны подчинять свою личную волю. Частные права ступают перед общественными, и личность теряет бóльшую часть своей свободы действий. Одним из результатов является то, что военная дисциплина овладевает обществом так же, как и армией, и ведет за собой подробную регламентацию поведения. Предписания начальника, считающиеся священными, так как исходят якобы от божества, его предка, не встречают никакого ограничения в понятии личной свободы и регулируют человеческие действия в мельчайших подробностях: в пище, в способе приготовления кушаний, в стрижке волос и бороды, в украшениях одежды, сеянии хлеба и т.д. Этот всеобщий надзор, встречающийся почти у всех древних наций Европы, наблюдается также в обширных размерах и в Греции и был развит до высочайшей степени в самом воинственном из греческих государств — в Спарте. Подобно этому и в Средние века во всей Европе, когда война была хроническим состоянием со свойственными этому состоянию политическими формами и понятиями, вряд ли существовал какой-либо предел для правительственного вмешательства: земледелие, промышленность, торговля подчинены были правилам во всех своих подробностях; религия и культ были предписаны законом, и начальники решали, кто имел право носить меха, употреблять серебряную посуду, печатать книги, завести голубятню и т.д. Но с развитием промышленной деятельности и с заменой режима правительственного принуждения режимом договора, с развитием соответственных чувств произошло (до недавней реакции, сопровождавшей возвращение к военному режиму) уменьшение этого вмешательства в индивидуальные действия. Законодатель постепенно переставал предписывать правила для сбора полевых продуктов, устанавливать соотношение между количеством скота и числом десятин земли, специализировать способы труда и материалы, которыми следует пользоваться, назначать плату за труд или цену съестных припасов, вмешиваться в манеру одеваться и в правила игры (исключая случаи мошенничества), назначать наказания или давать награды, премии за ввоз или вывоз разных продуктов, обязывать иметь известные религиозные и политические верования, препятствовать гражданам соединяться по желанию или путешествовать, где им хочется. Другими

словами, по отношению к большей части своего образа действительный право гражданина действовать бесконтрольно взяло верх над стремлением правительства контролировать его. Правительство все более и более помогало гражданину отстранять всякое вмешательство в ту частную сферу, где он преследует свои жизненные цели, и, наконец, само ушло из этой сферы, или, иначе говоря, сузило область своего вмешательства.

Мы еще не отметили всех категорий фактов, иллюстрирующих ту же эволюцию. Улучшения и реформы законов вскрывают ее так же, как и заявления их авторов. Еще в XV веке, говорит профессор Поллак, один судья, решая вопрос обычного права, заявил, что «так как в случаях, не предвиденных писанными правилами, юрисконсульты и канонисты выдумывают новое правило, сообразное с естественным законом, который есть основа всех законов, то вестминстерский суд может и хочет поступать так же». Кроме того, наша *система морали*, введенная и развитая ради пополнения пробелов общего права или ради исправления несправедливостей, всецело основана на признании прав индивида, существующих даже помимо всякой власти закона. И все изменения, испытываемые от времени до времени законом, после некоторого сопротивления со стороны законодателей, совершаются согласно с общераспространенными понятиями о необходимой справедливости, понятиями, которые не только не вытекают из закона, но бывают противоположны ему. Так, например, недавно изданный закон, дающий замужней женщине право собственности на ее личные приобретения, очевидно произошел из сознания, что естественная связь между затраченным трудом и приобретенной выгодой должна быть сохранена во всяком случае. Реформированный закон не создал право, но признание права создало реформированный закон.

Таким образом, из пяти различных категорий исторических доказательств получается убеждение, что как бы народные понятия о праве ни были смутны и, по большей части, неприемлемы, тем не менее они содержат некоторую тень истины.

Мы должны рассмотреть теперь, откуда произошла эта истина. Я говорил выше о той общеизвестной тайне, что все социальные явления, если рассмотреть их поглубже, приводят нас к законам жизни и что мы не можем понять их, если мы не обратимся к этим законам жизни. Поэтому перенесем вопрос

о естественных правах с политической почвы в область науки, а именно науки и жизни. Пусть читатель не пугается: для нас достаточно будет самых простых и самых очевидных фактов. Мы рассмотрим сначала общие условия индивидуальной жизни, затем общие условия жизни социальной. Мы найдем, что и те, и другие ведут к одному и тому же выводу.

Животная жизнь влечет за собой потерю силы; всякая потеря требует возмещения; для возмещения же необходимо питание. Питание, в свою очередь, предполагает приобретение пищи; пища не может быть приобретена без способностей захвата и, обыкновенно, передвижения; а чтобы эти способности могли развиваться, необходима свобода движения. Заклучите млекопитающее животное в тесное пространство, или свяжите ему члены, или отнимите у него пищу, которую оно добыло себе, вы причините ему смерть, если какой-либо из таких экспериментов будет продолжительным. За известным пределом невозможность удовлетворить свои потребности ведет к смерти. То, что мы говорим о высших животных, относится, конечно, и к человеку.

Если мы станем на сторону пессимистов и разделим их вывод, что жизнь есть зло, которому следует положить конец, то всякая нравственная основа действий, поддерживающих жизнь, исчезает, и весь вопрос рушится.

Если же мы примем доктрину оптимизма или доктрину прогресса, если мы скажем, что в общем жизнь приносит больше радостей, чем страданий, или что она находится на пути к тому, чтобы доставлять более удовольствий, нежели горя, тогда действия, поддерживающие жизнь, получают оправдание, и свобода выполнять их имеет свое разумное обоснование. Если мы сознаем цену жизни, то само собой разумеется, что не следует мешать людям выполнять действия, необходимые для поддержания жизни. Другими словами: если признается *справедливым* не препятствовать этим действиям, то, следовательно, признается и право совершать их. «Понятие о естественных правах», очевидно, берет свое начало из признания той истины, что если жизнь имеет свое оправдание, то должны быть оправдания и для действий, необходимых в целях ее сохранения, а, следовательно, и оправдание свобод и прав, обеспечивающих возможность этих действий.

Но это предложение, будучи верным не только по отношению к человеку, но и к другим существам, не имеет нравственного характера. Последний возникает лишь с появлением различия между тем, что *позволено* индивиду делать, развивая деятельность, поддерживающую его жизнь, и тем, что ему *не позволено*. Различие это, очевидно, рождается только при наличии группы индивидов. Если индивиды находятся в непосредственном соприкосновении или даже несколько отделены друг от друга, действия одного могут влиять на другого, и если невозможно доказать, что некоторые из них имеют неограниченную власть делать все, что они хотят, тогда как другие этой власти не имеют, то следует допустить естественное ограничение. Понятие права на преследование известных целей из неэтической формы перейдет в этическую, когда признано будет различие между такими действиями, которые могут быть выполнены, не переходя границ нравственности, и такими, которые не могут быть выполнены при этом условии.

Это заключение, сделанное а priori, получается также а posteriori при изучении действий нецивилизованных народов. В наиболее неопределенной своей форме взаимное разграничение сферы действий проявляется во взаимных отношениях групп между собой, порождая соответствующие мысли и чувства. Обыкновенно в конце концов устанавливаются известные границы территорий, на протяжении которых каждое племя находит то, что ему нужно для жизни, и всякий, кто переходит за эти границы, получает отпор. У племени лесных ведда, не имеющих никакой политической организации, маленькие кланы владеют каждым своим участком леса, и «условия такого раздела всегда соблюдаются». Относительно не имеющих правительства племен Тасмании передают, что «их охотничьи участки разграничены, и переходящие за эти границы подвергаются нападению». Очевидно, что споры между племенами, возникающие вследствие вторжения на чужую территорию, в конце концов приводят к установлению границ, в некотором роде к принудительному соблюдению их. Что верно по отношению к территориям, то верно и по отношению к различным группам. Убийство в одной из них, приписываемое, справедливо или нет, одному из жителей соседней территории, требует осуществления «священного права возмездия», и, хотя

враждебные действия делаются таким образом хронически, новые нападения предупреждаются. Сходные же причины обусловили сходные же следствия на этих первых ступенях, когда семья или клан, более, чем индивид, составляли политическую единицу и когда каждой семье или клану приходилось защищать себя и свое имущество от других подобных групп. Эти взаимные ограничения, которые одна община предписывает другой, в каждой общине равным образом предписываются одним индивидом другому; понятия же и обычаи, свойственные группе, применяются более или менее и к сношениям между лицами. Хотя в каждой группе есть стремление со стороны сильного напасть на более слабого, однако в большинстве случаев сознание бед, вытекающих из агрессивного поведения, обуздывает это стремление. Всюду у первобытных народов на обиды отвечают обидами. Тернер говорит о таннесах*: «прелюбодеяние и некоторые другие преступления предупреждаются страхом перед законом палки». «Фицрой говорит, что, если патогонец не наносит вреда или обиды своему соседу, на него никто не нападает — и что каждый мстит лично тому, кто его обидел». Относительно наупесов мы читаем, что «они выработали себе очень мало законов; но то, что у них есть в этом отношении, представляет в чистом виде *lex talionis* — закон возмездия: око за око, зуб за зуб». Очевидно, что так называемый *lex talionis* стремится установить различие между тем, что каждый член общины может безопасно делать и чего не может, и затем уже следуют меры принуждения до известного предела, но не далее. «Хотя, говорит Скулькрафт о чипавеях*, у них и нет правильно организованного правительства, так как каждый человек является господином в собственной семье, они более или менее испытывают на себе влияние известных принципов, способствующих общему благу», и между этими принципами называется признание частной собственности.

Каким образом взаимное ограничение сферы деятельности создает понятия и чувства, подразумевающиеся под термином «естественные права», мы видим очень ясно на примере нескольких мирных племен, имеющих правительства лишь по имени или не имеющих никакого правительства. Кроме фактов, свидетельствующих о том, что тоды, санталы, лепхасы, бодосы, чакмасы, такуны*, арафуры и т.д. до щепетильности

уважают права друг друга, мы знаем, что вполне дикое племя лесных веддов*, не имеющее никакой социальной организации, «считает совершенно непонятным, чтобы кто-нибудь мог взять то, что ему не принадлежит, ударить товарища или сказать какую-нибудь ложь». Таким образом, становится ясным и из анализа причин, и из наблюдения фактов, что в то время, как положительный элемент права выполнять действия, способствующие поддержанию жизни, зарождается в законах жизни, отрицательный элемент, дающий праву его этический характер, происходит от условий, создаваемых социальным сплочением.

И действительно, мнение, приписывающее правительству создание прав, настолько далеко от истины, что мы можем утверждать обратное: права, более или менее ясно установленные раньше появления правительства, становятся менее очевидными по мере того, как правительство развивается параллельно с той практикой насилия, которую, посредством подчинения рабов и установления иерархии, создает *государство*; а признание прав, в свою очередь, приобретает определенность лишь тогда, когда военный режим перестает быть постоянным и власть правительства падает.

Если мы от жизни индивидов перейдем к жизни обществ, то перед нами встанет та же картина.

Хотя простой инстинкт общительности уже побуждает первобытных людей соединяться в группы, но еще более влечет их к тому опыт возможной выгоды совместного действия. Под каким условием может возникнуть это совместное действие? Очевидно, под единственным условием, чтобы те, которые соединяют свои усилия, получали от этого пользу лично для себя. Если, как в наиболее простых случаях, они соединяются для того, чтобы совершить нечто, что каждый из них отдельно не может исполнить или исполнил бы менее легко, они должны приступить к сотрудничеству, подразумевая при этом следующее: или что они разделят между собой выгоду (например, если некоторые из них добудут дичь), или же, если один соберет всю выгоду (например, если они построят хижину или расчистят участок земли для посева), то другие в свою очередь получат каждый равносильную выгоду. Когда же они, вместо того, чтобы соединять свои усилия для выполнения одного дела, заняты исполнением нескольких различных дел, когда возникает

разделение труда с обязательным обменом продуктов, соглашение подразумевает, что каждый, взамен продукта, который он имеет в чрезмерном количестве, получит приблизительно эквивалент того, чего ему недостает. Если он одной рукой дает, а другой ничего не получает, он не ответит на будущие предложения обмена, и люди вернуться к тому абсолютно первобытному состоянию, когда каждый все делал для себя сам. Итак, возможность кооперации зависит от выполнения договора, молчаливо подразумеваемого или ясно выраженного.

Таким образом, эти факты, которые неизбежно имеют место, начиная с первых шагов к той промышленной организации, при помощи которой поддерживается жизнь общества, должны, конечно, повторяться более или менее тождественным образом во время всего ее развития. Хотя в обществе, организованном по военному типу, с его системой правительственного принуждения, обусловливаемого постоянной войной, отношения, основывающиеся на договоре, выступают менее ярко, однако они все-таки существуют. Они сохраняются еще между людьми свободными и между начальниками тех маленьких групп, которые составляют ослабленные единицы первых обществ, и до известной степени сохраняются и в самих этих группах, так как их существование в качестве групп обусловливается тем, чтобы за их членами, даже если бы они были рабами, признавалось право получать взамен их труда все необходимое в смысле одежды, пищи и покровительства. И когда добровольная кооперация все более и более заменяет кооперацию принудительную, после того как войны становятся все менее и менее частыми, и торговля развивается, когда социальная жизнь, основанная на обменах по соглашению, прекратившаяся на некоторое время, постепенно восстанавливается, — тогда делаются возможными распространение и усовершенствование промышленной организации, при помощи которой держится большое общество.

Чем договоры свободнее и чем вернее их выполнение, тем заметнее прогресс и деятельнее социальная жизнь. Теперь пагубные последствия нарушения договора ощущаются уже не одним только заключившим его. В развитом обществе эти последствия отзываются на целых категориях производителей и продавцов, категориях, образовавшихся благодаря разделению труда; случается также, что они отзываются и на всей публике. Спросите,

при каких условиях Бирмингем может посвящать себя выделке черепаховых изделий или часть Страфффордшира — гончарным изделиям, или весь Ланкашир бумажно-ткацкому производству. Спросите, каким образом сельское население находит возможным выполнять свою специальную задачу: тут сеять пшеницу, а там пасти скот. Все эти отдельные группы не могли бы действовать таким образом, если бы каждая не получала от других, в обмен на свой излишек производства, соответствующую часть излишка других производств. И они совершают этот обоюдный обмен уже не прямым, а косвенным образом, через посредство денег, и если мы станем доискиваться, каким образом группа производителей достает нужную для нее сумму денег, то мы получим в ответ: путем выполнения договора. Если Лидс, вырабатывающий шерстяные материи, не получит, благодаря соблюдению договора, средств достать себе в сельскохозяйственных районах необходимого количества пищи, ему придется умирать с голоду и прекратить производство шерстяных тканей. Если Уэльс, занятый литьем чугуна, не получит условленного эквивалента, дающего ему возможность приобретать ткани для одежды, его производство должно остановиться. И эта картина наблюдается всюду — как в общем, так и в частных случаях. Эта взаимная зависимость отдельных частей, которую мы констатируем в организации и общества, и индивида, возможна только при том условии, чтобы каждая часть выполняла свою особенную, привычную для нее деятельность, получая свою соответствующую часть веществ, необходимых, чтобы все другие части соединились для производства в установленных по соглашению размерах. Кроме того, выполнением договора устанавливается равновесие между производством и нуждами, вследствие чего выделывают много ножей и мало ланцетов, сеют много пшеницы и мало горчичного семени. Избыток производства каждого товара предупреждается тем, что более известного количества его никому не удастся сбыть, не нарушая того условия, чтобы за него давали точный эквивалент деньгами. Таким образом предупреждается бесполезная трата труда на производство того, в чем общество не нуждается.

Наконец, мы должны отметить один факт еще более знаменательный: единственное условие, при котором специальная группа работающих может расширять свою деятельность

с увеличением общественной потребности в известного рода труде — состоит в том, чтобы договоры были свободны и их выполнение было обеспечено. Если бы в тот момент, когда по недостатку сырого материала Ланкашир не мог доставить обычного количества хлопчатобумажных материй, кто-либо вмешался в заключение сделок и запретил Йоркширу требовать более высокую цену за шерстяные ткани, которые тот мог производить, имея в виду увеличение спроса на них, — то не представлялось бы заманчивым поместить больше капиталов в шерстяные мануфактуры, не возросло бы ни количество материала, ни число рабочих, ни производство шерстяных материй. В результате община терпела бы от того, что дефицит хлопчатобумажных тканей не компенсировался бы избытком шерстяных материй. Какой громадный вред может произойти для нации от всего, что помешало бы ее членам свободно заключать условия между собой, мы видим из контраста между Англией и Францией в деле развития железных дорог. Хотя в Англии препятствия возникали сначала со стороны преобладающих в парламенте классов, но они не могли помешать капиталистам помещать свои капиталы, инженерам — руководить работами, а предпринимателям — предпринимать их; большая прибыль, принесенная вначале вложенными сюда капиталами, большие выгоды, полученные инженерами, были причиной того сильного прилива денег, энергии и знания к делу постройки железных дорог, который позволил быстро развить нашу железнодорожную систему и дать громадный толчок росту нашего национального благосостояния. Но когда Тьер, бывший в то время министром общественных работ, приехал, чтобы ознакомиться с делом, он сказал руководившему им при осмотре Виньолю: «Я думаю, что железные дороги не пригодны для Франции». Принятая им вследствие этого политика, противная свободе договора, задержала на 8—10 лет материальный прогресс Франции, создавшийся после постройки железных дорог.

Что означают все эти факты? Они означают, что различные отрасли промышленности, различные занятия, профессии, обслуживающие потребности и нужды общественной жизни, требуют прежде всего, чтобы было как можно менее стеснений свободы договоров, а затем, чтобы их исполнение было обеспечено. Как мы уже видели, обоюдное ограничение

есть единственный источник стеснений, которым естественным образом подвергается деятельность людей, соединившихся в общество, а следовательно, не может быть стеснений в договорах, которые люди заключают сами: вмешиваться в эти договоры значит нарушать право свободы действий, которое предается каждому, поскольку при этом права других остаются неприкосновенными. И тогда, как мы уже видели, гарантия прав других граждан заключает в себе гарантию исполнения заключенных сделок, так как нарушение договора есть косвенное насилие. Когда покупатель, стоя перед прилавком, просит продавца, стоящего за прилавком, дать ему на один шиллинг своего товара и когда он в то время, как продавец повернулся к нему спиной, уходит из лавки, не оставив шиллинга, который он, как подразумевалось, обязан был заплатить, его действие по существу не отличается от воровства. Во всех случаях подобного рода индивид, понесший убыток, лишается предмета, которым он владел, и не получает за него условленного эквивалента. Он затратил свой труд понапрасну, он страдает от нарушения условия, необходимого для поддержания жизни.

Из этого следует, что признавать и обеспечивать права индивидов — значит в то же время признавать и обеспечивать условия правильного существования. И в том, и в другом случае решающим началом является жизненная необходимость.

Прежде чем перейти к выводам, имеющим практические применения, покажем, каким образом уже выведенные частные заключения — если мы будем рассматривать их в обратном порядке — дают нам то же самое общее заключение.

Как мы установили сейчас, то, что составляет необходимое условие для индивидуальной жизни, является, с двоякой точки зрения, необходимым условием также и для социальной жизни. Жизнь общества, на какую бы из двух точек зрения мы ни становились, зависит от охраны индивидуальных прав. Если она есть ни что иное, как только сумма жизней граждан, то это ясно само собой. Если же она состоит из совокупности различных действий, совершаемых гражданами во взаимной зависимости, то эта сложная и безличная жизнь более или менее интенсивна, смотря по тому, уважаются ли права граждан или отрицаются.

Изучение политико-экономических идей и чувств людей приводит к аналогичным выводам. Первобытные народы

различных типов показывают, что, раньше существования правительств, обычаи, относящиеся к незапамятным временам, признают права личности и обеспечивают охранение их. Кодексы законов, развившиеся независимо у различных наций, одинаково запрещают нарушение некоторых правил относительно личности, имущества и свободы граждан, и это единодушие показывает, что источник индивидуальных прав не искусственный, а естественный. По ходу социального развития закон с большей ясностью и точностью формулирует права, установленные обычаем. В то же время правительство все более и более берет на себя обязанность защищать их. Делаясь лучшим покровителем, правительство суживало сферу своего насилия; оно постепенно ограничило свое вмешательство в область частной деятельности. Наконец, как в прошлые времена, законы изменялись явно для того, чтобы лучше приспособиться к новым понятиям о справедливости, точно так же и теперь реформаторы законов руководствуются идеями справедливости, с которыми должны согласоваться законы, но которые отнюдь из законов не вытекают.

Итак, здесь мы имеем политико-этическую теорию, оправдываемую анализом и историей. Что ей противопоставляют? Модную теорию, которую нечем доказать. С одной стороны, констатируя, что как индивидуальная, так и социальная жизнь предполагают естественное соотношение между трудом и выгодой, мы констатируем также, что это естественное соотношение, признанное раньше существования правительства, все более и более признавалось кодексами законов и системами морали. С другой стороны, мнение тех, которые, отрицая естественные права, утверждают, что права искусственным образом созданы законом, не только решительно опровергается фактами, но и рушится само собой: когда от них требуют, чтобы они доказали его, они отвечают всевозможными нелепостями.

И это не все. Дав смутному народному пониманию определяемую форму и научную основу, мы приходим к рациональному взгляду на отношение между волей большинства и меньшинства. Мы ясно видим, что те совместные действия, для которых все могут соединяться добровольно и для управления которыми должна по справедливости преобладающее значение иметь воля большинства, суть совместные действия, имеющие

целью поддержание условий, необходимых для индивидуальной и социальной жизни. Защита общества в целом против внешних врагов имеет косвенной целью сохранить каждому гражданину обладание средствами, которыми он располагает для удовлетворения своих желаний, и свободой, дающей ему возможность приобрести другие средства. Защита каждого гражданина от внутренних врагов, начиная от убийц и кончая теми, которые наносят какой-либо ущерб своим соседям, очевидно преследует те же цели, разделяемые всеми, кроме преступников и людей распушенных нравов. Отсюда ясно, что при защите этого жизненного принципа, как по отношению к личности, так и по отношению к обществу, подчинение меньшинства большинству законно до тех пор, пока оно не обуславливает других стеснений собственности и свободы каждого, кроме тех, которые необходимы для лучшего охранения этой свободы и этой собственности. Отсюда же мы выводим заключение, что всякое подчинение вне этих пределов было бы незаконно, так как равнялось бы нанесению правам индивида более сильного вреда, чем это необходимо для защиты, и повело бы за собой нарушение того самого жизненного принципа, который следует оберегать.

Таким образом, мы возвращаемся к предложению, что так называемое божественное право парламентов и обусловленное им божественное право большинства — ни что иное, как суеверие. Отбросив старую теорию по отношению к источнику правительственной власти, удержали веру в неограниченность этой власти, являющуюся правильным выводом для старой теории, но отнюдь не вытекающую из новой. Абсолютная власть над подданными, логически приписанная человеку, который управлял, пока его считали представителем Бога, приписывается теперь правящему учреждению, хотя никто не считает его посланником божества.

Нам возразят, может быть, что споры о происхождении и о пределах правительственной власти — чистый педантизм; нам скажут: «Правительство принуждено пользоваться для увеличения общественного благосостояния всеми средствами, которыми оно обладает или которые оно может приобрести. Целью его должна быть польза, и оно имеет право для достижения полезных целей употреблять все необходимые меры.

Благосостояние народа есть высший закон, и законодатели не должны быть совращаемы с пути повиновения этому закону путем рассуждений о происхождении и пределах их полномочий». Можно ли этим путем увернуться от признания наших выводов, или это выход, который нетрудно закрыть?

Возникающий здесь основной вопрос касается верности утилитарной теории, как ее обычно понимают, и ответить на него можно тем, что в том виде, как эту теорию понимают, она не верна.

Как трактаты моралистов, так и действия политиков, которые сознательно или бессознательно следуют руководству первых, показывают, что польза должна определяться непосредственно простым осмотром наличных фактов и оценкой возможных результатов; между тем как правильно понятый утилитаризм требует, чтобы люди руководствовались общими заключениями, доставляемыми тщательным анализом уже наблюдавшихся фактов. «Ни хорошие, ни дурные результаты не могут быть случайными; они являются неизбежными последствиями природы вещей, а дело науки о морали — заключать на основании законов жизни и условий существования, какого рода действия неизбежно производят счастье и какого рода действия производят несчастья». Общепринятые доктрины утилитаристов, равно как и обычная практика политических деятелей, свидетельствуют о недостаточном понимании естественной причинной связи явлений. Принято думать вообще, что при отсутствии явного препятствия можно поступать так или иначе, и никто не задается вопросом, будет или не будет этот поступок согласоваться с нормальным течением жизни.

Предшествующие рассуждения, я думаю, показали, что принципы полезности, а следовательно, и действия правительства, не могут определяться путем рассмотрения поверхностных фактов и признания их такими, какими они кажутся на первый взгляд, но должны быть сообразованы с основными фактами. Основные факты, с которыми должны считаться все рациональные суждения о пользе, заключаются в том, что жизнь состоит из известных проявлений деятельности и поддерживается ими, и что между людьми, живущими в обществе, их сферы деятельности, взаимно ограничивая одна другую, должны принадлежать каждому в созданных этими ограничениями пределах,

а не дальше их, причем охрана их делается впоследствии обязанностью агентов, управляющих обществом. Если каждый, будучи свободным пользоваться своими способностями до границ, намеченных такой же свободой других, получает от своих товарищей за свои услуги столько, сколько он заслуживает по их оценке в сравнении с услугами других; если всюду выполняемые договоры доставляют каждому определенную таким способом часть, и если он пользуется защитой своей личности и своих прав таким образом, что может удовлетворять свои потребности посредством своих доходов, тогда жизненный принцип как индивидуального, так и социального существования обеспечен. Кроме того, и жизненный принцип социального прогресса будет также обеспечен, так как при этих условиях наиболее достойные индивиды будут преуспевать и будут размножаться сильнее, чем индивиды менее достойные. Итак, польза, определенная не эмпирическим, а рациональным способом, требует поддержания индивидуальных прав, а следовательно, запрещает то, что может быть им противно.

Здесь мы достигли крайнего предела, у которого должно остановиться вмешательство законодателя. Даже в самой скромной форме всякое предложение вмешательства в деятельность граждан, если только это делается не с целью ограждения их взаимных ограничений, есть предложение улучшить существование путем нарушения основных условий жизни. Когда некоторым лицам препятствуют покупать пиво, чтобы другие не могли напиваться пьяными, то те, которые издают закон, рассуждают, что это вмешательство произведет более добра, чем зла, как для малого числа неумеренных, так и для большего числа воздержанных людей. Правительство, взимающее часть доходов народной массы с целью отправить в колонии несколько лиц, которым не повезло на родине, или для того, чтобы улучшить дома рабочих, или основать публичные библиотеки, музеи и т.д. — допускает в качестве несомненного факта, что не только в настоящем, но и в будущем увеличение всеобщего счастья будет следствием нарушения существенного условия этого счастья, а именно — возможности для каждого пользоваться теми средствами, которые доставили ему действия, выполненные без всяких препятствий. В других случаях мы не допускаем настоящее обманывать нас таким образом

относительно будущего. Объявляя, что собственность неприкосновенна со стороны частных предприятий, мы не будем допытываться, будет ли выгода для голодного, который тащит хлеб из булочной, меньше или больше ущерба, нанесенного булочнику; мы рассматриваем не частное, а общее действие, производимое необеспеченностью собственности. Но когда государство налагает новые обязательства на граждан или делает новое ограничение их свобод, мы видим лишь непосредственные и ближайшие действия и пренебрегаем косвенными и отдаленными последствиями этих постоянных вторжений в область индивидуальных прав. Мы не видим, что через накопление незначительных нарушений этих прав жизненные условия индивидуального или социального существования удовлетворяются так несовершенно, что само это существование не приходит в упадок.

Однако особенно ясно сказывается этот упадок там, где правительство действует слишком усердно. Изучая по сочинениям Тэна и Токвиля состояние вещей до Великой французской революции, мы видим, что эта страшная катастрофа произошла от чрезмерной регламентации человеческой деятельности в малейших ее подробностях, от столь возмутительного поглощения продуктов этой деятельности в пользу правительства, что жизнь становилась почти невозможной. Эмпирический утилитаризм той эпохи так же, как и эмпирический утилитаризм нашего времени, отличался от рационального утилитаризма в том, что он во всех случаях рассматривал только действие отдельных актов вмешательства на отдельные классы людей и не обращал внимания на действия, производимые совокупностью таких актов на существование людей вообще. И если мы станем доискиваться причины, делавшей возможным это заблуждение тогда и делавшей его возможным теперь, мы найдем, что эта причина есть политическое суеверие, согласно которому часть правительства не должна подвергаться никакому ограничению.

Когда «божественный ореол», окружавший монарха и оставивший отблеск вокруг унаследовавшего его власть института, совершенно исчезнет, когда всем станет ясно, что в нации, где управляет народ, правительство есть ничто иное, как распорядительный комитет, и что этот комитет вовсе не имеет никакой

внутренне присущей ему власти, тогда неизбежно выведено будет из этого заключение, что власть Правительства исходит от тех, которые его ставят, и имеет как раз те пределы, которые им угодно для нее определить. Одновременно получится также и то заключение, что законы, издаваемые властью, священны не сами по себе, но что все священное в них происходит всецело от той моральной санкции, которая коренится в законах человеческой жизни, поскольку она протекает среди условий социального существования. Отсюда мы имеем вывод: когда законы лишены этой моральной санкции, они не содержат в себе ничего священного и могут по праву быть отвергнуты.

Функция либерализма в прошлом заключалась в том, чтобы полагать пределы власти королей. Функцией истинного либерализма в будущем будет ограничение власти парламентов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Можно ли надеяться, что изложенная выше доктрина встретит сочувствие многих? Я желал бы ответить утвердительно; но, к сожалению, различные причины заставляют меня думать, что лишь немногие отдельные лица в состоянии будут изменить свой политический символ веры. Одна из этих причин порождает все другие.

Эта существенная причина заключается в том, что ограниченное правительственной власти в означенных пределах желательно только для общества промышленного типа, что оно совершенно несовместимо с военным типом и лишь отчасти отвечает стремлениям полувоенной, полупромышленной формы, характерной для современных прогрессивных наций. В каждом фазисе социальной эволюции должна существовать полная гармония между практической деятельностью и верованиями, то есть, конечно, верованиями действительными, а не номинальными. Жизнь может продолжать свое течение только благодаря согласованию мыслей и действий. Или образ действий, вызванный необходимостью, должен изменить верования так, чтобы они согласовывались между собой, или же преобразование верований должно в конце концов изменить образ действий.

Из этого следует, что если охранение социальной жизни при такой сложности условий требует безусловного подчинения верховному главе и полного доверия к нему, то установится та доктрина, что подчинение и доверие не только полезны, но и обязательны. И наоборот, если при других условиях подчинение граждан правительству не необходимо для охранения национальной жизни, если, напротив, национальная жизнь крепнет и улучшается по мере того, как граждане получают большую свободу действий — в их политической доктрине совершается постепенное изменение, результатом которого является уменьшение веры в правительственную власть, увеличение склонности относиться скептически к ее авторитету и стремление в различных случаях противодействовать правительственному вмешательству. Это изменение приводит, наконец, к утверждению доктрины ограничения.

Поэтому мы не можем надеяться, чтобы в настоящее время правительственное мнение могло значительно измениться. Но рассмотрим этот вопрос поближе.

Вполне очевидно, что успех войны зависит от доверия солдат к своему полководцу. Если они не верят в его знание, то этого почти достаточно, чтобы парализовать их усилия во время сражения, тогда как абсолютное доверие к нему заставит их выполнить свою задачу с энергией и храбростью. Если, как это случается в нормально развившемся по военному типу обществе, одно и то же лицо управляет в мирное время и командует во время войны, то доверие к его превосходству на поле сражения внушит доверие и к его способностям государственного деятеля, а общество, в большой мере тождественное с войском, охотно подчинится ему, как законодателю. Даже тогда, когда гражданский глава, перестав быть военачальником, исполняет свою военную должность через своего представителя, то традиционное доверие к нему все еще сохраняет свою силу.

Точно то же и по отношению к повиновению. При совершенно одинаковых во всем остальном условиях армия недисциплинированных солдат ниже армии дисциплинированных. Те, которые поспешно и всецело повинуются начальнику, имеют более шансов на успех в битве, нежели те, которые не слушаются данных им приказаний. А то, что верно по отношению к войску, верно также и по отношению к обществу в целом; успех на войне неизбежно зависит главным образом от воли управляющего, который набирает людей, снабжает, когда нужно, деньгами и устраивает все согласно требованиям минуты.

Отсюда, так как лучшие люди переживают сражения, характерной чертой военного типа общества является глубокая вера в правительственную власть, соединенная с привязанностью к государю, которая вызывает абсолютное повиновение во всем. Поэтому среди политических теоретиков военного общества установится доктрина, дающая формулировку необходимым идеям и чувствам и в то же время утверждающая, что законодатель, если он не божественного происхождения, то, по крайней мере, действует под внушением Бога, и что абсолютное повиновение ему повелевается самим Богом.

Изменения в идеях и чувствах, которые таким образом становятся характерными для военного типа организации, могут

совершиться лишь там, где обстоятельства благоприятствуют развитию промышленного типа организации. Основанная на добровольной, а не на принудительной кооперации промышленная жизнь в том виде, в каком мы знаем ее теперь, приучает людей действовать самостоятельно, заставляет их уважать собственные права, уважая в то же время и права других людей, укрепляет в них сознание личных прав и побуждает их сопротивляться злоупотреблениям правительственного контроля. Но так как обстоятельства, делающие войны менее частыми, возникают лишь медленно, и так как изменения темперамента, являющиеся следствием перехода от преимущественно военной жизни к жизни главным образом промышленной, могут совершаться лишь незаметным образом, то идеи и чувства только мало-помалу уступают свое место другим идеям и другим чувствам. Существуют различные причины, по которым этот переход должен совершаться постепенно. Вот некоторые из этих причин.

У первобытного и малоцивилизованного человека не имеется еще характера, необходимого для обширной добровольной кооперации. Усилия, добровольно соединяемые с усилиями других, в видах общей выгоды, требуют, если предприятие обширно, такого упорства, которым еще никто не обладает. Кроме того, там, где ожидаемые результаты отдаленны и малоизвестны, как это бывает во многих кооперациях, ради которых соединяются в наше время, там требуется сила воображения, совершенно отсутствующая у малоцивилизованных людей. С другой стороны, большие частные ассоциации, составляющиеся с целью производства в больших размерах, обширные предприятия и другие цели требуют от соединившихся рабочих иерархического подчинения, сходного с подчинением, необходимым в военной жизни. Иными словами — нельзя достигнуть развитого промышленного типа, каким он является в наше время, не пройдя через военный тип, который путем дисциплины воспитывает с течением времени упорство в усилиях, готовность действовать под руководством (уже не навязанным, а принятым по договору) и привычку организовываться для достижения больших результатов.

Следовательно, в течение долгих периодов социальной эволюции для управления всеми делами, за исключением самых простых, необходима сильная и весьма мало ограниченная

правительственная власть, пользующаяся всеобщим доверием и повсеместным послушанием. Этим и объясняется тот факт, что, как это показывает прошлое древних цивилизаций и нынешний Восток, великие предприятия могут осуществляться только государством* и что добровольная кооперация может заменить принудительную кооперацию лишь постепенно и вызвать по справедливости соответствующее уменьшение веры в способность и авторитет правительства.

Вера эта поддерживается главным образом необходимостью сохранить способность к войне. Необходимо, чтобы правительство могло при помощи такого доверия и такого всеобщего подчинения располагать по своему усмотрению всеми силами общества сообразно с нуждами нападения и защиты: отсюда вытекает теория, обосновывающая веру и повиновение. Пока чувства и понятия людей таковы, что постоянно могут угрожать нарушениям мира, люди должны доверять авторитету правительства настолько, чтобы давать ему право принуждения, которого требуют военные предприятия, и в то же время это доверие к его авторитету неизбежно дает правительству принудительную власть и для других предприятий.

Таким образом, как мы уже говорили, основная причина, не позволяющая рассчитывать на многочисленных приверженцев изложенной нами доктрины, состоит в том, что мы в настоящее время лишь частью отвергли военный режим и лишь частью ввели режим Промышленный, к которому эта доктрина в действительности приложима.

До тех пор, пока религия ненависти будет преобладать над религией любви, будет неизбежно сохраняться широко распространенное политическое суеверие. Пока во всей Европе воспитание правящих классов будет состоять в том, чтобы заставлять юношество шесть дней в неделю восторгаться великими героями войны и только в седьмой день напоминать им о заповеди, повелевающей сложить оружие, пока эти классы будут подчиняться моральному кодексу, в котором языческие примеры составляют шесть седьмых, а правила христианского учения — только одну седьмую, до тех пор нельзя рассчитывать на то, чтобы международные отношения могли приобрести иной характер и стало возможным уменьшение Правительственной власти, а вместе с ним и соответствующее изменение политической

теории. До тех пор, пока управление делами колоний будет вестись в том духе, что туземные племена за сопротивление, оказанное англичанам, нарушившим их права, будут нести возмездие, не сообразное их собственному варварскому принципу «жизнь за жизнь», но по нашему усовершенствованному способу массового избиения за простое убийство, вряд ли можно надеяться, что политическая доктрина, основанная исключительно на уважении прав ближнего, могла быть принята всеми. До тех пор, пока исповедуемая вера истолковывает в том смысле, что в глазах общества будет заслуживать посмертного чествования человек, который в Англии произносит речи в собрании миссионеров, а очутившись в чужой стране, старается затеять войну с соседним народом, с целью покорить его, — до тех пор трудно ожидать, что наши отношения к другим обществам не выльются в другую форму. А ранее этого не может приобрести сколько-нибудь широкое распространение доктрина ограничения правительственных функций, подразумевающая то уменьшение Правительственной власти, которое отвечает нуждам мирного существования. Нация, которая, занимаясь церковными спорами относительно обрядов культа, так мало заботится о сущности этого культа, что флибустьеров в ее колониях скорее одобряют, чем порицают, причем даже проповедники ее религии любви не обличают их, — такая нация должна страдать от нарушений права внутри нее совершаемых как индивидами по отношению друг к другу, так и Правительством по отношению к индивидам. Не может нация осуществить блага справедливости в своей стране, когда она в чужих странах поступает несправедливо.

Разумеется, мне предложат следующий вопрос: для чего излагать и поддерживать неприменимую в наше время теорию?

Кроме общего ответа, что всякий, кто считает какую-либо теорию верной и важной, обязан сделать все, что может, чтобы распространить ее, не заботясь о возможном результате, — можно указать несколько частных мотивов, из которых каждого в отдельности было бы достаточно.

Во-первых, каждый идеал, как бы ни был он далек от своего осуществления в настоящее время, всегда необходим, как путеводная нить. Если есть налицо масса компромиссов, которые обстоятельства времени делают или заставляют казаться

необходимыми, но не существует понятия о лучшем и худшем в социальной организации: если люди ничего не видят, помимо требований минуты, и привыкают отождествлять ближайшее улучшение с окончательным благом, то настоящего прогресса не может быть. Как бы ни была отдаленна цель, как бы ни были многочисленны препятствия, которые могут принудить нас свергнуть с ведущего к ней пути, очевидно, что необходимо знать, где она находится.

Далее, до тех пор, пока настоящая степень подчинения индивидов государству, так же, как и соответствующая политическая теория, могут оставаться необходимыми при существующих международных отношениях, нет никакой надобности увеличивать это подчинение и укреплять приспособленную к нему теорию. В наш век напряженного человеколюбия множество людей, с нетерпением стремящихся улучшить участь своих менее счастливых ближних путем самых быстрых методов, всеми силами стараются развить административные учреждения, свойственные низшему типу общества — пятятся назад, желая идти вперед. Нормальные затруднения на пути прогресса уже достаточно велики, и печально то, что они становятся все больше и больше. Следовательно, весьма полезно показать человеколюбцам, что во многих случаях они несомненно подготавливают будущее несчастье человечества, столь усердно преследуя цель его благосостояния в настоящем.

Самое главное, однако, заключается в том, чтобы внушить всем людям ту великую, еще многими непризнанную истину, что внутренняя и внешняя политика какого-либо общества связаны между собой и что не может быть существенного улучшения одной без существенного улучшения другой. Если мы хотим, чтобы наша внутренняя организация соответствовала более высоким принципам справедливости, необходимо, чтобы мы и в наших внешних отношениях постоянно сообразовались с более высокими принципами справедливости. Если бы убеждение в том, что такое взаимодействие существует, могло распространиться между цивилизованными народами, оно в сильной степени уменьшило бы враждебные столкновения между народами и тем самым сократило бы начало принуждения в их правительственных системах и произвело бы соответствующие изменения в политических теориях.

**ШЕСТЬ ОПЫТОВ
О ГОСУДАРСТВЕ,
ОБЩЕСТВЕ
И СВОБОДЕ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТИННОЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВА¹

Письмо I

Вещи первостепенной важности — принципы, влияющие на весь порядок дел в стране, принципы, на которых держится благоденствие нации, — обыкновенно принимаются обществом как нечто, само собой разумеющееся. В тех случаях, когда наши предки издавна придерживались определенной линии поведения, какой бы спорной она ни была и как бы ни было велико приносимое ею добро или зло, люди в массе своей обычно следуют тем же курсом, не задумываясь над тем, разумно ли это. Обычай обладает завидной способностью подталкивать к выводам по самым спорным моментам, не давая потратить ни мгновения на раздумье; обычай заставляет нас превращать предположения самого сомнительного толка в аксиомы и отмахиваться от почти самоочевидных истин, объявляя их недостоинными рассмотрения.

Из всех предметов, подвергающихся такому бездумному отношению, возможно, наиболее важное место занимают фундаментальные принципы законодательства. Политики — все члены сообщества, принимающие близко к сердцу благополучие своих сограждан, — связывают свои надежды, мнения и желания с действиями правительства. Поэтому им следовало бы точно представлять себе природу правительства, его намерения и надлежащую сферу его деятельности. Прежде чем составлять мнение о том, какие меры необходимо принять законодательной власти, требуется прийти к четким и однозначным

¹ Серия из этих двенадцати писем была опубликована в «Нонконформисте» в 1842—1843 гг. В 1843 г. письма были переизданы под этим названием в лондонском издательстве У. Бриттэна и продавались по цене в четыре пенса. Пер. с англ. Николая Эдельмана.

взглядам о полномочиях этой власти, т.е. понимать, насколько далеко она может зайти, оставаясь в рамках конституции, и решить, что она может сделать, а чего — не может. Однако же сколь немногие всерьез размышляли на эту тему, сколь немногие даже из тех, кому небезразлично состояние общества, когда-либо задавались вопросом — есть ли предел, ограничивающий вмешательство правительства? И если есть, каков он?

Мы слышим, как один проповедует те выгоды, которые принесет нам передача всех шоссейных дорог королевства в ведение государства; другой предлагает возложить на нацию бремя содержания медицинских учреждений и поддерживать здоровье населения законодательными мерами; третий призывает правительство за счет страны прокладывать железные дороги в Ирландии. При этом никогда не подвергалась рассмотрению возможность того, что все эти меры содержат в себе нечто неуместное. Правительство *всегда* позволяло себе вмешиваться во все что угодно, и никто никогда не оспаривал этого права. Наши благонамеренные предки полагали весьма разумным оставить за исполнительной властью неограниченные полномочия (а может быть, просто ни разу не удосужились задуматься на эту тему), а раз они не возражали, то и мы, в своем мудром благоговении перед «старыми добрыми временами», полагаем, что все идет так, как и должно идти. Однако немногие, наделенные более здравым исследовательским духом, не довольствуются таким простым способом решения подобных проблем и стремятся класть в основу своих убеждений размышления, а не обычай. Таким людям мы и адресуем нижеследующие соображения.

Все в природе подчиняется своим законам. Неорганическому веществу присущи те или иные динамические характеристики и химическое родство; свои законы есть и у органического вещества, более сложного и не столь стойкого. Что свойственно материи в ее частных проявлениях, то же мы видим и в ее совокупности; одушевленные существа имеют свои законы, как и тот материал, из которого они созданы. Человек как одушевленное существо, выполняет определенные функции и обладает органами для выполнения этих функций; он следует определенным инстинктам и наделен средствами для следования этим инстинктам; и пока он выполняет свои функции, следует своим инстинктам и подчиняется законам своей природы, он остается

в добром здравии. Любое несоблюдение этих требований, всякий проступок наказываются тем или иным образом. Природа заставляет себе подчиняться.

Что применимо к телесному, то применимо и к духовному. Разум, как и материя, живет по своим законам. Умственные способности получили на великой арене жизни свои конкретные сферы деятельности; от правильного развития этих способностей и надлежащего исполнения ими своих функций зависит нравственная целостность и интеллектуальное здоровье личности. Законы психики требуют подчинения точно так же, как законы физики, и наказание неотвратимо следует за неповиновением и в первом, и во втором случае.

Что применимо к личности, то применимо и к обществу. Как и человек, общество по всей очевидности, живет по определенным законам, пусть их и не так легко выявить и сформулировать. Их действие может проявляться менее явным образом, а их соблюдение — быть более сложным делом; тем не менее принцип аналогии подсказывает нам, что они должны существовать. Нет такого предмета творения, который не подчинялся бы неизменным правилам, установленным Всевышним, и почему общество должно быть исключением? Более того, мы видим, что существа, обладающие свободной волей, здоровы и счастливы до тех пор, пока действуют в соответствии с этими правилами; почему бы тому же самому не быть верным и в отношении людей во всей их совокупности?

Придя к согласию по этому пункту, мы должны заключить, что благосостояние общества зависит от полноты знакомства с социальными принципами и их тщательного соблюдения. И в этом отношении нам важно знать, какие институты необходимы для процветания народов, выяснить, каковы обязанности этих институтов, выявить пределы их полномочий, принять меры к надлежащему исполнению ими своих функций и, что самое важное, следить за тем, чтобы они не занимались тем, для чего не предназначены и к чему не пригодны.

Самым важным из всех национальных институтов является законодательная власть, и в таком качестве она в первую очередь привлекает наше внимание при изучении социальных законов. Попытка выявить ее принципы, опираясь на анализ существующих правительств со всей их запутанной

и неестественной структурой, была бы бесконечно сложной задачей, не дающей почти никаких или вовсе никаких шансов на достижение приемлемого результата. Чтобы получить ясные ответы, мы должны рассмотреть этот вопрос в абстрактном плане, представить себе общество в его первобытном состоянии, изучить обстоятельства и потребности в ходе их естественного возникновения; лишь после этого мы будем в состоянии верно оценить, какие взаимоотношения должны существовать между народом и правительством.

Итак, представим себе группу людей, живущих без общепризнанных законов. Ничто не ограничивает их действий, если не считать личного страха перед возможными последствиями; единственным законом служит лишь выполнение собственных прихотей — и каков же будет результат? Слабые — те, кому не хватает силы или хотя бы влияния, — притесняются более сильными; те, в свою очередь, страдают от тирании стоящих еще выше по социальной лестнице; и даже самые влиятельные могут стать жертвами совокупной мести тех, кому они причинили зло. Поэтому каждый вскоре придет к заключению, что на благо и личным интересам, и интересам общества в целом будет создание неких единых механизмов защиты: все соглашаются подчиняться решениям своих сотоварищей и выполнять некие общие правила. Население постепенно увеличивается, конфликты множатся, и люди находят более удобным передать судебную власть одному или нескольким лицам, которые будут находиться на содержании у остальных, благодаря чему смогут посвятить все свое время исполнению общественных обязанностей. Так потребности общества естественным образом приводят к возникновению правительства. Но каковы эти потребности? Создано ли правительство с целью регулировать торговлю, т.е. диктовать каждому человеку, где ему покупать и где продавать? Желают ли люди, чтобы им указывали, какую веру они должны исповедовать, какие обряды и церемонии исполнять и сколько раз посещать церковь по воскресеньям?¹ Хотят ли они поручить властям заботу об образовании? Нужны ли им правила по части

¹ "We remember a religious society which, in its laws, declared that it was instituted to promote the goodness of God; and truly it may be said that enactments against atheism are passed upon the pretence of endeavouring to promote his existence." —Sidney Smith's Phrenology, p. 8.

благотворительности — кому жертвовать, и сколько, и в какой форме? Требуют ли они, чтобы для них проектировались и строились пути сообщения — шоссе и железные дороги? Готовы ли они подчиняться верховной власти, которая бы руководила их бытом, издавая законы о том, в какое время года можно забивать скот и сколько мяса позволительно съесть за обедом?¹ Короче говоря, нуждаются ли они в правительстве из-за того, что Всевышний, по их мнению, так небрежно создал социальные механизмы, что общество развалится без постоянного надзора и вмешательства? Нет; они знают или должны знать: законы общества действуют так, что естественное зло исправляется само собой; что в обществе, как и в любой другой сфере мироздания, действует прекрасный принцип саморегулирования, благодаря которому все его элементы пребывают в равновесии; и более того, подобно тому, как попытки человека исправить что-то в окружающем его мире нередко разрушают тонкое равновесие и причиняют еще больший вред, чем тот, с которым пытались бороться, так и попытка посредством законов управлять всеми сторонами жизни общества не принесет ничего, кроме бед и несчастий.

Для чего же нации нужно правительство? Не для регулирования торговли; не для образования народа; не ради управления благотворительностью; не для строительства шоссе и железных дорог, но только лишь для защиты естественных прав человека — для защиты его личности и собственности, для того, чтобы оградить слабых от посягательства сильных; одним словом, для защиты справедливости. Такова естественная и изначальная задача правительства. Нельзя требовать от него меньшего; нельзя позволять ему большего.

Письмо II

В политической философии правительство обычно определяется как орган, чье предназначение — обеспечивать «общее благо». Но практически такая формулировка не является определением, если под определением понимать описание, которое указывает на пределы описываемого предмета. По самой природе определения необходимо, чтобы слова, из которых оно составлено,

¹ It is said that the statute book still contains enactments on these points.

имели некое четкое значение; однако выражение «общее благо» носит столь расплывчатый характер, что каждый волен вкладывать в него собственный смысл, и соответственно нет такой меры, предпринятой правительством, которую нельзя было бы объявить выполнением им своих обязанностей. Не все ли наши законы, как действительно служившие нуждам всего общества, так и принимавшиеся лишь в интересах той или иной партии, проводились под предлогом заботы об «общем благе»? И возможно ли, чтобы самое эгоистичное, самое тираническое правительство дошло до такого бесстыдства, чтобы издавать законы, откровенно преследующие какую-либо иную цель? В таком случае, если подразумевается, что давая «определение», мы очерчиваем границы определяемого предмета, то нельзя удовлетвориться подобным определением обязанностей правительства, позволяющим ему делать все, что заблагорассудится.

В предыдущем письме мы пришли к выводу, что единственная обязанность государства сводится к «защите справедливости». Возможно, нам сразу же возражат, что такое определение — не более строгое, чем разобранное выше, ибо значение самого слова «справедливость» почти столь же расплывчато, как и смысл выражения «общее благо»; в то время как один считает «справедливым» защищать землевладельцев от конкуренции со стороны иностранных производителей зерна, другой понимает под «справедливостью» законодательную фиксацию минимальной заработной платы, и соответственно, в силу того, что в это слово можно вкладывать самый разный смысл, предложенное нами определение никуда не годится. На это мы дадим очень простой ответ. Слово «справедливость» используется нами не в юридическом смысле, а относится только к защите естественных прав человека. Нарушение этих прав является несправедливостью. Никому не придет в голову взывать к «справедливости», если он не готов доказать факт такого нарушения; и ни одна группа людей не может утверждать, что «справедливость» требует принятия того или иного закона, если только не докажет, что в противном случае будут ущемлены ее естественные права. Если мы согласимся с тем, что именно таков истинный смысл этого слова, то возражение теряет свою силу, поскольку вышеперечисленные и любые аналогичные примеры не имеют никакого отношения к «справедливости», понимаемой именно в этом смысле.

Выявив таким образом точный смысл нового определения и убедившись в его соответствии с изначальными потребностями общества, мы можем сразу же перейти к рассмотрению его практических применений; в то же время с целью показать, насколько различны могут быть последствия использования двух этих принципов, было бы полезно на паре примеров продемонстрировать, к чему нас приводит принцип «общего блага». Во-первых, рассмотрим такой животрепещущий вопрос, как хлебные законы*. Наши законодатели говорят нам о колоссальном национальном долге, о том, что мы вынуждены выплачивать по нему проценты, что свободная торговля так обесценит деньги, что мы не сможем обеспечить сбор налогов; и более того, что если разрешить конкуренцию между иностранными и отечественными производителями, то земли будут выводиться из оборота, наше сельское население лишится работы, и страна окажется в бедственном положении. Посредством этих и многих других правдоподобных соображений нас убеждают в том, что ограничения на импорт зерна необходимы ради «общего блага». С другой стороны, предположим, что мы ввели свободную торговлю. Может ли наш фермер пожаловаться, что она ущемляет его естественные права, так как позволяет потребителям покупать продовольствие у других поставщиков, запрашивающих более низкую цену? Может ли он утверждать, что государство поступает по отношению к нему несправедливо, если не заставляет производителя продавать ему по более высокой цене те товары, которые он может приобрести в другом месте на более приемлемых условиях? Нет. Подобное вмешательство не имеет никакого отношения к «справедливости». Поэтому ясно, что если бы единственной обязанностью правительства признавалась «защита справедливости», то у нас никогда бы не было никаких «хлебных законов»; и поскольку подобному тесту с тем же результатом можно подвергнуть все прочие случаи законодательного ограничения торговли, то столь же очевидно, что те же предпосылки требуют от нас всегда выступать в защиту свободной торговли.

Далее, наше духовенство и аристократия утверждают, что в интересах «общего блага» более чем необходимо иметь официальную церковь. Они пытаются внушить нам, что христианская вера сама по себе беспомощна, что она никогда бы не

распространилась без помощи со стороны *непорочного и добродетельного* государства, что истина слишком слаба, чтобы пробить себе путь без содействия парламента, и что человечество в целом все еще слишком эгоистично и приземлено, вследствие чего никто не станет проповедовать Евангелие, если не учредить для проповедников приличествующего жалованья — по сути, духовенство заявляет, что оно расстанется со своим занятием, если оно не будет оплачиваться, тем самым косвенно признавая, что его забота о духовном благе своей паствы соразмерна надеждам на ожидаемое денежное вознаграждение. Что же говорит нам второе определение? Можно ли из него вывести, что по отношению к обществу было бы несправедливо позволить каждому его члену толковать Писание так, как он считает правильным? Можно ли человека, пытающегося думать своей головой и оспаривающего авторитет ученых богословов, обвинять в том, что он их притесняет? Наконец, можно ли утверждать, что тот, кто и вовсе осмеливается отвергать христианскую веру, покушается на права своих сограждан? Нет. В таком случае отсюда следует, что официальная церковь не только не нужна для защиты естественных прав человека — напротив, она выступает как безусловный враг этих прав в той мере, в какой отказывает индивидууму в праве на «свободу совести» и вынуждает участвовать в насаждении учения, с которым он не согласен. Равно и государство, учреждая национальную религию, оказывается в неестественном положении нарушителя тех самых прав, для защиты которых было создано. Поэтому очевидно, что предложенное нами более жесткое определение никогда бы не допустило создания государственной церкви.

Теперь попробуем применить наш тест к вопросу, ставшему предметом бурных дискуссий — к закону о бедных*. Может ли кто-либо, чья порочность или недалекость привели его к бедственному положению, сослаться на справедливость, требуя вспомоществования от своих сограждан? Может ли даже трудолюбивый работник, причина несчастий которого кроется не в его проступках, жаловаться на нарушение своих естественных прав, если законодательный орган не заставит его соседей совместно выплачивать ему пособие? Разумеется, нет. Несправедливость подразумевает наличие явного акта притеснения, а ни одного человека нельзя обвинить в притеснении, если

он просто ничего не делает. Чтобы более четко уяснить себе этот вопрос, еще раз рассмотрим первобытное состояние общества, в котором все обладают равными возможностями. Одна часть общества трудолюбива и благоразумна, а посему накапливает собственность; другая же ленива и непредусмотрительна, или же в крайнем случае ее преследует невезение. Справедливо ли, если представитель одного из этих классов потребует помощи у другого класса? Имеют ли право даже те, чья бедность является исключительно результатом неудач, претендовать на долю тех благ, что созданы трудолюбием других? Нет. Они могут взывать к жалости, могут надеяться на помощь, но они не могут оправдывать свои требования ссылками на справедливость. То, что верно в отношении этих классов, верно и в отношении их потомков; дети, принадлежащие к одному классу, находятся в том же положении по сравнению с детьми из другого класса, что и их родители, и претензии в пятнадцатом или шестнадцатом поколении не более обоснованны, чем в первом.

Можно, впрочем, указать, что допущение о равных условиях, с которых начинали оба класса, не только совершенно произвольно, но и противоречит фактам; как все мы знаем, собственность находится в руках немногих, в то время как большинство населения без всякой вины пребывает в бедности, что и является причиной оспариваемых нами претензий. Я отвечаю на это: если удастся доказать, что оба современных класса являются прямыми потомками вышеназванных классов, если удастся доказать, что наши бедняки — дети гонимых, а тех, кого заставляют платить пособие бедным, — дети гонителей, то тем самым подтвердится обоснованность данного возражения; но до тех пор, пока не доказано, что это — истина или нечто, близкое к истине, данное возражение не заслуживает внимания. Отсюда следует, что при предложенном нами определении обязанностей государства закон о бедных никогда бы не был принят.

Письмо III

Из предшествующих аргументов мы сделали вывод о том, что если единственной обязанностью государства признается защита справедливости, то невозможны ни существование национальной церкви, ни ограничение свободы торговли, а закон

о бедных оказывается неприемлемым. Поскольку последнее заключение наверняка вызовет гораздо больше возражений, чем два предыдущие, представляется желательным более пристально изучить те аргументы, которые могут быть выдвинуты в его поддержку; и поскольку «Нонкомформист» — орган политической партии, в своей деятельности ориентирующейся на принципы, а не на соображения целесообразности, и провозгласившей намерение следовать здоровой доктрине, даже с риском заслужить всеобщую неприязнь, — мы надеемся, что предложенные нами соображения подвергнутся объективному рассмотрению, и на их оценку не повлияют ни личные, ни политические пристрастия.

Обычно считается, что фонд, создание которого предусматривается законом о бедных, должен состояться из вкладов зажиточных слоев общества и предназначаться для помощи обездоленным; предполагается, что средства, выделяемые обеспеченными лицами, заметно облегчат участь их бедных соседей. Однако рассматривать этот вопрос под таким углом было бы некорректно. Политическая экономия говорит нам следующее. Мы имеем институт, практически разделяющий общество на два основных класса — производителей и нищенствующих, причем один из них никак не участвует в накоплении запасов продовольствия и одежды, а второму приходится работать за двоих. Отсюда следует, что каждый член класса производителей будет ущемлен изъятием части общего запаса в пользу непроизводящего класса. Но кто же составляет подавляющую долю производящего класса? Трудящееся население. Его труд — главный источник богатства нации; в отсутствие этих людей земля и капитал были бы бесполезны. Соответственно, такая система, созданная ради бедных, существует главным образом за счет трудящихся, а следовательно, бремя ее содержания падает в первую очередь на их плечи.

Если же такой обобщенный стиль рассуждений покажется неудовлетворительным, мы можем прибегнуть к аргументации иного рода. Мы знаем, что средняя стоимость любого предмета определяется расходами, связанными с его производством; что цена, по которой производитель продает ткань, зависит от потраченного на ее производство труда, от стоимости станков, сырья и т.д.; что цена, по которой фермер может позволить

себе продавать зерно, определяется размером установленной для него арендной платы, затратами на полевые работы и т.д.; мы также знаем, что если одна из этих статей расходов увеличится, то вслед за ней возрастет и стоимость продукции — если землевладельцы удвоят арендную плату, то и фермеры будут вынуждены больше запрашивать за свое зерно. Согласно нынешнему закону уровень отчислений в фонд помощи бедным составляет в некоторых местностях 40 процентов от арендной платы, а по старому закону иногда достигал 75 и 100 процентов. К чему это ведет, кроме удвоения арендной платы? Не имеет значения, выплачиваются ли обе половины землевладельцу, или одна идет в его карман, а другая — в общину; влияние на себестоимость продукции оказывается одним и тем же, а потребители этой продукции вынуждены платить за нее больше, чем в том случае, если бы такого порядка не существовало. Но *кто* составляет основную долю потребителей? — трудящееся население. В таком случае, именно оно становится главным плательщиком дополнительного налога. Так мы приходим к тому же выводу, что и раньше: трудящиеся классы не только непосредственно выплачивают значительную долю налога на бедных; в реальности именно с них также взыскивается основная доля средств, якобы взимаемых с богатых.

Многие защитники закона о бедных строят свою аргументацию на существовании хлебных законов. Они говорят, что если бы не имелось препятствий к ввозу иностранной продукции, и соответственно, наши производители находились бы в условиях свободной конкуренции, то никто бы не возражал против того, чтобы трудящиеся полагались только на свои собственные силы; но поскольку цены на продовольствие искусственно завышены, а спрос на рабочие руки невелик, то без государственной благотворительности нам не обойтись. На это можно дать два ответа.

Во-первых, этот аргумент основан на ложной предпосылке, исходящей из предположения, что государственная благотворительность осуществляется за счет богатых, в то время как мы показали, что основная ее ноша ложится на плечи трудящегося класса. Те сами классы, ради которых учреждены благотворительные фонды, вследствие своей производственной деятельности вносят основной вклад в накопление этих фондов.

Соответственно, тот факт, что трудящиеся и без того страдают от хлебных законов, никак не может служить оправданием того, что одну часть этого класса обременяют еще сильнее, вынуждая ее обеспечивать пропитание и одежду для другой части.

Во-вторых, предложенное нами определение обязанностей правительства лишает этот аргумент какой-либо силы, поскольку свободная торговля — необходимое следствие того же самого принципа, который исключает и закон о бедных; а если так, отсюда следует, что возражения, основанные на существовании торговых ограничений, здесь неприменимы.

Но даже если мы признаем, что закон о бедных облегчает участь трудящихся классов во времена национального кризиса, из этого вовсе не следует, что это мудрый или по крайней мере благодетельный закон. Пока еще земля родит, а род людской готов трудиться, глубокий кризис не может не служить признаком противоестественной ситуации, сложившейся в обществе. Таково текущее состояние дел в Англии. Европа и Америка производят больше продовольствия, чем они в состоянии потребить — а наши работники трудятся не покладая рук, но все равно балансируют на грани голода, и следовательно, в наших политических институтах не может не скрываться какого-то фундаментального порока. Что лучше — прибегнуть к паллиативным мерам или докопаться до истоков зла? Что предпочтительнее — облегчать тяжесть кризиса, раздавая государственное вспомоществование, или позволить кризису проявиться в полной мере с тем, чтобы выявить и устранить его причины? Какого врача мы назовем более милосердным — того, кто облегчает страдания пациента, постоянно прописывая ему болеутоляющие средства, или того, который заставляет пациента немного пострадать с тем, чтобы изучить симптомы, с их помощью найти причины болезни и предложить способ быстрого исцеления? Ответ на этот вопрос очевиден.

Поразительно, что те авторы, которые в последнее время активно критикуют национальную систему сбора налогов и указывают на всю нелепость рекомендательной благотворительности, предпринимаемой в ответ на призывы к справедливости, не понимают, что здесь мы сталкиваемся с тем же законом о бедных в другой разновидности. И то и другое — суть попытки бороться с симптомами, а не с болезнью; и то и другое

призвано приглушить жалобы со стороны населения; и то и другое лишь отсрочит получение тех прав, каких требует для себя народ. В статье из «Таймс», посвященной национальной петиции, мы читаем, что хотя содержание этого документа недостоино рассмотрения, самый факт его подачи явственно говорит о необходимости принятия «более щедрого закона о бедных» ради того, чтобы удовлетворить жалобщиков. Суть такой политики налицо: заткнем рот народу благотворительностью! Нет нужды рассматривать вопрос о его правах, вместо это следует увеличить подавание!

Однако закон о бедных не только практически нецелесообразен, но и порочен в принципе. Главные аргументы, выдвигавшиеся нами против официальной религии, сохраняют свою силу и в отношении официальной благотворительности. Диссидент стоит на том, что никакая партия не имеет права требовать от него участия в поддержке тех учений, которые он не одобряет. Налогоплательщик столь же обоснованно может утверждать, что незаконно заставляя его выделять средства на содержание лиц, которых он считает не заслуживающими помощи. Сторонник религиозной свободы не признает ни за каким советом или епископом права выбирать за него, во что ему верить и во что не верить. Также и противник закона о бедных не признает ни за каким-либо правительством или уполномоченным права решать за него, кто достоин его подаяния, а кто — нет. Диссидент, не признающий официальной церкви, утверждает, что распространению веры и ее искренности пойдет лишь на пользу, если материальная поддержка ее духовенству будет осуществляться в добровольном порядке. Оппонент закона о бедных полагает, что добровольная благотворительность будет более щедрой и принесет больше пользы, чем принудительная. Противник официальной церкви может доказать, что предполагаемая польза от государственной религии всегда будет сводиться на нет коррупцией, присущей этой системе. Аналогично и противник закона о бедных в состоянии продемонстрировать, что в придачу к мнимым преимуществам государственной благотворительности мы получим язву неизбежно сопутствующего ей пауперизма. Противник официальной церкви говорит, что никто не имеет права вставать между ним и его религией. Противник официальной

благотворительности говорит, что никто не имеет права вставать между ним и *отправлением* его религии.

Почему же в таком случае те, кто так решительно выступает против господства национальной церкви — кто заявляет, что государство не вправе им указывать, как толковать Писание, — почему те же самые люди покорно позволяют и даже защищают вмешательство государства в отправление одной из самых важных заповедей этого Писания? Они отрицают право законодателей разъяснять теорию и тем не менее отстаивают необходимость руководства верующими на практике. Поистине, многие диссиденты могли бы проявлять больше последовательности, ведь отстаивая свою независимость в вопросах веры, они настолько не уверены в своих собственных принципах, что ищут посторонней помощи в том, что касается дела. Тот, кто полагает, что жителям страны не хватает духовного руководства, и поэтому убежден в необходимости национальной религии, ничем не отличается от того, кто указывает на нехватку пищи и одежды у части населения и отсюда выводит необходимость национальной благотворительности.

Кроме того, несмотря на всю важность этого вопроса, мало кем принимается во внимание нравственное влияние закона о бедных на ту часть общества, что платит налоги. В данном случае мы вновь видим аналогию между официальной религией и официальной благотворительностью. Нам говорят, что при такой системе, как наша национальная церковь, когда прямые обязанности прихожанина состоят главным образом в посещении публичных богослужений, участии в таинствах, выплате десятины, церковных налогов и т.д., форма всегда будет подменять собой сущность, место постоянного отправления веры займут периодические церемонии и духовное будет вытеснено физическим. С теми же основаниями можно утверждать, что аналогичным результатом будет сопровождаться принятие закона о бедных, поскольку он затрагивает те же самые стороны человеческой природы; выплата налога в пользу бедных подменит собой реальную благотворительность, на смену выполнению нравственного долга придет соблюдение буквы закона. Вынужденная щедрость не способствует пробуждению добрых чувств. Человек, которого заставляют платить налог, лезет в карман за кошельком вовсе не из сочувствия к бедным; для него

это лишь очередной побор, и, выплачивая его, он чувствует скорее раздражение, нежели удовольствие. Но на этом история не заканчивается. Бедный рабочий или ремесленник, ведущий с миром тяжкую борьбу за сохранение своей независимости, не вызывает жалости. Пока существует закон о бедных, он не умрет с голоду, и если обратится за помощью, для рассмотрения его дела будет достаточно времени. С другой стороны, нищему, который стучится в его дверь, или утомленному путнику, обратившемуся к нему за помощью, говорится: «Иди в свой приход». К чему вслушиваться в его рассказ, зачем оказывать ему частное вспомоществование, если будет сочтено, что он его заслуживает? Ведь государство и без того о нем позаботится. Вот каковы настроения, порождаемые государственной благотворительностью. Когда буква закона соблюдена, совесть спокойна; в проявлениях щедрости нет никакой нужды; милостыню раздает уполномоченный; благородные побуждения могут отдыхать и не вести борьбу со своекорыстными наклонностями, а затем неизбежно впадают в спячку; и в итоге мы получаем деградацию национального характера. Выплата налога в пользу бедных так же относится к истинной благотворительности, как соблюдение формы и церемоний — к истинной религии.

Однако можно задаться вопросом: откуда нам знать, окажется ли добровольной благотворительности достаточно для облегчения повседневных страданий бедняков при отсутствии государственного вспомоществования? Более-менее аналогичный вопрос выдвигается в качестве возражения против расширения избирательного права — откуда нам знать, станут ли неспособные к пользованию избирательным правом в состоянии им воспользоваться, когда его получают? И в том и в другом случае можно дать тот же ответ, который был столь удачно сформулирован редактором «Нонкомформиста» применительно к вопросу об избирательном праве. Люди, как правило, не готовы к исполнению тех обязанностей, которых от них никогда не требовали; они не готовы проявлять те добродетели, в которых никогда не возникало нужды; нравственная бодрость не может сопутствовать нравственному бездействию; высокие чувства никак не проявят себя до тех пор, пока обстоятельства не призовут их к этому. Соответственно, пока о бедных заботится государство, у нас не будет никаких стимулов

к благотворительности со стороны богатых и никаких стимулов к осмотрительности и бережливости со стороны бедных. Пока один класс может предъявить ведомость об уплате, он не будет подавать; пока в распоряжении второго имеется неисчерпаемый источник вспомоществования, он не будет экономить. Из этого можно сделать вполне разумный вывод о том, что в отсутствие закона о бедных богатые были бы более щедрыми, а бедные — более бережливыми. Первые давали бы больше, а вторые просили бы меньше.

Итак, мы приходим к выводу о том, что:

1. Бремя закона о бедных падает главным образом на плечи трудящихся.
2. Поэтому существованием торговых ограничений нельзя оправдать сохранение этого закона.
3. Даже если допустить, что закон о бедных приносит прямую пользу, косвенно он причиняет вред в том смысле, что не устраняет причин несчастий.
4. Против официальной благотворительности можно выдвигать многие из серьезных возражений, выдвигаемых против официальной религии.
5. Закон о бедных препятствует реальной благотворительности и приводит к деградации национального характера.
6. Если бы закона о бедных не было, увеличение добровольных подаяний и повышенная бережливость сделали бы его ненужным.

Из этих рассуждений следует, что предложенное нами определение обязанностей государства, не допуская закона о бедных, не допускает лишь того, что порочно по самой своей природе.

Письмо IV

Мое предыдущее письмо, подвергавшее довольно углубленному рассмотрению закон о бедных, некоторыми из ваших читателей может быть воспринято как отступление от заявленной темы настоящего эссе, хотя оно чрезвычайно важно для доказательства отстаиваемого здесь принципа. Однако сейчас я вынужден еще сильнее испытывать их терпение в попытке ответить на заданный мне вопрос: «Не является ли возможность

кормиться с земли неотъемлемым правом каждого человека?»¹ Ведь к этому в конечном счете сводится суть рассматриваемой проблемы. Прежде чем продолжать, можно заметить, что бремя доказательства, как правило, падает на ту сторону, которая отстаивает некое право, а не на ту, которая его отрицает. Обосновывать истинность утверждения обычно требуют от его сторонников; оппонент же не обязан доказывать его ошибочность.

Возможность кормиться с земли — естественное и врожденное право каждого человека, полученное им в момент сотворения; и всякий, кто посредством несправедливых законов, гнетущих налогов или каким-либо иным образом чинит ему в этом отношении препятствия, является нарушителем данного права. Однако это право имеет условный характер — земля родит лишь в ответ на вложенный в нее труд, и если это условие не выполняется, то и право кормиться с земли становится недействительным. Принцип же, на котором строится закон о бедных, признает это право, но в отрыве от данного условия; он позволяет претендовать на долю урожая, не требуя соответствующих трудовых затрат. «Да, — отвечают мне, — и это вполне обоснованно при отсутствии возможности использовать этот труд прибыльным образом». Пусть так; нельзя отрицать, что в известной степени это верно. Но что дальше? Можно ли назвать такое состояние вещей естественным? Неужели нет возможности исправить это зло? Является ли отсутствие сферы для приложения труда неизбежным результатом мироустройства? Разумеется, нет! Это всего лишь одно из пагубных последствий людского эгоизма — одного из многих проклятий, которые несет с собой классовое законодательство. Мы знаем, что при справедливом управлении страной никто бы не жаловался на безработицу. Каждый человек нашел бы для себя занятие, которое в изобилии обеспечивало бы его средствами к существованию. В чем, в таком случае, состоит наш долг? Должны ли мы, вследствие того, что некоторые из наших сограждан, злоупотребляя властью, завели порядок, при котором значительная часть народа лишена возможности зарабатывать хлеб в поте лица, — должны ли мы, спрашивая я, спокойно смириться и раздавать пропитание, не требуя взамен

¹ Речь идет о появившихся в «Нонконформисте» замечаниях по поводу моего предыдущего письма.

трудиться? Не следует ли вместо этого упразднить те законы, которые приводят к столь неестественному положению, а, вернув общество в здоровое состояние, обеспечить автоматическое соблюдение этого права, гарантируемого выполнением сопутствующей ему заповеди? Всевышний наделил человека привилегией, которой тот может пользоваться, если соблюдено определенное условие; однако вмешательство власть имущих делает соблюдение этого условия не всегда возможным — так должны ли мы раздавать эту привилегию, забыв об условии, на котором она получена? Или лучше устранить те препятствия, которые мешают нашим согражданам выполнять условие? Ответ очевиден. Соответственно мы приходим к выводу, что безусловное право кормиться с земли несовместимо с одним из ключевых принципов нашей религии.

Можно возразить, что даже когда работы имеется в избытке, а общество находится в самом процветающем состоянии, уделом многих людей все равно будут бедствия и лишения. Допустим; но что из того? Отсюда вовсе не следует, что государство должно заботиться о таких людях. В девяти случаях из десяти причиной бедственного положения являются прегрешения человека или его родителей; и неужели мы должны отказываться от справедливого наказания за эти прегрешения? Нам говорят, что грехи порочных отцов падают на их детей в третьем и в четвертом поколении; это может проявляться в умственных расстройствах, телесных болезнях или временной нужде. Родитель либо передает своему отпрыску дурные нравственные наклонности или телесные изъяны, либо обрекает его на жизнь в нищете. То и другое возможно как по раздельности, так и совместно. Но тут в действие вступает закон о бедных, который говорит: «Насколько от меня зависит, я устраню этот принцип. Как бы велики ни были твои собственные прегрешения или прегрешения твоих родителей — и, несмотря на то что твои несчастья могут быть результатом единственно этих прегрешений, ты, оказавшись в беде, имеешь законное право на долю собственности твоих сограждан, и я облегчу твою участь»¹. При этом

¹ Не следует воспринимать эти слова в качестве размышлений о добровольной благотворительности. Если, имея целью до некоторой степени облегчить страдания согрешивших, Всевышний позаботился о том, чтобы наделить их сотоварищей сочувствием, заставляющим

согрешивший не только остается без наказания; помимо этого, закон уничтожает наиболее действенный стимул к исправлению. Несчастья — во многих случаях единственная серьезная школа для оступившегося. Возможно, на это мне возразят: в чем состоит справедливость или польза от того, что дети обрекаются на временную нужду, вызванную грехами их родителей? Польза здесь есть, и очень большая: та же тенденция к аморальности, что была заметна у родителей, передается потомству; нравственная болезнь требует лечения, а в *здоровых социальных условиях* это лечение заключается в испытании бедностью, которая является следствием болезни. Так болезнь сама предлагает рецепт исцеления, однако закон о бедных не позволяет воспользоваться этим рецептом.

Во избежание недопонимания подчеркнем еще раз: все это никак не связано с нынешними бедствиями народа, а имеет отношение лишь к отдельным случаям личных несчастий, которых не избежать даже в разумно управляемом обществе.

Как правило, очень легко дать определение естественному праву. Его пределы самоочевидны. С законом о бедных ситуация иная. Он говорит, что каждый человек имеет право на пропитание с той земли, на которой живет. Но что это за пропитание? Одна сторона утверждает, что речь идет о минимальном прожиточном уровне. Другая же считает, что проситель имеет право на все те блага, которыми обычно пользуются люди в том же положении, что и он. По мнению третьей, он может претендовать на ту же роскошь, в какой живут люди более высокопоставленные. Наконец, есть и экстремисты, которые не согласны ни на что, кроме социалистического принципа, а именно совместной собственности. Как же определить, какой из этих взглядов служит истинным выражением данного

жалеть несчастных и оказывать им помощь, то отсюда мы сразу же должны сделать вывод о том, что проявление этих чувств приближает нас к всеобщему счастью. Но это допущение ни в коем случае не включает одобрения системы, устроенной отнюдь не всеведущими людьми с целью раздавать оптом то, что Всевышний приказал нам делать с разбором. Вообще, было бы крайне желательно, если бы благодетели проявляли больше рассудительности при раздаче подаваний, оказывая поддержку лишь трудолюбивым людям, попавшим в беду, но не пороку, страдающему по собственной вине.

права? Градаций здесь бесконечное множество, и как выяснить, где находятся пределы того или иного требования? Кто скажет налогоплательщику, на какую долю его собственности имеют право претендовать его сограждане? Откуда знать пауперу, требующему увеличить размер подачи, получает ли он столько, сколько ему положено? И кто сумеет объяснить ему, почему он имеет право на то, что уже им получено, но не больше? А если у него в самом деле есть такое право, почему же так сложно дать этому праву определение?

Нам говорят, что собственность — это условность, что она накапливается у немногих в ущерб интересам большинства, что само ее существование пагубно для тех, кто лишен возможности ею пользоваться, и соответственно владельцы собственности находятся в долгу перед неимущими. Но так ли это? Рассмотрим этот вопрос внимательнее.

Пэли говорит: «Справедливо все, что целесообразно». Это поразительное заявление; однако следует помнить, что слово «целесообразно» используется здесь не в своем общепринятом значении. «Целесообразность» в данном случае понимается не как то, что наилучшим образом отвечает текущим потребностям, а как то, чьи последствия для настоящего и для будущего, как прямые, так и косвенные, принесут наибольшую пользу. Пэли отнюдь не утверждает, что целесообразность означает принесение будущего благополучия нации в жертву сиюминутным интересам; он называет целесообразным то, чьи благие следствия, как уже проявившиеся, так и ожидающиеся, в совокупности перевесят дурные следствия. Когда это высказывание толкуется расширительно, с учетом не только немедленных последствий, но и тех благ и бед, которые возможны в грядущие века, оно уже не кажется настолько парадоксальным. Некоторые моралисты на этом основании обвиняют Пэли в установлении новых стандартов добра и зла, не совпадающих с теми, которые диктует нам христианская вера. Пэли якобы сперва признал, что заповеди Писания — наш единственный надежный поводырь, а затем в противовес им выдвинул собственный принцип. Такая оценка его позиции ошибочна. Принцип Пэли не противоречит заповедям, а соответствует им. Пэли выявляет великий фундаментальный закон, на котором основаны все заповеди нашей веры. Он формулирует главный постулат, породивший

все бесчисленные христианские учения. Бог желает человеку счастья. Но это счастье зависит от выполнения определенных условий. Бог дает человеку законы, посредством соблюдения которых тот выполняет эти условия. Бог говорит: «Не укради»; а почему? Потому что, хотя вор может испытывать временное удовольствие, завладев чужой собственностью, оно не только уравновешивается соответствующим неудовольствием пострадавшего; сам вор, как и любой другой член общества, будет жить в постоянном страхе перед аналогичной угрозой. Таким образом, горе потери, вместе со всеобщей боязнью ограбления, с лихвой перевешивает личное удовольствие от присвоения чужой вещи. Отсюда следует, что соблюдение заповеди «Не укради» в высшей степени необходимо для достижения всеобщего счастья, т.е. «целесообразно». Возьмем другой пример: зачем от человека требуется любить ближнего своего, как самого себя? Затем, что, поступая так, он не только делает более приятной жизнь окружающих его людей, но и сам пожинает обильные плоды, испытывая удовольствие, проистекающее из проявлений неподдельной благожелательности. Проведя аналогичный анализ всех прочих заповедей, мы найдем, что каждая из них направлена на достижение всеобщего счастья; заповеди, полученные нами от Всевышнего, наилучшим образом отвечают стремлению к этой цели, и, следовательно, «целесообразность» — фундаментальный закон, руководящий людьми в их делах. Если, признав истинность этого заключения, мы столкнемся с теми или иными случаями, в которых не заметно непосредственного проявления Божественной воли, то нам следует изучить их с учетом принципа целесообразности, находящегося в соответствии с сущностью этой воли. Подвергнем такому анализу нашу проблему.

Во-первых, является ли институт частной собственности целесообразным? Да. Счастье человека в большой степени зависит от удовлетворения его временных потребностей. Земные плоды — необходимое средство для удовлетворения этих потребностей. Но этих плодов никогда не будет в изобилии, если их не возделывать. Однако вряд ли кто станет этим заниматься при отсутствии стимула в виде обладания результатами своего труда. Никто не станет сеять того, что пожнут другие. Мы находим тому обилие подтверждений в истории любого дикого народа. Более того, до тех пор, пока не удовлетворены

телесные потребности, невозможен никакой социальный прогресс. Пока людям не хватает пищи и одежды, им некогда становиться цивилизованными. А без цивилизованности невозможны никакие нравственные и интеллектуальные достижения. Пребывая в нравственных потемках, люди остаются нечувствительны к высоким удовольствиям, доступным человеку по милости Творца. Следовательно, собственность крайне важна для нравственного и телесного счастья людей; а значит, она целесообразна. Следует также иметь в виду, что, хотя проверку на целесообразность выдерживает любая из заповедей, полученных нами от Всевышнего, в Писании содержится множество косвенных подтверждений Его воли в отношении собственности. Библия не только неоднократно упоминает обязанности, фактически подразумевающие признание института частной собственности, но и содержит предписание, которое нельзя истолковать никаким иным образом. Одна-единственная заповедь «Не укради» заключает в себе исчерпывающую декларацию права собственности. Наконец, даже если эти аргументы покажутся неубедительными, тот простой факт, что каждый человек живет с врожденным желанием обладать, и это желание можно удовлетворить посредством накопления собственности, *не причиняя никакого ущерба согражданам*, — сам этот факт служит более чем достаточным доказательством того, что обладание личной собственностью находится в согласии с волей Творца. Таким образом, как непосредственно из закона целесообразности и из особенностей человеческой природы, так и косвенно из воли Всевышнего, проявившейся в его заповедях, мы делаем вывод о том, что институт собственности *не условен, а естественен*.

В таком случае мы должны либо безусловно признавать право собственности, либо безусловно отрицать его. Мы не можем никому сказать: «Такая-то часть нажитого твоим трудом принадлежит тебе, а такая-то — твоим сотоварищам». Право неделимо. Либо оно есть, либо его нет. Среднего не дано. Мы должны сказать «да» или «нет». Поэтому, если после рассмотрения этих аргументов мы признаем, что собственность — институт, присущий цивилизованному человеку, а также признаем необходимое следствие из этого допущения — право на личную собственность (причем должны будем признать его без всяких

оговорок), то тем самым лишим закон о бедных всякой силы. Он абсолютно несовместим с правом собственности и не может с ним сосуществовать.

Вернемся к нашему тесту на целесообразность. Закон о бедных уже подвергся испытанию этим принципом и был найден ему не соответствующим. Мы показали, что признание этого закона неизбежно принесет всевозможный и великий вред, который многократно перевесит возможные выгоды; и что все те блага, которые нам сулит этот закон, могут быть обеспечены при отсутствии каких-либо вредных последствий путем добровольной благотворительности. Если наши рассуждения убедительны, то противоправность закона о бедных доказана нами без необходимости обращаться к предыдущим аргументам.

Итак, мы показали, что:

1. В обстоятельствах, подобных нашим, когда бедные не имеют возможности кормиться благодаря своему труду, наш долг состоит не в том, чтобы обеспечивать их средствами к существованию, не требуя взамен трудиться, а в том, чтобы устранить воздвигнутые эгоистичными законодателями барьеры, препятствующие производительному труду, и вернуть труженику его законный статус, тем самым восстановив естественное состояние общества.
2. Позволяя порочным людям пользоваться теми правами, которыми наделяет их закон о бедных, мы не только оставляем таких людей без справедливого наказания, но и ликвидируем самый эффективный стимул к раскаянию и исправлению.
3. Естественное право обыкновенно поддается четкому определению, чего нельзя сказать о тех мнимых правах, которые дает нам закон о бедных.
4. Институт собственности соответствует закону целесообразности, неявной воле Всевышнего и природе человека; если мы признаем право на собственность, то должны отрицать те права, которые создает закон о бедных.
5. Признание права на кормление с земли не только противоречит праву собственности, но и само по себе приносит больше зла, чем добра; следовательно, оно нецелесообразно, а раз нецелесообразно, то незаконно.

Письмо V

Возможно, в ответ на предлагаемую теорию государства нам возразят, что если ограничить обязанности правительства защитой справедливости, то оно, очевидно, будет не в состоянии поддерживать отношения с другими странами, заключать договоры с иностранными державами, участвовать в каких-либо международных соглашениях и вести даже абсолютно необходимые войны.

Возражение, связанное с отсутствием полномочий на заключение договоров, можно оставить без внимания. Предметом переговоров между государствами почти всегда, прямо или косвенно, являются войны и торговля, а поскольку наше определение предполагает полную свободу торговли, ясно, что в торговых договорах никогда не возникнет нужды. Таким образом, возражение сводится к последнему пункту — т.е. к лишению государства возможности воевать. Но вместо того, чтобы сетовать об этом, следовало бы всячески приветствовать этот момент как одно из величайших благ, следующих из признания нашего принципа. Война всегда становилась для Англии источником величайших тягот. Наши землевладельцы, вероятно, никогда бы не осмелились принять хлебные законы, если бы людей не пьянил призрак процветания, которое сулит война. Нам не пришлось бы вести речь о национальном долге со всеми его ужасающими последствиями, если бы наши власти были лишены права на ведение войн. Страна не растратила бы богатства, созданные тяжким трудом ее сыновей, если бы не необузданные амбиции аристократов, втягивающих нас в войны. Из-за войн мы навсегда лишаемся средств, которых хватило бы, чтобы построить во много раз больше железных дорог, создать самые благоприятные условия для торговли и подвести под нее реальный, а не мнимый фундамент, — лишаемся накопленного труда многих поколений, великого национального резерва на случай тяжелых времен. Англия не только страдает от ежегодного оттока ресурсов, обусловленного наличием национального долга, она вдобавок лишается собственности, находящей выражение в этом долге. Нация не только выплачивает проценты с капитала, но теряет и сам этот капитал.

Широко распространено мнение о том, что война в конечном счете полезна для общества — что она якобы помогает встряхнуть социальный организм; в доказательство этого утверждения ссылаются на коммерческий дух, активно проявившийся во время последних кампаний на континенте. Но если, с одной стороны, учитывать случайные факторы, вызвавшие такое состояние вещей, и, с другой стороны, обратить внимание не на обогащение торговых классов, а на бедствия, которым подвергались в ту эпоху низшие сословия, то возможно, мы придем к иному выводу. И даже если признать, что война приносит временные выгоды, она неизбежно влечет за собой более чем равноценный ущерб. Война воздействует на нацию так же, как вино на человека. Она порождает то же самое неестественное возбуждение: ту же видимость возросших сил, а затем, подобно вину, провоцирует растрату жизненных сил и энергии, накопленных ради будущего; вслед за вызванным ею возбуждением точно так же приходит упадок; и точно так же она подтачивает организм. Близорукий политик, исходя из приносимого войной мнимого процветания, объявляет ее полезной для нации — и совершает ту же самую ошибку, что и человек, полагающий, что спиртное укрепляет тело, потому что, находясь под влиянием алкоголя, он испытывал прилив энергии.

Война культивирует дух враждебности — проклятье, издавна тяготеющее над всеми нациями; в значительной мере порождением этого духа стали своекорыстные и тиранические законы, под гнетом которых давно стонет наша страна. Если бы в течение последних трех-четырёх веков цивилизованный мир, вместо вторжений и завоеваний, обратил бы свое внимание к истинным источникам богатства — торговле и промышленности, науке и искусствам, — то наши аристократы давно бы осознали, что они всего лишь трутни в улье, и давно перестали бы гордиться тем, чего следует стыдиться.

Если же к тому ущербу, который война приносит в сфере политики и торговли, добавить причиняемый ею нравственный вред, если мы вспомним, что война несовместима с духом христианства, что она совершенно зря пробуждает в людях животные страсти, что она зачисляет свирепую отвагу в величайшие людские добродетели, мешает миру прийти в цивилизованное

состояние, встает главным препятствием на пути объединения всех народов в одну братскую семью, столь необходимого для истинного процветания человечества; если в придачу к этому косвенному злу мы примем во внимание непосредственное зло — ужасы сражений, страх за своих близких, то не сможем не прийти к выводу о том, что принцип, не допускающий ничего из вышеперечисленного, в силу одной лишь этой причины заслуживает того, чтобы взять его на вооружение.

Нам сказано: придет время, когда народы «перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы». Возможно, это время еще далеко, но мы движемся к нему и рано или поздно придем к такому состоянию, причем можем утверждать, что это произойдет не в ходе внезапной революции, а посредством долгого нравственного и интеллектуального прогресса. Нельзя ждать, когда такая перемена случится по воле Всевышнего; мы должны взять дело в свои руки, использовать все пригодные средства, а затем ждать исполнения пророчества, которое станет результатом соблюдения заповедей. Но каковы же эти средства? Одно из них мы видим перед собой. Следует ограничить сферу полномочий наших властей исполнением ими своей единственной обязанности — отправлением правосудия; и в той мере, в какой это зависит от нас, пророчество сбудется. Многие спросят: «В чем польза от того, что мы откажемся от войн, если другие страны не последуют нашему примеру?» От тех же самых людей часто приходится слышать аналогичный вопрос, служащий оправданием за неучастие в исправлении социальных зол: что может сделать один человек? Нужно ли напоминать им, что люди никогда не смогут прийти одновременно и единогласно к одному и тому же решению, ибо это не в их силах? Нужно ли напоминать, что все великие перемены начинались усилиями одиночек? Нужно ли напоминать, что никогда не будет сделано то, что перекладывается на чужие плечи? Что каждый человек должен забыть эти жалкие отговорки и мужественно исполнять свой долг? Тогда будут быстро исцелены и недуги, одолевающие нацию. То, что верно в отношении отдельных людей, верно и в отношении масс. Не следует ждать, когда все нации одновременно откажутся от войн. Кто-то должен быть первым, и пусть первой будет Англия. Пусть Британия первой поднимет прекрасное знамя мира. Пусть наша нация поступит

в соответствии с духом своей религии, не ожидая, когда другие сделают то же самое. Тем самым она не только побудит соседние страны последовать ее примеру, но и введет в действие новые факторы. Следующим шагом станет создание системы международного арбитража, о которой уже давно идут разговоры. Человечество откроет для себя все выгоды мирного разрешения споров между государствами; за оружие станут братья все реже и реже, и вскоре мы прекратим восхищаться предосудительным и нехристианским духом воинственности, теми варварскими представлениями о «чести», проявления которых мы еще воспеваем применительно к нациям, но уже научились презирать в отдельных людях.

«Однако, — спрашивают меня, — разве не бывает совершенно необходимых войн?» В теории — возможно; но на практике мы видим их очень редко. Была ли необходимой наша война с Китаем? А с Афганистаном? А с Сирией? А с Францией? Была ли необходима война с Америкой? Нет. Быть может, мы могли бы сказать, что воюем по необходимости, если бы отражали вторжение, — но ни в каком ином случае; а на этот счет Англии практически нечего бояться. Тем не менее пусть даже такое событие и невероятно, давайте в порядке дискуссии допустим, что мы поссорились с каким-то иностранным государством, и оно напало на нас. Тогда возможны два варианта — либо мы отражаем нападение, либо нет. Многие в подобных обстоятельствах ожидали бы вмешательства Провидения; другие пошли бы по пути пассивного сопротивления. Однако, не удовлетворяясь ни тем ни другим, давайте представим, что необходима активная оборона. Ее можно осуществлять двумя способами. Либо вся нация как один встанет на защиту родины независимо от государства, соберет военный совет, добровольно выделит средства и сделает все прочие необходимые приготовления; либо же само государство должно, как и прежде, взять дело целиком в свои руки. Первый из этих вариантов может показаться неосуществимым; но есть подозрения, что к такому выводу нас приводит следование априорным суждениям, а вовсе не разумные соображения. Дикие народы очень часто воюют друг с другом, не имея руководства в лице какой-либо формальной исполнительной власти. Да и в цивилизованных странах мы видим примеры того, как повстанцы ведут успешную

войну против правительства. Следовательно, от такого высокоорганизованного общества, как наше, мы вправе ожидать куда более эффективного сопротивления! Но даже если мы признаем неосуществимость этого варианта и предположим, что в подобных случаях необходимо вмешательство государства, — что из этого следует? Ущербность нашего определения и соответственно отказ от предлагаемого нами учения? Ни в коем случае. Как бы странно это ни показалось, допущение такой возможности нисколько не вредит нашей теории. Выше мы рассматривали обсуждаемый вопрос применительно к одной только Англии, потому что приводимые нами примеры относились исключительно к сфере внутренней политики; но в данном случае, когда затронуты международные отношения, мы уже не имеем права ограничиваться такой узкой областью. Некоторые нравственные законы не могут вступить в полную силу, не получив всеобщего признания; они не соответствуют текущему состоянию вещей, и о них нельзя судить, исходя из произвольных стандартов, которым эти законы якобы не соответствуют. Если какая-то часть человечества поступает согласно определенному принципу, но вынуждена нарушать этот принцип при взаимодействии с другой частью, которая руководствуется другими принципами, то, исходя из этого, объявлять этот принцип ущербным было бы совершенно нелогично. Лишь справедливое испытание нашей системы в условиях ее всеобщего признания позволяет проверить ее на наличие внутренних противоречий. Итак, предположим, что все нации ограничились полномочия своих правительств отправлением правосудия; тогда агрессивные войны прекратятся, но раз прекратятся агрессивные войны, то и в оборонительной войне не возникнет нужды. Отсюда мы видим, что, признавая необходимость государственного вмешательства в случае вторжения, мы не противоречим выдвинутому нами определению. Допущенное исключение вызвано не врожденными изъянами нашего принципа, а ограниченной сферой его применения.

Подведем итоги.

1. Война — это великое зло, и тот факт, что предложенное нами определение не допускает войн, служит сильным аргументом в поддержку этого определения.

2. Лишение наших правителей полномочий на ведение войн было бы одним из самых эффективных средств для скорейшего приближения того времени, когда «не поднимет народ на народ меч».
3. Единственная война, которая может считаться необходимой, — сопротивление вторжению, которое в наших условиях крайне маловероятно.
4. Даже при допущении того, что нападение на наши берега делает необходимым вмешательство государства, такое исключение доказывает не наличие изъяна в нашем принципе, а лишь чрезмерную узость сферы его применения.

Письмо VI

Камнем преткновения на пути к проповедуемому нами состоянию, когда единственной задачей государства остается отправление правосудия, кое-кому может показаться колонизация. Можно предвидеть вопрос: что будет с нашими колониями без управления и защиты со стороны государства? Думаю, факты говорят сами за себя — колониям это пойдет только на пользу.

Проблема колоний естественным образом распадается на три отдельных вопроса — интересы метрополии, интересы колонистов и интересы коренных жителей. Вначале рассмотрим вопрос об интересах метрополии.

История древних народов однозначно демонстрирует нам, что богатство общества не зависит от захвата новых земель; наша собственная история также дает нам обилие аналогичных примеров, а текущий опыт во всех отношениях подтверждает такой вывод. В первую очередь можно сослаться на всем известный пример Соединенных Штатов. В качестве колонии эта страна была для нас обузой; расходы на управление ею намного превышали доходы от торговли с нею, однако, превратившись в независимую державу, Соединенные Штаты стали для нас источником огромной прибыли. В той же позиции по отношению к Англии, в какой ранее пребывали США, сейчас находится Канада; она расположена так же далеко от нас, и, принося более значительную коммерческую выручку, чему способствует и насыщение цивилизации, тем не менее, подобно своему прототипу, не компенсирует затрат на ее содержание. Можно вспомнить

также Индию. Баланс поступлений и расходов Ост-Индской компании демонстрирует, что и эта колония не окупает вложенных в нее средств; наши колоссальные владения на Востоке приносят нам одни убытки. Но, несмотря на эти и многие другие примеры, общепризнанным остается мнение о том, что обширные территориальные приобретения равнозначны богатству.

Нам говорят, что, монополизировав колониальную торговлю, мы приобретаем более обширные рынки для нашей продукции, и это не может не служить источником огромной прибыли. Такая гипотеза кажется вполне правдоподобной, однако же она не менее ошибочна. Мы монополизируем торговлю с колониями в двух случаях: либо если можем поставлять в колонии потребляемую там продукцию по более низкой цене, чем какая-либо другая страна-производитель; либо если вынуждаем колонии покупать у нас эту продукцию, не давая приобретать ее на стороне за меньшую цену. Если мы в состоянии перебить цену других производителей, то очевидно, что могли бы остаться эксклюзивными поставщиками и в случае получения колонией независимости. Если же мы не в состоянии перебить чужую цену, то легко показать, что косвенно причиняем себе ущерб, перекрывающий те выгоды, которые приносит нам монополия. Ведь если колонисты покупают наши товары, мы должны взамен брать их продукцию — они не в состоянии платить нам деньгами. При этом цена на те товары, которые они меняют на наши (естественно, при условии постоянного спроса), зависит от затрат на их производство в колонии, а затраты на их производство, *при прочих равных условиях*, определяются ценами на товары, которые колонисты вынуждены покупать. Если обе стороны договорятся иметь дело исключительно друг с другом, а одна из них удваивает свои цены, то очевидно, что вторая сторона не в состоянии продолжать торговлю, если только не поднимет в той же пропорции цены на свои товары. Следовательно, заставляя колонистов покупать по завышенной цене наши товары, мы только провоцируем эквивалентное повышение стоимости товаров, которые присылают нам в обмен, и тем самым сводя на нет ожидаемую прибыль. Но и это не все. «Каждая страна, — пишет Маккулох, — обладает какими-либо естественными либо благоприобретенными возможностями для более успешного развития определенных

отраслей производства по сравнению с другими странами. Но тот факт, что страну вытесняют с ее колониальных рынков более низкими ценами, убедительно доказывает, что производство конкретных товаров, пользующихся спросом на этих рынках, осуществляется в ней не в более, а в менее благоприятных условиях, чем в других странах. Поэтому, навязывая колониям свои товары, которые мы иначе будем не в состоянии сбыть, мы в реальности задействуем часть капитала и труда нашей страны в менее выгодных предприятиях, нежели те, в которые капитал и труд были бы направлены естественным путем». Для всего мира в целом, и для каждой нации по отдельности выгодна лишь та система, при которой каждый товар приобретается путем наименьших затрат времени и труда. В противном случае англичане с тем же успехом могли бы выращивать сахарный тростник и хлопчатник в отапливаемых теплицах, а затем гордиться тем, что с выгодой для себя поощряют внутреннего производителя в ущерб иностранному!

Таким образом, мы приходим к выводу, что и в этом случае, и во многих других торговая монополия приносит стране один лишь вред. Кто же оказывается в выигрыше? Монополисты! А кто монополисты? Аристократия. Именно в ее карманы уходит основная доля громадных доходов Ост-Индской компании в виде жалованья военным и гражданским служащим, дивидендов и т.д.¹ В ее карманы уходит подавляющая часть тех лишних четырех миллионов, которые мы ежегодно переплачиваем за ямайский сахар. В ее карманы уходят те большие деньги, которые страна ежегодно расходует на кофе и другие колониальные товары, хотя могла бы тратить меньше, если бы не необходимость защищать вест-индских производителей. С тем большей охотой колонии следуют этому рецепту перекачки с трудом нажитых средств в сундуки бездельников. Богатые владельцы недвижимости в колониях, так же, как их собратья, английские землевладельцы, требуют защиты: первые не хотят расставаться с запретительными пошлинами, вторые — с хлебными законами; таким образом из бедных, голодающих, изможденных людей вытягивают их последние средства, пополняющие и без того доверху набитую кошницу их властителей.

¹ См.: Смит А. Богатство народов. Т. 3. С. 257.

Теперь о благополучии колонистов. При рассмотрении этой проблемы можно задать вопрос: не имеет ли каждый колонист право на защиту со стороны метрополии? Традиционно отвечают «да». Однако разум велит ответить «нет». С философской точки зрения, общество — это группа людей, объединившихся ради совместной обороны. Предполагается, что члены этого общества занимают определенную территорию, и соответственно справедливо предположить, что соответствующие привилегии распространяются лишь на тех, кто проживает на данной территории. Нельзя требовать от нации, чтобы она обеспечивала защитой каждого своего члена, где бы тот ни находился. Нация не в состоянии защищать права своих граждан, выбравших для проживания самые удаленные уголки Земли. Так мы приходим к естественному выводу о том, что человек, покидающий свое общество, лишается членства в нем, теряет свои привилегии и не имеет права претендовать на гражданское содействие. Предполагается, что он должным образом обдумает, с одной стороны, те выгоды, которые может извлечь из замышляемой эмиграции, а с другой стороны, все минусы, следующие из потери гражданства, и что возможные преимущества, которые принесет смена места жительства, окажутся в его глазах предпочтительнее.

Однако, оставив вопрос о правах, задумаемся над тем, в какой степени признание этой претензии в былые времена оказывалось полезным для эмигранта. Попробуем найти в истории наших колоний примеры той защиты, которую обеспечивала им метрополия. Однозначное выражение соответствующего опыта колонистов мы видим в декларации о независимости Америки; на этот документ можно ссылаться как на объективный свод всех последствий, которые влечет за собой власть метрополии над колонией. О короле — олицетворяющем собой метрополию, — в декларации говорится следующее:

«Он создавал препятствия для осуществления правосудия, отказываясь давать согласие на принятие законов об организации судебной власти...»

Он создавал множество новых должностей и присылал к нам сонмища чиновников, чтобы притеснять народ и лишать его средств к существованию.

Он в мирное время содержал у нас постоянную армию без согласия наших легислатур...

Он объединялся с другими лицами, чтобы подчинить нас юрисдикции, чуждой нашей конституции и не признаваемой нашими законами, утверждал их акты, претендовавшие стать законодательством и служившие:

- для расквартирования у нас крупных соединений вооруженных сил;
- для освобождения посредством судебных процессов, являющихся таковыми только по видимости, от наказаний военных, совершивших убийства жителей этих штатов;
- для прекращения нашей торговли со всеми частями света;
- для обложения нас налогами без нашего согласия;
- для лишения нас по многим судебным делам возможности пользоваться преимуществами суда присяжных...» и т.д.

Поистине, прекрасный образец тех благ, которые несет людям защита со стороны метрополии! К тому же аналогичные примеры можно найти и в наше время. Недавнее восстание в Канаде* — явный показатель точно такого же состояния вещей, которое ранее испытали на себе американцы. И крайне вероятно, что если бы мы спросили канадцев, хотят ли они, чтобы мы по-прежнему их защищали, они ответят, что если нам все равно, то они предпочитают сами заботиться о себе! О том же говорит и опыт австралийских поселений, дающих яркий пример тех бедствий, которые вызваны назойливым вмешательством наших законодателей. Тысячи несчастных эмигрантов, отправленных туда правительством, не имеют работы, существуя исключительно за счет благотворительности и едва не умирая с голоду. Эта проблема была вызвана отправкой в Австралию множества работников без соответствующего увеличения числа капиталистов. Если бы колония была предоставлена сама себе, труд и капитал шли бы нога в ногу, как это всегда происходило и будет происходить; однако государство-посредник не может не вмешиваться в естественные законы общества, и вот вам пагубный результат! Можно упомянуть множество аналогичных случаев¹ вреда, причиненного эмигрантам под предлогом

¹ Ост- и Вест-Индию в том, что касается колонистов, следует исключить из рассмотрения. Подавляющее большинство европейцев приезжает туда только на время, а почти все оставшиеся — либо представители аристократии, либо ее агенты, по закону не относящиеся к числу обычных эмигрантов.

их защиты, если те, что уже приведены нами, не кажутся достаточно убедительными.

Наконец, об интересах аборигенов. Даже при поверхностном знакомстве с этим вопросом мы увидим, что туземцы колонизируемых стран встречают куда лучшее обращение со стороны колонистов в тех случаях, когда эмиграция производится постепенно и при отсутствии защиты со стороны государства, чем в тех случаях, когда за спиной у поселенцев стоит могущественное государство и его армия. В первом случае, будучи слабейшей стороной, колонисты обязаны соблюдать правила приличия; страх вынуждает их к справедливости по отношению к хозяевам земли; во втором случае, исходя из варварской максимы о том, что они имеют законное право на любые завоеванные территории, пришельцы силой присваивают себе новые земли, что имеет своим следствием непрерывное притеснение туземцев и кровопролитие, во многих случаях приводящее к полному уничтожению покоренного народа. И это вовсе не абстрактные рассуждения. История английских колоний, к нашему стыду, полна несправедливостей и жестокости по отношению к исконным владельцам захваченных земель. О том свидетельствуют вымершие племена североамериканских индейцев; то же самое мы видим в случае туземцев Австралии, постепенно оттесняемых в глубь страны; об антигуманности, присущей государственной колонизации, красноречиво говорит жалкое состояние жителей Ост-Индии. Индийские крестьяне-райоты вынуждены отдавать в качестве налога почти половину своего урожая¹, при том что обирает их иноземное правительство, в котором они никак не представлены — притесняющее их со всех сторон и явно не видящее в них ничего, кроме существ, созданных исключительно для эксплуатации. Другая часть индийского населения вынуждена содержать наши войска, на которые опирается эта деспотическая власть, массами отправляющая на казнь тех, кто осмелился ослушаться ее тиранических приказов. Дополнительным подтверждением служат недавние события в Афганистане. Не в силах удовлетвориться огромной империей, уже находящейся в их распоряжении, на востоке наши власти,

¹ См.: Мак-Кулох. Ост-Индская компания.

подобно волку из басни, не могли не найти предлога для ссоры с соседней нацией, поставив перед собой цель¹ завладеть этой страной. К тому же ряд наших офицеров, участвовавших в этой войне, виновны в таком вероломстве, какого постыдились бы многие дикари. Так-то мы претворяем в жизнь священные принципы христианства!

Разобрав причины, вынуждающие нас осудить искусственную колонизацию, нам остается лишь выяснить, насколько осуществима естественная колонизация. Нет смысла вдаваться в рассуждения, если можно сразу же сослаться на весьма убедительный пример. Пенсильвания являет нам превосходный образец того, как исключительно частными усилиями была основана и встала на ноги колония. В этой колонии должным образом соблюдались интересы всех сторон — с туземцами обращались уважительно, на правосудие могли рассчитывать и союзники, и чужаки; Пенсильвания издавна выделялась своим процветающим состоянием, и можно сказать, что она до сих пор пожинает плоды либерального духа ее основателей.

Таким образом, приведенные нами аргументы доказывают, что:

1. Обширные колониальные владения не делают страну более богатой.
2. Торговая монополия не может не ущемлять интересов производящих классов как в колонии, так и в метрополии.
3. Выгоду от торговой монополии получает только аристократия.
4. Колонисты не имеют права на защиту со стороны метрополии.
5. В тех случаях, когда так называемая защита предоставляется, она неизменно превращается в орудие притеснения колонистов.
6. В тех случаях, когда колонизация осуществляется как частное предприятие, аборигены с меньшей вероятностью столкнутся с несправедливым обращением, какое всегда было характерно для отношений между цивилизованными колонистами и туземцами.

¹ См. частную и засекреченную переписку сэра А. Бернса.

7. Пример Пенсильвании служит убедительным доказательством тех преимуществ, которые дает естественная колонизация.

Следовательно, и в этом случае, как и во всех обсуждавшихся выше, отказ от государственного вмешательства представляется крайне желательным.

Письмо VII

До сих пор вопрос о государственном вмешательстве обсуждался лишь применительно к тем сферам, в которых явственно просматриваются его результаты, — т.е. к таким, как торговля, религия, благотворительность, войны и колонизация. Вмешательство государства во всех этих сферах было нами осуждено. Остается рассмотреть те социальные институты, над которыми, несмотря на их процветание в своей исконной простоте, нависла угроза государственного надзора. Наиважнейшим из этих институтов является образование.

Очевидно, что система государственного образования противоречит нашему определению. Она не имеет никакого отношения к отправлению правосудия. Никто не вправе требовать от общества, чтобы оно обучало его детей, так же, как не вправе требовать, чтобы общество кормило их и одевало. Некто может претендовать на непрерывные поставки интеллектуальной пищи для удовлетворения умственных потребностей своих детей с тем же основанием, что и на поставки материальной пищи для удовлетворения их телесных потребностей. Цель изложенных ниже аргументов заключается в том, чтобы показать все преимущества нашего подхода.

Человечество склонно выбирать средства для решения той или иной задачи, не вдаваясь в рассуждения об их пригодности. Поставив перед собой какую-либо великую цель, люди хватаются за самый очевидный способ ее осуществления, не давая себе труда задуматься над тем, насколько важно выяснить, наилучший ли это способ; не принимая во внимание того, что конечные результаты могут оказаться не столь приемлемыми, как непосредственные; не пытаясь выяснить, какая порча может поразить механизм избранных ими институтов; не ставя

перед собой вопрос: существует ли какой-либо иной путь, ведущий к поставленной цели? — и пренебрегая множеством других соображений аналогичного характера. Именно так обстоит дело с рассматриваемым вопросом. Заявленной целью является образование людей, но достижение этой цели сопряжено с крайне серьезными последствиями, которые намного теснее связаны с процветанием и счастьем будущих поколений, чем любые другие результаты наших поступков, — с такими последствиями, которые могут ускорить или затормозить развитие человечества на сотни, если не на тысячи лет. И тем не менее возражения против метода, которым предполагается выполнить эту задачу, совершенно прошли мимо внимания его проповедников, несмотря на то что напрямую затрагивают те принципы, на которых он основан, и несмотря на то что, в случае признания убедительности этих возражений, они не оставят и камня на камне от предлагаемого проекта.

Во-первых, система государственного образования предполагает, что желательны введение единообразных методов обучения. Обязательными чертами государственных учебных заведений должны стать единый список преподаваемых предметов и единые принципы их преподавания. Сразу же встает вопрос: принесет ли какую-либо пользу единый жесткий план насаждения интеллектуальной культуры? Полагаю, что после соответствующих размышлений ответом станет единодушное «нет». Почти все люди просвещенных взглядов согласны с тем, что человек по своей природе — прогрессивное существо, являясь таковым по замыслу Творца, и что ему от рождения присущи стремление к работе над собой и тяга к совершенству, в конечном счете способные поднять мир на более высокий нравственный и интеллектуальный уровень. Об этом свидетельствуют великие факты как духовной, так и светской истории, великие принципы и пророчества нашей религии, плоды абстрактных рассуждений: все говорит о том, что, невзирая на постоянные отступления, невзирая на любые препятствия, которые только могут встретиться на этом пути, невзирая на все неблагоприятные обстоятельства, великим и неизбежным законом человеческого существования остается стремление к самосовершенствованию. Самые препятствия в конечном счете служат ступенями, ведущими нас все выше и выше: тирания аристократии

пробуждает борьбу за народные свободы; продажность официальной церкви помогает повысить стандарты религиозной чистоты; ложные учения духовенства ведут к более полному раскрытию и еще более глубокой оценке великих принципов христианства; а старая как мир борьба с истиной, несмотря ни на что, только приближает ее конечный триумф. Соответственно, если наше эссе основывается на вере в то, что, наряду с законами, управляющими неорганическим миром, с законами, управляющими живыми существами, с законами, по которым развивается разум каждого индивидуума, есть еще и законы, определяющие жизнь человеческого общества, — если, повторяю я, мы согласны с этой предпосылкой, то вправе предположить, что, в соответствии с великим планом совершенствования человечества, Всевышний установил законы и для разума как такового, которые неизменно помогают ему подняться на новые вершины. Вполне разумно допустить, что и в этом, и в более очевидных случаях якобы неблагоприятные обстоятельства в реальности играют крайне важную роль, способствуя достижению той цели, к которой мы стремимся. Все предрассудки, все странности мышления, чувство противоречия, склонности к парадоксальным взглядам и множество прочих факторов в бесконечном разнообразии их пропорций и сочетаний — все служат делу интеллектуального, нравственного и социального прогресса человечества. Если мы согласны с тем, что человек создан со врожденной склонностью к развитию, следует также признать, что, по замыслу Творца, он получил такой организм, который в наибольшей степени отвечает задачам этого развития. Можно предположить, что если бы прогрессу человечества наилучшим образом способствовало бы единообразное устройство ума, то оно бы и наблюдалось у всех людей; но поскольку нам был дан противоположный закон — такой, согласно которому во всем мире не сыскать двух одинаковых умов, и, следовательно, существующий порядок вещей предполагает бесконечное разнообразие взамен единообразия, — мы должны заключить, что именно такое обстоятельство наилучшим образом отвечает стремлению к совершенству. В поддержку этого вывода можно привести не только абстрактные рассуждения, но и опыт. Различное устройство умов приводит к различию мнений; разные умы придерживаются разных взглядов

по одному и тому же предмету, благодаря чему любой вопрос подвергается рассмотрению со всех сторон, так что из общей массы аргументов, выдвинутых противоположными сторонами, можно извлечь здравый принцип. Испокон веков истина возникала из конфликта умов; это яркая искра, порожденная столкновением противоположных идей; подобно духовной Венере, воплощающей в себе нравственную красоту, она возникает из пены бурных волн — разногласия мнений. Дискуссии и споры суть необходимые компоненты открытия; а ведь без полной несхожести умов, составляющих общество, дискуссии и споры были бы невозможны.

Если же мы признали, что бесконечное разнообразие умов необходимо для прогресса общего разума человечества, то что можно сказать о системе, предполагающей воспитание чувств и умов всей нации по единому образцу — созданной с надеждой на исправление всех отклонений, существующих по воле Творца, и стремящейся вылепить пластичные души нашей молодежи, насколько возможно, по единому шаблону? Однако такая тенденция не может не проявляться в любой системе единообразного образования. Подвергаясь воздействию этой системы, непохожие друг на друга души со временем не могут не прийти в состояние схождения. Аналогичная обработка последующих поколений очень быстро сделает всех похожими на общий национальный образец. Все начнут думать одним и тем же образом, приходя к единому мнению по любой теме. Сознание общества будет подвержено общему отклонению, и вместо того, чтобы постепенно приближаться к истине, мы будем все сильнее удаляться от нее. В нынешних условиях странности и предвзятости, внушенные какой-либо системой образования, нейтрализуются противоположными тенденциями, возникшими под влиянием других систем; в результате развитие получают лишь великие и правильные стороны национального сознания. Если же, с другой стороны, учредить официальную систему образования, то даже при самой разумной ее организации, даже если ее целью будет содействие свободе и независимости мышления, в конце концов она неизбежно приведет к всеобщей однобокости и схожести характеров; и в той же самой степени она осушит великий источник, из которого питается живой и пылкий дух — убьет этот стимул, столь необходимый

для нравственного и интеллектуального совершенствования. Не имеет значения, какие меры будут приняты для борьбы с этим проклятием; какими бы разнообразными ни были методы обучения, общее стремление к единому стандарту столь сильно, а непонимание тех зол, которые оно с собой несет, столь велико, что можно быть уверенным — никакая национальная система образования не сможет долго продержаться, не поддаваясь этой пагубной тенденции.

И это не единственный недостаток, присущий единообразному обучению. Следует помнить, что при том различии, которое свойственно людским умам, когда каждый из них обладает собственными сильными и слабыми сторонами, развитие этих умов нельзя осуществлять по одному и тому же образцу. Каждая отдельная личность требует особого подхода, учитывающего ее конкретные черты, что едва ли возможно в рамках единой системы образования. Остается надеяться, что настанет время, когда мудрый учитель будет принимать в расчет склад ума каждого из своих подопечных, когда его целью станет исправлять одни наклонности и развивать другие, формируя разум ученика таким образом, чтобы вывести его в мир настолько совершенным существом, насколько возможно. При нынешнем естественном состоянии можно надеяться, что рано или поздно мы придем к этому. Пока учитель прислушивается к общественному мнению, пока в его же интересах брать на вооружение самые эффективные приемы обучения, мы вправе рассчитывать на то, что он всегда будет ревностно стремиться к улучшению своих методов — не прекращая изучать принципы своей профессии и ежедневно применять результаты этих исследований на практике. Но никто не станет ожидать от учителя, находящегося на государственной службе, подотчетного только своему начальнику и не имеющего такого стимула, как публичная репутация, — никто не станет ожидать от него, что он будет присматриваться к характеру каждого из своих учеников и вносить изменения в привычный распорядок с учетом особенностей этого характера; никто не станет ожидать от него непрерывной работы над собой и постоянного стремления к совершенствованию своих нравственных методов. Можно быть уверенным в том, что в образовании, как и во всех прочих сферах, принцип честной конкуренции — единственный, который

способен принести скорое удовлетворение или обещать грядущее совершенство.

Возможно, в попытке доказать ошибочность этих аргументов наши оппоненты сошлутся на нынешние учебные заведения Пруссии и Германии, указывая, что те существуют уже долгие годы и до сих пор их работа не влекла за собой никаких пагубных последствий, подобных описанным выше, что жители этих стран пребывают в сравнительно просвещенном состоянии и что плоды деятельности этих учебных заведений, в сравнении с нашими, демонстрируют отсутствие при нашей естественной системе тех же успехов, которых там добились при искусственной системе¹. Однако какими бы сильными ни казались эти аргументы, при более пристальном рассмотрении выявится их полная поверхностность. Стены дворца могут едва подниматься над землей, когда простой дом уже почти построен; но из этого нельзя делать вывод о том, что в конечном счете дворец не сможет превзойти дом своим великолепием. Никто не станет утверждать, что если растение растет быстрее в теплице, чем на открытом воздухе, то самые превосходные деревья всегда вырастают именно в теплицах; опыт учит нас, что верно как раз обратное. Мы не говорим, что из преждевременно развившегося ребенка получится более совершенный человек, чем из его товарища, проявляющего более скромные способности; мы знаем, что обычно бывает наоборот. Точно так же надлежит помнить, что, хотя государственное образование в течение какого-то времени может способствовать ускоренному росту национального разума, из этого вовсе не следует, что эта система в конечном счете покажет лучшие результаты, нежели естественная система. Один из великих законов мироздания гласит, что чем более совершенно то или иное создание,

¹ С момента первоначальной публикации этих писем были изданы работы, содержащие множество свидетельств о том, что мнимое интеллектуальное просвещение, обеспеченное системой государственного образования на континенте, с лихвой нейтрализуется сопутствующей ему нравственной деградацией и что народы, подвергшиеся государственной выучке, решительно уступают людям нашей страны в смысле реального мужества. Тем, кто влюблен в прусскую систему, советуем ознакомиться с «Заметками путешественника» Лэнга.

тем большее время требуется для его развития; аналогия заставляет нас предположить, что то же самое верно и в отношении человеческого разума — чем выше стандарт, которого он должен достичь, тем более медленным окажется подъем, и тем более далек тот день, когда цель будет достигнута; сила, поднимающая нас к вершинам совершенства, должна опираться на обширное и глубокое основание, коренясь в фундаментальных и неизменных свойствах человеческого естества. Чем более велик результат, тем неспешнее его достижение.

Письмо VIII

Решительная предрасположенность к древним и привычным правилам испокон веков была и, вероятно, еще очень долго будет одной из самых характерных черт человечества. Вне зависимости от абсолютной несовместимости подобных институтов или обычаев с текущим состоянием общества, вне зависимости от их полной неразумности как в принципе, так и на практике, вне зависимости даже от того, насколько они во всех отношениях абсурдны — несмотря на все это, если они отмечены печатью моды или древности, если они пользовались расположением наших предков и достались нам от них в наследство, то все их вопиющие противоречия, дефекты и несовершенства настолько теряются в ярком ореоле, которым их наделило слепое благоговение, что почти невозможно раскрыть миру зашоренные глаза, подвергнув эти явления беспристрастному рассмотрению. Они окружены почтением как наследие так называемых «старых добрых времен»; разум и философия падают перед ними ниц, и попытка предложить что-то новое отвергается как святотатство. Примером вышесказанному служит классическое образование. В мрачные времена господства римского католицизма, когда власть церкви достигла крайних пределов и вся Европа, оказавшись в ее смертоносной тени, прозябала в темноте и унижительном невежестве, более просвещенные люди завели обычай учить древние языки с целью получить доступ к знаниям, записанным на этих языках; трактатов на их родных языках не существовало — образование пребывало в упадке, и единственным способом подняться над толпой простонародья было обучение латыни и древнегреческому. Однако

с течением времени произошли великие перемены. Человеку не суждено было вечно пребывать в состоянии духовного плена, общественный разум, полный свежих сил, очнулся от долгого сна, невежество и фанатизм были сметены новой волной познания, наука и философия взлетели намного выше тех высот, которых достигали прежде, и знание древних потеряло всякое значение в сравнении с современным знанием. Можно было бы предположить, что в таких обстоятельствах древние языки постепенно выйдут из употребления. Ничуть не бывало! Столь велико почтение перед прецедентом, столь сильна приверженность к привычкам предков, что, невзирая на полное изменение обстоятельств и на то, что прежние потребности перестали существовать, этот обычай сохранился. Тщетно говорят, что слова — лишь символы идей, а не сами идеи, что язык — лишь канал для передачи знаний, что он — всего лишь средство и полезен лишь до тех пор, пока служит для достижения цели. Тщетно напоминают, что человек, учащий язык ради самого языка, подобен работнику, сделавшему себе ценой громадных затрат времени и труда набор инструментов с тем, чтобы никогда ими не пользоваться, или человеку, тратящему лучшие годы своей жизни на то, чтобы построить лестницу и с ее помощью собрать скудный урожай безвкусных плодов с верхушки высокого дерева, хотя на соседнем дереве в изобилии растут намного более аппетитные плоды — достаточно протянуть руку. Вне зависимости, повторяю я, от всей очевидности такого сравнения, столь велико влияние древнего примера и столь сильно желание «делать так, как все», что даже в наш просвещенный век люди пренебрегают богатыми запасами реальных знаний, находящихся в их полном распоряжении, и следуют обычаю, погружаясь в бесплодную пустыню грамматик и словарей.

Мы видим перед собой пример системы, которая, невзирая на свои многочисленные и откровенные нелепости, столетиями сопротивлялась напору бурного потока нововведений и торчит костью в горле у наших развивающихся общественных институтов, в основных своих чертах не изменившись с момента возникновения. Какой урок мы можем из этого извлечь? Не служит ли такая ситуация предупреждением о тех опасных последствиях, которые может повлечь за собой создание сколько-нибудь долговечной модели образования? Если

рассматриваемая система, не являясь общегосударственной, опираясь только на предрассудки и существуя лишь по прихоти общества, сумела пережить века, неуязвимая ни для разума, ни для здравого смысла, то насколько труднее будет реформировать такую систему, которая, в дополнение к вышеназванным факторам, будет пользоваться защитой закона! Разумеется, можно принять меры к тому, чтобы народ получил право вносить в систему изменения, но практически от этого не будет никакой пользы. Мы имеем обилие свидетельств о почти непреодолимых трудностях, сопутствующих перестройке существующих институтов, даже когда народ теоретически обладает соответствующими возможностями; и нет никаких оснований предполагать, что с течением времени эти трудности станут менее многочисленными. Взять, к примеру, церковь. Наши отечественные диссиденты придерживаются мнения о том, что многие церковные обряды, службы и церемонии нуждаются в исправлении; точно так же считает и огромное число самих прихожан; сами отцы церкви ведут разговоры о подобной реформе; никакие классовые интересы в данном случае не затрагиваются; поправки, о которых идет речь, не принесут никакого ущерба духовенству; но, несмотря на то что все обстоятельства благоприятствуют внедрению новшеств, все остается по-прежнему. Насколько же непреодолимее окажутся препятствия при реформе института, обширная перестройка которого наверняка оставит без дела множество чиновников!

Даже если мы на мгновение допустим, что внесение улучшений в систему национального образования будет делом несложным, все равно остается важный вопрос: увидят ли люди необходимость в этих улучшениях? Аналогия подсказывает нам ответ «нет». Мы уже показали, как сильно предрассудки способствуют сохранению существующих методов обучения, и каждый день приносит нам очередные примеры, свидетельствующие о том же. Спросите у преподавателя классических языков, что он думает о математике, а у математика — что он думает о геологии, химии или физиологии, и в ответах обоих вы увидите предрасположенность к привычным им формам обучения.

Из этого делают вывод о том, что люди не в состоянии распознать недостатки того метода обучения, который им пришлось испытать на себе; но даже если бы это им удалось, они

столкнулись бы с крайними затруднениями при попытке их исправить. Если мы признаем истинность этих умозаключений, то останется один-единственный момент, на основании которого можно будет защищать государственное образование — а именно предположение о том, что оно никогда не потребует никаких реформ; однако это равносильно утверждению о том, что мы в настоящее время достигли вершин умственного развития, должным образом выяснили относительные достоинства различных видов информации и готовы предложить самый совершенный вариант интеллектуального обучения; что мы имеем полное право решать не только за себя, но и за будущие поколения, какие сферы познания обладают наибольшей ценностью и каковы наиболее оптимальные методы воспитания, и что, в совершенстве овладев философией разума, мы получили все основания для того, чтобы в этом вопросе диктовать свою волю грядущим поколениям. Поистине чрезвычайно разумное предположение!

Даже при допущении, что все прочие соображения приводят нас к благоприятным ответам, все равно следует всерьез задуматься: какие у нас имеются гарантии того, что запланированные полезные результаты будут реализованы в грядущих веках? Откуда нам знать, что все пороки и извращения, которые никогда не удавалось изгнать из общественных институтов даже самыми продуманными мерами, на какие только способен человеческий разум, не проявятся в них снова, обращая в ничто предполагаемые выгоды? Удовлетворительного ответа на эти вопросы не существует. Однако, не боясь ошибиться, можно утверждать, что недостатки и злоупотребления постепенно дадут о себе знать, невзирая на самые тщательные предосторожности, призванные их исключить — невзирая на все наши попытки разумно организовать эти институты. В качестве примера можно снова сослаться на опыт церкви. Наши реформаторы-протестанты едва ли подозревали о том, что механизмы, которые они пытались задействовать в защиту своей религии, со временем превратятся в орудие политической борьбы, в инструмент для вымогательства, в неявный способ обеспечить себе комфортабельную жизнь, при всей своей кажущейся чистоте прогнивший внутри и насквозь мирской. Правда, у них перед глазами были вопиющие злоупотребления

низвергнутой ими церкви, и они пытались принять меры к тому, чтобы не допустить повторения подобных напастей. Сопутствовал ли им успех? И можем ли мы рассчитывать на лучший результат? При внедрении системы государственного образования можно быть уверенным в том, что не успеет век подойти к концу, как у нас появятся образовательные синекуры, совмещение должностей, иногородние преподаватели, высокооплачиваемые директора и полуголодные учителя, богатые инспекторы, покровители со стороны, продажа должностей и прочие бесчисленные пороки, аналогичные тем, что наблюдаются в нашей национальной церкви; в конце концов весь этот институт вслед за его представителями превратится в сферу аристократического патронажа. Поистине, если даже христианство, самое сильное из всех нравственных противоядий, не сумело сохранить чистоту, при всей своей способности к самозащите, то какие мы имеем основания ожидать, что останется свободным от скверны институт, не имеющий собственных аналогичных средств для обороны от таких же искушений? Какой толк говорить, что люди никогда снова не допустят подобных беззаконий? Ведь точно так же, по всей вероятности, думали основатели нашей государственной церкви. Однако люди *допустили* все это — они *имели* возможности для предотвращения злоупотреблений, но никогда ими не пользовались, и у нас нет никакого права полагать, что то же самое не повторится в будущем.

Наконец, остается еще одно возражение — возможно, более сильное, чем все предыдущие. Те из защитников национальной системы образования, которые выступают за свободу совести или не желают, чтобы одни люди оплачивали привилегии, которыми пользуются другие, — одним словом, если они друзья гражданских и религиозных свобод, то обязаны исходить из предположения, что все члены сообщества, будь то ортодоксы или диссиденты, католики или евреи, тори, виги, радикалы или республиканцы, единодушно согласятся поддерживать любую систему, которая в конце концов будет учреждена. Ведь если нам нужна действительно общенациональная система образования, ею должно управлять государство и финансировать ее из государственных фондов; последние пополняются за счет государственных доходов, а те складываются из налогов, которыми облагаются все — и те, у кого есть дети, и те, у кого

их нет; в итоге все будут обязаны оплачивать содержание учреждаемого института вне зависимости от того, нуждаются ли они в нем или нет, одобряют ли они его или выступают против него. Многие будут в принципе отвергать государственное образование так же, как отвергают государственную церковь. Кто-то будет не согласен с набором преподаваемых предметов, кто-то — с методами преподавания. Одному не понравится, как поставлено моральное воспитание, другому — интеллектуальное воспитание. Кого-то не будут устраивать частности, кто-то будет протестовать против всей системы. Будет ли справедливо или разумно заставлять этих людей тащить на себе обузу института, который не приносит им никакой пользы? Конечно, нет. Каждый аргумент, используемый религиозными нонконформистами с целью доказать, как несправедливо требовать от них поддерживать те учения, которые им невыносимы, или отдавать деньги на те богослужения, которые они не посещают, равно применим и в том случае, когда людей вынуждают участвовать в финансировании образовательной системы, несовместимой с их принципами, и заставлять их платить за обучение, которое не нужно ни им, ни их детям. В первом случае целью является распространение религиозных знаний, во втором — распространение светских знаний; и было бы затруднительно указать, как это различие может сказаться на праве выражать свое несогласие.

Прежде чем покончить с этой темой, имеет смысл заметить, что наше государство, вместо заботы о том, чтобы люди получали образование средствами, неподконтрольными им, несомненно, было бы только радо взять задачу обучения в свои руки; и мы можем достаточно точно предсказать, какие тенденции будут присущи такому образованию. Едва ли стоит ожидать того, что будут поощряться смелое и независимое мышление, оригинальность мысли, решительное отстаивание своих принципов и прочие подобные качества. Зато будут старательно насаждаться преклонение перед авторитетами, крайнее уважение к вышестоящим и слепая вера в мнения великих ученых умов. Что же касается религиозного образования, то можно предвидеть, что основное внимание будет уделяться таким добродетелям, как смирение и покорность, а на все остальное уже не останется времени; наконец, мы можем быть вполне уверены, что учителя приложат все усилия к тому, чтобы внедрить

в сознание учеников все важные и фундаментальные принципы нашей религии, такие, как: «Да будет каждая душа покорна верховной власти»; «Да не ослушается слуга своего господина»; «Учись довольствоваться тем положением, в котором тебя угодно видеть Всевышнему», и прочее в том же роде¹. Прекрасной иллюстрацией того, какому типу воспитания умов отдают предпочтение наши власти, служит недавний парламентский акт о субсидировании уроков пения. Поистине, аристократии очень повезет, если ей удастся убедить народ развивать свои голоса, а не свое мышление. Нация требует дешевого хлеба. Правители отвечают: «Нет, мы не можем дать вам дешевого хлеба, поскольку лишимся части своих доходов; но вы не волнуйтесь, мы выделим часть ваших собственных денег на то, чтобы учить вас музыке! Отнятые у вас средства к пропитанию вы не получите назад, зато вы научитесь петь!» О, щедрые законодатели!

Итак, национальная система образования неприемлема по следующим причинам:

1. Она неизбежно влечет за собой единообразие в нравственном и интеллектуальном воспитании, результатом чего станет утрата разнообразия личностей — необходимого условия для того, чтобы национальное мышление сохраняло живой и гибкий характер.
2. Она устраняет главный стимул к добросовестности и самоусовершенствованию со стороны учителей, который всегда будет существовать в естественных условиях.
3. Учитывая нереальность усовершенствования системы в грядущие эпохи, практически допускается, что мы в состоянии указывать своим потомкам, какие виды знания обладают наибольшей ценностью и каковы наилучшие методы приобретения этих знаний, несмотря на то что в этом допущении нет ни капли истины.
4. Система национального образования будет подвержена тем же порокам, что и национальная религия, и по всей вероятности, в конце концов окажется настолько же прогнившей.

¹ О том, что подобные предсказания могут сбыться, свидетельствует последний законопроект об образовании, поданный сэром Джеймсом Грэмом уже после того, как были написаны эти замечания.

5. Если предполагается, что этот институт создается для всеобщей пользы, то условием его существования является единая поддержка всех людей — допущение, которое никогда не станет реальностью.
6. Такая система будет использована правительством для оглушения людей, для подавления в них стремления к совершенствованию и для того, чтобы навеки удержать их в подчиненном положении.

Таким образом, исходя как из абстрактных рассуждений, так и из очевидных аналогий с существующими институтами, мы приходим к выводу о том, что национальное образование в конечном счете окажется не благом, а проклятием.

Письмо IX

«Долг государства — принимать меры для охраны как собственности, так и здоровья своих подданных», — гласит фундаментальный принцип, выдвинутый Медицинской ассоциацией Восточной Шотландии. Того же мнения придерживается большинство представителей медицинской профессии; с ними, очевидно, согласна значительная часть широкой общественности; и, судя по издаваемым время от времени законам, государство также признает истинность таких заявлений. Такая позиция выглядит весьма разумной, а ряд аргументов, выдвигаемых в ее поддержку, на первый взгляд кажутся неопровержимыми. С другой стороны, отсутствие законодательного контроля над вопросами, связанными с санитарным состоянием нации, похоже способно привести к великим бедствиям. Соответственно этот вопрос заслуживает тщательного рассмотрения.

У сторонника официальной церкви найдется достаточно оснований для защиты этой идеи. Он утверждает, что одна из обязанностей государства — заботиться о духовном благополучии общества; что государство не должно допускать проповеди ложных учений, а посему не имеет права позволять не уполномоченным на то лицам обслуживать религиозные потребности своих сограждан; что без законодательного надзора нравственная атмосфера общества будет отравлена заразным духом порока; короче говоря, по его мнению, для духовного

здоровья нации необходим государственный надзор. Аналогичные аргументы он с тем же успехом может использовать и применительно к физическому состоянию страны. Он может указывать, что нельзя позволять неквалифицированным лицам лечить телесные болезни людей, так как больному может быть прописано вредное лекарство или дан опасный совет; что если не принять соответствующих законов, то воздух наших густонаселенных городов станет несвежим из-за отсутствия надлежащей вентиляции или будет заражен малярией из нечищенных сточных канав и иных источников загрязнения; одним словом, что государственное вмешательство необходимо для поддержания общественного здоровья. Аналогия между этими аргументами очевидна. Что же может на них ответить сторонник иной точки зрения [на легитимность национальной церкви]? Отрицая их обоснованность в одном случае, он проявит непоследовательность, если согласится с ними в другом случае. В первом случае речь идет о духовном здоровье народа, во втором — о его телесном здоровье; и те рассуждения, посредством которых мы доказывали, что в первом случае никакие законы не нужны, пригодятся и для того, чтобы доказать их бесполезность во втором случае.

Можно было бы подумать, что в наши антимонопольные дни, когда несчастья, вызванные эгоистичным законодательством, пробудили общественное самосознание, люди примут все возможные меры к тому, чтобы не допустить никаких нововведений, влекущих за собой доступ к исключительным привилегиям, и любые попытки вытащить что-либо подобное на политическую арену будут сопровождаться бурными протестами со стороны общественности. Однако эти ожидания не оправдались. Учение о том, что забота о здоровье общества входит в число обязанностей государства, несет в себе зародыш очередной гигантской монополии. Много лет назад этот зародыш уже проявился в форме закона, ограничивающего медицинскую практику химиков и аптекарей. И вот мы видим, как вредный паразит снова набирается сил, чтобы сделать новый, более мощный выпад, на этот раз в виде аналогичного, но более жесткого закона. Когда эта задача будет выполнена, целью паразита станет дальнейшее усиление. В текущих профессиональных публикациях уже проскальзывают слухи о том, что директора,

инспекторы и различные служащие медицинских учреждений будут поставлены надзирать за общественным здравоохранением. Аристократия с большой охотой окажет всемерную помощь столь многообещающему проекту, раскрывающему заманчивые перспективы создания новых должностей для ее младших сыновей; она будет только рада покровительствовать институту, который послужит еще одним механизмом для присвоения общественного богатства. При попустительстве народа именно к этому приведет предлагаемая система, в течение нескольких поколений способная прочно оседлать общество на манер национальной церкви.

Впрочем, бессмысленно прибегать к каким-либо аргументам, чтобы доказывать, что люди медицинской профессии стремятся к созданию монополии, так как они сами признают это публично. Они открыто утверждают, что нуждаются в протекции, и смело заявляют, что имеют на нее право. Однако все это якобы делается из дружеского желания оградить публику от шарлатанов! И, в подтверждение тех благ, которые сулит нации такое устранение конкурентов, нам с видом полной незаинтересованности втолковывают, как опасно позволять нелегализованным врачам обманывать неграмотных пациентов. Вот что пишет, например, мистер Уокли, ссылаясь на недавно возобновленный закон, касающийся химиков и аптекарей: «Он не может не оказывать мощного сдерживающего воздействия в отношении этого страшного зла, называемого контрпрактикой — ею занимаются неквалифицированные лица, которые издавна выставляли на посмешище действующие в нашей стране законы о медицине и, без сомнения, погубили ужасающее число человеческих жизней» («Ланцет», 11 сентября 1841 г.). И снова о том же: «Нет во всей империи ни одного химика или аптекаря, который бы отказывался составлять лекарства, исходя из своего опыта, или который не решался бы ежедневно прописывать простые средства для исцеления детей и младенцев... Мы уже давно видели, что это зло приобрело колоссальный размах, но, очевидно, недооценивали степень той опасности, которой подвергается общество» («Ланцет», 16 октября 1841 г.). Не знаешь даже, какие почести воздать столь проницательному уму, открывшему «зло», которое «приобрело колоссальный размах», но напрочь ускользнуло от внимания общественности.

Поистине, нельзя не удивляться тому, что гибель «ужасающего числа человеческих жизней», ставшая итогом «страшного зла», так и не сумела раскрыть людям глаза на то, какой «опасности» они подвергаются. Но не было бы более благоразумно огласить это великое открытие публично и доверить его пропаганду незаинтересованным лицам? Мистеру Уокли следует помнить, что нам советуют избегать проявлений зла, и он на своем собственном опыте может убедиться, что подозрительный мир способен усмотреть под этими мнимыми изъявлениями патриотических настроений менее благородные устремления. И почему мистер Уокли не хочет довести свой принцип до логического завершения? Если в задачу государства действительно входит охрана здоровья нации, оно, безусловно, обязано использовать самые эффективные средства для выполнения этой задачи. Почему же тогда не следовать старинному изречению «профилактика лучше лечения» и постараться не допустить того, чтобы люди болели? Учредите общенациональный режим: предписывайте каждому человеку, сколько раз в день ему принимать пищу, какую и в каком количестве, растительную или животную, отдельно для мужчин и для женщин, предписывайте, когда и в каком количестве какие жидкости употреблять, предписывайте количество физических упражнений и их тип, предписывайте, какую одежду носить, предписывайте часы сна с учетом половых и возрастных различий и так далее в отношении всех прочих частных дел, из которых складывается идеальный распорядок дня, необходимый для сохранения здоровья нации. Несомненно, такая система окажется гораздо эффективнее предлагаемых выше полумер и, в принципе, почти столь же разумной. Если вы требуете, чтобы человек выбирал себе лекарства в соответствии с законом, то почему бы не попытаться с помощью закона поддерживать его тело в добром здравии?

Но если говорить серьезно, то все законы, подобные тем, которых требуют мистер Уокли и его коллеги, в конечном счете основаны на допущении, что люди — неразумные дети, не способные сами о себе позаботиться. Свободу народа ограничивают помочами. Бедняги! Если мы за ними не присмотрим, они направятся за советом к невежественным шарлатанам и, возможно, будут отравлены! На практике именно так относится

государство к своим подданным, и чем дольше те подвергаются такому обращению, тем более беспомощными становятся. Если кто-либо по своей глупости, с целью немного сэкономить, нанимает необразованного знахаря, он должен полностью осознавать все последствия такого поступка, каковы бы они ни были. Он действует под руководством своей свободной воли, и, если пострадает, ему будет некого винить, кроме самого себя. Представим себе, что у некоего человека есть часы, требующие ремонта; и положим, что из соображений экономии он отдает их кузнецу, уверявшему, что может их починить, и в конце концов испортившему их; разозлившись, владелец часов сетует, что его обманули, привлекает на свою сторону толпу сочувствующих благожелателей и заставляет их подать в парламент петицию, требующую запретить кузнецам чинить часы. Кто бы не посмеялся над такой глупостью? Владелец часов сам виноват, что отдал их в такие руки, и более чем заслуживает награды за свое безрассудство. Однако этот пример абсолютно аналогичен тому, который мы рассматриваем. Положим, что кто-то хочет починить не свои часы, а самого себя (куда более сложный механизм), и обращается к тому, кто знает об устройстве человеческого организма столько же, сколько кузнец знает о часах; невежественный лекарь дает пациенту рецепт, который приводит не к исцелению, а наоборот, необратимо подрывает его здоровье, и тот в конце концов становится инвалидом — выходит, что в итоге он испортил не часы, а самого себя. И что из этого? Пусть последствия в данном случае намного более серьезные, чем в предыдущем, но дает ли это нашему герою больше оснований для жалобы? Если бы он воспользовался своим разумом, то понял бы, что так же глупо доверять свое тело тому, кто не разбирается в его устройстве, как доверять кузнецу тонкий часовой механизм; с абстрактной точки зрения оснований для законодательного вмешательства с целью пресечь подобное безрассудство во втором случае ничуть не больше, чем в первом.

Значительная прослойка людей, которым свойственен навязчивый гуманизм, еще не видит никакого социального зла, но уже предлагает принять закон для его предотвращения в будущем. Им никогда не придет в голову, что несчастья одного человека — урок для тысяч, что мир в целом обучается скорее на своих промахах, нежели на успехах, и что общество

набирается мудрости путем непрерывных усилий по преодолению ошибок, трудностей и опасностей. Мы ни в коей мере не отрицаем, что многие пострадали от предписаний аптекарей и шарлатанского лечения — одни от него оправились, другие навсегда потеряли здоровье, а кто-то, не исключено, и впрямь умер. Но признавая это, мы вовсе не собираемся отказываться от идеи о том, что самый мудрый выход — оставить все так, как есть. На первый взгляд, подобный вариант может показаться жестоким, но, если принять во внимание его влияние на будущие поколения, мы придем к противоположному выводу. В животном царстве многое ведет к страданиям и к смерти, но из этого не следует, что Всевышний не милосерден. Исследования помогают объяснить этот парадокс, показывая, что это мнимое зло есть результат совместного действия законов, в конечном счете приводящих к возрастанию здоровья и счастья, и тщательные размышления подскажут нам, что боль, причиненная людям их собственным безрассудством, носит аналогичный характер.

Данный вопрос можно рассмотреть еще с одной точки зрения, причем такой, которая позволяет посмотреть на проблему самым ясным и широким взглядом. Любые законы, помогающие людям в удовлетворении их телесных потребностей — обеспечивающие им содержание в случае старости и болезни, позволяющие дать образование детям и позаботиться об их религиозном воспитании, способствующие поддержанию их физического здоровья и вообще делающие за них то, что они в состоянии сделать сами, проистекают из радикально неверного представления о человеческой природе. Законодатели часто упускают из виду те условия, в которых проходит земное существование человека, и пренебрегают одним из величайших и основополагающих законов мироздания.

Каждое живое существо находится в специфических отношениях со средой, в которой оно обитает. От самого примитивного зоофита* до высокоорганизованных позвоночных — всюду мы наблюдаем некоторые неизменные принципы существования. Каждое существо стремится к удовлетворению различных физических потребностей: оно добывает пищу для насыщения организма, строит себе жилище для защиты от холода и от врагов, создает условия для выведения потомства (устраивает

гнездо, кормит и воспитывает детенышей), делает запасы пищи на зиму и пр.; список таких потребностей можно продолжать. Для выполнения всех этих операций каждое существо наделяется соответствующими органами и инстинктами — внешним аппаратом и внутренними способностями; от того, насколько активно и удачно они используются, зависит здоровье и счастье данного существа, но и сами эти способности, в свою очередь, обусловлены тем положением, в котором пребывает существо. Поместите его в обстановку, которая устраняет необходимость в тех или иных способностях, и они постепенно отомрут. Природа ничего не делает зря. Инстинкты и органы сохраняются лишь до тех пор, пока в них есть нужда. Создайте для стаи зверей условия, когда какие-либо способности оказываются не нужны: например, не давайте зверю двигаться, поставьте пределы его активности, и вы увидите, как он лишится своих сил. Способность, или инстинкт, или что-либо иное будет проявляться в последующих поколениях все слабее и слабее и в конце концов приведет к неизбежной деградации вида. Все это верно и в отношении человека. Он точно так же обладает многочисленными и всевозможными потребностями, получив нравственные и интеллектуальные способности, соизмеримые со сложностью его отношений с внешним миром, и его счастье в конечном счете зависит от того, как задействованы эти способности; последнее, в свою очередь, как у человека, так и у всех прочих живых существ, обусловлено главным образом теми условиями, в которых он живет. Требования, предъявляемые повседневными потребностями к его умственным способностям — необходимость преодолевать трудности и избегать опасностей, а также стремление обеспечить пристойные условия жизни до конца своих дней — выступают как многочисленные и полезные стимулы для развития этих способностей. Настоятельная необходимость — великий стимул, подвигающий человека на физические и умственные свершения; без этого стимула он погрузился бы в состояние безнадежной апатии. Примите закон о бедных, который сделает ненужным предвидение и самоотречение, учредите систему национального образования, лишаящую человека необходимости заботиться о детях, создайте национальную церковь, обеспечивающую его религиозные потребности, возьмите на себя заботу о его здоровье,

чтобы ему не приходилось заниматься этим самому — сделайте все это, и тогда он в значительной степени лишится тех способностей, которыми его наделил Всевышний. С устранением любых серьезных причин для активности, при отсутствии потребности в остроте интеллекта и проявлении нравственных сил умственные способности человека остаются без употребления, что неизбежно приведет к постепенному вырождению личности. Если устранить необходимость в усилиях, итогом станет бездействие. Обрежьте человека на бездействие — и вскоре вы увидите его деградацию.

Из всего вышесказанного читатель может сделать следующие выводы.

1. Было бы непоследовательно признавать, что государство должно заботиться о телесном здоровье народа, и в то же время выступать против того, чтобы оно взяло на себя заботу о его духовном здоровье.
2. Самые горячие сторонники государственного здравоохранения лишь безрассудно приближают создание очередной монополии.
3. Никто не имеет права требовать от властей принять те меры к охране его здоровья, которые он в состоянии принять сам.
4. И в этом случае, как и во всех прочих, делать за людей то, к чему они сами обладают естественными способностями, представляет собой один из самых эффективных способов деградации национального характера.

Письмо X

Если бы наши власти всегда с надлежащим вниманием относились к исполнению своей исконной и наиважнейшей задачи, т.е. если бы основную свою заботу они всегда уделяли отправлению правосудия, если бы всегда считали, что именно это необходимо государству, и никогда бы не отвлекались на другие дела в ущерб этой обязанности, то их вмешательство в те вопросы, которые их не касаются, могло бы быть более простительным. Но нет; к длинному списку их грехов мы должны добавить грех бездействия, от которого нация страдает не менее сильно, чем от их назойливости.

Передайте отношения, сложившиеся между народом и государством, на суд беспристрастного арбитра. Расскажите ему, что законодательная власть — это орган, состоящий из представителей нации, избранных для того, чтобы поддерживать порядок, защищать личность и собственность, и что это их самые важные, если не единственные, обязанности. Объясните ему, что каждый человек практически приносит клятву верности этому органу, ежегодно выплачивая на его содержание значительную долю своих доходов, принося ему в жертву свою личную независимость, и что он делает все это, ожидая в ответ получить защиту, которая полагается ему взамен такой самоотверженности. Растолкуйте все это арбитру, а затем спросите у него, каким образом государство обязано выполнять свою часть соглашения. Он скажет, что если подданные выплачивают налоги и подчиняются властям, то значит, они сделали все, что от них требуется, и остается лишь ждать, чтобы власти обеспечили каждому гражданину те блага, которые несет с собой общественный порядок; что налоги, выплаченные людьми, должны идти исключительно на покрытие расходов, связанных с осуществлением такой защиты, и что после того, как люди заранее оплатили эти услуги правительства, со стороны последнего было бы крайне несправедливо взимать дополнительные деньги всякий раз, как его призывают исполнять свой долг по отношению к гражданам. Из этих соображений арбитр сделал бы вывод о том, что государству следует учредить легкодоступные, свободные от волокиты суды, в которых каждый человек мог бы получить защиту закона, ничего не платя за нее. Очевидно, именно таково беспристрастное решение, к которому пришел бы любой добросовестный судья. Но как же далека эта картина от реальности! Наши законодатели обложили народ возмутительно высокими налогами, растрачивают эти выжатые из честного труженика деньги на финансирование институтов, выгодных только богатым, содержат на эти средства постоянную армию, необходимую для приведения народа к покорности; а когда обманутый гражданин требует от государства, чтобы оно обеспечило защиту его прав и привилегий, когда требует от него исполнения тех обязанностей, ради которых оно было создано, — когда он просит, чтобы оно сделало то, за что он уже столь щедро заплатил, — как же поступает государство?

Готово ли оно принять все меры к исполнению этого требования? Готово ли оно, не взимая дальнейшей оплаты, проследить за полным и справедливым выполнением законов? Отряжает ли оно своих чиновников на то, чтобы они со всей добросовестностью обеспечили каждому ту защиту, ради которой принесено столько жертв? Принимает ли оно сторону бедняка, ограждая его от посягательств со стороны богатого соседа? Нет! Оно не делает ничего подобного. Оно оставляет просителя на полную милость стряпчих, поверенных, адвокатов и целого легиона судейских. Оно опустошает его карман, заставляя раскошелиться на повестки, постановления, протоколы, показания под присягой и принуждая его к уплате бесчисленных сборов и издержек. Оно втягивает его в лабиринт судов всевозможных уровней и компетенций, исков, встречных исков и апелляций; можно привести тысячи примеров невосполнимого ущерба, причиненного государством тем людям, чью личность и собственность оно обязалось защищать. Таковы наши «славные законы»!

У нас принято жалеть несчастных подданных восточного деспотизма. Мы с презрением смотрим на эту абсолютную форму власти. По сравнению с ней наши «свободные институты» внушают нам чувство гордости, и мы поздравляем себя с превосходством нашей системы. Однако как бы эти задавленные самодержавием люди не посмеялись над результатами работы наших якобы «свободных институтов»! Сколько бы они нашли в этой «стране свободы» примеров нищеты и голода, вызванных тиранией богачей; примеров того, как торжествует неправда, ибо для восстановления справедливости нужны деньги; примеров того, как попираются права, ибо бессмысленно судиться с богатым узурпатором — да, они найдут сотни и сотни людей, чьи впалые щеки и рваная одежда свидетельствуют об иллюзорности английского правосудия. А затем по контрасту они могут рассказать о действенном и беспристрастном правосудии многих абсолютных монархов. Они могут привести бесчисленные примеры справедливого и бесплатного суда, вершимого восточными султанами — примеры того, как бедные и слабые могут поведать о том, как их притесняют, самому монарху и получить от него помощь; богатство и общие интересы там не нужны для защиты от произвола и не дают преимуществ

угнетателю. Да будет стыдно англичанам восхвалять и прославлять призрак — гордиться и поздравлять себя с обладанием тем, что ежедневно предстает перед нами как чистое надувательство! Как долго еще люди будут обманываться этим пустым звуком? Наше правительство не только делает то, чего ему делать не следует, но и оставляет несделанным то, что обязано делать; и у нас есть полное право называть это положение нездоровым.

Таким образом, не следует забывать о том, что, позволив нашим властям тратить свое время и наши деньги на те дела, которые никто им не поручал, мы навлекаем на свою голову не только несчастья, вызванные вредными законами, но и те беды, что проистекают из неисполнения правительством своего подлинного долга.

Письмо XI

Возможно, здесь будут уместны несколько замечаний по важной побочной теме, в той степени, в какой она связана с рассматриваемой нами проблемой. Речь идет о наделении трудящихся классов избирательным правом.

Поскольку решения в отношении крупных классов людей в большей степени определяются не требованиями справедливости, а требованиями целесообразности, то одно из возражений по поводу передачи власти в руки народа звучит следующим образом: «Общество — очень сложный механизм; его члены обладают многочисленными и разнообразными интересами, которые так хитроумно взаимосвязаны и переплетены, что для полного осознания и оценки их всевозможных взаимоотношений требуются огромная проницательность и ясность мышления. Одна из целей принятия законов состоит в том, чтобы правильно управлять этими конфликтующими интересами, однако поддерживать равновесие между ними настолько сложно, что эта задача способна поставить в тупик даже самых выдающихся политиков. Не было бы в таком случае неблагоразумно доверять необразованным классам право принимать законы по вопросам, столь трудным для понимания, но в то же время столь важным для благосостояния общества?»

Однако, если выясняется, что эти сложные и многогранные интересы вообще не требуют никакого управления, что

они от природы устроены так, что сами собой управляют; если выясняется, что страшные затруднения, присущие разрешению социальных вопросов, вызваны нарушением естественных законов и что правительство поступает неразумно, пытаясь удержать в состоянии *нестабильного* равновесия то, что, будучи предоставлено само себе, придет в состояние *стабильного* равновесия, — то это возражение в значительной степени утрачивает свою силу. Мы не отрицаем того, что дела нации находятся в ужасном расстройстве и что могут потребоваться значительные усилия для приведения их в нормальное состояние, но если удастся показать, что катастрофические последствия вызваны не недостатком законов, а их избытком, не интеллектуальной несостоятельностью наших законодателей, а их непрерывным эгоистичным вмешательством, то этот факт не сможет послужить причиной для отказа от всеобщего избирательного права. В качестве примера представим себе некоего беднягу, которого врач убедил в том, что он никогда не будет полностью здоров без медицинского надзора, что его пищеварение не будет нормально работать без стимулирующих средств, что без приема пилюль у него откажут легкие, что его одолеют кожные болезни, если не пользоваться потогонными средствами, и т.д.; положим, что наш пациент, всецело доверяя ученому доктору, полностью вверяет себя в его руки и, во исполнение его приказов, день за днем поглощает одни лекарства за другими — сперва слабительное для очистки кишечника, затем закрепительное средство для восстановления его функций, потом паровую баню, чтобы повысить потоотделение, а следом за ней мочегонное, чтобы его снизить; на этой неделе он в изобилии поглощает питательные блюда для повышения жизненных сил, на следующей расстается с несколькими унциями крови с целью избавиться от полнокровия и т.д., проходя длинный курс лечения, включающий рвотные, болеутоляющие, слабительные, опиаты, жаропонижающие и прочие средства для внутреннего применения, наряду с такими наружными препаратами, как пластыри, припарки, мази, бальзамы и прочее. Когда же после всех этих усилий несчастный приходит в такое состояние, в котором его все время одолевают разные хвори, и он постоянно требует врачебного присмотра, чтобы избавиться то от одного, то от другого недуга, и, не успев излечиться от одной болезни, тут же подхватывает другую, тогда

наше медицинское светило собирает у постели больного консилиум из деревенских клоунов и начинает разглагольствовать о всевозможных сложных функциях человеческого тела, описывая различные органы и то, для чего они нужны, и всевозможные расстройства, которым они подвержены, и то, как сложно их лечить; а затем, ради пушщего красноречия, он оборачивается к своему пациенту и восклицает: «Видите, как сложно сохранять человеку здоровье!» Тут посмеялся даже бы сам Джон Буль, при всей его доверчивости. Однако он верит тем, кто говорит то же самое об обществе — когда в больные записывают не человека, а нацию. Наши государственные целители с незапамятных времен убеждали народ в том, что дела общества никогда не обойдутся без их вмешательства, что для правильного отправления всех функций нации над ней необходим бдительный надзор и что в соответствии со всеми этими соображениями они всегда прописывали стране нужные лекарства, то назначая диету под именем «запретительных пошлин», то позволяя нации обедаться в качестве компенсации за былые лишения; то прибегая к стимулирующим упражнениям в виде «поощрения отечественных производителей», то призывая принять меры против перепроизводства; то пытаясь взбодрить дух народа с помощью «национальной церкви», то устраивая войну, чтобы сдержать этот дух в узде; умащивая одну часть социума бальзамом в форме «закона о бедных», другой же назначая обильное кровопускание под названием «подходящий налог». И когда после всех этих необыкновенно умелых операций нация оказывается на грани распада, когда ее болезненность начинает проявляться в самых тревожных формах, когда она оказывается настолько истощена, что становится невозможно вылечить какой-либо из ее недугов, не породив еще более худший, — короче говоря, когда она пребывает в таком состоянии, в каком мы ее сейчас видим, эти мудрые и самодовольные законодатели восклицают: «Видите, как сложно управлять страной!» Если после этого признать, что несчастья нашей нации вызваны не трудностями, неизбежными при любом управлении, а стремлением принимать законы тогда, когда никаких законов не требуется, т.е. если признать, что единственная обязанность государства — отправление правосудия, мы сразу же избавимся от одного из самых сильных доводов против предоставления рабочему классу избирательных прав.

Письмо XII

С целью более четко представлять себе вопрос, вынесенный нами на обсуждение, было бы полезно привести краткий обзор аргументов, выдвигавшихся в предыдущих письмах.

Показав, что предлагаемое определение обязанностей государства находится в точном соответствии с изначальными требованиями общества — фактически будучи выведено из них теоретическим путем, — и при этом не допускает характерного для наших дней вмешательства государства во все сферы жизни, мы попытались выявить ряд важнейших преимуществ, которые влечет за собой возвращение различных социальных институтов к их исконной свободе от законодательного контроля; соответственно мы указали на следующее.

1. Согласно прошлому и текущему опыту, любые торговые ограничения однозначно вредным образом сказываются на благосостоянии общества; необходимость решительно подталкивает нас к свободной торговле, и в конце концов мы будем вынуждены вернуться к полной свободе коммерции, которая диктуется самой природой этого занятия и с которой мы бы никогда не расставались, будь власть государства должным образом ограничена.
2. Национальную церковь следует признать не только ненужной для распространения религии, но и, напротив, препятствующей этому процессу вследствие своего обмирщения, порочности и немилосердности; официальное духовенство проявило свою полную несостоятельность в деле христианизации страны; придавая огромное значение получению государственного жалованья за свои услуги, оно практически распалось в столь слабой приверженности христианскому духу, что отказалось бы от своего пастьерского долга, если бы его пришлось исполнять безвозмездно; соответственно наше определение полезно в той степени, в которой оно требует отделить церковь от государства.
3. Закон о бедных, якобы призванный облегчить участь трудящихся классов, в реальности является для него обузой; он затрудняет исцеление социальных язв и препятствует проявлениям подлинной благотворительности; прину-

дательное подавание унижает и дающего, и получающего; добровольный подход равно предпочтителен и при отправлении богослужений, и в религиозной практике, а благо подаваний не сопровождалось бы злом пауперизма, если бы государство воздержалось от соответствующего вмешательства.

4. Войны признаются всеми за великое зло, и наш христианский долг состоит в том, чтобы принять все возможные меры к тому, чтобы положить им конец; один из самых эффективных способов предотвращения войн мы получим, заставив государство исполнять только свои исконные функции, тем самым лишив его возможностей стремиться к завоеваниям.
5. Искусственная колонизация вредна в смысле всех своих последствий; колониальная торговля неизменно превращалась в монополию к выгоде аристократии; мнимая защита, предоставляемая колонистам, как правило, оборачивалась для них страшным проклятием; исконные владельцы земель в основанных государством колониях неизменно подвергались жестокому преследованиям; и, напротив, пример Пенсильвании служит вполне убедительным свидетельством в пользу добровольной эмиграции, проводящейся без защиты со стороны государства — такая эмиграция стала бы естественным следствием предлагаемого нами принципа.
6. Национальное образование с большой вероятностью уничтожит разнообразие и оригинальность умов, необходимые для социального прогресса; оно ликвидирует стимулы к совершенствованию, устраняя здоровую конкуренцию, и едва ли способно к реформам вследствие затруднительности институциональных изменений, помимо препятствий, возникающих из естественной предрасположенности в пользу существующих методов обучения; у нас нет гарантий эффективности этой системы в будущем, зато есть все основания полагать, что в конечном счете она станет не менее порочной, чем национальная церковь; способ ее финансирования, по необходимости включающий налогообложение всего общества, как довольных ею, так и недовольных, будет откровенно несправедлив, и соответственно такое государственное устройство, которое не допускает ее создания, всячески заслуживает нашего одобрения.

7. Ревностная пропаганда системы общественного здравоохранения, ведущаяся некоторыми представителями медицинских кругов, диктуется их личной заинтересованностью; здоровье людей не подлежит законодательному контролю, как не подлежит ему наша религия; ни один человек не вправе требовать от властей заботиться о его здоровье, если он в состоянии позаботиться о нем сам; в данном случае, как и во всех других, делать за людей то, чего Всевышний требует от них делать самим, неизбежно ведет к их деградации.
8. Ограничив круг полномочий государства поддержанием порядка и защитой личности и собственности, мы не только избежим многих бедствий, вызванных навязчивым вмешательством властей, но и обеспечим надлежащее исполнение ими наиважнейших обязанностей, зачастую оставляемых без должного внимания.

Таковы доказательства, призванные подкрепить нашу теорию о том, что единственной обязанностью государства является отправление правосудия. К ним можно добавить другие, если это покажется желательным, однако мы надеемся, что если вышеперечисленных соображений самих по себе недостаточно для того, чтобы убедить беспристрастные умы в их истинности, то по крайней мере они продемонстрируют правдоподобность нашей гипотезы и пробудят желание подвергнуть ее серьезному рассмотрению.

В заключение было бы полезно напомнить читателю, что к каким бы выводам ни привели его рассуждения по поводу этого важнейшего вопроса, вне зависимости от его согласия или несогласия с нашей аргументацией и от того, признает ли он или отрицает истинность наших умозаключений, — одно можно сказать наверняка. Нам не обойтись без определения обязанностей государства. Нет необходимости доказывать наличие черты, которую не должен преступать законодательный контроль — доказывать, что существуют такие личные и общественные требования, выполнение которых скорее обеспечится нравственными стимулами и добровольными усилиями, нежели какими-либо искусственными средствами контроля; что между двумя крайними пределами возможных полномочий правительства, между его *всевластием* и *безвластием*, должна

находиться какая-то точка, на которую и принципы, и политика указывают как на золотую середину. Эту точку, эту границу каждый человек устанавливает сам для себя, и если он не согласен с предложенным выше определением, то, будучи последовательным, обязан сам дать такое определение, какое бы отвечало его взглядам. Если он хочет избежать обвинений в политическом эмпиризме, то должен выявить природу и задачи национального органа, называемого законодательной властью, прежде чем выдвигать к нему какие-либо требования. Прежде чем он решится высказать собственное мнение о том, что правительство обязано *делать*, ему следует сперва задать себе вопрос: для чего оно *предназначено*?

ЧРЕЗМЕРНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА^{1, 2}

Осмотрительному мыслителю не может не приходиться иногда в голову, что, с точки зрения возможности, его взгляды на какой-нибудь спорный вопрос вряд ли правильны. «Тысячи людей вокруг меня имеют о том или ином вопросе отличные от моих мнения, одни расходятся со мной совершенно, другие — только в частности».

Каждый из них убежден, как и я сам, в истинности своего мнения; многие из них — люди большого ума, и, как бы высоко я себя ни ставил, я должен признать их равными себе и, может быть, даже выше себя. И в то время как каждый из нас убежден в своей правоте, большинство из нас, очевидно, ошибается. Нет ничего невероятного в том, что и я нахожусь в числе заблуждающихся. Правда, мне трудно допустить, что это так, но это ничего не доказывает, ибо, хотя большинство из нас, несомненно, заблуждается, мы все одинаково не можем этому верить. И раз это так, то не нелепо ли с моей стороны доверять себе в такой степени? Оглядываясь на прошлое, я вижу целые нации, секты, вижу богословов и философов, твердо уверенных в истинности своих взглядов научных, нравственных, политических, религиозных, которые мы, однако же, окончательно отвергаем. И тем не менее их уверенность была не менее сильна, чем наша, и даже сильнее, если судить по их нетерпимости по отношению к противникам. Как мало значения имеет, следовательно, моя личная

¹ Впервые напечатано в 1853 г. в «Westminster Review».

² Некоторые из приведенных в этом опыте примеров относятся к законам и распоряжениям, уже отмененным; на их место явились многие новые мероприятия, которые можно бы привести в подтверждение нашей аргументации. Но так как эти перемены не влияют на сущность наших доводов, так как, с другой стороны, исправлять статью постоянно в соответствии с ежедневными фактами повлекло бы за собой вечные изменения, то нам кажется лучше оставить ее в ее первоначальном виде или, вернее, в том виде, в каком она была перепечатана в Народной библиотеке Чэпмана (Chapman Library for the People).

вера в свою правоту! Все люди на свете питали такую же уверенность, которая в девяти случаях из десяти оказалась обманчивой. В таком случае не будет ли с моей стороны нелепо придавать такое большое значение своему суждению?

Эти размышления, лишённые, на первый взгляд, всякого практического значения, тем не менее не остаются без влияния на некоторые из наших наиболее важных поступков. В нашей повседневной жизни мы вынуждены поступать всегда на основании наших личных взглядов, как бы они ни были неосновательны; хотя везде: в доме, в конторе, на улице — ежечасно возникают такие случаи, в которых мы поступаем не колеблясь, понимая, что, если поступить так или иначе опасно, вовсе не поступать было бы губительно, и, таким образом, в нашей частной жизни это отвлечённое сомнение в действительной важности нашего суждения не находит себе применения, зато, что касается нашей общественной деятельности, тут мы можем предоставить ему надлежащий простор. Здесь решение не имеет такой повелительной силы, и вместе с тем и трудность правильного решения неизмеримо значительнее. Как бы ясно ни казалось нам наше представление о последствиях данной меры, применяя вышеупомянутое рассуждение, мы можем заключить, исходя из человеческого опыта, что существует много шансов за ошибочность наших предположений. В этом случае вопрос: не разумнее ли будет воздержаться от действия? — получает рациональное основание. Продолжая свою самокритику, осмыслительный мыслитель может сказать: «Если я так часто ошибался в своих личных делах, где мне известны были все данные, то насколько чаще могу я заблуждаться в политических вопросах, где условия так многочисленны, так широко захватывают, так сложны и затемнены для нашего понимания? Я имею перед собой несомненное социальное зло, а вот и несомненная социальная потребность, и, будь я уверен, что поступлю правильно, я немедленно приступил бы к искоренению одного и удовлетворению другого. Но когда я вспомню, какая масса моих личных планов не удалась; как мои рассуждения оказались несостоятельными, выбранные мною исполнители нечестными; как брак привел меня к разочарованию; как я довел до нищеты своих родственников, которым старался помочь; как тщательный воспитанный мною сын оказался хуже большинства других

детей; как то, против чего я отчаянно боролся, видя в нем несчастье, принесло мне громадное счастье, в то время как то, что я страстно преследовал, дало мне мало удовлетворения, когда я его достиг; как большинством своих радостей я обязан непредвиденным источникам, — когда я вспоминаю эти и подобные им факты, я убеждаюсь в некомпетентности моего разума предписывать что-либо обществу. И так как при существовании этого зла общество не только жило, но и развивалось, и как удовлетворения своей потребности оно может достигнуть собственными силами, как оно достигло уже многих других тем или другим непредусмотренным путем, я подвергаю сомнению уместность всякого вмешательства».

В нашем политическом поведении заметен большой недостаток такого смирения. Хотя мы не обладаем уже более такую самоуверенностью, как наши предки, без малейшего колебания устанавливавшие в качестве закона свои мнения по самым разнообразным вопросам, но все же и у нас еще слишком много веры в свои суждения. Мы перестали, правда, утверждать непогрешимость наших теологических взглядов и вследствие этого перестали их узаконивать, но мы тем не менее продолжаем и поныне устанавливать в качестве законов целую массу других верований не менее сомнительного рода. И хотя мы и не позволяем себе более притеснять людей ради их *духовного блага*, мы все еще продолжаем верить в свое право притеснять их ради *нематериального блага*, не понимая, что то и другое одинаково бесполезно и ненадежно. Бесчисленное множество неудачных попыток бессильны, очевидно, научить нас этому. Возьмите в руки любую газету, и вы, наверное, найдете в ней передовицу, в которой обличаются злоупотребления, небрежение или дурное управление какою-нибудь частью. Загляните в следующий столбец, и вы, быть может, встретите предложение расширить сферу государственного вмешательства. Вчера обвинялось в слишком большой небрежности управление колоний; сегодня осмеиваются несуразные действия адмиралтейства, завтра является вопрос: «Не следует ли увеличить число инспекторов каменноугольных копей?» То утверждают, что санитарное ведомство бесполезно, то кричат, что контроль над железными дорогами недостаточен. В то время как в ваших ушах еще звучат обличения злоупотреблений канцлерского суда*, когда

ваше лицо еще горит негодованием, вызванным совершенно доказанным беззаконием суда церковного, вы вдруг слышите предложение установить «священнослужительство науки». Тут горячо осуждают полицию за то, что она нелепейшим образом допускает зевак бить друг друга до смерти, и вы полагаете, что за этим последует естественный вывод, что правительственный контроль не заслуживает доверия; и вдруг вместо этого, по поводу аварии какого-нибудь судна, вы встречаете настоятельное требование назначать правительственных инспекторов для надзора за тем, чтобы суда всегда имели наготове для спуска шлюпки. Таким образом, несмотря на ежедневно возникающие противоречащие этому факты, ежедневно проявляется уверенность, что парламентского акта и армии чиновников достаточно для достижения любой цели. Нигде так ясно не проявляется эта вечная вера человечества, как здесь. С самого возникновения человеческого общества обманутое ожидание не переставало проповедовать: «Не рассчитывайте на законодательство», и, несмотря на то, вера в законодательство вряд ли с тех пор уменьшилась.

И если бы еще государство действительно выполняло хотя бесспорно лежащие на нем обязанности, в этом заключалось бы некоторое оправдание того рвения, с каким ему ставятся новые задачи. Если бы не существовало нареканий на недостатки его правосудия, на бесконечные его проволочки и непомерную дороговизну, на причиняемое им разорение вместо восстановления прав, на то, что оно присваивает себе роль тирана, тогда как ему принадлежит только роль покровителя; если бы нам не приходилось слышать о его многосложных нелепостях, о 20 000 статей закона, которые оно обязывает каждого англичанина знать и которых ни один англичанин не знает, о его многообразных формах, которые, стремясь предусмотреть всякую случайность, открывают только лишние лазейки. Если бы оно не доказало своего неразумия всей своей системой мелких поправок, вызываемых каждым новым актом, нарушающим бесчисленное множество предшествовавших актов, или громадной массой последовательных сборников правил, издаваемых канцлерским судом, до такой степени видоизменяющих, ограничивающих, распространяющих, уничтожающих и нарушающих одно другое, что даже законоведы канцлерского суда не могут

в них разобраться; если бы нам не пришлось поражаться такого рода фактам, что при системе регистрации земель в Ирландии 6 тысяч ф. потрачены были в «отрицательных поисках» для установления названия одного поместья; наконец, если бы мы не встречали среди мероприятий государства таких ужасающих несообразностей, как заключение в тюрьму голодного бродяги за кражу одной репы, тогда как колоссальные мошенничества какого-нибудь железнодорожного дельца остаются безнаказанными; словом, если бы мы убедились в его годности в качестве судьи и защитника, вместо того чтобы видеть с его стороны предательские, жестокие и трусливые действия, — мы имели бы еще некоторое основание рассчитывать на какие-либо блага от него. Если бы даже, доказав свою несостоятельность в области правосудия, государство заявило себя способным деятелем в какой-либо другой сфере — военной, — например, тут была бы хоть тень основания для распространения сферы его деятельности. Предположим, что оно рационально обмундировало свои войска, вместо того чтобы снабдить их громоздкими и бесполезными кремневыми ружьями, варварскими гренадерскими шапками, нелепыми и тяжелыми ранцами и патронташами и одеждами таких цветов, которые как бы специально предназначены для того, чтобы облегчить неприятелю прицел; предположим, что оно устроило войско хорошо и экономно, вместо того чтобы держать на жалованье массу ненужных офицеров, создавать синекеры в виде полковничьих мест с 4-тысячным окладом в год, пренебрегать заслугами, повышать неспособных; предположим, что его солдаты пользуются всегда хорошими помещениями, вместо того чтобы ютиться в бараках, которые портят людей сотнями, как в Адене, или обрушиваются на голову своих обитателей, как в Лудиане, где таким образом погибло 95 человек; предположим, что на войне оно обнаружило надлежащие административные способности, вместо того чтобы заставлять полки сражаться на голодный желудок, без сапог, в лохмотьях, захватывая собственные инженерные орудия, как это было в индийском походе; предположим все это, — и тогда наше желание расширить государственную власть получит некоторое основание.

И даже если бы, наделав несообразностей во всех других областях, оно в одном хоть случае заявило свое умение; если бы

хоть морское дело было им поставлено на должную высоту, — доверчивый человек имел бы хоть некоторое оправдание для своей веры в успешность его действий в какой-либо новой сфере. Признайте, что все отчеты о никуда не годных судах*, о судах, которые не хотят плавать, которые приходится удлинять; о судах с негодными машинами, которые не могут поднимать своего вооружения; о судах без балласта; наконец, о судах, которые должны идти на слом; признайте, что все эти известия ложны; признайте бесстыдными клеветниками тех, которые утверждают, что «Мегаета» употребила для своего рейса до Капа вдвое больше времени, чем коммерческие суда; что в течение того же самого пути на «Hydra» три раза был пожар и пожарные насосы действовали безостановочно днем и ночью; что десантное судно «Charlotte» вышло в плавание с запасом провианта, рассчитанным на 75 дней, а между тем достигло места своего назначения только по прошествии трех месяцев; что «Harpu» с величайшей опасностью для жизни вернулся из Рио в 110 дней; пренебрегите свидетельствами о семидесятилетних адмиралах, о дилетантской постройке судов, о дутых счетах адмиралтейства; признайте дело о консервах Гольднера мифом, мнение профессора Барлоу, утверждающего, «что по крайней мере половина запасных компасов адмиралтейства представляет совершенный хлам», ошибочным; — признайте все это неосновательными нападками, — и в таком случае защитники расширения правительственной деятельности будут иметь некоторый фундамент для своих политических воздушных замков, несмотря на военное и судебное неустройство.

Но при настоящем положении вещей о них можно было бы сказать, что они читали навыворот притчу о талантах. Не деятелям с испытанной, успешной деятельностью намечают они дальнейшие обязанности, а небрежным и неискусным работникам. Частная предприимчивость сделала многое и сделала хорошо. Частная предприимчивость очистила, осушила и сделала плодородной нашу страну; она построила города, разработала рудники, проложила дороги, прорыла каналы, провела железные дороги; изобрела и усовершенствовала плуг, ткацкие станки, паровую машину, печатный станок и бесчисленное множество других машин; построила наши суда, наши обширные фабрики, наши доки; учредила банки, страховые общества,

создала газетную прессу; избородила моря пароходными линиями, землю покрыла целою сетью телеграфных проволок. Частная предприимчивость привела земледелие, промышленность и торговлю на ту высоту, какую они теперь занимают, и продолжает их развивать с возрастающей быстротой. Тем не менее не доверяйте частной предприимчивости. С другой стороны, государство так исполняет свои судебные функции, что одних разоряет, других вводит в заблуждение и отпугивает тех, которые наиболее нуждаются в его помощи; национальная оборона поставлена им так странно и дурно, что вызывает ежедневные жалобы, нарекания или насмешки, и в качестве национального управляющего оно получает с некоторых из наших обширных государственных имуществ минимальный доход. Тем не менее верьте в государство, пренебрегите добрым и верным слугой и слуге бесполезному дайте вместо одного таланта десять.

Говоря без шуток, положение вещей если и не всегда соответствует приведенному нами сравнению, но в одном отношении даже превосходит его. Ибо новая работа не такого же рода, как старая, — она более сложного характера. Как ни дурно исполняет правительство возложенные на него обязанности, всякие новые обязанности, которые будут на него возложены, оно будет исполнять еще хуже. Охранять своих подданных от каких-либо посягательств, индивидуальных или национальных, дело прямое и довольно простое; регулировать непосредственно или посредственно личные действия этих подданных — бесконечно сложное дело. Одно дело гарантировать каждому свободную возможность стремиться к достижению своего благополучия, другое дело — и дело несравненно более трудное — осуществить для него это благополучие. Для того чтобы успешно выполнить первое, государству приходится только надзирать за действиями граждан, запрещать нечестные поступки, постановлять решения, когда к нему обращаются, и принуждать к возмещению убытков. Для того же, чтобы успешно выполнить второе, оно должно стать вездесущим работником, должно знать нужды каждого лучше его самого — словом, должно обладать сверхчеловеческими силой и умом. И даже в том случае, если бы государство действовало успешно в своей настоящей сфере, даже и тогда мы не имели бы достаточных гарантий для расширения этой сферы; но, видя, как плохо оно исполняет те простые

задачи, которые мы не можем не возлагать на него, мы можем, разумеется, питать только очень слабую надежду на то, что оно выполнит успешно задачи более сложного порядка.

С какой бы точки зрения мы ни взглянули на этот вопрос, мы придем к тому же самому выводу. Коли мы под первую обязанностью государства будем понимать защиту каждого индивидуума от всех других, в таком случае вся остальная деятельность государства будет заключаться в защите каждого индивидуума от себя самого — от его глупости, его собственной лени, непредусмотрительности, опрометчивости или других недостатков, его собственной неспособности сделать то или другое, что должно быть им сделано. Эта классификация не подлежит спору, ибо очевидно, что все препятствия, лежащие между желаниями человека и их удовлетворением, происходят или вследствие противоречащих желаний других индивидуумов, или вследствие своей собственной несостоятельности. Справедливые, хотя и противоречивые желания других имеют такое же право на удовлетворение, как и его собственные, следовательно, не могут быть устранены. Что касается незаконных желаний, то удержание их в надлежащих границах и составляет обязанность государства. Следовательно, единственная другая сфера, доступная для него, есть ограждение индивидуума от свойств его собственной природы или, как мы выражаемся, защита его против него самого. Не останавливаясь на применении этого и ограничиваясь пока исключительно лишь соображениями осуществимости, посмотрим теперь, что представляет это предложение, сведенное к его простейшей форме. Перед нами люди, одаренные инстинктами, чувствами, понятиями, которые не направлены на самосохранение. Надлежащая деятельность каждого из них дает известное количество удовольствия, бездеятельность — большее или меньшее количество страдания. Те, которые одарены этими способностями в надлежащей пропорции, благоденствуют и размножаются; те, у которых должное соответствие не соблюдено, вымирают. И всеобщий успех такой организации человека обнаруживается в том факте, что при этом условии мир населен и развил сложные условия приспособления цивилизованной жизни. Указывают, однако же, на то, что существуют и такие направления, по которым этот аппарат действует несовершенно.

Признавая, что он значительно содействует при добытии человеком средств к жизни, одежды и пищи, при заключении браков и воспитании потомства и при учреждении наиболее важных промышленных и коммерческих предприятий, — в то же время указывают многие нужды, как, например, чистый воздух, большее распространение знаний, хорошая вода, безопасность передвижения и многое другое, что он недостаточно обеспечивает. А так как эти дефекты постоянны, то к этому прибавляют, что необходимо принять некоторые дополнительные меры. Ввиду этого предлагают, чтобы известному числу людей, выбранных из всей массы и составляющих законодательный корпус, поручалась забота об этих различных предметах. Уполномоченные таким образом законодатели (отличающиеся в общем теми же самыми недостатками в этом аппарате мотивов, как и все люди вообще), будучи неспособны выполнять лично свои задачи, должны исполнять их по полномочию: назначать комиссии, управления, советы и целые армии чиновников, причем все эти учреждения должны быть обставлены теми же самыми несостоятельными людьми, так плохо действующими. Но почему же его система сложного полномочия должна преуспевать там, где это не удалось системе простого полномочия? Промышленные, торговые и филантропические учреждения, которые создаются гражданами добровольно, представляют собой органы, непосредственно уполномоченные; правительственные органы, созданные избранными законодателями, которые назначают чиновников, — посредственно уполномоченные органы. При этом надеются, что благодаря этому процессу двойного уполномочивания достигнуты будут результаты, недоступные процессу простого уполномочивания. Где же рациональное основание для подобного рода надежд? Уж не в том ли, что законодатели и их агенты способны интенсивнее всех остальных людей ощущать то зло, которое они призваны искоренить, те потребности, которые они должны удовлетворить? Едва ли, так как они по своему положению большею частью свободны от этих зол и этих нужд. Или, быть может, потому, что первичный мотив заменяется у них вторичным страхом перед общественным неудовольствием и в конце концов потерей должности? И это вряд ли для тех менее значительных выгод, для которых граждане не организуют *прямой*

помощи, они не организуют и косвенной помощи путем устранения неудовлетворительных служащих, особенно когда они не могут легко найти хороших. Или, быть может, эти правительственные агенты из чувства долга сделают то, чего не сделали бы по какому-либо другому побуждению? Это, очевидно, единственное допустимое основание. Аргумент, на котором приходится строить защитникам активного правительства, заключается в том, что задачи, для исполнения которых люди не хотят объединить своих усилий для своей собственной пользы, будут исполняться назначенной государством частью их, объединяющей свои усилия для блага остальных. Общественные деятели и чиновники, любящие своих ближних больше, чем себя самих! Филантропия государственных людей сильнее эгоизма граждан!

Что удивительного в таком случае, что каждый день увеличивает перечень законодательных промахов? Если взрывы в шахтах учащаются, несмотря на назначение горных инспекторов, это является только естественным последствием этой ложной методы. Если судохозяева Сандерленда жалуются, что «Акт о морской торговле окончательно провалился», в то время как другая заинтересованная сторона — матросы — обнаруживает свое недовольство обширными стачками, это только подтверждает безумие доверять более теоретизирующему благодушию, нежели опытному личному интересу. И эти факты возможны повсюду, и повсюду встречаются. Правительство, устранив инженеров, назначает на их места их помощников — комиссию Сюзера для осушения Лондона. Ламбет посылает уполномоченных заявить, что он платит большие налоги, не получая взамен никакой выгоды. Утомленный бесплодным ожиданием Бетналь созывает митинги для изыскания «наиболее действенных мер для расширения дренажа в округе». Из Уантсворта являются жалобщики с угрозами не вносить налогов, пока не будут удовлетворены их нужды. Кэмберуэлль предлагает объявить подписку и сделать необходимое собственными силами. В то же самое время не двигается также и дело очищения Темзы; еженедельные отчеты показывают значительное повышение процента смертности; в парламенте доброжелатели комиссии располагают для ослабления критики только хорошими намерениями, и, наконец, приведенные в отчаяние

министры радостно хватаются за предлог, чтобы самым спокойным образом отложить в долгий ящик комиссию со всеми ее планами¹. В качестве архитектора-наблюдателя государство вряд ли более преуспело, чем в качестве инженера, как об этом свидетельствует Строительный акт (Metropolitan Buildings Act). Вновь построенные дома продолжают и теперь время от времени обрушиваться. Два месяца тому назад обрушилось два дома в Бэйсуотере, третий рухнул недавно близ Пентонвильской тюрьмы, и это несмотря на предписанные актом толщину, железные сваи и инспекторов. Тем, которые устанавливали эти мнимые условия безопасности, не пришло в голову, что можно строить стены, не связывая вместе обе поверхности так, чтобы внутренняя могла быть передвинута после осмотра инспектора. Так же мало предвидели они, что, требуя большего количества кирпичей, чем признает безусловно необходимым опыт, они тем самым просто открывали в соответствующей степени путь к медленному ухудшению его качества². Правительственная гарантия безопасности пассажирских судов оказывается не более надежной, чем гарантия безопасности построек. Хотя пожар на «Амазон»* был следствием или плохой конструкции, или плохой нагрузки, она тем не менее получила перед началом плавания удостоверение адмиралтейства в годности. Несмотря на официальное одобрение, «Adelaide» при первом же плавании обнаружила целый ряд недостатков, как то: плохое

¹ И крушение этого и других санитарных органов так окончательно, что в марте 1854 г. несколько филантропов по собственному почину организовали «Санитарный фонд для Лондона» (Health Fund for London) ввиду угрожающего нашествия холеры, и повод для этого *чисто частного предприятия* тот, что местные санитарные органы (Local Boards of Health и Boards of Guardians) бездейственны вследствие *«незнания, во-первых, размеров опасности; во-вторых, средств, открытых опытом для противодействия ей и, в-третьих, сравнительной безопасности, которая может быть этими мерами достигнута»*.

² «Builder» замечает, что «изменение правил, касающихся количества кирпича, не вызвало того улучшения его производства, на которое мы могли рассчитывать, но так как плохой кирпич дешевле хорошего, пока дома, построенные из первого, будут так же легко продаваться, как если бы они были построены из лучшего сорта, невозможно ожидать улучшения».

подчинение рулю, бесполезные насосы, борта, допускающие в каюту целые потоки воды, вместилище для угля так близко от печи, что оно два раза воспламенялось. «W. S. Lindsay», судно, оказавшееся негодным к плаванию, было осмотрено правительственным агентом, и, если бы не владелец его, могло быть выпущено в море с большой опасностью для жизни пассажиров. Другое судно, «Melbourne», построенное первоначально государством, употребив 24 дня на плавание до Лиссабона, должно было затем войти в док для радикальной починки, а между тем оно было законным путем осмотрено. И недавно еще пресловутый «Australian» перед своей третьей безуспешной попыткой приступить к плаванию получил, как нам сказали его владельцы, «полное одобрение правительственного инспектора». Не более безопасности придает этот же самый контроль и сухопутным сообщениям. Железный мост в Честер*, увлекший при своем провале целый поезд на дно реки Ди, был осмотрен правительственными агентами. Та же самая инспекция не помешала одной из колонн на Юго-Восточной дороге обрушиться на голову человеку, высунувшемуся из окна вагона. Взорвавшийся недавно в Брайтоне локомотив получил за 10 дней перед этим официальное одобрение. Одним словом, система надзора не предупредила возрастания несчастных случаев на железнодорожных путях, которые — это надо заметить — возникли после появления этой системы.

«Ну хорошо, пусть государство делает промахи. Все, что оно может сделать, — это стараться делать как можно лучше. Успевает оно в этом старании — тем лучше, если нет — и это не беда. Уж конечно, разумнее действовать, имея все-таки шансы успеть, чем ничего не делать». На это можно бы возразить, что результаты законодательного вмешательства, к несчастью, не только отрицательно негодны, они часто и положительно вредны. Парламентские акты не просто проваливаются, — дело обстоит гораздо хуже. Известная истина, что преследование скорее благоприятствует, чем вредит, запрещенным учениям, истина, недавно еще раз подтвержденная запрещенным сочинением Гервинуса, является только частичным проявлением той общей истины, что законодательство часто косвенным путем делает противоположное тому, что оно прямо стремится сделать. Так оно было и со Строительным актом (Metropolitan Buildings Act).

Как было недавно единогласно признано делегатами всех приходов Лондона и заявлено ими сэру Уильяму Молесворту, этот Акт «содействовал плохому способу возведения построек и послужил средством для наполнения предместий столицы целыми тысячами безобразных лачуг, позорящих цивилизованную страну». То же самое было и в провинциальных городах. Ноттингемский Inclosure Act 1845 г., предписавший как внешний вид имеющих быть построенными домов, так и величину прилежащего к нему двора или сада, сделал невозможным постройку домов для рабочего класса с такой скромной квартирной платой, которая позволила бы конкурировать с существующими уже домами. Приблизительный расчет показывает, что вследствие этого 10 тыс. жителей лишены возможности иметь новые квартиры и должны вместо того ютиться в переполненных помещениях, негодных для человеческого жилья; таким образом, заботливо стремясь обеспечить рабочему населению здоровые условия жизни, закон создал для него еще худшие условия. То же самое произошло и с актом, касающимся пассажиров. Ужасные лихорадки, появившиеся несколько лет тому назад на судах с австралийскими эмигрантами и вызвавшие на «Bourneufe» 83 смертных случая, на «Wanota» 39, на «Marco Polo» 53, на «Ticonderogi» 104, появились на судах, отправленных правительством, и возникли вследствие тесного гружения, разрешенного Passengers Act'ом¹. Нечто подобное случилось и с теми предохранительными мерами, которые установил Акт о морской торговле (Mercantile Marine Act). Предписанные для удостоверения годности капитанов испытания привели к тому, что утверждались люди поверхностного ума, лишенные опытности, и устранялись, как мы слышали от одного судовладельца, люди с многолетней практикой, испытанной надежности; в результате получилось *возрастание числа кораблекрушений*. Точно так же и санитарные органы (Boards of Health) во многих случаях развили зло, против которого боролись, как это было, например, в Кройдоне, где, согласно официальному отчету, принятые санитарными властями меры вызвали эпидемию, поразившую 1600 чел., из которых

¹ Против такого тесного гружения, скажем мимоходом, протестовало частное торговое общество «Liverpool Schipowners Association» во время обсуждения вопроса в парламенте.

умерло 70. То же самое произошло с актом, регистрирующим акционерные общества (Joint Stock Companies Registration Act). Как доказано было Дж. Вильсоном в его последнем предложении в пользу выборного комитета обществ страхования жизни, эта мера, принятая в 1844 г. для охраны против дутых проектов, в действительности облегчила мошенничества 1845 г. и последующих годов. Законодательной санкции, установленной в качестве гарантии добросовестности и так и понимаемой всеми, ловкие авантюристы добивались без труда для самых негодных проектов и благодаря этому приобретали доверие общества, которого бы иначе никогда не добились. Таким путем возникли буквально сотни позорных предприятий, которые иначе не могли бы явиться на свет Божий, и тысячи семей потерпели разорение, чего не произошло бы без этих законодательных усилий сделать их более надежными.

Кроме того, если эти сомнительные средства, применяемые государственными людьми, не увеличивают зла, против которого направлены, они постоянно вызывают побочные виды его, часто более серьезные, чем первоначальное зло. Общий грех этой эмпирической школы политиков заключается в том, что они никогда не заглядывают далее ближайших причин и непосредственных результатов. Подобно необразованной массе, они обыкновенно рассматривают каждое явление как продукт одной предшествующей причины и начало одного последующего явления. Они не думают о том, что каждое явление есть только звено в бесконечной цепи звеньев, результат целых мириад предшествующих явлений и будет иметь свою долю в создании целых мириад последующих явлений. Вследствие этого они упускают из виду тот факт, что, нарушая какую-нибудь естественную цепь последствий, они видоизменяют не только один ближайший результат, но также и все дальнейшие результаты, в которые данный результат войдет в качестве частичной причины. Периодический генезис явлений и взаимодействие каждой отдельной серии явлений на всякую другую серию явлений создают комплекс явлений, далеко превосходящий человеческое разумение. И это наблюдается уже в самых простых случаях. Прислуга, которая кладет уголь на огонь, видит очень незначительное число последствий горения, между тем как человеку науки известно, что тут имеет место множество явлений. Он знает,

что горение вызывает многочисленные атмосферные течения, посредством которых передвигаются тысячи кубических футов воздуха внутри и извне. Он знает, что распространение теплоты вызывает расширение и следующее за ним сокращение всех тел, находящихся в сфере его действия. Он знает, что нагревание вызывает в особях изменение в ритме дыхания и в обмене веществ и что эти физиологические изменения должны повлечь за собой различные побочные результаты. Он знает, что, если бы он мог проследить во всех их разветвлениях результаты всех действующих при этом сил механических, химических, термических, электрических, если бы он мог перечислить все последующие явления, произведенные испарением, образованием газов, распространением света, лучеиспусканием теплоты, ему понадобился бы целый том, чтобы вместить их всех. И если простое неорганическое изменение вызывает такие многочисленные и сложные результаты, как бесконечно многообразные и сложнее должны быть окончательные результаты какой-либо силы, действующей на человеческое общество. При своем удивительном строении — при взаимной зависимости его членов относительно удовлетворения своих нужд, при влиянии каждой единицы на другую не только в отношении к безопасности и благоденствию, но и в отношении к здоровью, характеру, культуре — социальный организм не может быть подвергнут какому-нибудь влиянию в одной своей части без того, чтобы остальные его части не подверглись каким-либо изменениям, которые невозможно предвидеть. Уничтожая пошлину на кирпич, вы замечаете, что существование ее увеличивало опасность горнозаводских работ, препятствуя укреплению стен в шахтах и подземных галереях. Облагая пошლიной мыло, вы, как оказывается, значительно содействовали употреблению едких порошков при стирке и, таким образом, совершенно невольно причинили значительную порчу белья. И так на всяком шагу вы видите, при внимательном изучении, что, кроме воздействия на то, на что вы желали действовать, вы воздействовали еще на целую массу других вещей, из которых каждая, в свою очередь, воздействовала на другие, и, таким образом, распространили целую массу нелепостей по всем возможным направлениям. После того вам нечего удивляться, что в своем стремлении устранить то или другое зло, законодатели постоянно вызывали побочное

зло, которого вовсе не предвидели. И ни мудрейший человек Карлейль, никто другой в этом роде не мог бы избежать этого. И хотя причины этого достаточно ясны, когда дело уже сделано, оно никогда не предвидится заранее. Когда в силу нового закона о бедных приняты были меры для устройства бродяг в домах призрения (Union houses), вряд ли предполагали, что таким образом создастся целая корпорация странствующих бедняков, которые будут проводить время, переходя от одного дома призрения к другому по всему государству. Когда в давно прошедшие времена назначена была плата от прихода за содержание незаконных детей, тогда отнюдь не имелось в виду, что в результате такой меры окажется, что семья, в которой имеются такие дети, будет со временем считаться пользующейся некоторым преимуществом и что их мать будет завидной партией; не предвидели также государственные люди и того, что своим законом о месте жительства они создадут печальное неравенство платы в различных округах и вызовут такую систему очистки коттеджей, которая приведет к переполнению комнат и к соответствующему нравственному и физическому вырождению. Английский закон о водовместимости был издан просто с целью урегулировать способ измерения. Создатели его упустили, однако же, из виду, что на самом деле они содействовали «успешной и принудительной постройке негодных судов» и что «обойти закон, т.е. построить сносное судно, несмотря на этот закон, было верхом искусства, доступного английскому кораблестроению»¹.

Придать большую надежность коммерческим предприятиям — вот единственная цель закона о товариществах. Однако же теперь мы находим, что неограниченная ответственность, налагаемая им, является серьезной помехой для прогресса; на практике он не допускает ассоциации мелких капиталистов, он является большим препятствием для постройки улучшенных жилищ для народа; он препятствует установлению лучших отношений между рабочими и нанимателями и, лишая рабочий класс хорошего помещения для его сбережений, препятствует развитию предусмотрительности и поощряет пьянство. И таких благонамеренных мер, создающих непредвиденное зло,

¹ Лекция, читанная в Королевском институте И. С. К. Расселом (I. Scott Russel. Esq.) On Wave-line ships and Jachts, 6 фев. 1852.

масса — например разрешительный закон, вызывающий порчу пива; система предоставления преступникам льгот, поощряющая людей к совершению преступлений; полицейское распоряжение, загоняющее разносчиков в рабочий дом. И ко всем этим прямым и ближайшим недостаткам присоединяются еще более отдаленные и менее резко бросающиеся в глаза дефекты, которые показались бы нам еще более серьезными, если бы мы могли оценить их суммарный результат. Вопрос, однако, не столько в том, *возможно ли* для правительства при наибольшем напряжении умственных сил достигнуть всех подлежащих ему разнообразных целей, сколько в том, *вероятно ли* их достижение. Это менее вопрос *возможности*, нежели *доброй воли*. Допустим безусловную компетентность государства и посмотрим, насколько можно в таком случае рассчитывать на удовлетворительные результаты его деятельности. Посмотрим прежде всего, какова та движущая сила, которая приводит в движение законодательную машину, и вникнем, соблюдается ли при этом та разумная экономия сил, которая существовала бы при других условиях.

Так как неизбежным стимулом какого-либо действия для каждого индивидуума является какое-либо желание, то и каждый социальный орган, к какому бы роду он ни принадлежал, должен направляться в своих действиях в качестве мотива некоторым агрегатом желаний. Люди в своей коллективной деятельности не могут произвести никакого результата, который не коренился бы в каком-нибудь общем им аппетите, чувствовании, вкусе. Если бы они не любили мяса, не было бы ни торговцев скотом, ни Смитфилда*, ни распределяющей организации мясников. Оперы, филармонические общества, песенники и уличные шарманщики вызваны к жизни нашей любовью к музыке. Посмотрите торговую адресную книгу, возьмите путеводитель по Лондону, прочтите указатель железных дорог Брадшау, отчеты ученых обществ, объявления о новых книгах, и в самом объявлении, как и в предметах, которые оно описывает, вы имеете целый ряд продуктов человеческой деятельности, стимулированной человеческими желаниями. Благодаря этому стимулу возникают учреждения как самые колоссальные, так и самые ничтожные, самые сложные, как и самые простые органы национальной обороны и заведения для очистки дорог, для ежедневного распределения писем и для собирания

остатков угля из тины на берегах Темзы, органы, служащие для всякого рода целей, — от пропаганды христианства до покровительства животных, от производства хлеба для целой нации до заготовления крестовника для содержащихся в клетках певчих птиц. Но если этот комплекс желаний индивидуумов составляет ту движущую силу, которая приводит в действие всякий социальный орган, то перед нами является вопрос: какой род организации является наиболее выгодным? Так как организация сама по себе никакой силы не имеет, представляя из себя только орудие, то наша задача заключается в том, чтобы найти наиболее выгодное орудие, т.е. такое, которое при наименьших издержках расходует наименьшее количество движущей силы, орудие, наименее подверженное порче и возможно легче поправимое. Спрашивается теперь: из двух описанных выше родов социального механизма — добровольного и правительственного — который лучше?

Из самой формы вопроса ясно вытекает предполагаемый ответ: наилучший механизм тот, который заключает в себе наименьшее число. Народная поговорка «Если хочешь, чтобы было хорошо сделано, — делай сам» заключает в себе истину, одинаково приложимую как к политической, так и к частной жизни.

Испытанный факт, что ведение сельского хозяйства посредством управляющего приносит убытки, тогда как хозяйство при помощи арендатора дает барыши, составляет опыт, который в истории нации подтверждается еще лучше, чем в хозяйственной книге землевладельца. Эта передача силы от избирателей к членам парламента, от этих последних к исполнительному органу, от него к управлению, от управления к инспекторам, а от них через их подчиненных к действительным работникам, — такая работа при посредстве целого ряда рычагов, из которых каждый поглощает, через трение и инерцию, часть движущей силы, настолько же дурна по своей сложности, насколько непосредственная деятельность ассоциаций индивидуумов, частных обществ и свободно созданных учреждений хороша в силу своей простоты. Для того чтобы оценить в полной мере этот контраст, нужно сравнить действие этих двух систем в их деталях.

Официальная деятельность обыкновенно бывает медленна. Когда неправительственные органы мешкают, общество имеет против этого средство: оно отказывается от их услуг и находит

взамен более расторопных. Такая дисциплина научает все частные учреждения торопиться; но против проволочек в государственных департаментах не так-то легко действовать. По отношению к долгим, как жизнь, тяжбам канцлерского суда приходится вооружиться терпением; появления каталогов музея нужно смиренно ждать. В то время как сам народ задумывает, строит и наполняет в продолжение нескольких месяцев Хрустальный дворец, законодательное собрание целых двадцать лет употребляет на постройку для себя нового здания. В то время как частные лица печатают и распространяют по всему королевству парламентские прения в течение нескольких часов после того, как они имели место, таблицы департамента торговли (Board of Trade) правильно публикуются месяц и даже более спустя. И так во всем. Вот санитарное управление (Board of Health), которое с 1849 г. собирается закрыть столичные кладбища и до сих пор еще не сделало этого и которое так долго дремало над проектами кладбищ, что «London Necropolis Company» взяла это дело из его рук. Вот владелец привилегии, который 14 лет переписывался с главным штабом в Лондоне, прежде чем получил окончательный ответ относительно употребления в войске его усовершенствованной обуви. Вот плимутский командир порта, который только через 10 дней после крушения *Amazon*'ы собрался снарядить поиски за пропавшими шлюпками.

Официализм, кроме того, недеп. При обычном течении вещей каждый гражданин стремится к наиболее подходящей для него функции. Люди, хорошо знакомые с делом, за которое берутся, преуспевают и, в среднем выводе, возвышаются соответственно своей успешности, тогда как человека незнающего общество живо распознает, перестает к нему обращаться, вынуждает его, таким образом, предпринять что-нибудь более легкое и в конце концов делает его полезным. Совершенно другое видим мы в государственных органах. Тут, как всякому известно, решающим моментом является не заслуга, а происхождение, возраст, интриги с заднего крыльца и угодливость. Известный в семье «дурень» находит легко место в церковной иерархии, если «семья» имеет хорошие связи. Юнец, слишком мало образованный для какой бы то ни было профессии, отлично годится в офицеры. Седые волосы или титул гораздо лучше обеспечивают повышение во флоте, чем талант. И можно

положительно сказать, что способный человек часто убеждается, что на государственной службе превосходство является помехой: что его начальникам докучают предлагаемые им улучшения, их оскорбляет предполагаемое в нем критическое к ним отношение. И таким образом, выходит, что законодательная машина не только сложна, но что она, кроме того, построена из низшего качества материала. Вот причина промахов, о которых мы ежедневно читаем, вроде снабжения адмиралтейства из королевских лесов негодным для употребления лесом; причина неудачной администрации помощи во время голода в Ирландии, помощи, согнавшей земледельцев с полей и уменьшившей последующую жатву на целую четверть¹ регистрации патентов в трех различных учреждениях, из которых ни одно не имеет перечня их. И эти несообразности дают себя знать везде и повсюду, начиная с неудачной вентиляции здания палаты общин и кончая «The London Gazette», неизменно являющейся дурно сфальцованной.

Еще одной характерной чертой официализма является его расточительность. В главных своих частях — в войске, флоте и духовном ведомстве — он держит гораздо более служащих, чем нужно, и выдает некоторым из этих бесполезных людей огромные оклады. Работа, сделанная комиссией Сьюэра*, стояла, по словам сэра Б. Холла (Sir B. Hall), от 300 до 400% сверх предложенной суммы, в то время как расходы по управлению достигли 30, 40 и даже 45% всего расхода. Поверенные Рамсгей Харбэ (Ramsgate Harbou), порта, на устройство которого потребовалось целое столетие, тратят 18 тыс. ф. на то, для чего оказалось достаточным 5 тыс. ф. Санитарное управление (The Board of Health) требует теперь новых исследований всех городов под его контролем в целях дренажа, что, как свидетельствует м-р Стефенсон и как знает каждый новичок в инженерном деле, составляет совершенно бесполезную трату денег. Эти правительственные органы не подвержены ни одному из тех влияний, которые вынуждают частные предприятия к экономии. Торговцы и торговые предприятия выигрывают, доставляя публике случай воспользоваться дешевизной. Те, которым это не под силу, постоянно вытесняются первыми. Они не могут

¹ См. отчет майора Ларкома.

обременять нацию результатами своей расточительности, и это удерживает их от расточительности. В предприятиях, которые должны приносить доход, нельзя тратить 48% из капитала на надзор, как в инженерных управлениях правительства Индии; зная это, железнодорожные компании в Индии стараются, чтобы расход по содержанию администрации не превышал 8%. Лавочник не оставляет вне своего счета ничего подобного тем 6 млн ф., которые парламент разрешает отчислять по дороге к казначейству. Осмотрите любую фабрику, и вы увидите, что суровая альтернатива — процветание или разорение — предписывает беречь каждый пенни; сходите в любое из национальных адмиралтейств, и на все ваши замечания по поводу той или иной очевидно бесполезной траты вам беспечно ответят ходячей фразой: «Казна все терпит».

Неумение приспособляться — вот еще один из грехов официализма. В противоположность частным предприятиям, которые быстро видоизменяют свои действия в зависимости от новых условий, в противоположность как лавочнику, который быстро находит способ удовлетворить всякое новое требование, так и железнодорожной компании, удваивающей число поездов для передвижения специального скопления пассажиров, казенная машина при самых различных обстоятельствах продолжает тянуть обычную лямку с обычной медлительностью. По самой своей природе она приспособлена только для средних требований и неизбежно оказывается несостоятельной при каких-нибудь требованиях, выходящих из обыкновенных рамок. Вы не можете ступить шагу без того, чтобы этот контраст не поразил вас снова. Если это лето вы видите, как бочки для поливки улиц едут предписанным им раз навсегда путем, не обращая почти никакого внимания на условия погоды, — сегодня они поливают мокрые уже и без того дороги, завтра они посылают те же потоки, ни на каплю не увеличенные, на дороги, покрытые пылью. Если это зима, число метельщиков не изменяется сообразно количеству грязи, и, если случится сильный снег, улицы остаются целую почти неделю в невозможном виде, и даже в центре города не принимается никаких необходимых в данном случае мер. Последняя снежная метель подчеркнула резкое различие, существующее между обоими родами учреждений в отношении воздействия того и другого на omnibus

и кэбы. Не завися от установленного законом тарифа, омнибусы припрягли добавочных лошадей и повысили проездную плату. Кэбы, которые ограничены в своей таксе парламентским актом, обнаружившим и здесь свою обычную недалекость и потому не предусмотревшим данного рода случая, отказались от своих стоянок, покинули свои биржи и станции, предоставили несчастным пассажирам тащиться как знают домой с багажом на руках и таким образом оказались бесполезными в такое время, когда они наиболее нужны. И не только это полное отсутствие отзывчивости и приспособляемости официализма причиняет серьезные неудобства, — это вместе с тем создает и большую несправедливость. В данном случае, например, с кебами получилось то, что после вступления в силу нового закона старые кебы, продававшиеся раньше по 10—12 ф., теперь не могут быть проданы и идут на слом; таким образом государство отняло у владельцев кебов часть их капитала. Точно так же и недавно принятый билль о табаке для Лондона, применяющийся только в известном, точно определенном, районе, привел в результате к тому, что один фабрикант облагается налогом в то время, как его конкурент свободен от него, потому что работает в расстоянии $\frac{1}{4}$ мили от первого; таким образом, как нам известно из достоверных источников, закон дает одному преимущества перед другим на 1500 ф. в год. Этот факт может служить типичным представителем того бесконечного вреда, различного по степени, который неизбежным образом влечет за собой вмешательство закона. Такой живой, постоянно развивающийся организм, как общество, помещенный между аппаратами по мертвым, механическим формулам, не может не быть стесненным и сдавленным. Единственные органы, могущие служить ему с успехом, суть те, в которых ежечасно бьет его пульс и которые изменяются вместе с ним.

Как неизбежно официализм подвергается нравственной порче — это известно всем и каждому. Лишенные таких антисептических средств, как свободная конкуренция, не завися в своем существовании, подобно тому как зависят частные несубсидированные учреждения от необходимости поддерживать в себе интенсивную жизненность, все казенные учреждения приходят в инертное, пресыщенное состояние, от которого до болезни только один шаг. Жалованье служащими получается

в них независимо от усердия, проявляемого при исполнении обязанностей, выдача его продолжается и тогда, когда обязанности совершенно прекратились, и потому становится настоящей премией для родовитых лентяев и поощряет людей к клятвopеступлению, к взяточничеству, к симонии. Правители Восточной Индии избираются не в силу их особенных административных способностей, они покупают голоса путем обещаний своего покровительства в будущем, — покровительства, которого многие добиваются и которое оказывается с полнейшим пренебрежением к интересам сотни миллионов людей. Регистраторы духовных завещаний не только зарабатывают в год несколько сот фунтов за работу, которую их плохо оплачиваемые уполномоченные делают только наполовину, — они очень часто завладевают и иными доходами, и это после неоднократных выговоров. Повышения в адмиралтействе являются результатом не действительных заслуг, а политического фаворитизма. Чтобы иметь возможность жить роскошно, духовенство проповедует то, чему не верит само; епископы составляют неверные отчеты о своих доходах, и при своем избрании в братства хорошо обеспеченные священники часто дают клятву быть *pauper, phis et doctus**. И эта продажность ежедневно проявляется везде и во всем, начиная от инспектора, который не замечает злоупотреблений, потому что глаза его закрыты подарком арендатора, и кончая первым министром, который раздает прибыльные должности своим родственникам, и все это вопреки неодобрению общества и вопреки постоянным попыткам прекратить такой порядок вещей. Как совершенно верно заметил однажды один чиновник, прослуживший 25 лет: «Где правительство, там низость». Это представляет неизбежный результат нарушения прямой связи между полученной выгодой и произведенной работой. Ни одно некомпетентное лицо не рассчитывает посредством подарка «Times» получить постоянное место в каком-нибудь торговом предприятии. Но там, где, как в государственных учреждениях, личные интересы чиновников роли не играют, где назначение зависит от человека, который ничего не теряет от неудачного выбора, там подарок имеет большую силу. И та же самая нравственная порча замечается во всех социальных учреждениях, в которых исполненная обязанность и полученное вознаграждение не идут рука об руку,

как, например, в больницах, в общественных богадельнях, в субсидированных школах; и это зло пропорционально степени нарушения правильного соотношения между обязанностью и доходом. Поэтому-то оно и неизбежно в государственных учреждениях. В промышленных предприятиях это редко имеет место, и если когда и проявляется, то инстинкт самосохранения скоро находит против него лекарство.

Ко всему, что сказано было выше, прибавьте еще, что в то время как частные предприятия являются по своему характеру предприимчивыми и прогрессивными, государственные учреждения неизменны и несомненно обструктивны. На изобретательность официализма никто и не рассчитывает; чтобы он вышел из своей механической рутины, стал вводить улучшения, да еще с большой затратой мыслительной силы и гибкости, без расчета на выгоду, этого нельзя и думать. Но он не только неподвижен, — он противодействует каждому улучшению как в себе, так и во всем, с чем связан. До сегодняшнего времени все судейские упорно противодействовали реформе закона, так как суды в графствах уничтожили их практику. Университеты сохраняли свой старый *curriculum* целые сотни лет после того, как он уже перестал быть годным, и борются еще и теперь против устрашающей их перестройки. Против всякого улучшения, вводимого в почтовом ведомстве, энергично восставали почтовые власти. М. Уистон (Whiston) мог бы порассказать, как силен консерватизм в церковных грамматических школах*. Противодействия официализма не могут сломить даже вытекающие из него тяжелые последствия. Доказательством этого может служить тот факт, что хотя, как уже упомянуто было выше, проф. Барлоу (Barlow) донес в 1820 г., что из бывших в то время в запасе в адмиралтействе компасов «по крайней мере половина представляет никуда негодный хлам», тем не менее, несмотря на постоянно грозящую опасность кораблекрушений, вызываемую таким состоянием компасов, «в промежуток времени между 1838 и 1840 годом сделано в этом отношении очень мало улучшений»¹. Этот официальный обструкционизм нелегко уступает даже перед сильным общественным мнением, о чем свидетельствует тот факт, что, хотя девять десятых населения

¹ «Rudimentary Magnetism» сэра У. Сноу Харриса, ч. III, с. 145.

в течение целого ряда поколений осуждали систему церковного управления, обогащающую лентяев и бездельников и доводящую до голода работников, и хотя неоднократно назначались комиссии для ее преобразования, она в существенном осталась неизменной и до сих пор. Несмотря на то, что начиная с 1818 г. делалась масса попыток улучшить скандальное хозяйничанье в благотворительных учреждениях и что в течение 10 лет впрос этот раз десять в год разбирался в парламенте, причем предлагались различные меры для искоренения таких порядков, злоупотребления эти продолжают существовать в полном своем объеме и поныне. И эти официальные учреждения не только противодействуют реформам, касающимся их самих, они задерживают также реформы, относящиеся к другим областям. Защищая свои собственные интересы, духовенство задерживает закрытие городских кладбищ. Как мог бы подтвердить м-р Линдсэй, правительственные эмиграционные агенты мешают применению железа при постройке парусных судов. Акцизные чиновники противодействуют улучшениям в процессах, за которыми наблюдают. Органический консерватизм, проявляющийся в ежедневном образе действия всех людей, представляет из себя препятствие, которое в частной жизни мало-помалу побеждается личными интересами. Стремление к выгоде научило в конце концов фермеров, что глубокий дренаж полезен, хотя он и берет много времени. Фабриканты научаются в конце концов наиболее экономическому способу пользования паровыми машинами, хотя это им долго и не удавалось. Но на государственной службе, где личные интересы в борьбу не вступают, этот консерватизм обнаруживается во всей своей силе и производит результаты столько же бедственные, сколько и нелепые. В течение целого ряда десятилетий после того, как ведение книги сделалось всеобщим обычаем, счета в казначействе еще производились посредством зарубок на палках. В смете на текущий год фигурирует такая статья: «Заправка масляных ламп в главном штабе». После всего вышесказанного кто же может колебаться между казенными и свободно возникающими учреждениями? Первые медлительны, нелепы, расточительны, не умеют приспособляться, развращены и обструктивны; может ли какой-нибудь недостаток в других учреждениях уравновесить все эти? Правда, торговля имеет свои мошенничества,

спекуляция свое безумие. Все это грехи, неизбежно порождаемые существующим несовершенством человеческой природы. Но вместе с тем верно и то, что эти несовершенства человеческой природы разделяются и государственными чиновниками, и, не сдерживаемые в них тою же строгою дисциплиной, они, возрастая, ведут к гораздо худшим результатам. Раз мы имеем дело с расой, имеющей некоторую склонность к дурным поступкам, — спрашивается: следует ли организовать общество, состоящее из подобного рода людей так, чтобы дурной поступок непосредственно влек за собой наказание или чтобы наказание только косвенно было связано с дурным поступком? Какое общество будет наиболее нормальным: такое, при котором деятели, дурно исполняющие свои обязанности, несут немедленное наказание ввиду утраты покровительства общества; или же такое, где такие деятели могут пострадать только тогда, если будет пущен в ход целый аппарат митингов, петиций, избирательных собраний, парламентских решений, министерских советов и канцелярской переписки? Не вправе ли мы назвать нелепой утопией надежду, что люди будут лучше поступать, если наказание будет более далеким и неопределенным, чем когда оно тут же под рукой и неизбежно? Между тем это и есть та надежда, которую бессознательно лелеет большинство политических прожектеров. Прислушайтесь к их планам, и вы увидите, что они совершенно уверены, что все, что они предлагают сделать, непременно так и будет сделано приставленными для этого людьми. Что чиновники вполне надежны — это их первый постулат. Не подлежит сомнению, что, если бы можно было бы обеспечить себя хорошими чиновниками, многое можно было бы сказать в пользу официализма, так же точно, как деспотизм имел бы свои преимущества, если бы возможно было гарантировать, что деспот будет хорош.

Но если мы хотим взвесить надлежащим образом разницу между искусственным и естественным способом осуществления социальных нужд, мы не должны останавливаться на рассмотрении только лишь недостатков одного, нужно вникнуть также в достоинства другого. Их много, и они значительны. Посмотрите прежде всего, как каждое частное предприятие непосредственно связано с потребностью в нем и сколь невозможным становится для него существование при отсутствии этой

потребности. Ежедневно возникают новые отрасли промышленности, новые товарищества. Если они служат какой-нибудь потребности, действительно существующей в обществе, они пускают корни, растут. Если нет — они умирают вследствие отсутствия питания, и для этого не требуется ни специальной агитации, ни парламентского акта, как и для всякой естественной организации: нет для такой организации соответствующих функций, и, не получая питания, она погибает. И не только новые учреждения исчезают, когда они становятся излишни, но и старые прекращают свое существование, когда проходит надобность в них. В противоположность общественным учреждениям, в противоположность департаменту герольдии, который продолжает существовать целые столетия после того, как герольдия утратила всякое значение, в противоположность духовным судам, которые продолжают процветать при целом ряде поколений, которым они стали уже ненавистны, — эти частные предприятия исчезают, как только перестают быть полезными. Широко распространенная система дилижансов перестает существовать, как только явилась на смену более совершенная железнодорожная система сообщения. И самое учреждение не только перестает существовать само и освобождает капиталы, но и самый составлявший его материал разбирается и идет в дело. Кучера, сторожа и весь остальной персонал применяют свои силы на каком-нибудь другом поприще; они не обременяют по двадцати лет учреждения, подобно чиновникам на пенсии какого-либо упраздненного государственного департамента. Кроме того, обратите внимание, сколь неизбежно все эти свободные учреждения приспособляются к своей работе. Успешность какой-либо работы предполагает предшествующую ей выучку — это закон, общий для всех организованных существ. Верно не только то, что молодой купец должен начать свою карьеру с того, что носит письма на почту, равно как и хороший трактирщик начинает с должности лакея; не только верно то, что в процессе развития ума прежде являются восприятия тождества и несходства, затем восприятия числа и что без этого немислимы были бы арифметика, алгебра и высшая математика, — но верно и то, что не существует такой части организма, которая не начинала бы с какой-нибудь простой формы, с какой-нибудь незначительной функции и не

проходила бы через целый ряд фазисов последовательной сложности, прежде чем достигнуть своей конечной стадии. Сердце вначале представляет простую сокращающуюся трубочку; мозг начинается в виде незначительного расширения спинномозгового канала. Этот закон одинаково распространяется и на социальный организм. Для того чтобы работать как следует, нужно, чтобы специальный аппарат не был придуман и пущен в ход законодателями, он должен постепенно развиваться из своего зародыша; всякое последовательное прибавление к нему должно быть хорошо испытано и одобрено прежде, чем совершить новое прибавление, и только путем такого экспериментального процесса может быть создан аппарат, действующий успешно. Надежный человек, которому доверяют для хранения денежные суммы, незаметным образом полагает начало обширной банковской системе, с ее записями, чеками, счетами, с ее сложными операциями и ликвидационной конторой. Вьючные лошади, затем телеги, затем омнибусы, затем паровые вагоны, движущиеся по обыкновенным дорогам, и, наконец, паровые вагоны со специально устроенными для них дорогами — таков медленный генезис наших настоящих средств к передвижению. Нет такой отрасли промышленности, которая не создала бы для себя целого аппарата, состоящего из фабрикантов, маклеров, путешествующих агентов и мелочных торговцев, и создала этот аппарат с такою постепенностью, что нет возможности проследить все последовательные ступени его развития. То же самое и с организациями другого рода. Зоологический сад начинает свое существование в виде частной коллекции, собранной несколькими натуралистами. Лучшая ремесленная школа — на фабрике Прайса (Англия) — начала свое существование с полдюжины мальчиков, собиравшихся по окончании работы вокруг ящиков от свечей и учившихся писать старыми перьями. Нужно также заметить, что в результате такого способа роста эти свободно возникающие предприятия расширяются сообразно надобности в них. Тот же самый стимул, который вызывает их к жизни, заставляет их посылать свои разветвления всюду, где существует потребность в них. Не то в государственных учреждениях: там предложение не является так быстро к услугам спроса. Учредите какое-нибудь управление и штат служащих в нем, определите их обязанности и предоставьте такому органу

укрепляться в течение 25—50 лет, и вы увидите, что вы будете не в силах расширить их функции без специального парламентского акта, который получается только с трудом и со значительной тратой времени.

Недостаток места не позволяет нам распространяться далее о превосходстве того, что натуралисты назвали бы *экзогенным* родом учреждений, перед *эндогенным*. Но с указанной нами точки зрения, дальнейшая разница между их характеристическими чертами достаточно очевидна. Отсюда объяснения и того факта, что в то время, как один разряд средств все более и более падает, создавая более зла, нежели им устраняется, другой род все более и более преуспевает и постоянно улучшается. Сколь ни сильной кажется, на первый взгляд, государственная машина, она на каждом шагу разочаровывает нас. Сколь ни ничтожны первые их шаги, частные усилия ежедневно достигают результатов, удивляющих мир. И не только потому, что акционерные общества делают так много, не только потому, что благодаря им вся страна покрылась сетью железных дорог в такой промежуток времени, в который адмиралтейство может построить только одно стопушечное судно, но потому, что казенные учреждения побеждаются единичными индивидуумами. Часто приводимый факт, что академия с ее 40 членами работает 56 лет над составлением французского словаря, тогда как доктор Джонсон один составил английский словарь в 8 лет, — этот факт после всех необходимых оговорок относительно разницы работы, этот факт вряд ли имеет себе равных. Великое санитарное *desideratum* — приведение Нью-Ривера к Лондону, за которое тщетно принималось самое богатое в мире общество, исполнено единичною личностью — сэром Хью Миддлтоном (sir Hugh Myddleton). Первый канал в Англии — работа, наиболее, казалось бы, подходящая для правительства, работа*, для которой оно являлось как бы единственным компетентным исполнителем, была предпринята и исполнена в качестве частного предприятия также одним лицом — герцогом Бриджуотерским (Duke of Bridgewater). Своими единичными трудами Уильям Смит пополнил геологическую карту Великобритании — труд великий, в то время как артиллерийское ведомство (Ordnance Survey) — правда, очень трудолюбивое и точное учреждение — работает уже над нею каких-нибудь

50 лет и вряд ли окончит ее раньше как лет через 25. А Говард и европейские тюрьмы, Бьянкони и путешествие в Ирландии, Ваггорн и дорога в Оберланд, Дарган и Дублинская выставка — разве все эти факты не представляют поразительного контраста? В то время как частное лицо, м-р Денисон, строит образцовые дома, в которых смертность значительно ниже среднего числа, государство строит бараки, в которых смертность значительно превышает среднее число даже среди самого несчастного городского населения, — бараки, хотя и переполненные людьми, состоящими под медицинским надзором, но которые тем не менее представляют ежегодную смертность, достигающую 13,6; 17,9 и даже 20,4 на тысячу, хотя в то же самое время смертность среди горожан того же возраста и в той же местности не превышает 9—11 на 1000¹.

В то время как государство потратило значительные суммы в Паркхерст* в своих усилиях исправления малолетних преступников, которых оно, однако же, не исправило, м-р Эллис берет 15 самых худших молодых воров в Лондоне — воров, которых полиция считает неисправимыми, — и исправляет их всех. Рядом с эмиграционным управлением, под ферулой которого переселенцы гибнут тысячами от лихорадки вследствие скученности на судах и с разрешения которого плавают суда, представляющие, подобно «Washington», притоны мошенничества, жестокости, тирании и распущенности, стоит основанное миссис Чисгольм общество «Family Colonisation Loan Society», которое создает для эмигрантов условия не только не хуже прежних, но гораздо лучшие; оно не деморализует людей теснотой помещений, но исправляет их мягкими мерами; оно не приводит их посредством своей благотворительности к пауперизму, но, напротив, поощряет к предусмотрительности, и не увеличивает собою налогов, но, напротив, само себя содержит. Вот урок для любителей правительственной деятельности. Государство, превзойденное трудолюбивым башмачником! Государство, превзойденное женщиной!

Еще разительнее становится этот контраст между государственной и частной деятельностью, когда мы подумаем,

¹ Statistical Reports on the Sickness, «Mortality and Invaliding amongst the Troops», 1853.

что одна постоянно восполняется другою, даже и в тех областях, которые неизбежно ей предоставляются. Оставив в стороне военную и морскую части, в которых многое исполняется частными подрядчиками, состоящими на казенном жалованье, оставив также в стороне церковь, которая расширяется постоянно не в силу предписаний закона, а путем добровольных усилий; наконец, оставив в стороне и университеты, где настоящее преподавание ведется не чиновниками на жалованье, а частными *тьюторами*, посмотрим, как работает наша судебная система. Законники постоянно твердят нам, что кодификация у нас невозможна, и многие настолько просты, что верят этому. Заметим мимоходом, что то, чего правительство со всеми своими чиновниками не в силах сделать для парламентских актов вообще, то сделано для 1500 таможенных актов в 1825 г. энергией единичного лица, м-ра Дикона Юма (Deacon Hume), и посмотрим, каким образом восполняется недостаток сводной системы закона. Приготовляясь к адвокатской профессии и затем к должности судьи, студенты-юристы должны целыми годами работы приобретать знакомство с этой обширной массой неорганизованного законодательства, и эта организация, которой они ее подвергают и которая считается непосильной для государства, считается в то же время по силам каждого студента (какой сарказм по адресу государства!), который должен произвести ее для своего собственного употребления. Каждый судья может кодифицировать для себя, а «соединенная мудрость» не может. Но каким образом, однако, делает это каждый судья? Благодаря частной предприимчивости людей, приготовивших ему дорогу; благодаря частным кодификациям Блэкстона (Blackstone), Коука (Coke) и др., благодаря сводам законов о товариществе, о несостоятельности, о патентах, своду законов, относящихся к женщинам и ко всему тому, что ежедневно появляется в печати, обобщениям частных случаев и целыми томами отчетов — все это продукты частной, неофициальной предприимчивости. Устраните всю эту частичную кодификацию, сделанную отдельными частными лицами — и государство пребывало бы в полнейшем неведении своих собственных законов! Если бы несуразность законодателей не была исправлена частными усилиями, отправление правосудия было бы невозможно!

Где же в таком случае основание для постоянно предлагаемого расширения законодательной деятельности? Если, как мы это видели в одном обширном классе случаев, правительственные меры не исцеляют даже вызываемого ими самими зла; если, в другом обширном классе явлений, они ухудшают это зло вместо того, чтобы его упразднить; и если, в третьем обширном классе, они, исцеляя одни недостатки, создают другие и часто еще более серьезные, и если, наконец, государственная деятельность постоянно опережается частной деятельностью, причем, как только что было показано, частной деятельности приходится постоянно исправлять недостатки государственной даже в сфере жизненных функций государства, — какое же основание, после всего этого, желать расширения этой деятельности? Защитники ее могут претендовать на человеколюбие, но никак не на мудрость, если только мудрость не заключается в пренебрежении к опыту.

«Многие из этих аргументов не относятся к делу, — возразят мои оппоненты. — Истинная исходная точка заключается не в том, действительно ли частные лица и общества действуют успешнее, чем государство, когда вступают с ним в конкуренцию, а в том, не существует ли таких социальных потребностей, которые могут быть удовлетворены только одним государством. Признав даже, что частная предприимчивость делает многое и делает хорошо, тем не менее остается справедливым, что мы ежедневно наблюдаем целую массу нужд, которых она до сих пор не осуществила и не осуществляет в настоящем. В таких случаях некомпетентность ее становится очевидной, и, следовательно, в этих случаях государству следует выступить на помощь ее бессилию, исполняя свою задачу если и не всегда хорошо, то, во всяком случае, насколько для него возможно хорошо».

Не повторяя вышеприведенных фактов, показывающих, что государство приносит в таких случаях более вреда, чем пользы; не останавливаясь даже на том, что в большинстве приводимых фактов кажущаяся несостоятельность частной предприимчивости является *результатом* предшествующего государственного вмешательства, как может быть в каждом отдельном случае доказано, рассмотрим это возражение, оставаясь в пределах, намеченных им самим. Не было бы надобности в Акте

о морской торговле (Mercantile Marine Act) для предупреждения плохой постройки судов и дурного обращения с матросами, если бы не существовали законы о навигации, которые их вызывают, а если бы исключить все подобные случаи злоупотреблений или промахов, прямо или косвенно вызванных существующими законами, осталось бы, вероятно, очень мало оснований для выставленного выше возражения; но допустим, что даже в случае, если бы устранены были все искусственные препятствия, осталось бы еще много неудовлетворенных нужд, которые свободным усилиям людей вряд ли удалось бы удовлетворить. Допустим, что это так, и все-таки надобность в законодательной деятельности справедливо остается под сомнением; ибо упомянутое возражение основывается на предположении, ни на чем не основанном, что социальные органы будут и тогда действовать точно так же, как и теперь, и не произведут никаких других результатов, кроме тех, которые мы теперь можем предвидеть. Такова уж привычка этой школы мыслителей делать ограниченный человеческий разум мерилом явлений, которые могут быть постигнуты в полном объеме только всеведением. То, к чему они не видят путей, не может, по их понятиям, иметь места. Хотя общество, развиваясь из поколения в поколение, достигло ступеней, никем не предвиденных, тем не менее у них нет, однако же, действительной веры в развитие, которого они не предусматривают. Парламентские прения представляют собою тщательное взвешивание вероятностей, данными для которых служат вещи, как они есть. Между тем каждый день прибавляет какие-либо новые элементы к вещам, как они есть, и таким образом постоянно являются, по-видимому, невозможные результаты. Кто несколько лет назад предполагал, что изгнанник Лейстер-сквера сделается вскоре императором французов? Кто мечтал о свободной торговле при министерстве лендлордов? Кому снилось, что население Ирландии само найдет средство против излишней скученности, как оно нашло его теперь?* В отличие от социальных перемен, возникающих естественными путями, многое возникает обыкновенно такими способами, которые здравому смыслу представляются невозможными. Лавка цирюльника не казалась особенно подходящим местом для возникновения хлопчатобумажной мануфактуры. Никому и в голову не приходило, что начало важным

сельскохозяйственным улучшениям будет положено купцом из Лиденголл-стрита. Фермер, конечно, последний человек, от которого можно было ожидать изобретения винтового движения пароходов*. Открытие новых архитектурных родов мы менее всего ожидали бы от садовника. И тем не менее, хотя каждый день приносит самые неожиданные перемены самыми странными путями, законодательство продолжает думать, что все будет именно так, как это предполагает человеческое предвидение. Хотя и существует избитое восклицание: «Что бы сказали на это наши деды!», доказывающее, что удивительные результаты часто являлись непредвиденными путями и прежде, тем не менее веры в возможность повторения такого явления как будто не существует. Не разумнее ли было бы предположить такую вероятность в наших политических расчетах? Не рациональнее ли будет предполагать, что то, что было в прошлом, повторится и в будущем?

Эта сильная вера в правительственные органы сопровождается такой слабой верой в естественные учреждения (так как эти два явления диаметрально противоположны), что ввиду прошлого опыта многим показалось бы нелепым удовлетвориться уверенностью, что существующие социальные потребности свободным образом будут удовлетворены, хотя нам и неизвестно как. Между тем доказательства именно этого пункта возникают теперь перед их глазами. Примером может служить почти невероятное, неправдоподобное явление, недавно имевшее место в южных графствах. Всякий слышал, конечно, о бедственном положении чулочников — хроническое зло, продолжающееся уже почти 50 лет. Они неоднократно обращались к парламенту с петициями, в которых зывали о помощи; законодательная палата делала не раз попытки помочь делу, но эти попытки не увенчались успехом. Беда казалась непоправимой. Вдруг, года два или три тому назад, введена была круговая вязальная машина, — машина, неизмеримо превосходящая в смысле продуктивности прежнюю чулочную машину, но могущая вязать только паголенки**, а не носки. Рабочие Лейстера и Ноттингема, несомненно, с большой тревогой встретили новую машину, ожидая от нее ухудшения своего бедственного положения. Между тем вышло наоборот — машина поправила его совершенно. Удешевив производство, она так невероятно

повысила потребление, что старые чулочные машины, из которых прежде половина была в бездействии за недостатком работы, теперь все в ходу: они приделывают носки к паголенкам, которые вырабатываются на новой машине. Каким безумцем сочли бы человека, который ждал бы спасения от такой причины! Если мы теперь от непредвиденного устранения недостатков перейдем к непредвиденному осуществлению нужд, мы увидим то же самое. Ни один человек не угадал в электромагнитном открытии Эрстеда зерно нового органа для поимки преступников и для облегчения сношений*. Никто не думал, что железные дороги сделаются со временем средством для распространения дешевой литературы. Никто не предполагал, когда Художественное общество (Society of Arts) задумало международную выставку фабричных изделий в Гайд-парке, что результатом этого явится место для развлечения и просвещения народа в Сиденгаме**.

Но есть еще более глубокий ответ на воззвания нетерпеливых филантропов. Дело в том, что мы не только можем спокойно положиться на то, что социальная жизнь выполнит мало-помалу всякое, хотя бы самое преувеличенное, требование спокойно и свободно; дело даже не в том, что такое естественное выполнение будет непременно успешным, это не будет положенная сверху заплата, как при искусственном выполнении, — дело в том, что, пока оно не будет исполнено таким естественным образом, оно совсем не должно быть исполнено. Для многих это покажется странным парадоксом, но мы надеемся очень скоро доказать, что это совершенно справедливо.

Выше было замечено, что сила, приводящая в движение всякий социальный организм — правительственный, торговый или какой бы то ни было другой, — есть скопление, аккумуляция личных желаний. Как не может быть индивидуального действия без существования желания, так, сказали мы, не может быть и социального действия без существования соответствующего агрегата желаний. К этому нам остается здесь еще прибавить, что как существует общий для индивидуумов закон, что более сильные желания, т.е. соответствующие наиболее существенным функциям, удовлетворяются раньше и, в случае нужды, даже в ущерб более слабым и менее важным, так и для общества должен быть общий закон; что главные потребности

социальной жизни, необходимые для существования народа и его размножения, будут удовлетворяться при естественном порядке вещей, ранее менее настоятельных. Как частный человек обеспечивает себе прежде всего питание, затем одежду и кров и тогда только женится и, если это ему по силам, обзаводится затем коврами, фортепиано, винами, нанимает слуг и дает званые обеды, так и в процессе социальной эволюции мы видим сначала приспособление для защиты от врагов и для более успешной охоты; мало-помалу является такое политическое устройство, какое необходимо для поддержания существования этих комбинаций; впоследствии под давлением усиленного требования на пищу, одежду, жилища возникает разделение труда; а когда обеспечены все животные потребности, вырастают мало-помалу литература, наука и искусства. Не ясно ли, что эти последовательные эволюции протекают в порядке, соответствующем их относительной важности? И разве не ясно опять-таки, что, являясь продуктом некоторого агрегата желаний, каждая из них *должна* являться сообразно своей важности, если существует закон для индивидуумов, что самое сильное желание соответствует наиболее необходимым действиям? Не ясно ли, наконец, что порядок относительной важности будет более однообразно соблюдаться в социальной деятельности, чем в индивидуальной, так как личные идиосинкразии, нарушающие этот порядок в последнем случае, в первом взаимно *уравновешиваются*? Если кому-нибудь это неясно, пусть возьмет книгу, описывающую жизнь на золотых приисках. Там он найдет весь этот процесс в малом масштабе. Он увидит, что, так как золотоискатели должны есть, им приходится давать такие цены за съестные припасы, чтобы выгоднее было держать лавку, чем искать золото. Так как лавочникам нужен товар, они платят громадные деньги за его провоз из ближайшего города, и находятся люди, которые, видя, что на этом можно разжиться, делают это своею специальностью. Таким образом, является спрос на телеги и лошадей; высокие цены собирают их со всех сторон, а за ними являются и колесники, и шорники. Кузнецы, точащие кирки, доктора, необходимые для лечения лихорадки, получают непомерные цены сообразно надобности в них и стекаются вследствие этого туда в соответствующем числе. Сейчас же является недостаток в товарах, нужно привозить их из

других стран. Матросам приходится давать увеличенную плату, чтобы они не бежали с кораблей и не предпочли сделаться рудокопами; это вызывает увеличение расходов на фрахт; более высокий фрахт скоро привлекает новые суда, и, таким образом, быстро создается целая организация для снабжения приисков товарами со всех концов света. Всякая фаза этой эволюции является в порядке потребностей в ней или, как мы говорим, в порядке постепенной интенсивности желаний, которым служит. Всякий человек занимается тем, что, по его мнению, лучше оплачивается; то, что лучше оплачивается, есть то, за что другие больше дают, то, за что они больше дают, есть то, чего они при данных условиях больше всего желают. Отсюда следует, что последовательность будет заключаться в переходе от более важного к менее важному. Требование, которое в какой-либо момент остается неисполненным, должно принадлежать к такому роду, за исполнение которого люди не хотят платить настолько дорого, чтобы кому-нибудь было выгодно исполнять его, т.е. это должно быть менее нужное требование, чем все другие, за исполнение которых они согласны платить больше и потому должны ждать, пока будут сделаны более нужные вещи. Теперь не ясно ли, что тот же закон действует и во всяком обществе? И не верно ли будет для более поздних фазисов социальной эволюции, как и для более ранних, что при свободном течении вещей менее важные нужды будут подчинены более важным?

В этом и заключается подтверждение кажущегося парадокса, что, прежде чем какая-либо общественная потребность найдет свободное удовлетворение, она не должна вовсе удовлетворяться. Из этого должен быть сделан вывод, как для нашего усложненного состояния, так и для более простых, что то, что не сделано, есть вещь, от исполнения которой люди не могут выиграть так много, как от исполнения других вещей, и, следовательно, это вещь, исполнение которой для общества не так желательно, как исполнение других вещей, а отсюда неизбежно следует, что искусственно вызванное исполнение такого рода вещей влечет за собой небрежение к более важным предметам, которые были бы в это время сделаны, а это значит: более важным требованием жертвовать в пользу менее важного.

«Но, — скажут нам, быть может, на это, — если правительство, представительное правительство по крайней мере,

действует так же, подчиняясь известному агрегату желаний, почему же мы не можем ожидать и в этом случае нормально подчинения менее нужного более нужному?» На это я скажу, что, хотя правительство и имеет некоторую склонность следовать этому порядку, хотя первичные потребности для общественной обороны и личной охраны, из которых вырастает правительство, удовлетворяются этими органами в надлежащей последовательности, причем то же самое было, по всей вероятности, и с некоторыми другими ранними и простыми потребностями, тем не менее, когда эти потребности перестают быть немногочисленными, всеобщими и сильными, но подобно тем, исполнение которых выпадает на долю позднейших стадий цивилизации, становятся многочисленными, частичными и умеренными, суждению правительства нельзя вполне доверять. Из громадного числа менее важных потребностей, физических, интеллектуальных и нравственных, ощущаемых в различной степени как отдельными классами, так и всей массой в целом, в каждом отдельном случае выбрать наиболее настоятельную потребность — это задача, которая не по силам ни одному правительству. Ни один человек, или хотя бы их было несколько, надзирая за обществом, не может *видеть*, что для него наиболее необходимо; обществу должна быть предоставлена свобода *почувствовать*, в чем оно более всего нуждается. Способ решения должен быть экспериментальный, а не теоретический. Предоставленные изо дня в день свободному испытыванию бедствий и неприятностей всякого рода, в различной степени воздействующих на них, граждане постепенно приобретают к ним отвращение пропорционально их размерам и соответствующее желание освободиться от них, которое при свободном поощрении противодействующих факторов должно перейти в устранение первоначально наибольшей несообразности. И как бы неправильны ни были эти процессы (мы признаем, что привычки и предрассудки людей создают множество аномалий, реальных или кажущихся), они все-таки гораздо более надежны, чем суждения законодателей. Кто в этом сомневается, того мы можем убедить примерами, а для того чтобы придать последним наибольшую доказательность, мы остановимся на случае, в котором правящая власть считается наиболее компетентным судьей. Мы говорим о наших путях сообщения.

Думают ли те, которые утверждают, что железные дороги были бы лучше построены, если бы за дело взялось правительство, что при этом был так же однообразно соблюден постепенный, в смысле сравнительной важности линий, порядок, как это было, когда дело велось частной предприимчивостью. Стимулированная расчетом на громадное движение — движение, превосходившее тогдашние средства передвижения, первая железнодорожная линия пролегла между Ливерпулем и Манчестером. За ней последовал «Grand Junction» и линия, соединяющая Лондон с Бирмингемом (теперь вошедшая в цепь дорог «London and North Western»); за нею — «Great Western», «South Eastern», «Eastern Counties», «Midland». После того наши капиталисты начали заниматься побочными линиями и ветками. Как и надо было ожидать, железнодорожные общества проводили прежде всего наиболее необходимые и, следовательно, наилучше оплачивающиеся линии, повинувшись тому же самому импульсу, который побуждает земледельца искать высокой платы предпочтительно перед низкой. Чтобы правительство выбрало в этом случае лучший порядок, вряд ли возможно предполагать, потому что тут именно и следовали самому лучшему порядку, но что выбран был худший, это подтверждается всеми доказательствами, которыми мы располагаем. За недостатком материала для прямой параллели мы приведем случаи неблагоразумного проведения дорог в Индии и колониях. Как пример усилий государства к облегчению сообщения приведем тот факт, что, в то время как наши правители жертвовали сотнями жизней и потратили несметные сокровища на отыскание северо-западного прохода, который был бы бесполезен, если бы был найден, исследование Панамского перешейка и проведение на нем железных дорог и каналов они предоставили частным обществам. Но, не останавливаясь долго на этом косвенном примере, мы ограничимся одним лишь образчиком устроенного правительством торгового канала у нас дома — Каледонским каналом. До настоящего времени (1853) эта общественная работа стоила более миллиона фунтов. Теперь он уже много лет как открыт, и правительство в лице своих надсмотрщиков постоянно озабочено получением от него дохода. В результате получилось, как видно из сорок седьмого ежегодного отчета, вышедшего в 1852 г., годового

дохода 7909 ф., расхода 9261 ф. — дефицит 1352 ф. Было ли когда такое значительное предприятие с таким плачевным результатом построено каким-нибудь частным обществом?

Но если правительство оказывается таким плохим судьей в вопросе об относительной важности социальных потребностей даже и тогда, когда эти потребности принадлежат к *одному и тому же роду*, как мало значения может иметь его суждение там, где они принадлежат к различным родам. Если даже там, где достаточная доля ума могла бы направить их на истинный путь, законодатели и их чиновники действуют так плохо, то что же было бы там, где никакой ум, как бы он ни был велик, не мог бы им помочь, где им пришлось бы выбирать между целой массой нужд, физических, интеллектуальных, нравственных, которые не допускают прямого сравнения, и как бедственны должны бы быть результаты, если бы они осуществили свои ошибочные решения! Если кто-нибудь нуждается в более подробных доказательствах, пусть прочтет следующий отрывок из последней серии писем, печатавшихся не очень давно в «Morning Chronicle» по поводу положения земледелия во Франции. Выказав мнение, что французское сельское хозяйство отстало на несколько столетий от английского, автор письма продолжает: «Две причины тут главным образом виновны. Во-первых, как ни странно это может показаться, в стране, в которой две трети населения земледельцы, земледелие у нас совсем не в почете. Просветите хотя бы в самой слабой степени умственные способности француза, и он побежит в город так же неотразимо, как стальная игла к магниту. У него нет земледельческих вкусов, никакого пристрастия к земледельческим привычкам. Любитель-земледелец француз представлял бы из себя удивительное зрелище. К тому же эта национальная склонность прямо поощряется централизационной системой правительства — множеством чиновников и их жалованьем. Люди высокоэнергичные и даровитые собираются со всех концов Франции в Париж; здесь они стараются добиться высоких должностей. Из каждого из сорока восьми департаментов люди менее энергичные и даровитые стремятся в свои *chef-lieu* — провинциальные столицы; там они стремятся сделаться маленькими чиновниками. Спуститесь ниже, возьмите еще более низкую ступень — и вы получите тот же самый результат. Как департамент относится к Франции,

так округ относится к департаменту и община к округу. Все, у кого есть голова на плечах или которые воображают, что она у них есть, стремятся в город в погоне за местом. Все те, которые считают себя сами или считаются другими слишком глупыми для всех других профессий, остаются дома возделывать поля, разводить скот и подчищать виноградники точно так же, как их предки делали это целые столетия до них. Таким образом, в стране совсем не остается даровитых людей. Все количество энергии, знаний и дарований страны скучено в городах. Уезжайте из города — и в большинстве случаев вы не встретите ни одного образованного или благовоспитанного человека, пока не придете в другой город; все, что лежит между ними, — полнейшее умственное ничтожество» («Morning Chronicle», август 1851).

С какою целью происходит это постоянное отвлечение способных людей от земельных округов? С целью, чтобы было достаточно чиновников для выполнения той массы нужд, которые французские правительства считали нужным осуществить: доставлять развлечение, разрабатывать руду, строить дороги и мосты, возводить многочисленные здания, печатать книги, покровительствовать искусствам, контролировать такую-то торговлю, наблюдать за такой-то мануфактурой — словом, исполнять всю ту 1001 задачу, которую берет на себя во Франции государство. Для того чтобы возможно было иметь потребную для этого армию чиновников, земледелие должно оставаться втуне. Для того чтобы некоторые социальные потребности лучше удовлетворялись, главная социальная потребность остается в пренебрежении. Истинный фундамент национальной жизни подкапывается для того, чтобы приобрести несколько несущественных преимуществ. Не правы ли мы были, утверждая, что, пока какая-нибудь потребность не находит свободного удовлетворения, она не должна быть удовлетворяема?

Здесь мы можем убедиться в тесном родстве между фундаментальной нелепостью, заключающейся в этих проявлениях государственного вмешательства, и нелепостью, недавно проявленной агитацией в пользу свободы торговли. Эти официальные способы осуществления целей, которые иначе могли бы не осуществиться, носят все более или менее скрытую форму протекционистской гипотезы. Та же самая близорукость,

которая в области торговли предписывает налоги и ограничения, в социальных делах вообще предписывает эти многочисленные администрации, и те же критические замечания одинаково относятся ко всем этим приемам.

Ибо разве ошибка, искажающая всякий закон, имеющий целью искусственное поддержание какой-нибудь отрасли промышленности, не заключается существенно в том, о чем мы только что говорили, а именно в непонимании того факта, что, если заставлять людей делать одно дело, они неизбежно оставят несделанным другое? Государственный человек, который считал разумным покровительствовать шелкам английским против французских, находился под влиянием идеи, что поддерживаемое таким образом производство составляет прямой выигрыш для нации.

Он не сообразил, что люди, которые работают в этом производстве, могли бы делать что-нибудь другое, и так как они могли бы обходиться при этом без помощи государства, то работали бы с большей выгодой. Землевладельцы, которые так заботливо охраняли свою пшеницу от иностранной конкуренции, не вникли надлежащим образом в тот факт, что, если их поля не в состоянии производить пшеницу на таких экономических основаниях, которые сделали бы невозможной конкуренцию с нею иностранной пшеницы, это доказывает только, что они производят несоответствующий род злака вместо того, который должны бы производить, и, следовательно, обрабатывают свою землю с относительной потерей. Во всех тех случаях, в которых посредством ограничительных мер поддерживается производство, которое без этого условия не могло бы существовать, помещенному в него капиталу дается направление менее продуктивное, чем какое-либо другое, по которому он бы естественным образом направился. Так, для поддержания некоторых занятий, пользующихся покровительством государства, люди отвлекаются от более выгодного дела.

Ясно, следовательно, как это указано было уже выше, что то же самое поверхностное понимание проявляется во всех случаях государственного вмешательства, относятся ли они к промышленности или к какой бы то ни было другой деятельности. Занимая людей осуществлением той или другой потребности, законодатели не понимают, что они тем самым препятствуют

осуществлению какой-нибудь другой потребности. Они обыкновенно принимают, что всякое предложенное благое дело, найдя поддержку, становится чистым благом, тогда как оно есть благо, достижимое только путем подчинения какому-нибудь злу, которое было бы в противном случае устранено. Благодаря такому заблуждению они отвлекают его труд к невыгоде для него. Как в промышленности, так и в других вещах труд сам лучше всякого правительства найдет для себя наиболее выгодное применение. Собственно говоря, обе задачи тождественны. Разделение на коммерческие и некоммерческие дела совершенно поверхностно. Все действия, происходящие в человеческом обществе, подходят под одно обобщение — человеческие старания, служащие человеческим потребностям. Происходит ли это служение путем процесса покупки и продажи или каким-либо другим путем, это не имеет значения, поскольку дело идет об общем законе. Во всех случаях должно быть верно одно: более сильные потребности найдут удовлетворение раньше более слабых, и доставить более слабым потребностям удовлетворение прежде, чем они найдут его естественным путем, значит сделать это за счет более сильных. К громадному положительному вреду, причиняемому слишком ревностным стремлением законодательствовать, нужно присоединить еще не менее значительный отрицательный вред, который, несмотря на свои размеры, ускользнул от внимания даже наиболее дальновидных людей. В то время как государство занимается тем, чем не должно было бы заниматься, оно оставляет, как неизбежное следствие этого, несделанным то, что должно бы делать. Так как время и деятельность человеческая в своих размерах ограничены, то отсюда естественно следует, что, греша чрезмерным *деланием*, законодатели грешат в то же время и *неделанием*. Пагубное вмешательство влечет за собой гибельное небрежение, и так оно всегда и должно быть, раз законодатели не вездесущи и не всемогущи. По самой природе вещей орган, служащий двум целям, не может исполнять обе совершенным образом частью потому, что, исполняя одно, он не может исполнять в то же самое время и другое, частью же потому, что его пригодность для обеих целей доказывает неполную приспособленность для каждой из них. Как было очень удачно сказано по этому поводу: лезвие, предназначенное для бритвы и для резания, наверное,

не будет брить так хорошо, как бритва, и резать так хорошо, как нож. Академия живописи, которая должна бы вместе с тем быть и банком, выставляла бы, наверное, очень плохие картины и учитывала бы очень плохие векселя. Газовое общество, которое было бы при этом и обществом распространения грамотности среди детей, освещало бы, по всей вероятности, очень плохо улицы и дурно учило бы детей¹. И если какое-нибудь учреждение берет на себя не две функции, а целую массу их, если правительство, задача которого защищать своих граждан от посягательств на их права со стороны своих и чужеземцев, берет на себя также распространять христианство, заниматься благотворительностью, учить с детьми уроки, устанавливать цены на съестные припасы, наблюдать за угольными копиями, управлять железными дорогами, иметь надзор за постройками, определять таксу для кебов, следить за выгребными ямами, прививать детям оспу, переселять эмигрантов, предписывать часы для работы, осматривать жилые дома, свидетельствовать познания капитанов торговых судов, снабжать книгами общественные библиотеки, читать и разрешать драматические произведения, инспектировать пассажирские суда, следить за тем, чтобы мелкие квартиры снабжались водой, регулировать бесконечную массу вещей, от банковых квитанций и до лодочной таксы на Серпентине, — не ясно ли, что ее главная обязанность должна быть дурно исполнена пропорционально тому многообразию всякого дела, которое оно само себе навязывает?

Разве его время и энергия не растрачиваются на проекты, расследования, преобразования, на прения и ссоры в ущерб его существенной задаче? И разве беглый взгляд на эти прения не подтверждает этот факт и не подтверждает того, что, пока парламент и общество заняты этими пагубными препирательствами, этими утопическими надеждами, единственное, что на потребу, остается всегда несделанным?

Здесь-то и заключается ближайшая причина наших судебных безобразий. В нашем стремлении уловить призрак мы упускаем существо. В то время как все мы у домашнего очага, в клубе и таверне заняты разговором о хлебных законах, о церковном вопросе, о воспитании детей, о законах, о бедных, которые

1 «Edinburgh Review», апрель 1839.

все подняты не в меру усердным законодательством, вопросы правосудия почти не привлекают внимания, и мы ежедневно подвергаем себя возможности быть притесненными, обманутыми, ограбленными. Учреждение, в котором попавший в руки воров человек должен бы найти защиту и помощь, отсылает его к адвокатам и целому легиону юристов-чиновников и опустошает его кошелек на повестки, копии, вызов свидетелей, штрафы за неявки в суд, всякого рода пошлины и бесчисленные издержки, втягивает его в целую сеть общих судов, канцелярских судов, исков, встречных исков и апелляций и часто разоряет там, где должно бы помочь. Между тем созываются митинги, пишутся руководящие статьи, собираются голоса, составляются общества, ведется агитация не для устранения этого огромного зла, но частью чтобы упразднить введенные нашими предками поводы губительного вмешательства государства, частью чтобы установить новые для него поводы. Не ясно ли, что такое роковое небрежение существенными интересами есть результат этой дурно понятой услужливости правительства? Предположите, что охрана, внутренняя и внешняя, составляет единственную признанную функцию правящей власти, — возможно ли допустить, чтобы в таком случае отправление правосудия у нас было в таком плачевном состоянии, в каком оно находится теперь? Может ли кто-нибудь себе представить, что, если бы при выборе в парламент решающее значение принадлежало обыкновенно вопросам судебной реформы, наша судебная система была бы до сих пор, как ее называет сэр Джон Ромили, «технической системой, изобретенной для создания издержек»? Можно ли сомневаться в том, что, если бы надлежащая защита личности и собственности была постоянным лозунгом избирательных собраний, мы не были бы все еще в сетях канцелярского суда, который держит в своих когтях более чем на 200 миллионов собственности, с его тяжбами, которые делятся пятьдесят лет, пока все капиталы не уйдут на оплату пошлин; который поглощает на свои издержки ежегодно два миллиона? Посмеет ли кто-нибудь утверждать, что, если бы избирательные собрания происходили всегда на почве принципов судебной реформы и против судебного консерватизма, церковные суды (Ecclesiastical Courts) продолжали бы целые столетия жиреть от достояния вдов и сирот? Это вопросы, граничащие

с нелепостью. Ребенок может понять, что при существующем всеобщем знакомстве с развращенностью судов и всеобщим отвращением к судебным безобразиям им давно был бы положен конец, если бы отправление правосудия стало постоянным политическим вопросом. Если бы ум народа не был всегда предубежден, невозможно было бы, чтобы человек, упустивший представить возражение против векселя в надлежащий срок, просидел в тюрьме пятнадцать лет за неявку в суд, как это случилось с м-ром Джемсом Тейлором. Было бы невозможно, чтобы присяжным клеркам при уничтожении их синекур оставлен был в виде вознаграждения их громадный доход не только до конца жизни, но и семь лет после смерти, что составило в общем расход в 700 тыс. ф. Если бы деятельность государства ограничивалась оборонительной и судебной функциями, не только народ, но и сами законодатели восстали бы против злоупотреблений. Если бы сфера деятельности, а также число случаев отличиться были сужены, все мысли, ловкость и красноречие, которые члены парламента тратят теперь на неосуществимые планы и фактические жалобы, были бы употреблены на то, чтобы сделать правосудие безукоризненным, верным, скорым и дешевым. Сложной нелепости нашего судебного жаргона, недоступного для непосвященных и самими посвященными толкуемого в самых различных смыслах, был бы скоро положен конец. Нам не приходилось бы больше слышать о парламентских актах, так несуразно изложенных, что они требуют целой дюжины процессов и судебных решений прежде, чем даже законники поймут, как их применять. Не существовало бы и таких нелепых мер, как Ликвидационный железнодорожный акт (Railway Winding-up Act), который, хотя и изданный в 1846 г. для заключения счетов, дутых и безумных затей, оставляет их несведенными до 1854 г., — акт, который даже при наличности капитала отказывает в уплате долга кредиторам, права которых давным-давно признаны. Не предоставлено было бы также и законникам поддерживать и усложнять нынешнюю цельную систему земельных прав, которая помимо вызываемых ею постоянно тяжб и потерь обесценивает поместья, препятствует свободному притоку к ним капиталов, задерживает развитие земледелия и мешает таким образом улучшению положения земледельцев и процветанию края. Словом, прекратились бы

развращенность, нелепость и судебный террор, и люди стали бы прибегать к покровительству той самой силы, от которой бегут теперь, как от врага.

Теперь мы видим, как громадно то отрицательное зло, которое присоединяет к описанному выше положительному злу эта политика вмешательства! Сколько обид терпят теперь люди, от которых они были бы без этого свободны! Кто не переносил лучше обиду, чем рисковать крупными судебными издержками? Кто не отказывался от своих законнейших прав, чтобы только не «бросать хорошие деньги вслед дурным»? Кому не приходилось платить по неправильным искам, чтобы только не судиться? Один может указать на утраченную его семьей собственность за недостатком средств или мужества бороться за нее. Другой может назвать нескольких родственников, разоренных благодаря судебной тяжбе. Тут вам указывают законника, разбогатевшего от трудовых грошей неимущего или сбережений угнетенного. Там бывший когда-то богатый торговец, доведенный судебными беззакониями до рабочего дома или больницы для умалишенных. Недостатки нашей судебной системы искажают всю нашу социальную жизнь, делают почти каждую семью беднее, чем она была бы, мешают почти каждой сделке, доставляют ежедневные заботы каждому промышленнику. И всю эту трату имущества, времени, спокойствия, комфорта люди спокойно переносят, поглощенные преследованием планов, которые, в свою очередь, приносят им новые беды.

И этого еще мало. Нетрудно доказать с полной ясностью, что многие из тех дефектов, которые вызывают всегда нарекания и для устранения которых громко требуют специальных парламентских актов, сами вызваны нашей злополучной судебной системой. Например, всем хорошо известно, что те санитарные безобразия, из которых наши агитаторы в области санитарии составляют свой политический капитал, в своей наиболее интенсивной форме встречаются в местах, с давних пор находящихся в ведении канцлерского суда, и не раз причиняли, таким образом, разорение; между тем они не могли бы существовать, если бы не невероятные судебные безобразия. Точно так же было доказано, что известные бедствия Ирландии, бывшие предметом бесконечного ряда законодательных мер, главным образом вызваны несправедливостями земельного

владения и сложностью системы наследственного права. Система эта повлекла за собой такие последствия, как, например, прекращение продажи, что на практике сделало невозможными какие бы то ни было улучшения; в результате земледельцы дошли до крайности, до рабочего дома и в конце концов потребовался законодательный акт (Incumbered Estates Act) для того, чтобы рассечь гордые узлы этой системы и сделать возможною настоящую обработку земли. Невнимание к правосудию является также виною железнодорожных катастроф. Если бы государство исполняло свои истинные функции, облегчая пассажирам нарушение договора в случае запаздывания поезда, оно сделало бы более для предупреждения несчастных случаев, чем может сделать самая тщательная инспекция, или наиболее хитро устроенный контроль, ибо общеизвестный факт, что первоначальная причина всех несчастных случаев — недостаток точности. В случае дурной постройки дома тоже ясно, что дешевый, строгий и верный суд сделал бы строительные законы излишними. Ибо разве человек, выстроивший дом из плохих материалов, дурно сложенных, и скрывший это под обоями и штукатуркой, чтобы продать как хорошую постройку, разве такой человек не виновен в мошенничестве? И разве закон не должен бы признавать в этом случае наличие мошенничества, как и в аналогичном случае продажи испорченной лошади? И разве строители не перестали бы мошенничать, если бы законная помощь была легкая, быстрая и верная? То же самое и в других случаях: все те неурядицы, для устранения которых люди постоянно взывают к надзору государства, возникают вследствие неисполнения им его истинной обязанности.

Из этого видно, как эта пагубная политика сама себя усложняет. Это вмешивающееся во все государство не только не исцеляет причиняемого им зла, не только усугубляет оно некоторые из существующих уже бед и создает новые бедствия, еще более значительные, чем старые, но вместе с тем оно еще подвергает людей притеснению, грабежу, разорению, которые обрушиваются на них вследствие того, что правосудие не отправляется надлежащим образом. И не только прибавляет к положительному злу это громадное отрицательное, но это последнее, поддерживая многие социальные злоупотребления,

которые иначе не существовали бы, создает новые случаи для вмешательства, действующие, в свою очередь, тем же самым путем. И таким образом, как и всегда, «дурные вещи становятся сильными благодаря злу».

Перечислив все эти фундаментальные основания к осуждению государственной деятельности во всех областях, кроме той, в которой она, согласно универсальному опыту, безусловно необходима, может показаться излишним останавливаться на второстепенных основаниях. Если бы такое возражение было нам сделано, мы могли бы, ссылаясь на книгу М. Линдсея «Навигация и торгово-морские законы» («Navigation and Mercantile Marine Law»), сказать многое о сложности, к которой в конце концов ведет этот процесс нагромождения распоряжений на распоряжения, из которых каждое обуславливается предшествующим и посредством вызываемых им недоумений, разногласий и замедлений значительно стесняет нашу социальную жизнь. Кое-что можно было бы также добавить по поводу смущающих влияний того «большого заблуждения», как его называет Гизо, — «веры в верховную силу политического механизма», заблуждения, которому Гизо приписывает отчасти последнюю Французскую революцию и которое укрепляется при каждом новом вмешательстве. Но, оставляя в стороне все это, остановимся на минутку на вызываемом этим государственным надзором расслабление нации.

Энтузиасты-филантропы, настойчиво домогаясь какого-нибудь парламентского акта для устранения такого-то зла или поддержания такого-то блага, считают банальным и искусственным возражение, что, делая для народа то, что ему самому должно быть предоставлено делать, приносят ему нравственный вред. Они слишком живо представляют себе пользу, которая должна, по их мнению, получиться благодаря этому акту и которая есть нечто положительное, что легко может быть ими представлено. Они не понимают рассеянного, невидимого и медленно накапливающегося действия, производимого на народный ум, и потому не верят в него, или если они признают его, то считают его нестоящим внимания. Между тем если бы они только вспомнили, что национальный характер складывается постепенно под влиянием ежедневного воздействия условий, ежедневный результат которых кажется настолько

ничтожным, что не стоит и упоминания, — они поняли бы, что то, что кажется ничтожным, когда его рассматривают в отдельности, может быть значительным, когда рассматривается в целом. Или если бы они пошли в детскую и проследили бы, как повторные действия, из которых каждое в отдельности кажется незначительным, создают в конце концов привычку, которая будет влиять на всю последующую жизнь ребенка, — это напомнило бы им, что всякое действующее на человека влияние имеет свое значение, и при некоторой продолжительности значение серьезное. Легкомысленная мать, постоянно уступающая требованиям ребенка: «мама, завяжи мой передник», «мама, застегни мой башмачок» и т.п., — не верит, что каждая такая уступка приносит свой вред, но более рассудительный наблюдатель знает, что такая политика, если она вдобавок будет распространяться и на другие вещи, с течением времени приведет к неспособности. Учителя старой школы, указывавшие своим ученикам выход из всякого затруднения, не понимали, что они создают таким образом склад ума, сильно противодействующий успеху в жизни. Современный учитель, наоборот, побуждает своего ученика выходить собственными силами из затруднений, убежденный, что, поступая таким образом, он подготавливает его к борьбе с теми затруднениями, которые в дальнейшей жизни ему придется побеждать самостоятельно, и находит подтверждения для этого своего убеждения в том факте, что большая часть людей, наиболее успевших в жизни, люди самостоятельные. Но ясно ли, что это соотношение между воспитанием и успехом применяется и к нации? Разве нация не состоит из людей и разве люди не подчинены тем же самым законам модификации в зрелых годах, как и в детстве? Разве не верно относительно пьяницы, что всякая попойка прибавляет новое звено к сковывающей его цепи? Или относительно промышленника, что всякое приобретение обостряет аппетит к новым приобретениям? Или относительно бедного, что, чем более вы ему помогаете, тем более он нуждается? Или что деловой человек, чем более у него дела, тем более успевает сделать? И не следует ли из этого, что, если каждый индивидуум подвержен этому процессу приспособления к условиям, то же самое относится и к целой нации, и что именно, чем менее члены ее пользуются помощью со стороны внешней силы, тем более развивается

в них самодеятельность, а чем более они пользуются чужой помощью, тем более становятся беспомощными? Не нелепо ли игнорировать эти результаты только потому, что они не прямо вытекают и непосредственно невидимы? Как бы медленно они ни развивались, они неизбежны. Мы так же мало можем устранить закон человеческого развития, как и закон тяготения, и, пока они остаются неизменными, неизменно должны являться и те же результаты.

Если нас спросят, в каких именно направлениях проявляется эта утверждаемая нами беспомощность, порождаемая избытком государственной опеки, мы ответим, что она сказывается в замедленном развитии всех социальных функций, требующих от народа доверия к себе, в робости, которая боится всякого нового неизвестного еще затруднения, в беспечном довольстве существующим порядком вещей. Пусть человек, хорошо изучивший быструю эволюцию, имевшую место в Англии, где правительство сравнительно мало приходило на помощь людям, ознакомится с беспримерным прогрессом, расцветшим в Соединенных Штатах, населенных людьми самостоятельными — ближайшими потомками самодеятельных же людей; пусть такой человек, говорим мы, отправится на континент и сравнит с ними относительно медленный прогресс, имеющий там место, и который был бы еще медленнее, если бы не английская предприимчивость. Пусть он отправится в Голландию, где он увидит, что, хотя голландцы ежегодно заявляли себя хорошими механиками и имели громадную опытность в гидравлических работах, Амстердам не имел достаточного количества воды, пока за дело не взялась английская компания. Пусть он отправится в Берлин — и узнает, что готовящийся там к исполнению проект водоснабжения, подобный существующему в Лондоне уже десятки лет, представлен английской фирмой и будет исполняться при помощи английских капиталов и под наблюдением англичан. Если он направит свои стопы в Вену, он узнает, что, подобно другим континентальным городам, Вена освещается английским газовым обществом. Если он поедет на пароходе по Роне, Луаре, Дунаю, он увидит, что пароходное сообщество на этих реках заведено англичанами. Если он обратится к железным дорогам в Италии, Испании, Франции, Швеции, Дании, то узнает, сколько из них в распоряжении у англичан или

воспользовалось значительной поддержкой английских капиталов, сколько из них построено английскими подрядчиками или английскими инженерами. Он узнает при этом также, что там, где железные дороги строились казной, как, например, в России, там призывались на помощь энергия, настойчивость и практический талант, развитый в Англии и в Соединенных Штатах. И если этих доказательств прогрессивности самостоятельной расы и неподвижности отечески опекаемых для него недостаточно, мы можем посоветовать ему ознакомиться с многотомным путешествием по Европе г. Лэнга (Laing) — там он может изучить этот контраст в деталях. Но что же является причиной этого контраста? Согласно естественному закону, способность к самопомощи создается всегда привычкой к самопомощи и, при прочих равных условиях, недостаток этой способности должен был явиться всегда как результат недостатка спроса на него. Разве эти два предшествующих условия с их двумя последствиями не согласуются с фактами, представляемыми нам Англией и Европой? Разве обитатели той и другой несколько столетий тому назад не стояли приблизительно на одной линии в отношении к предприимчивости? Разве Англия не была тогда позади Европы в своей промышленности, в своей колонизации, в своей торговле? И разве та сравнительно громадная перемена, которая произошла в Англии в этом отношении, не совпала с той сравнительно большой степенью самостоятельности, к которой она за это время привыкла? И разве одно не было причиной другого?

Того, кто в этом сомневается, мы попросили бы указать более вероятную причину; тот, кто это признает, должен также признать, что вопрос о расслаблении нации постоянной помощью государства отнюдь не пустое соображение, — оно имеет, напротив, большой вес. Он должен признать, что общая задержка национального роста представляет собою зло гораздо более значительное, чем все специальные выгоды, которые могут быть при этом получены, — они его не уравновесят. И если, ознакомившись с этим знаменательным фактом — с распространением англичан по земному шару, он убедится в отсутствии параллельного ему успеха у континентальных рас, если он вдумается в то, что эта разница должна главным образом зависеть от различия характеров, которое, в свою очередь,

главным образом является результатом различного воспитания, он поймет, что политика, преследуемая в этом вопросе, играет, быть может, значительную роль в определении окончательной судьбы нации.

Мы не думаем, разумеется, что этот аргумент изменит воззрения тех, которые возлагают свое упование на законодательство. Предшествующие доводы будут иметь некоторый вес в глазах людей с известным образом мыслей; для людей другого образа мыслей они будут мало значить и даже вовсе не будут иметь значения. Не больше значения имело бы для них и нагромождение подобных доводов. Истина, которой научает нас опыт, имеет свои пределы. Поучительным может быть только тот опыт, который может быть оценен, а оценка опыта, превосходящая известную степень сложности, становится недоступною для большинства. И это относится к большинству социальных явлений. Если мы вспомним, что в течение двух тысячелетий человечество устанавливало законы для промышленности, которые беспрестанно подавляли одни отрасли и убивали своим покровительством другие, и что люди хотя и имели постоянно доказательство этого перед своими глазами, только теперь поняли, что действовали все время ошибочно, да и теперь поняли это только немногие из них, — если мы вспомним все это, то убедимся, что и постоянно повторяющийся, непрерывно накапливающийся опыт бессилен там, где отсутствуют соответствующие умственные состояния для его усвоения. И даже когда он уже усвоен, это усвоение очень неполно. Истина, которой они поучают, понимается только наполовину даже теми, которые, как обыкновенно полагают, понимают ее лучше всех других. Например, Роберт Пиль, высказываясь в одном из своих последних спичей о невероятно возросшем потреблении, вызванном свободной торговлей, говорит:

«И если только вы можете продолжить это потребление, — если при помощи Провидения вы *посредством своего законодательства сможете поддержать спрос на труд и привести к процветанию вашу торговлю и мануфактуру*, вы не только увеличиваете сумму человеческого счастья, но и даете земледельцам этой страны лучший случай воспользоваться этим увеличенным спросом, который не может не содействовать их благоденствию» («Times», 22 февр. 1850).

Таким образом, процветание, в действительности вызванное полным невмешательством законодательства, приписывается особому роду законодательства. «Вы можете поддержать спрос, — говорит он, — вы можете доставить торговле и промышленности процветание». Хотя факты, которые он приводит, доказывают, что они могут достигнуть этого, только воздерживаясь от всяких действий. Существенная истина во всем этом вопросе, что закон причинил громадный вред и что это процветание вызвано не законом, а как раз отсутствием закона, не понята; и эта вера в законодательство вообще, которая должна бы быть сильно поколеблена этим опытом, остается, по-видимому, в прежней силе. Палата лордов, например, не веря, очевидно, в зависимость предложения и спроса, постановила недавно следующее правило: «Перед первым чтением билля, касающегося каких-либо работ, при производстве которых требуется принудительное отчуждение 30 или более домов, населенных рабочим классом в каком бы то ни было приходе или месте, предприниматели должны представлять в бюро парламентского клерка заявление о числе домов, описание их и их положение, указать число людей (насколько оно может быть определено), имеющих быть выселенными, и предложены ли в билль и какие именно меры для устранения затруднений, которым могут быть этим перемещением вызваны». И если в сравнительно простых соотношениях промышленности указания опыта остаются в течение многих веков незамеченными и так мало понимаются, когда бывают наконец замечены, трудно надеяться, чтобы там, где слиты все социальные явления — нравственные, интеллектуальные и физические, могло быть достигнуто в скором времени надлежащее понимание, верная оценка обнаруживающихся при этом истин. Пока еще факты не признаются фактами. Как алхимики приписывали свои последовательные неудачи несоответствия составных частей, недостаточной чистоте материала или слишком высокой температуре, но никогда не несостоятельности своих приемов или неосуществимости своих целей, так и поклонники законодательства всякую неудачу в государственной деятельности объясняют как следствие такого-то пустого недосмотра или такой-то незначительной ошибки, которые в будущем будут все устранены. Сделав себя независимыми от фактов, они спокойно противостоят целым залпам из них.

Верно то, что эта вера в правительство до известной степени органическая, и человек должен ее перерасти — это единственное, что может ее ослабить. С того момента, когда вождей считали полубогами, в человеческом уме шло постепенное понижение оценки их силы. Это понижение продолжается и поныне, ему предстоит еще продолжительный путь. Не подлежит сомнению, что всякое приращение доказательств усиливает его до некоторой степени, хотя и не так сильно, как первоначально кажется. И лишь постольку, поскольку оно видоизменяет характер, оно имеет постоянное влияние. Ибо, хотя умственный тип и остается без перемен, устранение какого-нибудь одного заблуждения неизбежно сопровождается развитием других заблуждений того же рода. Суеверие медленно умирает, и мы боимся, что эта вера во всемогущество правительства не представит собою исключения в данном отношении.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ И К ЧЕМУ ОНО ПРИГОДНО?¹

Шекспировское сравнение невзгоды с такой «жабой, которая безобразна и ядовита, но тем не менее носит в голове драгоценный алмаз» вполне применимо и к неприятным истинам. Факт, сурово разбивающий дорогую нам иллюзию, сначала отталкивает нас, но мы скоро замечаем, что этот факт содержит в себе зародыш спасительной веры. Каждый из личного опыта знает, что нередко взгляд, который вы долго боялись признать справедливым, потому что с виду он противоречил всему, что вы привыкли считать хорошим, и с которым наконец должны были согласиться ввиду его неотразимой убедительности, в конце концов приводит к самым благим результатам. Так бывает с самопознанием: мы терпеть не можем открывать в себе недостатки, но мало-помалу убеждаемся, что лучше знать их и быть настороже, чем игнорировать их. Так бывает с переменами веры: доводы, разбивающие наши суеверия, волнуют нас, но, подведя им итоги, мы видим, что новые убеждения, к каким мы пришли, более здравы и разумны, чем наши прежние. Так бывает и в политике: когда наступила минута просветления, мы чувствуем благодарность к тому, кто разрушил наши политические воздушные замки, как ни ненавистен он казался нам раньше. Верить в истину всегда лучше, чем заблуждаться; мало того, факты, с виду отталкивающие, как оказывается, всегда входят в состав чего-нибудь гораздо лучшего, чем идеал, ниспровергнутый им. Примеров тому можно бы привести множество; мы, со своей стороны, прибавим к примерам уже известным еще один.

Мы, англичане, почти все поголовно убеждены, что наш способ составления и применения законов обладает всеми возможными достоинствами. Злополучная фраза принца Альберта:

¹ Впервые было напечатано в «Westminster Review» за октябрь 1857 г.

«Представительная форма правления переживает период испытания» — вызвала общее негодование: мы находим, что испытание давно окончено и дало результаты во всех отношениях благоприятные. Частью по неведению, частью потому, что нам внушали это с детства, частью из патриотизма, заставляющего каждую нацию гордиться своими учреждениями, мы твердо веруем в безусловное превосходство нашей формы политической организации. И, однако же, враждебно настроенный критик может указать в ней несомненно присущие ей недостатки, которые, если верить защитникам деспотизма, губительно отражаются на ее действиях.

Вместо того чтобы опровергать эти доводы или уклоняться от них, не лучше ли спокойно исследовать, справедливы ли они и, если справедливы, к какому заключению они ведут, если, как думает большинство из нас, правительство, составленное из представителей народа, лучше всякого другого, почему же нам не выслушать терпеливо возражений наших противников? Ведь мы заранее уверены, что они окажутся или несостоятельными, или не настолько вескими, чтобы существенно подорвать вашу веру в его достоинства. Если наша политическая система обоснована хорошо, критика только подчеркнет ее хорошие стороны, выяснит ее ценность, даст нам более высокое понятие о ее свойствах, значении и назначении. Поэтому, отбросив все предвзятые мнения, станем вполне на точку зрения наших антагонистов и перечислим, ничего не опуская, ее изъяны, нелепости и недостатки.

Не ясно ли, что правительство, состоящее из многих индивидуумов, которые разнятся между собою по характеру, воспитанию и стремлению и принадлежат к различным классам, питающим взаимно враждебные идеи и чувства, притом находятся, каждый в отдельности, под влиянием образа мыслей своих избирателей, — не ясно ли, что такое правительство представляет собою весьма неудобный аппарат для управления общественными делами? Изобретая машину, мы стараемся, чтобы в ней было как можно меньше частей, чтобы каждая из этих частей соответствовала своему назначению, чтобы они были хорошо соединены одна с другою и работали дружно и ровно для общей цели. В устройство же нашей политической машины легли принципы совершенно противоположные.

В ней чрезвычайно много частей, и число их растет дополнительно свыше всякой меры. Они не приспособлены каждая в отдельности для своих специальных функций. Их не стараются подогнать, приладить одну к другой; напротив, выбирают такие, которые заведомо не подходят одна к другой. В результате они не работают и не могут работать дружно, — это факт, очевидный всякому. Если бы кто-нибудь задался мыслью устроить прибор для медленной неискусной работы, он едва ли мог бы решить задачу удачнее. Уже сама многочисленность частей слугит помехой делу; другая, и очень крупная, помеха — несоответствие их между собою; частая смена частей также вредит делу; но больше всего вредит ему то, что части не подчинены своим функциям, так как личное благополучие законодателя не зависит от успешного выполнения им своих политических обязанностей.

Эти недостатки присущи самой природе наших учреждений и не могут не вести к прискорбным последствиям. Доказательств можно привести сколько угодно, черпая их как из текущей истории нашей центральной представительной власти, так и из истории местных представительных организаций — публичных и частных. Прежде чем изучать зло, взятое в крупном масштабе в нашем законодательстве, рассмотрим некоторые из вышеупомянутых недостатков в их меньших и простейших проявлениях.

Мы не будем распространяться о малоуспешной деятельности выборной администрации в области коммерческих предприятий. Избранные акционерами директора правления сплошь и рядом оказываются недостойными доверия; свежий пример тому — недавние крахи акционерных банков: во всех этих случаях наглядно выказались нерадивость и нечестность заправил, интересы которых не совпадали с интересами вверенного им дела. Мы могли бы пойти дальше и найти подтверждение той ее истины в деятельности железнодорожных правлений: указать на неблагоприятные поступки членов этих правлений, на беспечность их, позволяющую безнаказанно мошенничать таким господам, как Робсон и Редпат, на необдуманность и нерасчетливость, постоянно проявляющиеся в открытии не дающих дохода ветвей и линий. Но этого рода факты и без того достаточно известны.

Перейдем поэтому к менее известным примерам. Для начала возьмем хотя бы такие учреждения, как ремесленно-учебные *Institutions Mechanics*. В теории все обстоит как следует. Мастеровым нужны знания; благожелательные люди из среднего сословия готовы помочь им в приобретении этих знаний; вот первоначальная почва дела. Соединив свои средства и силы, они рассчитывают получить много преимуществ в смысле знаний и пр., недоступных им при других условиях. А так как все участники заинтересованы в достижении намеченных целей, а распорядители и заведующие избираются всеми ими сообща, предполагается, что результаты не могут не соответствовать ожиданиям. Однако же в большинстве случаев на деле выходит иное. Равнодушие, глупость, партийный дух и религиозные несогласия почти неизменно противодействуют всем усилиям лиц, преданных делу. Обыкновенно считают нужным избрать в председатели какую-нибудь видную местную особу; лицо это по большей части не блещет умом, зато пользуется большим авторитетом, или же оно богато и может сделать значительный вклад, что более чем восполняет вышеупомянутый недостаток. При выборе вице-председателей придерживаются тех же взглядов: один-два священника, несколько соседних сквайров, если таковые имеются, экс-мэр, два-три олддермена¹, с полдюжины фабрикантов и зажиточных торговцев и, в дополнение к ним, самая разношерстная компания. В комитете тоже выбирают больше за общественное положение и популярность, чем за ум и годность к кооперации. Ввиду таких несообразностей, разногласия возникают очень легко. Масса членов желают выписать ту или другую книгу, но не решаются из боязни оскорбить клерикалов. Из уважения к предрассудкам некоторых должностных лиц и помещиков, фигурирующих в числе товарищей вице-председателя, оказывается неудобным пригласить лектора, вообще популярного и вполне подходящего, потому только, что он придерживается крайних политических и религиозных взглядов. Выбор газет и журналов для читальни также является обильным источником споров. Стоит кому-нибудь предложить, чтобы читальня была открыта по воскресеньям, считая это за великое благодеяние для тех, ради кого она основана, как

¹ Члены городского правления.

тотчас возникают жестокие пререкания, которые легко могут окончиться выходом из числа членов части побежденных.

Другое яблоко раздора — вопрос о развлечениях. Существует ли общество исключительно для того, чтобы поучать, или же в его задачу входит и доставлять удовольствия? По поводу буфета также могут возникнуть пререкания. Короче говоря, глупость, предрассудки, партийный дух, ссоры и споры нередко приводят к тому, что те, кому следовало бы заправлять делом, уходят, отряхнув прах от ног своих, и власть остается в руках клики, которая, придерживаясь скучной золотой середины, никого не удовлетворяет. Вместо того чтобы достигнуть процветания, под управлением какого-нибудь хорошего делового человека, для которого это совпадало бы с его личными интересами, общество теряет престиж и приходит в упадок. Оно почти перестает быть тем, чем его предполагали сделать, т.е. обществом *ремесленников*, и становится немногим лучше буржуазного клуба, который держится не потому, что члены его тесно сплочены между собою, но потому, что в него постоянно вступают новые члены взамен отпадающих старых. Тем временем цель, которая первоначально имелась в виду, достигается другими путями благодаря частным предпринимателям. Дешевые газеты и издания, рассчитанные на средства и вкусы рабочих классов, дешевые кофейни и читальни, открываемые с целью барышей, — вот главные орудия распространения культуры.

Не лучше проявила себя представительная власть и в аналогичных обществах более высокого пошиба — литературных, философских и т.п. После первого взрыва энтузиазма очень скоро начинаются раздоры, обусловленные рознью классов и сект; в конце концов одна какая-нибудь партия берет верх, а результатом этого является плохое распорядительство и апатия. Абоненты жалуются, не получая того, что им нужно, и один за другим переходят в частные клубы для чтения.

Перейдя от неполитических к учреждениям политическим, мы могли бы, будь у нас больше места, привести немало примеров из деятельности старинных попечительств о бедных или же современных опекунских советов, но, оставив в покое те и другие, мы ограничимся примерами из местных форм правления, преобразованными муниципальными общинами (*corporations*).

Если, оставив в стороне все прочие доказательства и позабыв, что в новых учреждениях порча не могла еще укорениться глубоко, мы станем судить об этих общинах только по тем улучшениям, которые они произвели в городе, мы должны будем признать их деятельность полезною. Но, не говоря уже о том, что подобными улучшениями мы обязаны скорее устранению препятствий и тому самому духу прогресса, в силу которого везде появились железные дороги и телеграфы, чем положительным качествам новых городских правлений; даже не настаивая на этом факте, следует заметить, что выполнение общественных работ в большом количестве вовсе еще не есть достаточное доказательство. Имея возможность в любой момент собрать необходимые капиталы, — возможность, ограничиваемую только возмущением лиц, платящих налоги, — в цветущих, быстро разрастающихся городах нетрудно проявить предприимчивость и энергию. Не об этом надо спрашивать, а о том, ведут ли муниципальные выборы к избранию людей, наиболее пригодных для дела? Хорошо ли выполняет возложенную на нее задачу составленная таким путем администрация и соблюдает ли она при этом необходимую экономию? Хватает ли у нее здравого смысла не предпринимать ничего бесполезного или невыгодного для города? Вот какие вопросы надо ставить, и на эти вопросы ответы получаются далеко не удовлетворительные.

Городские советы не отличаются ни интеллигентностью, ни высокой нравственностью. Многие вполне компетентные люди находят, что в среднем состав членов их и по развитию ниже состава прежних корпораций. Всем известно, что при выборах наибольшее внимание обращается на политические взгляды. Намечая кандидата, первым делом спрашивают не о том, обладает ли он знаниями, здравым суждением и деловитостью, не о том, пригоден ли он для дела, которое предполагается ему доверить, но о том, виг он или тори. Даже и в том случае, когда его политическая благонадежность несомненна, избрание его обуславливается не столько его испытанной честностью и способностями, сколько его дружеским отношением к господствующей партии. Несколько местных магнатов, часто встречающихся, например, в лучшей местной гостинице, куда их тянет столько же общность мнений, сколько и застольная дружба, сходятся вместе, обсуждают заслуги всех тех, чьи

имена на виду, и выбирают среди них наиболее подходящих. За стаканом грога решается всегда на практике выбор кандидатов, а следовательно, и результат самих выборов. Предпочитаются, само собой, те, на кого легко влиять, кто готов подчинить свои личные взгляды политике партии. Люди, чересчур независимые для этого, слишком дальновидные, чтобы выдвигать на первый план интересы минуты, или слишком утонченные, чтобы якшаться с «веселыми и добрыми малыми», командующими городом, остаются в стороне, несмотря на то что они всех нужнее и пригоднее для дела. Частью благодаря этим подпольным интригам, частью потому, что люди, изведавшие их, с отвращением отказываются от должностей, которые им предлагают, лучшие люди в городе обыкновенно не входят в состав совета. Замечательно, что в Лондоне самые уважаемые купцы не имеют никакого касательства к городскому управлению. В Нью-Йорке «лучшие граждане до сих пор тратят силы на частные предприятия, административная же власть и обязанности отданы в другие руки». Итак, никто не станет утверждать, будто в сфере городского управления представительный режим выдвигает на первый план людей наиболее способных и почтенных.

Низкий уровень развития членов представителей само собой является помехой энергичному и экономному ведению дел; другая помеха — постоянное давление со стороны партий и личные интересы. При назначении городского инспектора (*surveyor*) нередко интересуются не специальной подготовкой кандидата, а тем, вотировал ли он на последних парламентских выборах за популярного кандидата; естественное следствие этого — плохая канализация. Нужно ли построить новое общественное здание — объявляется конкурс, представляются планы, будто бы анонимные, но это только одна видимость, на самом деле нетрудно добраться до имени автора. М-р Т., эсквайр, имеющий в совете влиятельного родственника, заранее уверен в успехе и не ошибется в своих ожиданиях, хотя ни один из судей не остановился бы на плане м-ра Т., будь здание его собственное. Броун уже несколько лет служит в городском совете и принадлежит к господствующей клике; у него есть сын доктор; указом парламента предписывается иметь в городе санитарного чиновника; Броун заранее ведет переговоры со своими товарищами, собирает голоса и в конце

концов добивается того, что место отдадут его сыну, хотя сын его далеко не самый подходящий врач в этом городе. То же происходит при выборе лиц, которым поручается та или другая работа для города. Вечно портящиеся городские часы, ватерклозеты, рекомендованные врачебным бюро, но которые внушают отвращение (мы приводим факты), достаточно доказывают, что глупость, фаворитизм и всякие побочные соображения неизбежно тормозят дело. Низкий уровень развития представителей, а через это и назначаемых ими, в соединении с преследованием личных интересов и разделенной ответственностью, неизменно препятствует удовлетворительному выполнению обязанностей.

Расточительность, заметно проявляемая в последнее время всеми муниципалитетами, развилась главным образом вследствие того, что городские правления берутся не за свое дело и предпринимают там вещи, за которые им вовсе не следовало бы браться; во многих случаях виной этому опять-таки выборное начало. Система несения домохозяевами городских платежей вводит в заблуждение низший класс обывателей, воображающих, что бремя городских налогов совсем не падает на них. Ввиду этого они одобряют новые и крупные траты, находя их выгодными для себя, так как они открывают новый заработок. А так как они составляют большинство избирателей, то расточительность входит в моду, и люди, гонящиеся за популярностью, наперебой друг перед другом вносят новые проекты, требующие затрат. Один из членов совета, не вполне уверенный, что его изберут на будущих выборах, предлагает завести общественные сады; многие в душе не одобряют предложения, но не восстают против него, тоже памятуя о будущих выборах. Другой член совета, лавочник, поднимает вопрос о городских банях и прачечных, хорошо зная, что от этого не пострадает его торговля. Так и во всем: лично каждый не заинтересован непосредственно в экономном расходовании городских сумм, но и это идет вразрез со столькими косвенными интересами, что вряд ли он способен быть надежным хранителем общественного кошелька.

Таким образом, ни в смысле высокого достоинства избираемых представителей, ни в смысле энергичной и полезной деятельности или избегания ненужных затрат наши городские

правления не могут быть признаны удовлетворительными. И если так скоро после реформы недостатки эти бьют в глаза, тем более наглядно проявляются они там, где успели уже развернуться вполне; пример тому — Нью-Йорк. По словам тамошнего корреспондента «Times», жители Нью-Йорка платят «более полутора миллиона стерлингов налогов, взамен чего имеют скверно вымощенные улицы, полицию хотя и лучше прежней, но далеко не такую бдительную, как бы следовало, кучи грязи повсюду, отвратительных извозчиков, хуже которых нет ни в одной столице, и ничем не защищенную от непогоды деревянную пристань для выгрузки товаров».

Теперь, бегло ознакомившись с положением дела в учреждениях второстепенной важности, возьмем нашу центральную власть и попробуем исследовать ее более детально. Недостатки, свойственные представительному режиму, выражаются здесь гораздо ярче. Здесь более многочисленный состав правителей порождает еще больше сумбура, беспорядков и проволочек. Классовые различия, несходство целей, стремлений и предсудков проявляются здесь разнообразнее и в более широком масштабе: отсюда — множество разногласий. Прямые последствия от проведения той или другой меры, имеющиеся в виду для каждого отдельного законодателя, отдалены и ничтожны; побочные же соображения, влияющие на него, многочисленны и сильны; отсюда — явная склонность преследовать личную выгоду в ущерб общему благу. Однако начнем сначала — с самих избирателей.

Теория гласит, что, если гражданам, непосредственно заинтересованным в том, чтобы иметь хорошее правительство, дать политические права, они изберут в правители мудрейших и лучших. Принимая во внимание, как они страдают от плохого заведывания общественными делами, считают очевидным, что у них должно быть *желание* избрать наилучших представителей; затем принято думать, что *для умения* выбрать таких представителей достаточно самого обыкновенного здравого смысла. Что же говорит опыт? Подтверждает он эти предположения или, наоборот, противоречит им? Часть избирателей, и довольно значительная, не имеет, или почти не имеет *желания* пользоваться своими правами. Немало лиц, внесенных в списки, кичатся тем, что не вмешиваются в политику, что у них хватает

здорового смысла не совать своего носа в то, что, как они говорят, до них не касается.

Есть много других лиц, так мало интересующихся выбором члена парламента, что они даже не считают нужным подавать свой голос. Опять-таки значительная часть избирателей, особенно лавочников, настолько равнодушна к результатам выборов, что голосует, сообразуясь с желанием угодить своим лучшим клиентам или, по крайней мере, не оскорбить их. Еще больше таких, для которых небольшая сумма денег или даже возможность накачаться пивом *ad libitum* перевешивает всякое желание независимо воспользоваться своими политическими правами, если оно имелось. Люди, сознающие необходимость честно пользоваться своим разумением при выборе законодателей и подавать голоса по совести, составляют лишь меньшинство, и желания этого меньшинства гораздо менее влияют на выбор кандидата, чем незаконные побуждения, руководящие остальными. Таким образом, здесь теория не подтверждается практикой.

Переходим к интеллигентности избирателей. Даже предположив, что в массе их существует достаточно сильное и сознательное желание избрать наилучших правителей, можем ли мы сказать с уверенностью, что они способны выбрать из своей среды мудрейших, что такая задача им *по силам*? Прислушайтесь к беседе фермеров на рынке и скажите, много ли в ней слышится ума, который необходим для того, чтобы оценить ум в другом человеке? Прочтите эффектные речи, произносимые на избирательных митингах, и вы оцените по достоинству умственное развитие тех, кого можно привлечь такими речами. Даже среди избирателей высшего разряда вы сталкиваетесь на каждом шагу с поразительным политическим невежеством: с идеями вроде того, что постановлением парламента можно сделать все, что угодно; что ценность золота можно установить законом; что с помощью законов о бедных можно уничтожить нищету и т.д. и т.п. Спуститесь ступенькой ниже, вы наткнетесь на признаки еще большего невежества и непонимания: вас будут уверять, что изобретение машин повредило рабочим, что расточительность «идет на пользу торговле» и т.п.

Еще ниже, в самом обширном и многочисленном разряде избирателей, где многие находят, что не стоит подавать голос, так как лично они мало заинтересованы в том, чтобы иметь

хорошее правительство, где этот личный интерес перевешивается страхом потерять выгодного покупателя или легко уступает подкупу, — вы окунетесь в непроходимую, почти безнадежную тупость. Карлейль говорил, что народ — это «двадцать семь миллионов населения, по большей части дураков»; не заходя так далеко, мы все же должны сознаться, что умом эти миллионы наделены довольно скупо.

Странно было бы, если бы они оказались способными выбрать себе вполне пригодных руководителей; очевидно, что они в этом не успевают. И действительно, как мы сейчас увидим, выбор их оказывается нелепым, если даже судить о нем с точки зрения простого здравого смысла.

Всего безопаснее доверяться тем, чьи интересы совпадают с нашими собственными, — это очевидная истина; и наоборот, крайне опасно полагаться на тех, чьи интересы расходятся с нашими. Все меры предосторожности, которые мы принимаем в делах с другими людьми, все законные обеспечения — только доказательства той же истины. Мы не довольствуемся уверениями. Если человек поставлен в такое положение, что личные мотивы могут побудить его не сдерживать своих обещаний, мы стараемся, вводя искусственный мотив (страх законной ответственности), устроить так, чтобы в его интересах было исполнить обещанное. Все наши деловые приемы, вплоть до обычая брать расписку в получении денег, свидетельствуют о том, что, ввиду повсеместного господства эгоизма, было бы крайней неосторожностью ожидать, что люди будут ставить ваши права на одну доску со своими собственными, несмотря на все уверения и клятвы в противном. Надо бы думать, что та капля здравого смысла, которой все же наделено большинство избирателей, заставит их считаться с этим фактом и при выборе своих представителей. Но на деле выходит иное. Согласно тому же факту, теория нашей конституции гласит, что три элемента, входящих в состав законодательной власти, преследуют каждый свои собственные цели, — история показывает, что король, лорды и палата общин все время именно это и делали, одни более, другие менее явно; наши же избиратели на каждом выборах проявляют уверенность, что интересы их будут так же соблюдены в руках у титулованных депутатов, как и в руках лиц одного с ними сословия. Хотя своей решительной оппозицией биллю

о реформе аристократия ясно показала, как жадно она цепляется не только за свою законную, но и за незаконную власть; хотя проведением и упорным поддерживанием хлебных законов она доказала, что общественное благо значит для нее очень немного в сравнении с ее личными выгодами; хотя она всегда бдительно и ревниво оберегала малейшие свои привилегии, справедливые или несправедливые (как свидетельствует недавно заявленная в палате лордов жалоба, что Акт о морской торговле (*Mercantile Marine Act*) обявляет лордов-помещиков документально обосновывать свои права при требовании обломков кораблей, выброшенных морем на принадлежащие им берега, которыми раньше они завладевали просто в силу обычая); хотя она всегда и всюду, как и следовало ожидать, преследует только свои собственные интересы, — тем не менее избиратели находят, что члены аристократии вполне пригодны для того, чтобы быть представителями народа. В нынешней палате общин насчитывается 98 ирландских пэров и сыновей английских пэров, 66 лиц, состоящих с пэрами в кровном родстве, 67 — связанных с пэрами узами свойства: итого 231 таких членов парламента, которые по интересам своим или симпатиям, или по тому и другому, ближе к дворянству, чем к народу. Иные благодушные политики найдут точку зрения, на коей основана эта критика, узкой и полной предрассудков; к этому мы вполне подготовлены. В ответ им мы скажем только, что они и друзья их вполне признают справедливость нашей доктрины, когда это оказывается для них удобным. К чему им стараться о том, чтобы представители городов не взяли верх над представителями графств, если они не думают, что каждая общественная группа будет заботиться только о собственном благополучии? Или какой довод можно привести в пользу предложения лорда Джона Рассела о представительстве меньшинства, если не тот, что люди — дай им только возможность — непременно пожертвуют чужими интересами ради своих собственных? Или почему высший класс так ревниво старается сдерживать туго натянутой вожжей растущее могущество низших слоев, как не благодаря сознанию, что *добросовестные* представители этих слоев будут менее почтительны к привилегиям знати, чем она сама? Если теория конституции сколько-нибудь разумна, члены палаты лордов должны принадлежать к пэрам, а члены палаты общин — к народу. Одно из двух: или

конституционная теория — чистейший вздор, или выбор лордов в представители от народа доказывает глупость избирателей.

Этим, однако, дело не ограничивается; та же глупость дает и другие результаты, столь же нелепые. Что вы сказали бы о человеке, который позволяет своим слугам так же полновластно распоряжаться в его доме, как и он сам? Что бы вы сказали об акционерах железнодорожной компании, избравших в число директоров правления секретаря, механика, начальника станции, начальника движения и т.п.? Конечно, подивились бы только их глупости, предсказывая, что личные выгоды господ служащих нередко будут перевешивать в них заботу о благосостоянии всей компании. А избиратели, поставляющие членов парламента, на каждом шагу впадают в ту же ошибку, ибо что же такое офицеры армии и флота, как не слуги нации, находящиеся по отношению к ней в таком же положении, как служащие железнодорожной компании — к акционерам? Разве они служат не общественному делу? Разве не общество платит им жалованье? И разве интересы их не расходятся с интересами общества, как всегда интересы служащих с интересами хозяина? Неудобство принимать в состав законодательной власти представителей власти исполнительной сказывается на каждом шагу, и парламент неоднократно пытался противодействовать ему различными постановлениями. Перечисляя лиц, не имеющих права быть членами палаты общин, Блэкстон говорит: «Никто из состава заведующих сбором пошлины и налогов, установленных с 1892 г., за исключением комиссаров государственного казначейства; ни один из нижепоименованных чиновников, а именно: заведующих призами, транспортами, больными и ранеными людьми, винными патентами, постройкой судов и поставкой съестных припасов, секретари или приемщики призовых судов, контролеры-счетчики в армии, губернаторы, вице-губернаторы колоний, служащие на Майорке и Гибралтаре, акцизные и таможенные чиновники, клерки и младшие чиновники различных отделений государственного казначейства, суда при государственном казначействе, флота, интендантства, адмиралтейства, платежной кассы армии и флота, государственные чиновники, ведающие торговлей солью, гербовыми марками, апелляциями, выдачей патентов на торговлю вином, извозчичью биржу, коробейников и разносчиков,

и никто, занимающий какую-либо коронную должность, установленную с 1705 г., не имеет права ни быть избранным в парламент, ни заседать в нем».

В этот список, наверное, были бы включены и офицеры армии и флота, если бы они не представляли собой корпорации могущественной и близкой к правящим сферам. Позволять слугам общества составлять законы для общества — очевидно, плохая политика; это бьет в глаза, это не раз признавалось официально постановлениями вроде вышеприведенного; но избиратели, народ в широком смысле слова, как будто совсем забыли об этом. На последних общих выборах были избраны 9 флотских офицеров, 46 офицеров армии, состоящих на действительной службе, и 51 отставной, которые, в силу воспитания, дружеских связей и *esprit de corps*, держатся одинаковых взглядов со своими товарищами, — всего 106 человек, не считая 64 офицеров гвардии и милиции, у которых симпатии и стремления почти те же. Если вы не придаете особого значения этому вторжению должностных лиц в парламент в таких широких размерах, советуем вам заглянуть в списки деления голосов. Исследуйте, какую роль сыграла эта группа депутатов в удержании системы захвата (*purchase system*). Проверьте, не она ли ставит на пути солдата все новые и новые препятствия к возвышению, хотя и ранее имевшиеся преграды были почти непреодолимы. Посмотрите, как она стоит за сохранение отживших приемов, форм и постановлений, породивших неудачи последней войны. Подумайте хорошенько, не она ли старалась замять дело и прекратить следствие, начатое по поводу крымских хищений, не она ли содействовала обелению виновных. Опыт щедро подтверждает то, что предугадывал здравый смысл: каста военных, несмотря на все недавние невзгоды, скандалы и негодование общества, вопиющего о реформе армии, пользуется таким огромным влиянием, что реформа не могла пройти; несмотря на все это, наши избиратели так глупы, что посылают в парламент ничуть не меньше офицеров, чем прежде!

Но и здесь еще не конец всем несообразностям, происходящим на выборах. Мы стоим за общий принцип, признанный и толкователями конституции, учившими, что законодательная и исполнительная власть должны быть разделены, а выборы грешат против этого общего принципа, и не только

в этом, а еще и в других отношениях, хотя и не так буквально, как в только что приведенном примере. Номинально юристы не состоят на службе у правительства и на жалованье у государства, но на практике они входят в состав организации исполнительной власти. В механизме отправления правосудия они играют далеко не последнюю роль. Работа этого механизма доставляет им заработок; для благополучия их не столь важно, чтобы было удовлетворено правосудие, сколько нужно, чтобы при удовлетворении его была соблюдена их выгода. Как интересы офицеров обособлены от интересов армии и нередко даже идут с ними вразрез, так и у адвокатов и стряпчих есть свои интересы, нередко прямо враждебные скорому и дешевому исполнению закона. И замечательно, что эти враждебные делу интересы всегда берут перевес над другими, и настолько сильны, что некоторые юристы утрачивают даже способность смотреть на вещи с какой-либо иной точки зрения, кроме профессиональной. Мы своими ушами слышали, как один стряпчий с негодованием говорил об убытках, нанесенных его собратьям по профессии парламентским Актом о судах (*County Courts Act*), конечно, рассчитывая на полное сочувствие со стороны своих слушателей, хотя и не принадлежавших к этой профессии! Если, как всем известно, у юристов совесть не из особенно чутких, нужно ли посылать их в парламент для того, чтобы составлять законы, которые, между прочим, они же сами будут и применять, причем могут быть затронуты и личные их интересы? Неужели адвокаты, сплошь и рядом взимающее плату за то, чего они не сделали, и стряпчие, требующие такой непомерной платы за свои услуги, что для них понадобилось установить особую таксу, определяемую специальным учреждением, — неужели эти господа так неподкупны, что их не опасно назначить на ответственный пост, где иной раз соблазняются и самые бескорыстные? Тем не менее в данный момент в палате общин заседает 98 юристов, из них человек 60 практикующих, остальные — удалившиеся от дел, но, несомненно, сохранившие взгляды и понятия, усвоенные ими в продолжение своей профессиональной карьеры.

Эта критические заметки относительно поведения избирателей вовсе не обязывают нас прийти к выводу, что *ни один человек*, принадлежащий к аристократии или чиновничеству,

не должен быть избираем в парламент. Безопаснее было бы применять и в этих важных случаях общий принцип, который, как мы видели выше, сам парламент признал и узаконил для случаев маловажных. Мы не станем, однако, утверждать, что при случае нельзя сделать исключение там, где на это есть основание. Мы стремимся только доказать, что невыгодно, непоэтично избирать в парламент такой огромный процент членов, принадлежащих к правящим классам, — классам, интересы которых расходятся с интересами общества в широком смысле слова. Мало того, что больше трети всего состава правящего класса входит в состав законодательной власти, образуя отдельную палату; надо было еще и в палату общин насаждать моряков, юристов и военных, т.е. людей, которым выгодно заодно с аристократией поддерживать существующий строй, а ведь таких членов там почти половина: это наглядно показывает несостоятельность избирателей. Из 654 человек, ныне¹ составляющих нижнюю палату, только 250 достойных, с классовой точки зрения, или хотя бы только допустимых (ибо мы включили сюда многих и таких членов, которые имеют спорные права на избрание); это свидетельствует о чем угодно, только не о здравом уме народа. В учреждение, основанное для защиты интересов английского народа, этот народ пусть посылает лишь таких представителей, интересы которых совпадают с его интересами, а не две трети тех, чьи интересы расходятся с его собственными; это неумно до невероятия и уже никак не говорит в пользу теории представительства.

Если у массы не хватает ума даже на то, чтобы выбрать представителей, наиболее подходящих по положению и роду занятий, тем менее способна она избирать людей соответствующего характера и способностей. Нетрудно разглядеть, кто легче поддастся искушению поставить на первый план частные выгоды; но очень трудно разобрать, кто умен. Тот, кому не удалось первое, наверное, окажется несостоятельным и во втором. Чем выше ум, тем менее доступен он оценке невежд. Популярны только те деятели и писатели, которые недалеко ушли от массы и потому понятны для нее; тот же, кто далеко опередил толпу и стоит в стороне от нее, никогда не бывает популярен.

¹ В 1857 г.

Правильная оценка предполагает некоторую общность мысли. «Только тот, кто сам чего-нибудь стоит, распознает достоинство в другом... Наиболее достойный, при выборах посредством всеобщей подачи голосов, имел бы не много шансов... Увы, когда евреев спросили об Иисусе Христе: „Чего заслуживает Он?“ — не было ли ответом их: „Крестной смерти!“» Теперь пророков не побивают камнями, но и не признают их. Недаром говорит Карлейль: «Если из десяти человек девять явные глупцы, что составляет обыкновенную пропорцию, каким образом можете вы рассчитывать, что эти десять человек, кладя свои шары в избирательный ящик, подадут голос непременно за мудреца?.. Смею вас уверить, что, если миллион тупиц примутся, с авторитетным видом, разбирать человека, которого вы называете гением или благородной душой, обсуждать его характер и качества, его достоинства и недостатки, ничего, кроме нелепостей, они не наговорят, хотя бы судили и рядили до скончания века. Так что, если даже избиратели удовольствовались избранием человека, всеми признанного умным и дальновидным, не прилагая к нему для испытания мерку собственных суждений и взглядов, — все же у них было бы мало шансов напасть на самого лучшего. А при тех условиях, при каких это делается, они и подавно должны избирать далеко не лучших. Их депутат будет настоящим представителем заурадной глупости».

Посмотрим же теперь на это собрание избранных народом представителей. Мы уже отметили, что оно составлено неудачно, в смысле соблюдения интересов народа; что касается интеллигентности избранных лиц, мы уже видели, какие качества предполагает в них теория. Не мешает, однако, присмотреться к ним ближе с этой последней точки зрения.

Прежде всего, посмотрим, за какое дело они берутся? Заметьте, мы говорим не о том, что им *следовало бы* делать, не о том, что они *намереваются и пытаются* делать. Область их деятельности захватывает собой почти все, что творится в обществе. Они изобретают меры, предупреждающие взаимные насилия между гражданами и обеспечивающие каждому спокойное владение своей собственностью. Им принадлежит и другая функция, также необходимая в настоящей стадии существования человечества, — функция защиты нации, взятой в целом, против вторжений извне. Помимо всего этого, они

берут на тебя удовлетворение несчетных нужд, искоренение несметного количества зол, надзор за бесчисленным множеством дел. Из различных верований и взглядов на Бога, творение, будущую жизнь и т.д. они берутся выбрать самые верные и уполномочивают целую армию священников ежеминутно внушать их народу. Они берутся устранить нищету, происходящую от недостатка предусмотрительности; устанавливают *titinit*, который каждый плательщик налогов обязан уделять на дела благотворительности, и заведуют распределением добытых таким образом сумм. Находя, что эмиграция при естественных условиях идет недостаточно быстро, они добывают средства и всячески покровительствуют переселению части рабочих классов в колонии. Видя, что социальные потребности не вызывают достаточно быстрого расцвета знания, и будучи уверены, что они-то уж знают, какое знание всего нужнее, они тратят общественные деньги на постройку школ и плату учителям, печатают и издают учебники для государственных школ (*State-schoolbooks*); держат особых чиновников, надзирающих за тем, чтобы преподавание велось сообразно программам. Они принимают на себя роль врача и требуют, чтобы лечились одобренными или специфическими средствами и, во избежание заражения натуральной оспой, подвергались заболеванию оспой телячьей. Они берут на себя роль моралистов и решают, какие драмы можно ставить на сцене и какие нельзя. Не будучи художниками, они поощряют открытие рисовальных школ, поставляют туда преподавателей и модели, в Мальборо-Гоузе они диктуют законы хорошего вкуса и осуждают дурной*. Через посредство подчиненных им городских советов они снабжают публику приспособлениями для мытья тела и платья, они же, случается, заведуют фабрикацией и прокладкой газо- и водопроводных труб, заботы о сточных трубах и ямах принадлежат также им, они же открывают публичные библиотеки и общественные сады. Мало того, они же определяют, как строить дома и суда, они принимают меры к обеспечению безопасного движения по железным дорогам, они же постановляют, в какой час должны быть закрыты трактиры и какую плату имеют право требовать с вас извозчики, они надзирают за чистотой меблированных комнат, распоряжаются устройством кладбищ, определяют, сколько часов должно

работать на фабриках. Если им кажется, что тот или другой социальный процесс идет недостаточно быстро, они ускоряют его; если что-нибудь растет не в том направлении, какое им кажется наиболее желательным, они изменяют направление роста, пытаясь таким образом осуществить какой-то неопределенный идеал общественной жизни.

Такова задача, которую они берут на себя. Теперь, позвольте спросить, какими же данными обладают они для выполнения этой задачи? Предполагая, что возможно выполнить все вышесказанное, какие же знания и способности требуются от тех, кто будет выполнять это? Чтобы с успехом предписывать законы обществу, необходимо знать устройство этого общества, принципы, на которых оно зиждется, естественные законы его прогресса. Если правительство не имеет точного и правильного понятия о сущности социального развития, оно непременно будет делать крупные ошибки, поощряя одни перемены и пресекая другие. Если оно недостаточно усвоило себе взаимную независимость многих функций, которые, будучи взяты вместе, составляют жизнь нации, ему грозят многие непредвиденные бедствия, так как оно может высчитать, насколько расстройство одной функции отразится на отправлении других. Иначе говоря, оно должно быть хорошо ознакомлено с социологией — наукой, включающей все остальные и превосходящей всех их сложностью.

Посмотрим же теперь, насколько удовлетворяют этому требованию наши законодатели? Проявляется ли это знакомство в их деятельности? Приближаются ли они хоть сколько-нибудь к этому знакомству? Мы не сомневаемся, что многие из них — знатоки в классической литературе, многие из них писали отличные стихи по латыни и способны наслаждаться греческой трагедией; но между памятью, исправно хранящей слова, сказанные две тысячи лет назад, и дисциплинированным умом, подсказывающим человеку, как держать себя со своими современниками, общего еще очень мало. Правда, изучая языки древних народов, изучаешь отчасти и историю их, но, ввиду того, что эта история повествует главным образом о битвах, договорах, переговорах и вероломствах, она бросает не особенно много света на социальную философию, из нее трудно вывести даже простейшие принципы политической экономии. Точно

так же мы не сомневаемся, что изрядный процент членов парламента — прекрасные математики, а математическое образование ценно, так как оно дисциплинирует ум. Но политические проблемы не поддаются математическому анализу, и все познания в этой области не много помогут при законодательстве. Мы ни на минуту не позволим себе усомниться, что господа офицеры, заседающие в парламенте, вполне компетентные судьи в вопросах фортификации, стратегии и полковой дисциплины, но мы не видим, чтобы это могло помочь им выяснить себе причины и способы устранения народных бедствий. Мало того, принимая во внимание, что война воспитывает в человеке антиобщественные чувства, а военный режим по необходимости должен быть деспотичен, мы склонны думать, что воспитание и привитые с детства привычки делают офицера скорее непригодным, чем пригодным, к руководительству свободными гражданами.

Многие юристы, посаженные в парламент, бесспорно, могут похвалиться обширным знакомством с законами, и можно бы думать, что эти знания пригодятся им при служении делу, к которому они призваны.

Но и юридическое образование не дает глубокого знания социологии, за исключением тех случаев, когда оно не только техническое, когда оно сопровождается знакомством со всеми многообразными последствиями применения различных законов в прошлом и настоящем (на что ни один юрист не может претендовать). Близкое знакомство с законами так же мало подготавливает к рациональному составлению законов, как, например, знание всех секретных средств, когда-либо применявшихся человечеством к рациональному лечению. Словом, ни в ком из представителей законодательной власти мы не находим надлежащей подготовки. Один — талантливый романтик, другой — разбогатевший строитель железных дорог; этот нажил большое состояние торговлей; тот известен придуманными улучшениями в области земледелия; но ни один из этих талантов непригоден для надзора за общественными течениями и согласования их. Из многих лиц, прошедших среднюю школу и университет, включая сюда премированных светил Оксфорда и Кембриджа, нет ни одного, прошедшего школу, необходимую для хорошего законодателя. Ни один не обладает надлежащими познаниями в науке вообще, достигающей своей кульминационной точки

в науке о жизни, которая, в свою очередь, одна только может послужить базисом для науки об обществе.

Ибо все явления, составляющие жизнь нации, суть явления жизни вообще и управляются законами жизни — это главная тайна, которая кажется еще более сокровенной оттого, что о них говорят открыто. Рост, упадок, порча, улучшение, вообще все перемены, происходящие в политическом организме, обуславливаются действиями человеческих существ, а все действия человеческих существ строго подчинены законам жизни вообще и не могут быть правильно поняты без понимания этих законов.

Смотрите же, какое чудовищное несоответствие между целью и средствами. С одной стороны, бесчисленные трудности самого дела; с другой — полная неподготовленность тех, кто берется за него. Надо ли удивляться, что издаваемые законы не достигают цели? Не естественно ли, что каждая новая сессия занимается главным образом разбирательством жалоб, исправлением и отменой прежних законов. И можно ли ожидать чего-нибудь другого, когда дебаты позорятся нелепыми выходками чуть не в духе Кэда¹. Если даже не предъявлять таких высоких требований, как вышеуказанные, и то непригодность к делу большинства депутатов бьет в глаза. Стоит окинуть взглядом эту разношерстную компанию дворян, баронетов, сквайров, купцов, адвокатов, инженеров, солдат, моряков, железнодорожных тузов и т.д. и спросить себя, насколько их прошлая жизнь могла подготовить их к многосложному делу законодательства, чтобы сразу понять, что в этой области они совершенно некомпетентны. Можно подумать, что вся наша система построена на изречениях какого-то политического *Догберри**: «Исцелять трудно; управлять легко. Знание арифметики не дается без труда; знание общества приходит само собой. Чтобы уметь делать часы, нужно долго учиться; но для того, чтобы составлять законы, учиться совсем не нужно. Чтобы хорошо заведовать магазином, нужно умение, но для управления народом не требуется никакой подготовки». Если бы нас посетил теперь новый Гулливер или, как в *Micromegas*è Вольтера, обитатель другой планеты, он, вероятно, отозвался бы о наших политических учреждениях приблизительно в таком роде:

¹ Предводитель восстания 1849 г.

«Я нашел, что англичане управляются сборищем людей, будто бы воплощающих в себе „коллективную мудрость“. Это сборище, в соединении с некоторыми другими начальствующими лицами, которые, однако же, на практике, кажется, подчинены ему, обладает неограниченной властью. Наблюдая его, я пришел в большое недоумение. У нас принято точно определять обязанности известного установления и, главное, следить за тем, чтобы оно не уклонялось от намеченных для него целей. Но здесь и в теории, и на практике английское правительство может делать, что ему вздумается. Хотя в общепринятых правилах и обычаях англичане признают право собственности священным, хотя нарушение этого права считается одним из важнейших преступлений, хотя закон так ревниво охраняет его, что наказывает даже за кражу репы, — их законодатели сплошь и рядом сами нарушают это право. Они без церемонии пользуются деньгами граждан для осуществления задуманных ими планов, хотя бы планы эти вовсе не входили в соображения тех, по чьей милости они облечены властью, хотя большинство граждан, деньгами которых пользуются эти господа, даже не принимали участия в облечении их властью. Каждый гражданин владеет своей собственностью только до тех пор, пока она не понадобится 654 депутатам. Мне сдается, что ныне отвергнутая, но некогда бывшая в большом ходу между ними доктрина „божественных прав королей“ просто-напросто превратилась в доктрину „божественных прав парламента“.

Вначале я был склонен думать, что на Земле все устроено совсем иначе, чем у нас. Здешняя политическая философия предполагает, что поступки не сами по себе хороши или дурны, но делаются хорошими или дурными в силу решения большинства законодателей (law-makers). Для нас очевидно, что раз известное количество существ живут вместе, они обязательно должны, в силу уже своей природы, поставить себе известные основные условия, без соблюдения которых невозможна дружная совместная работа; и о том, кто нарушает эти условия, мы говорим, что он поступает дурно. Английские же законодатели нашли бы нелепым предложение регулировать поведение граждан, руководствуясь такими отвлеченными соображениями. Я спросил как-то одного члена парламента, могла ли бы палата большинством голосов узаконить убийство. Он сказал: „Нет!“

Я спросил, нельзя ли тем же способом освятить разбой. Он сказал: „Не думаю“. Но я не мог заставить его понять, что, если разбой и убийство сами по себе дурны и даже парламентский указ не может сделать их лучшими, значит, и все деяния людские должны быть хороши или дурны сами по себе, независимо от авторитета закона, и там, где правда закона не гармонирует с внутренней правдой, сам закон преступен. Впрочем, и среди англичан некоторые думают одинаково с нами. Вот что пишет один из их замечательных людей (не заседающий в собрании нотаблей): „Все парламенты, Вселенские соборы, конгрессы и иные сборища, где восседает коллективная мудрость, ставили себе всегда одну задачу — возможно лучше проникнуться волей Предвечного, возможно точнее исследовать Его законы... Тем не менее в наше время, благодаря путанице, происходящей от всеобщей подачи голосов и прений, мало-помалу по свету распространилась идея или, вернее, молчаливая догадка о противоположном. И теперь находят жалкие человеческие существа, глубоко уверенные, что раз мы ‘вотировали’ то или другое, так оно отныне и быть должно... Люди дошли до того, что воображают, будто законы Вселенной, подобно законам конституционных государств, утверждаются голосованием. Это праздная фантазия. Законы Вселенной основаны на неизменном от века соотношении вещей между собою; они не могут быть утверждены или изменены голосованием, и, если английские законы не представляют собою точного подражания им, они должны усиленно стремиться к тому, чтобы сделаться таковыми“.

Но я нашел, что английские законодатели, высокомерно презирая все такие протесты, упорствуют в своем *supra*-атеистическом убеждении, будто указом парламента, при должной поддержке со стороны государственных чиновников, можно достигнуть чего угодно; они даже не спрашивают, согласуемо ли то, чего они добиваются, с законами природы. Я забыл спросить: как они полагают, можно ли силой парламентского декрета сделать полезными или вредными для здоровья различные сорта пищи?

Одно поразило меня: у членов палаты общин прекурьезная манера судить о способностях человека. Ко многим, выражавшим весьма резкие мнения, говорившим плоскости, пошлости

или проповедывавшим отжившие суеверия, они относились очень учтиво. Даже величайшие цельности, вроде речи одного из министров, объявившего несколько лет тому назад, что свободная торговля противна здравому смыслу, они проглатывали молча. Но я сам был свидетелем, как один из них, по-моему говоривший очень разумно, ошибся в произношении, вследствие чего исказился смысл фразы, и был осыпан градом насмешек. Они охотно мирятся с тем, что член парламента ничего или почти ничего не смыслит в деле, к которому призван; но неведение в вещах не важных они не прощают.

Англичане кичатся своей практичностью — презирают теоретиков, хвастают тем, что руководствуются исключительно фактами. Прежде чем издать или изменить закон, они имеют обыкновение созывать следственную комиссию, которая собирает сведущих по данному предмету людей и предлагают им тысячи вопросов. Эти вопросы вместе с ответами печатаются в виде солидных размеров книги и рассылаются всем членам парламента; мне говорили, что на собрание и рассылку таких материалов тратится до 100 000 ф. ежегодно. Тем не менее мне показалось, что министры и представители английского народа упорно держатся теорий, давно опровергнутых самыми убедительными фактами. Они высоко ценят мелкие подробности в показаниях и оставляют без внимания крупные истины. Так, например, опыт многих веков показал, что государство почти всегда оказывается дурным хозяином. Государственные имения управляются так плохо, что нередко приносят убыток вместо дохода. Правительственные верфи все до одной стоят бешеных денег и не достигают своей цели. Судопроизводство так дурно поставлено, что большинство граждан предпочитают нести серьезные потери, чем рисковать разориться на судебную волокиту. Бесчисленные факты доказывают, что правительство — худший хозяин, худший торговец и худший фабрикант, вообще плохой распорядитель, чем бы ему ни пришлось распоряжаться. Обилие таких фактов само по себе достаточно убедительно; в последнюю войну халатность и неумение наших чиновников проявились ярко и многообразно, — но все это ничуть не поколебало веры в то, что каждое новое учреждение будет выполнять возложенные на него обязанности вполне успешно. Законодатели, воображая себя людьми практическими, цепляются

за общедоступную теорию общества, управляемого чиновниками, несмотря на подавляющую очевидность несостоятельности такого режима.

Больше скажу: эта вера положительно укрепляется и растет, и государственные люди Англии, эти приверженцы фактов, не хотят видеть, что сами факты свидетельствуют против них. В последнее время так и сыплются предложения подчинить то или другое государственному контролю. И что всего удивительнее, еще недавно представительное собрание совершенно серьезно слушало речь одного из членов — лица в глазах собрания высокоавторитетного, утверждавшего, что государственные мастерские обходятся дешевле частных. Здешний первый министр, отстаивая недавно открытый оружейный завод, сказал, что в одном из арсеналов выделяются метательные снаряды не только лучшего качества, чем имеющиеся в продаже, но и стоящие втрое дешевле, и прибавил: *„Так было бы и во всем“*. Англичане, как народ торговый, должны бы знать, какой процент прибыли идет в пользу фабриканта, на чем и насколько он может соблюдать экономию, и тот факт, что они выбрали главным своим представителем человека, ничего не понимающего в этих вещах, поразил меня как удивительный результат представительной системы.

Больше я уже ни о чем и не спрашивал, ибо мне стало очевидно, что, если в парламенте заседают мудрейшие, — английский народ не может быть назван мудрым».

Итак, нельзя назвать представительное правление удачной выдумкой, по крайней мере что касается подбора членов. Люди, поставленные у кормила власти, оказываются далеко не самыми приспособленными ни в смысле общности их интересов с интересами избирателей, ни в смысле образования и ума. В результате, частью поэтому, частью по причине своей сложности и неуклюжести, громоздкий механизм представительной власти служит административным целям далеко не успешно. В этом отношении он значительно уступает монархической власти. В той, по крайней мере, есть простота, всегда способствующая успешному действию. Это — одно преимущество, а другое — то, что власть находится в руках человека, прямо заинтересованного в хорошем заведовании народными делами, так

как от этого зависит удержание им власти, — мало того, сама его жизнь. Монарх в собственных интересах выбирает мудрейших советников, презирая классовые различия. Для него важно иметь наилучшую помощь, и он не может допустить, чтобы предрассудки встали между ними и талантливым человеком, встреченным им на пути. Примеров тому сколько угодно. Французские короли выбирали себя в помощники Ришелье, Тюрго, Мазарини. У Генриха VIII был советником Вольсей, у Елизаветы — Бурлей, у короля Иакова — Бэкон, у Кромвеля — Мильтон. И все это были люди иного калибра, чем те, которые держат бразды правления при нашем конституционном режиме. У самодержца такие важные побудительные причины утилизировать ум и способности, где бы они ни встретились, что он, подобно Людовику XI, будет советоваться даже со своим цирюльником, если тот окажется с царем в голове. Он не только выбирает умных министров и советников, но старается и на низшие должности назначать людей компетентных. Наполеон производил в маршалы простых солдат и своим успехом был в значительной степени обязан своему умению подмечать и готовности награждать заслугу. Еще недавно мы видели то же в России: вспомним, как быстро выдвинулся талантливый инженер Тотлебен и как дорого нам обошлось его искусство при защите Севастополя. Яркий контраст этому мы видим в нашей собственной армии, где гений остается в тени, между тем как тупиц осыпают почестями; где богатство и кастовая гордость почти не дают хода плебею; где зависть и соревнование между состоящими на службе у королевы и у компании препятствуют успехам высшей команды. Мы видим, что система представительства не дает хороших результатов ни в области законодательной, ни в области исполнительной власти. Разительное противоречие между действиями двух различных форм правления видим в отчете Севастопольского комитета о поставке барачков в крымскую армию: оказывается, что в сношениях своих с английским правительством поставщик барачков сплошь и рядом наткнулся на колебания, проволочки и грубость чиновников; и наоборот, поведение французского правительства отличалось решительностью, быстротой действий, трезвым отношением к делу и большой учтивостью. Все это показывает, что, с точки зрения администрации, самодержавная власть самая лучшая. Если вы желаете

иметь хорошо организованную армию, если вы желаете иметь санитарный департамент, департамент народного просвещения и благотворительности делового пошиба; если вы желаете, чтобы государственные чиновники на деле руководили обществом, — у вас нет иного выхода, как принять систему полной централизации, которую мы называем деспотизмом.

По всей вероятности, несмотря на намеки, рассеянные вначале, многие удивлялись, читая предыдущие страницы. Многие, пожалуй, даже взглянули лишний раз на обложку, чтобы убедиться, не взяли ли они по ошибке вместо «Westminster Review» номер какого-нибудь другого журнала; а иные, читая, не скупались и на бранные эпитеты по адресу автора за кажущуюся измену убеждений. Такие пусть не тревожатся. Мы ни на йоту не отступили от символа веры, приведенного в нашем *prospectus*'е. Напротив, мы по-прежнему стоим за свободные учреждения, и наша с виду враждебная критика, если возможно, только усилила в нас приверженность к этим учреждениям.

Подчинение нации одному человеку не есть нормальный порядок вещей; он пригоден для испорченного нездорового человечества, но его необходимо перерасти, и чем скорее, тем лучше. Инстинкт, который приводит к такому общественному строю, не благородный инстинкт. Назовите его «поклонением героям», и он покажется достойным уважения. Назовите его настоящим именем — слепой боязнью, страхом перед силой, все равно какой, но особенно перед силой грубой, — и вы поймете, что тут нечем восхищаться. Вспомните, что в младенческие дни человечества тот же инстинкт заставлял обоготворять вождя людоеда, петь хвалы ловкому вору; справлять тризны по кровавожандым бойцам; с благоговением отзывать о людях, посвятивших всю жизнь свою мести; воздвигать алтари тем, кто зашел всех дальше в пороках, позорящих человечество, — и иллюзия исчезнет. Прочтите о том, как во времена владычества этого инстинкта сотни людей приносились в жертву на могиле умершего короля; как у алтарей, воздвигнутых в честь героев, убивали пленных и детей, чтобы удовлетворить их традиционной страсти к человеческому мясу; как этот инстинкт породил верность подданных своим государям, в силу которой стали возможны бесконечные набеги, битвы, резня и всякого рода ужасы; как

беспощадно умерщвлял он тех, кто отказывался пресмыкаться в прахе у ног его идолов; — прочтите все это, и чувство благоговения перед героями уже не покажется вам таким высоким и благородным. Посмотрите, как в позднейшее время тот же инстинкт идеализирует не только лучших, но и худших монархов, с восторгом приветствует убийц, рукоплещет вероломству, стоняет толпы любоваться процессами, парадами и церемониями, которыми старается поддержать свой авторитет обессилившая власть, — и он покажется вам даже совсем не похвальным. Автократия предполагает низменность натуры как в правителе, так и в подданном: с одной стороны, холодное, безжалостное принесение в жертву чужих желаний и воли своим желаниям и воле; с другой — низкое, трусливое отречение от прав человека. Об этом свидетельствует самый наш язык Слова: *достоинство*, *независимость* и другие, выражающие одобрение, — не предполагают ли натуры, неспособной к такого рода поклонению? Слова *тиранический*, *произвольный*, *деспотичный* — укоризненные эпитеты; а слова *раболепство*, *низкопоклонство*, *заискивание* — презрительные. Слово *рабский* выражает осуждение, а *раболепный*, т.е. рабоподобный, — мелочность, низость души. Слово *villain* (холоп), вначале означавшее просто крепостного, постепенно сделалось термином, синонимом всего презренного. Таким образом, в формах языка невольно воплотилось отвращение к тем, в ком ярче других проявляется инстинкт подчинения; уже это само по себе доказывает, что с таким инстинктом всегда соединяются дурные наклонности. Он породил бесчисленные преступления. На нем лежит вина за мученичество и казни благородных личностей, отказывавшихся покориться, за ужасы Бастилии и Сибири. Он всегда был бичом знания, свободной мысли, истинного прогресса. Он во все времена поощрял пороки придворных и вводил в моду эти пороки среди низших классов населения. По его милости в царствование Георга IV еженедельно в десятках тысяч церковью возносились к небу заведомая ложь, в форме молитвы о здравии «благочестивейшего и милостивейшего короля». Углубитесь ли вы в чтение летописей далекого прошлого; обратите ли взор свой ко многим еще нецивилизованным расам, рассеянными по земле; начнете ли сравнивать между собой ныне существующие европейские нации, — вы везде увидите, что подчинение авторитету

ослабевает по мере роста умственного развития и нравственно-сти. От времен древнего почитания воинов и до современного холопства инстинкт этот всего сильнее был развит там, где природа человеческая была всего ниже.

На такое отношение между варварством и честностью «слуга и истолкователь природы» наталкивается на каждом шагу. Подчинение многих одному есть общественная форма, необходимая для людей, пока натуры их дики или антиобщественны; чтобы такая форма могла удержаться, необходимо, чтобы эти многие страшно боялись одного. Их поведение в отношении друг друга таково, что поддерживает между ними постоянный антагонизм, опасный для единства обществ; прямо пропорционально этому антагонизму их почтение к сильному, решительному, жестокому вождю, единственному человеку, способному обуздать эти вспыхивающие, как порох, натуры и удержать их от взаимного истребления. В среде таких людей никакая форма свободного правления невозможна. Пока народ дик, им должен управлять суровый деспот, а чтобы такой деспотизм мог держаться, необходимо суеверное поклонение деспоту. Но, по мере того как дисциплина общественной жизни изменяет характер народа; по мере того как старые хищнические инстинкты от недостатка практики ослабевают, а вместо них развиваются различные формы сочувствия, — этот суровый закон становится менее необходимым, авторитет правителя умалывается и страх перед ним исчезает. Из бога или полубога он постепенно превращается в самого обыкновенного смертного, которого можно критиковать, осмеивать, изображать в карикатурном виде. Достижению такого результата способствуют различные влияния. Накапливающиеся знания постепенно развенчивают правителя, лишают его вначале присвоенных ему сверхъестественных атрибутов. Развивающаяся наука расширяет умственный кругозор человека, дает ему понятие о величии творения, о неизменности и непреодолимости Вездесущей Причины, в сравнении с которой всякая человеческая власть кажется ничтожной, и свое прежнее благоговение перед великим человеком мы переносим на Вселенную, которой этот великий человек составляет лишь незначительную часть. Рост населения, из среды которого всегда выдвигается известный процент людей великих, делает то, что великие люди

появляются чаще, и, чем больше их, тем меньше питают уважения к каждому из них в отдельности: они как бы умаляют один другого. В обществе оседлом и организованном его благосостояние и прогресс все менее и менее зависят от кого бы то ни было. В первобытном обществе смерть вождя может совершенно изменить положение дел, но в таком обществе, как наше, кто бы ни умер, все продолжает идти своим чередом. Таким образом, в силу многих причин и влияний самодержавная власть, в области ли политики или чего другого, постепенно ослабевает. Недаром сказал Теннисон: «The individual withers, and the world is more and more»¹. Это справедливо не только в том смысле, в каком оно сказано, но и в более высоком.

Далее, надо заметить, что когда неограниченное господство выдающихся людей перестает быть необходимостью, когда суеверный страх, которым держалось это господство, исчезает, становится невозможным возводить великих людей на вершину. В первобытной стадии общественной жизни, где сила — право, где война — дело жизни, где качества, необходимые правителю для того, чтобы обуздывать подданных и побеждать врагов, суть телесная сила, мужество, хитрость, воля, — легко выискать лучшего, или, вернее, он сам выищется. Свойства, делающие его наиболее пригодным к тому, чтобы господствовать над окружающими дикарями, — те самые, с помощью которых он приобрел над ними господство. Но для более сложного строя жизни, цивилизованного и сравнительно мирного, эти качества уже непригодны, да если бы и были пригодны, организация общества такова, что обладателя их не допустят добраться до вершины. Для управления оседлым цивилизованным обществом нужны не страсть к завоеваниям, но желание общего блага; не вековая ненависть к врагам, но спокойная справедливость и беспристрастие; не умение маневрировать, но пронзительность философа. Но как найти человека, обладающего всеми этими качествами в самой высокой степени? Обыкновенно, он не рождается наследником престола, а выбрать его из тридцати миллионов населения — нет такого безумца, который допустил бы, что это возможно. Мы уже видели, как

¹ Индивидуум хиреет, мир приобретает все больше и больше значения.

мало люди способны оценивать по заслугам ум и достоинство; лучшая иллюстрация тому — парламентские выборы. Если несколько тысяч избирателей не могут выбрать из среды своей самых умных и даровитых, тем менее могут сделать это миллионы. По мере того как общество становится многолюдным, сложным и мирным, политическое главенство лучших людей становится невозможным.

Но если бы даже отношение между самодержцем и рабом было нравственно здоровым, если бы даже самодержцами были вполне пригодные к этому люди, — все же мы утверждали бы, что такая форма правления нехороша. Мы утверждали бы это не только на том основании, что самоуправление имеет большое воспитательное значение, — мы утверждали бы это с той точки зрения, что *один* человек, как бы он ни был умен и добр, непригоден к тому, чтобы *единолично* руководить действиями созревшего и смешанного общества; что при самых лучших намерениях доброжелательный деспот весьма легко может натворить массу бед, которые, при другом порядке вещей, были бы невозможны. Возьмем случай, наиболее благоприятный для тех, кому хотелось бы отдать верховную власть в руки достойнейших. Возьмем образцового героя Карлейля — Кромвеля. В нравах и обычаях той эпохи, когда возник пуританизм, было, несомненно, многое, способное внушить отвращение. Пороки и безумства отживающего католицизма, отчаянно борющегося за свое существование, были, бесспорно, достаточно сильны, чтобы породить в виде реакции аскетизм. Но дело в том, что люди не меняют своих привычек и удовольствий *сразу*; это не в порядке вещей. Чтобы добиться *прочных* результатов, надо воздействовать постепенно. Лучшие вкусы, более высокие стремления надо развивать, а не навязывать насильственно, извне. Если вы отнимете у человека наслаждения низшего порядка, не заменив их более высокими, — быть беде, так как известная доля наслаждений — необходимое условие здорового существования. Что бы ни проповедовала аскетическая мораль, удовольствие и боль — побудительные и сдерживающие импульсы, с помощью которых природа охраняет существование своих детей. Презрительный эпитет «свиной философии» не изменит вечного факта: страдание и горе по-прежнему будут торной дорогой к смерти, а счастье — добавочной

жизнью и жизнедателем. Но негодующие пуритане не понимали этого и с чрезмерным усердием фанатиков старались искоренять наслаждение во всех его видах. Добившись власти, они запретили не только сомнительные развлечения, но заодно уж и всякие. И ответственность за все это падает на Кромвелля, ибо в каждом данном случае он или сам вводил репрессалии, или допускал их и поддерживал. Каковы же были последствия этого насильственного обращения людей к добродетели? Что произошло после смерти сильного духом человека, который воображал, что он помогает Богу «привести всех к покаянию»? Страшная реакция, повлекшая за собою один из самых гнусных периодов нашей истории. В начисто убранный и выметенный дом вошли «семь бесов, злейших первого» и основались в нем прочно. В течение нескольких поколений нравственный уровень англичан все понижался. Порок прославлялся; добродетель осмеивалась; брак сделался предметом издевательства для драматических писателей; процветали богохульство и сквернословие всякого рода; высшие стремления угасли, целый век был испорчен вконец. Только с воцарением Георга III жизненный масштаб английского народа несколько повысился. И этим веком деморализации мы в значительной степени обязаны Кромвеллю. Можно ли после этого считать за благо владичество одного человека, как бы сам он ни был хорош и честен?

Нам остается еще заметить, что там, где политическое главенство великих людей перестает существовать явно, оно продолжает существовать в скрытой и более благодетельной форме. Не ясно ли, что в наши дни мудрый диктует законы миру, и если не он сам, так другие заставляют исполнять эти законы. Адам Смит, сидя в своей комнате у камина, произвел больше перемен, чем многие первые министры. Генерал Томсон, выковавший оружие, которым велась борьба с «хлебными законами», Кобден и Брайт, сражавшиеся этим оружием, продвинули вперед цивилизацию гораздо сильнее многих скипетроносцев. Как ни неприятен этот факт государственным людям, отрицать его невозможно. Кто припомнит благодетельные последствия свободы торговли и присоединит к ним еще более важные результаты, которых следует еще ожидать, тот поймет, что эти люди положили начало более серьезному перевороту, чем кто бы то ни было из современных монархов. В наше время истинные

властители — люди, вырабатывающие новые истины и внушающие их своим ученикам; они — «негласные законодатели» — действительные короли. Таким образом, все добро, которое могут нам сделать великие люди, остается при нас, а зло, сопряженное с этим, избегнуто.

Нет, времена старого режима прошли. Подчинение многих одному сделалось, по крайней мере для нас, ненужным, противным и невозможным. Поклонение героям было хорошо в свое время, но не в наше, оно отжило свой век, и, к счастью, никакие воззвания, хотя бы самые красноречивые, не могут вернуть его к жизни.

Перед вами как бы два непримиримых положения, два взаимно уничтожающих довода. Вначале мы критиковали представительное правительство, осуждая его; затем критиковали монархическую власть и осудили ее еще строже; одно, по-видимому, исключает другое.

Тем не менее парадокс этот легко объяснить. Вполне возможно признавать все то, что было нами сказано о недостатках представительной власти, и в то же время утверждать, что это все-таки лучшая форма правления. Мало того, из самих фактов, по-видимому свидетельствующих против нее, вполне возможно вынести еще более глубокое убеждение в ее превосходстве.

Ибо все, сказанное нами, вовсе не доказывает ее непригодности как средства обеспечить справедливость в отношениях между отдельными личностями и сословиями. Есть множество доказательств тому, что поддержание справедливости в отношениях подданных между собою, составляющее существенную задачу правящей власти, лучше всего обеспечено, когда эта власть вышла из народа, несмотря на все недостатки, которые могут быть ей присущи. В исполнении главной и важнейшей функции правительства представительная власть оказывается наилучшей как в силу своего происхождения, так и в теории и по результатам. Рассмотрим факты с этих трех точек зрения. В Испании, Англии, Франции — везде народные силы спланивались для того, чтобы положить предел королевской тирании, иначе сказать, королевской несправедливости. По древнейшим сведениям об испанских *кортесах*, их дело было давать советы королю, а его долг — следовать этим советам. Они подавали петиции (челобитные), увещевали, приносили жалобы

на обиды и требовали удовлетворения. Король, согласившись на их требования, давал клятву исполнять их, и тогда было постановляемо, что всякий королевский указ, противоречащий таким путем созданным статутам, будет «почитаем, как веление короля, но не будет исполняться, как противный правам и привилегиям подданного». Из всего этого очевидно, что кортесы поставили себе социальной задачей восстанавливать справедливость там, где она была нарушена королем или другими лицами; что король не имел привычки держать данное слово, и необходимо было прибегать к известным мерам для того, чтобы принудить его выполнять свои обещания. В Англии находим аналогичные факты. Бароны, обуздавшие тиранию короля Иоанна, были, в сущности, экспромтом собранными представителями нации, хотя официально не носили этого наименования. Их требование, чтобы правосудие не продавали, не отказывали в нем и не медлили с ним, достаточно показывает, какие виды социального зла побудили их взять власть в свои руки. В старые времена рыцари и депутаты от городов (*burgesses*), собираемые королем в расчете на материальную поддержку с их стороны, в свою очередь жаловались ему на обиды и притеснения, требуя удовлетворения, т.е. правосудия, и до тех пор, пока справедливость не была восстановлена, отказывали королю в помощи. Из этого мы видим как то, что необходимо же было как-нибудь ограждать себя от беззаконий, чинимых самодержавной властью, так и то, что для этой цели всего пригоднее представительные учреждения. Дальнейший рост власти народа, последние завоевания, сделанные им, имели своим источником именно требование лучших законов — уменьшение сословных привилегий, сословных льгот и несправедливостей; обильное доказательство этому можно найти в их речах, произнесенных во время агитаций по поводу билля об избирательной реформе (*Reform bill*). Во Франции представительная власть опять-таки приняла определенную форму под давлением невыносимого гнета свыше. Когда века насилий и поборов довели народную массу до нищеты; когда по всей стране виднелись лишь исхудалые, изнуренные лица, а полуживых от голода жалобщиков вздергивали на «виселицы сорок футов вышиной»*; когда Франция, благодаря требованиям и жестокостям никуда не годных королей и кровопийц-дворян,

была на краю гибели, — спасение явилось в лице собрания депутатов, избранных народом.

Предполагается, что *a priori* представительная власть способна к выработке справедливых законов; это доказывается и тем единодушием, с каким испанцы, англичане и французы, в конце концов, обратились к этой форме власти, и, в позднейшее время, попытками других европейских наций сделать то же. Рассуждают очень просто: ясно, что в большинстве случаев человек будет сам лучше оберегать свои интересы, чем другие будут оберегать их за него. Ясно также, что, когда нужно выработать правила, затрагивающие интересы многих, эти правила будут всего справедливее, если при выработке их будут присутствовать и принимать в ней одинаковое участие все заинтересованные. Далее, ясно, что, когда этих заинтересованных так много и они так разбросаны, что им физически невозможно *всем* принимать участие в выработке таких законов и правил, самое лучшее будет, если жители каждой местности выберут из своей среды кого-нибудь, кто бы говорил за них, отстаивал их интересы, словом, был их представителем. Основной принцип таков: общее благо всего надежнее обеспечено, когда каждый заботится о собственном благе, и этот принцип проводится в дело по возможности прямолинейно. Изучение истории и человеческой природы убеждает нас, что *одному* человеку нельзя вверить интересы целой нации, если его собственные, действительные или воображаемые, интересы расходятся с ними. Оттуда же черпаем заключение, что от небольшой группы, составляющей часть нации, например от дворян, нельзя ожидать, чтобы они особенно пеклись о благе народа, в широком смысле слова, и ставили его интересы выше своих собственных. Далее, мы тем же путем убеждаемся, что только равномерное распределение политической власти между всеми служит надежной охраной общему благу. Именно в силу этого убеждения люди обращались к представительной власти, поддерживали ее и расширяли круг ее деятельности. От старинных повесток (циркуляров, writs), в которых говорилось, что справедливость требует, чтобы законы, одинаково всех касающиеся, были всеми одобрены, вплоть до тех доводов, которые приводят лица, лишённые гражданских прав, требуя доли участия в политической власти, — теория везде одна и та же.

Заметьте, нигде ни слова о высокой мудрости или административной умелости такого собрания. С начала до конца имеется в виду одна цель: *справедливость*. Будем ли мы рассматривать вопрос с отвлеченной точки зрения, станем ли исследовать различные взгляды на него от древних и до наших дней, — и там и здесь мы найдем, что в теории представительная власть считается лучшим способом обеспечить справедливые законы.

А разве результаты не оправдывают теории? Не удалось ли нашему парламенту после долгой борьбы обуздать бесчинство королевской власти и отстоять права подданного?¹ Не пользуемся ли мы, англичане, при нашей форме правления сравнительной безопасностью и правосудием так, что другие нации взируют на нас с завистью? Когда Франция избрала учредительное собрание, не было ли последствием этого освобождение народа от тягот, угнетавших его (уничтожение десятины, подати, платимой сеньору, налога на соль, чрезмерно строгих постановлений, оберегающих дичь, и т.д.), отмена множества феодальных льгот и привилегий, освобождение рабов во французских колониях? А у нас самих расширение нашей избирательной системы, выразившееся в билле о реформах, не имело ли благодетельных последствий и не повело ли к более совершенному строю, как о том свидетельствуют отмена хлебных законов и уравнение пошлин, платимых за ввод во владение наследством, полученным по закону и по завещанию? Такие доказательства неоспоримы. И априори, и апостериори ясно, что представительная власть наиболее способна издавать и поддерживать справедливые законы.

И заметьте, что все выставленные нами возражения почти не говорят против представительной власти, пока она не выходит за пределы этой сравнительно ограниченной функции. По своей посредственной интеллигентности избранные депутаты не в состоянии направлять и регулировать сложные и многочисленные процессы, из которых складывается национальная жизнь; но у них достаточно ума, чтобы установить и поддерживать простые принципы справедливости, обуславливающие собой доброе поведение граждан в отношении друг

1 История этой борьбы изложена для русских читателей в книге А. Быковой «Рассказы из истории Англии» (СПб.: Изд. Д. Алексеева, 1900).

к другу. Эти принципы таковы, что главные их применения доступны пониманию самого дюжинного человека. Как ни туп средний избиратель, он все же видит необходимость постановлений, предупреждающих грабеж и убийство; он понимает пользу закона, требующего уплаты долгов; он способен понять и необходимость мер, препятствующих сильному тиранить слабого, и оценить справедливость судебной системы, одинаковой как для богатых, так и для бедных. Средний избиратель, может быть, сам по себе человек недалекий, но под руководством своих более умных сотоварищей он все же сумеет придумать способы применения этих ограничительных мер или, вернее, сумеет поддерживать уже установленный порядок, постепенно выработанный его предшественниками, и, со своей стороны, делать кое-что для усовершенствования его в том направлении, где это представляется явно необходимым. Правда, даже и этим ничтожным требованиям избиратели и депутаты удовлетворяют не вполне. Правда, избиратели бывают иногда слепы к самой ощутимой истине: они не понимают, например, что, во избежание законов, покровительствующих дворянству в ущерб остальным членам общества, не следует выбирать депутатов из дворян; но там, где несправедливость таких сословных законов бьет в глаза, — например, как это было с хлебными законами, — у них хватает здравого смысла прибегнуть к решительным мерам и отменить пристрастный закон. Правда, у большинства законодателей не хватает проницательности, чтобы понять, что большинство зол, которые они стараются исцелить путем официального надзора и руководства, исчезло бы само собой при скором, надежном и дешевом суде; однако же закон о судебных учреждениях в графствах (*County Courts Act*) и другие недавно введенные реформы показывают, что они, в сущности, сознают важность более целесообразного отправления правосудия.

Таким образом, невысокий уровень умственных способностей, по необходимости отличающий представительное правительство, делает его неспособным к сложному делу регулирования всей жизни нации, но не делает его неспособным к отпращиванию сравнительно несложных обязанностей охраны граждан. Притом же ясно, что по отношению к этой главной функции правительства интересы граждан и представителей

совпадают гораздо более, чем по отношению ко многим другим функциям, принимаемым на себя правительством. Для отдельно взятого члена парламента не особенно важно, чтобы учителя, проповедники, санитарные чиновники, распределители пособий бедным и другие государственные чиновники хорошо исполняли свои обязанности; но для него очень важно, чтобы жизнь и собственность его были ограждены от насилия, а следовательно, он, по всей вероятности, больше будет заботиться о том, чтобы правосудие было хорошо поставлено, чем о хорошей постановке дела в других областях государственной жизни. Кроме того, сложность, несоответствие частей и общая тяжеловесность механизма, лишаящая представительную власть подвижности и решительности, необходимых для отеческого надзора и руководства делами тридцати миллионов граждан, не отнимают у него возможности издавать и поддерживать постановления, препятствующие этим гражданам вредить друг другу. Ибо принципы справедливости не только просты, но и неизменны, и, раз они в главных чертах уже вылились в известную форму, правительству остается только развивать и совершенствовать свои законы да изобретать принудительные меры к выполнению их, а для этого представительная власть, при всей медлительности и запутанности своего действия, *не непригодна*. Таким образом, происхождение, теория и результаты показывают, что представительная власть лучше всего обеспечивает справедливость в отношениях между классами и отдельными личностями; возражения же против нее, столь веские, когда дело идет о других пунктах ее деятельности в обществе, в этом самом существенном пункте не говорят против нее.

Таким образом, мы пришли к решению парадокса, к примирению двух, по-видимому, противоречащих положений. На вопрос: к чему пригодно представительное правление? — мы отвечаем: оно пригодно, чрезвычайно пригодно и более всех других пригодно именно к тому, что является настоящей задачей всякого правительства. Оно непригодно, совершенно непригодно, особенно непригодно для делания того, чего правительство вообще делать не должно.

Остается еще один пункт. Выше мы сказали, что представительная власть, несмотря на свои бьющие в глаза недостатки,

не только лучшая форма власти, но что и в самих недостатках ее можно найти доказательства ее превосходства. Заключение, к которому мы только что пришли, доказывая, что эти недостатки мешают ей делать то, чего правительство и не должно делать, уже доставило нам ключ к пониманию этого, на первый взгляд, странного уверения. Но здесь не худо будет дать нашим словам более подробное разъяснение. Это приводит нас уже к чисто научной стороне предмета.

Постоянно возрастающая сложность, характеризующая прогрессирующие общества, есть результат умножения числа различных частей, исполняющих различные функции. В настоящее время доктрина разделения труда до известной степени уже усвоена большинством; всем известно, что в силу этого разделения труда каждый ремесленник, фабрикант, каждый город и округ мало-помалу суживают круг своей деятельности и наконец ограничиваются одним видом труда. Занимающиеся изучением устройства живых организмов находят, что процесс развития всегда однообразен и сводится к тому, что каждый орган постепенно получает свою определенную и ограниченную функцию; так что и здесь шаг за шагом происходит усовершенствованное «физиологическое разделение труда». В нашей статье «Прогресс, его закон и причина», помещенной в I томе «Опытов», мы уже указывали на то, что возрастающая специализация функций, замечаемая во всех организмах, как индивидуальных, так и общественных, есть одно из проявлений более общего процесса, обнимающего всю природу, как органическую, так и неорганическую.

Но эта специализация функций, составляющая закон всякой организации, имеет двоякое действие. По мере того как каждая часть приспособляется к своей специальной функции, она становится менее способной к выполнению других функций. Приспособиться к чему-нибудь одному значит сделаться менее приспособленным ко всему другому. Здесь у нас нет места пояснить эту истину примерами. В любом новейшем сочинении по физиологии читатель найдет множество подтверждений тому из области эволюции живых организмов, а в сочинениях политикоэкономов — ряд иллюстраций из истории эволюции обществ. Здесь мы хотим только сказать, что правительственный орган политического тыла подтверждает своим примером

эту истину наравне с другими органами. В силу этого общего закона правительство, приспособляясь к своей специальной функции, должно в то же время утрачивать способности, необходимые для выполнения других функций.

Но это уже, как мы сказали, относится к области чистой науки. Первая и самая существенная обязанность правительства — защищать подданных от нападений врагов внешних и внутренних. В низших, неразвитых формах общества, где дифференциация частей и специализация функций имеются лишь в слабой степени, эта существенная обязанность выполняется крайне несовершенно и притом осложнена еще множеством других обязанностей: правительство надзирает за поведением всех — как индивидуумов, так и общества, — регулирует одежду, пищу, омовения, цены, торговлю, религию — словом, пользуется неограниченной властью. По мере того как общество получает лучшее устройство, более приспособленное к выполнению его главной функции, ограничивается и власть его, и возможность заниматься другими делами. Возрастающая способность к выполнению истинного своего долга влечет за собой уменьшение способности выполнять все другие виды деятельности. К этому заключению, составляющему вывод из общего закона организации, мы пришли уже раньше путем индуктивного рассуждения. Мы видели, что и в теории, и на практике представительная форма власти лучше всякой другой обеспечивает интересы справедливости. Мы видели также, что во всех других отношениях и в теории, и на практике эта форма власти худшая. Теперь оказывается, что эта последняя характерная черта представляет собой неизбежную спутницу первой. Несостоятельность во многих отношениях, по-видимому сильно говорящая не в пользу представительной власти, есть лишь неизбежное следствие ее более полного приспособления к своему настоящему делу и в этом смысле сама по себе служит указанием, что мы имеем дело с формой власти, наиболее свойственной высоко развитым и прогрессирующим обществам.

Не думаем, однако, чтобы это соображение было оценено по достоинству теми, кого оно ближе всего касается. Такие отвлеченные истины редко нравятся сенатам; об описанной нами метаморфозе не упоминается у Овидия; история, по крайней мере до сих пор написанная, тоже не говорит о ней. Никакого

намека на нее вы не найдете в Синих книгах¹ и докладах различных комиссий. Она не доказана и не засвидетельствована статистикой. Очевидно, у нее мало шансов быть признанной «практиками» — законодателями. Но немногим избранным, занимающимся изучением собственно социологии, мы рекомендуем обратить внимание на этот общий факт как на имеющий весьма важное значение. Тот, кто имеет понятие об общих законах жизни и знает, что эти общие законы управляют всеми социальными явлениями, поймет, что это двойственное изменение характера прогрессирующих правительств заключает в себе ответ на первый из всех политических вопросов. Он поймет, что специализация, в силу которой прогрессирующее правительство становится более способным к выполнению одной функции, теряя в то же время способность к выполнению других, ясно указывает истинные границы обязанностей государства. Он поймет, что, даже помимо всех других доказательств, один этот факт достаточно определяет, в чем заключается истинная сфера законодательства.

¹ Сборники парламентских документов.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ¹

Сэр Джеймс Макинтош попал в большой почет за высказанную им мысль, что «конституции не создаются, а сами вырастают». В наше время самое замечательное в этом изречении то, что оно когда-то считалось столь замечательным. Как по удивлению, выказываемому человеком при виде какого-нибудь обыденного явления, можно судить об общем развитии этого человека, так точно из удивления, с которым какой-нибудь век встречает новую мысль, можно составить себе понятие о степени просвещения этого века. Факт, что это изречение Макинтоша наделало столько шума, показывает, как глубоко было в его время незнание социальной науки. Слабый луч истины казался тогда ярким светом, точно так же, как далекое мерцание сальной свечи является звездой среди окружающей тьмы.

Явившись среди совершенно чуждой системы мышления, подобная мысль действительно не могла не поразить. Во времена Макинтоша вещи объяснялись гораздо более гипотезой искусственного созидания, нежели гипотезой самобытного развития, — что большинство людей делает, впрочем, и в наше время. Тогда думали, что каждая планета была собственно-ручно пущена в ход Творцом, с той именно степенью быстроты, какая требовалась для уравнивания солнечного притяжения. Образование Земли, отделение моря от суши, творение животных считались механическим трудом, от которого Господь почил, как работник отдыхает от работы. Человека считали сделанным вроде того, как делаются главные фигуры. Под стать этим понятиям и как бы с общего молчаливого согласия установилось убеждение, что и общества устраиваются так или иначе непосредственным вмешательством Провидения, постановлениями законодателей или соединением того и другого.

Но что общества не искусственно создаются, это до того очевидно, что кажется удивительным, как могла такая истина ускользнуть от внимания наблюдателей. Ничто, быть может, не доказывает так наглядно ничтожность исторических

¹ Впервые напечатано в «Westminster Review» за январь 1860 г.

исследований, которые до сих пор производились. Достаточно оглянуться на окружающие нас перемены, наблюдать за социальной организацией в главнейших ее особенностях, чтобы убедиться, что эти перемены и особенности не имеют ничего сверхъестественного и не определяются волею каких-либо личностей, как это вообще можно бы вывести из поучений историков, а проистекают из общих, естественных причин. Одного факта разделения труда достаточно, чтобы пояснить это. Не повеления какого-нибудь правителя были причиной того, что некоторые люди сделались мануфактуристами, тогда как другие остались земледельцами. В Ланкашире миллионы людей посвятили себя выделыванию хлопчатобумажных изделий; в Йоркшире миллион людей живет разработкой шерсти; гончарный промысел Стаффордшира, ножевые изделия Шеффилда и металлические изделия Бирмингема занимают сотни тысяч рук. В строе английского общества это факты крупные, но мы не можем приписать их ни чуду, ни законодательству. Не «героем-царем» и не «коллективной мудростью» раздроблено было население на производителей и оптовых и мелочных распределителей. Вся наша промышленная организация, от главнейших ее очертаний до мельчайших подробностей, сделалась тем, чем она есть, не только без помощи законодательного руководства, но в значительной мере вопреки законодательным стеснениям. Она возникла из различных человеческих нужд и деятельностей. Между тем как каждый гражданин старался о личном своем благоденствии и ни один не помышлял о разделении труда, да и не сознавал необходимости такого разделения, оно установилось и постоянно развивалось. Процесс этот совершался медленно и скрыто, так что до новейшего времени никто почти его не замечал. Он подвигался шагами, до того незаметными, что промышленные порядки долгое время казались все теми же, как и в старину. Рядом изменений, столько же нечувствительных, как те, через которые семя переходит в дерево, общество сделалось тем сложным сочетанием взаимно зависящих друг от друга деятелей, каким оно является нам теперь. И надо заметить, что эта экономическая организация есть существенная основа всего строя. Благодаря самобытно выработавшимся таким образом сочетаниям, каждый гражданин снабжается предметами жизненных потребностей и в то же время оказывает и другим

какую-либо помощь, поставляет какой-нибудь продукт. Тем, что мы живы сегодня, мы обязаны правильному течению этой комбинации в течение прошлой недели, и, если бы существующий механизм был внезапно уничтожен, большая часть нас перемерла бы до исхода текущей недели. Если же эти наиболее крупные и жизненные черты нашего общественного строя возникли не по мысли какого-либо индивида, а из личных усилий граждан удовлетворить их собственные потребности, то можно быть уверенными, что и менее важные черты возникли таким же путем.

«Однако, — скажут нам, — нельзя же причислить общественные изменения, произведенные непосредственно законом, к самобытно развившимся явлениям. Когда парламент или король приказывает сделать то или другое и назначает от себя лиц для исполнения приказанного, процесс, очевидно, искусствен, и в этих границах общество должно считать скорее искусственно сотворенным, нежели самобытно взросшим». Нет, даже изменения не составляют исключения. Истинные источники подобных изменений лежат глубже, нежели в действиях законодателей. Возьмем на первый раз самый простой пример. Всем нам известно, что распоряжения представительных правительств состоят в конечной зависимости от воли нации: они могут на время расходиться с этой волей, но в конце концов должны сообразоваться с нею. Сказать же, что правительственные распоряжения определяются волей нации, все равно что сказать, что они составляют результат среднего уровня индивидуальных желаний или — другими словами — индивидуальных натур. Следовательно, закон, имеющий такое начало, действительно вырастает из народного характера. В тех случаях, когда правительство есть представитель одного какого-нибудь преобладающего сословия, замечание остается столь же верно, хотя делается не столь очевидным в применении. Самое существование сословия, пользующегося монополией власти, возможно только вследствие известного настроения и образа мыслей всей общины. Без чувства подданнической преданности со стороны вассалов феодальная система никогда не могла бы существовать. Из протеста шотландских горцев против уничтожения наследственных юрисдикций видно, что они предпочитали этот вид местного управления. Если же народному характеру следует

приписывать возникновение неответственного управляющего сословия, то народному же характеру должны быть приписываемы и те общественные порядки, которые сословие это создает для достижения собственных целей. Даже там, где существует деспотическое правительство, та же доктрина сохраняет свою состоятельность. Как и в предыдущих случаях, так и тут характер народа есть первоначальный источник политической формы, и множество примеров доказывает, что внезапно создаваемая новая форма не принимается, а быстро пятится назад к прежней форме. Сверх того, если постановления деспота действительно входят в силу, то это делается только потому, что они приспособлены к состоянию общества. Действия неограниченного правителя, подчиняясь в значительной мере общественному мнению — влиянию предыдущих примеров, образу мыслей дворянства, духовенства, войска, — бывают отчасти непосредственным результатом национального характера; когда же они идут вразрез с национальным характером, то в скором времени теряют на практике свою силу. Неудача попытки *Кромвеля* прочно установить новые общественные условия и быстрота, с которой, после его смерти, ожили ниспровергнутые порядки и учреждения, доказывают, до какой степени монарх бессилён изменить тип управляемого им общества. Он может временно нарушить, задержать естественный процесс организации или помочь ему, но над общим ходом процесса он не имеет власти. Можно сказать даже более. Люди, которые видят в истории обществ только историю великих людей и думают, что эти великие люди направляют судьбы обществ, упускают из виду, что сами эти великие люди суть порождение этих обществ. Не будь известных предшествовавших обстоятельств, известного общего уровня национального характера, эти великие люди не могли бы родиться и получить то образование, которое их развило. Если общества, к которым они принадлежали, преобразовывались до известной степени ими, то они, со своей стороны, и до и после рождения образовывались этими обществами, являлись результатом всех тех влияний, которые способствовали сформированию унаследованного этими людьми характера и сообщили им с раннего возраста известное направление, верование, нравственный склад, познания и стремления. Таким образом, общественные изменения,

которые можно непосредственно приписать личностям, одаренным необыкновенной силой, надо относить к социальным причинам, породившим эти личности; следовательно, с высшей точки зрения все общественные изменения надо отнести к общему процессу развития.

Таким образом, то, что так очевидно верно относительно промышленного строя общества, верно и относительно всего его строя. Факт, что «конституции не создаются, а сами вырастают», — не что иное, как осколок гораздо более крупного факта, что во всех своих видах и разветвлениях общество представляет собою возрастание, а не искусственное произведение.

Давно уже вырабатывалось и от времени до времени появлялось в литературе смутное понятие о некоторой аналогии между политическим телом и телом живого индивида. Но это понятие естественно должно было быть чем-то неопределенным и более или менее фантастичным. При отсутствии физиологической науки и в особенности тех широких обобщений, которых она достигла только в последнее время, невозможно было различить истинные параллелизмы.

Основная идея, вокруг которой вращается образцовая республика Платона, заключается в соответствии, существующем будто бы между частями общества и способностями человеческого ума. Распределяя эти способности под рубрики «Разум», «Воля» и «Страсти», он распределяет и членов своего воображаемого общества на три класса, которые считает соответственными вышесказанным: советники, в руках которых должно быть управление; воинство или исполнительная власть, которой предоставляется исполнение приказаний совета; наконец, вся остальная община, радеющая только о корысти и эгоистичном самоудовлетворении. Другими словами, правитель, воин и работник, по идее Платона, соответствуют нашей силе мышления, воли и ощущения. Если даже предположить, что подразумеваемая тут теория сходности устройства общества с устройством человека имеет некоторую основательность, то и тогда это распределение все-таки оказалось бы слабым. С большей основательностью можно бы сказать, что так как воинская власть повинуетя приказаниям правительства, то Воле соответствует именно правительство, тогда как воинская власть есть только орудие, приводимое в движение Волей.

Или же можно бы сказать, что так как Воля есть порождение преобладающих желаний, которым разум служит только как бы глазом, то согласно с проведенной в этом случае аналогией двигательной силой воинства должны быть работники.

Гоббс пытался установить еще более определенное сравнение, только не между обществом и человеческим умом, а между обществом и человеческим телом. Во вступлении к сочинению, которое развивает ему мысль, он пишет: «Ибо искусством созидается великий *Левиафан*, называемый *Государством*, по-латыни *Civitas*, который есть не что иное, как искусственный человек, но большего роста и большей силы, нежели природный человек, для обороны и охранения которого он предназначается; *верховная власть* в нем есть искусственная *душа* как начало, сообщающее жизнь и движение всему телу; *судьи* и другие судебные и исполнительные *сановники* суть искусственные сочленения; *награды* и *наказания*, которыми прикрепляются к верховной власти члены и сочленения и побуждаются к исполнению своей обязанности, суть *нервы*, исправляющие такую же должность в природном теле; *имущество* и *богатство* всех остальных членов суть *сила*; *salus populi*, *благо народа*, равносильно *назначению в человеке*; *советники*, которыми приводится народу на ум все, что ему нужно знать, — суть *память*; *правосудие* и *закон* суть искусственные *разум* и *воля*; *согласие* — *здоровье*; *мятеж* — *болезнь*; *междоусобная война* — *смерть*».

И Гоббс доводит это сравнение до того, что помещает в своей книге наглядный рисунок Левиафана — огромной фигуры в человеческом образе, туловище и члены которого составлены из множества людей. Заметив, что эти различные сходства, проведенные *Платоном* и *Гоббсом*, уничтожают одно другое (как представляющие полнейшее разногласие между собою), можно все-таки сказать, что в целом параллель Гоббса вернее. Но и она полна несообразностей. Если верховная власть есть *душа* политического тела, то каким образом судьи, т.е. лица, облеченные частью этой власти, могут быть сравнены с *сочленениями*? Или каким образом три умственные функции: память, разум и воля — могут быть поставлены в соответствие: первая — с советниками, т.е. с известным разрядом должностных лиц, а прочие две — с правосудием и законами, т.е. уже не с людьми, а с отвлеченными понятиями? Если судьи представляют искусственные

сочленения общества, то каким же образом награды и наказания могут быть нервами? Представителями нервов тоже должен быть какой-нибудь разряд людей. Награды и наказания в обществах, как и в отдельных личностях, должны быть *условиями* нервов, а не самими нервами.

Но главные ошибки в сравнениях, проведенных Платоном и Гоббсом, лежат гораздо глубже. Оба мыслителя принимают своей исходной точкой положение, что организация общества может быть сравнима не с организацией живого тела вообще, но с организацией живого человеческого тела в особенности. Нет никаких данных такого положения. Оно вовсе не вытекает из сущности доводов; это просто одна из тех фантазий, которые обыкновенно являются примешанными к истинам, открываемым на первых ступенях мышления. Еще ошибочнее оказываются эти понятия в том отношении, что они принимают общество за искусственное построение. Образцовая республика *Платона* — его идеал здорового политического тела — основана на искусственном составлении ее людьми, точь-в-точь таким способом, каким составляются, например, часы; и Платон, очевидно, представляет себе, что все общества имеют такое происхождение. Этот же взгляд вполне определенно высказан *Гоббсом*. «Ибо, — говорит он, — *искусством* создается великий *Левиафан*, называемый *Государством*». Он заходит даже так далеко, что сравнивает предполагаемый социальный договор, из которого внезапно возникает общество, с сотворением человека божественной волей. Таким образом оба мыслителя впадают в крайнюю несостоятельность и считают общину в устройстве своем подобной человеческому существу и в то же время произведенной таким же способом, как искусственный механизм; они смотрят на нее в области природы как на организм, в области же истории — как на машину.

Но при всех своих погрешностях эти умозрения имеют весьма важное значение. Уже одно то, что подобные параллели, хотя и грубо очерченные, были проведены Платоном, Гоббсом и многими другими, дает повод подозревать, что существует какая-то аналогия. Несостоятельность отдельных пунктов сравнений, приведенная выше, не служит основанием для отрицания самой сущности аналогии, потому что первые идеи обыкновенно бывают только смутным очерком истины. При

отсутствии обширных обобщений биологии было, как мы уже сказали, невозможно проследить истинные соотношения социальных организаций с организациями другого разряда. Мы ставим себе задачей показать здесь те аналогии, которые раскрывает нам в этом отношении новейшая наука.

Начнем с краткого изложения пунктов сходства и пунктов различия. Общества сходятся с индивидуальными организмами в четырех выдающихся особенностях.

- 1) В том, что, начинаясь соединением небольшого числа частей, они нечувствительно увеличиваются в объеме до такой степени, что некоторые из них наконец достигают размера, в десять тысяч раз большего, нежели их первоначальный размер.
- 2) В том, что, имея вначале до того простое строение, что массу их можно бы считать совершенно бесстройной, они принимают по мере возрастания своего все более и более сложное строение.
- 3) В том, что, хотя в первоначальном неразвитом их состоянии почти не существует взаимной зависимости частей, части эти постепенно приобретают взаимную зависимость, которая наконец делается так велика, что жизнь и деятельность каждой части обуславливаются жизнью и деятельностью прочих частей.
- 4) В том, что жизнь и развитие общества независимы от жизни и развития какой-либо из составляющих его единиц и гораздо продолжительнее существования этих единиц, так как они рождаются, развиваются, действуют, воспроизводятся и умирают каждая сама по себе, между тем как политическое тело, состоящее из них, переживает одно поколение за другим, увеличиваясь в массе своей, совершенствуясь в своем строении и в деятельности своих отправлениях.

Эти четыре параллельные черты тем более покажутся нам значительными, чем более мы будем вдумываться в них. Пункты же, в которых общества сходятся с индивидуальными организмами, представляют в то же время и пункты, в которых различные индивидуальные организмы сходятся между собой и расходятся со всеми другими вещами. В продолжение своего существования каждое растение и животное увеличивается

в массе таким способом, подобия которому не представляют неорганические предметы: даже такие неорганические предметы, как кристаллы, которые также образуются путем возрастания, не представляют нам такого определенного соотношения между возрастанием и существованием, как живые организмы. Правильный, прогрессивный переход от простого к сложному, проявляемый политическими телами наравне со всеми живыми телами, составляет характеристическую черту, отличающую живые тела от неодушевленных тел, среди которых они вращаются. Та взаимная функциональная зависимость частей, которая обнаруживается в животных и растениях едва ли не менее явно, нежели в нациях, не имеет ни в какой другой области ничего себе соответственного. И ни в каком сложном теле, кроме органического и социального, нет этого непрерывного выбывания и замены частей при продолжающейся ненарушимости целого. Кроме того что общества и организмы сходны между собой в этих особенностях, отличающих их от других вещей¹, высшие формы общества, равно как и высшие организмы, проявляют эти особенности в наиболее высокой степени. Мы видим, что низшие животные даже и приблизительно не достигают размеров высших животных; точно то же видим мы и относительно возрастания первобытных обществ, которое сравнительно ограничено. Сложностью своей наши большие цивилизованные нации настолько же превышают первобытные дикие племена, насколько позвоночное животное превышает зоофит*. В простейших общинах, как и в простейших животных, так мало взаимной зависимости частей, что раздробление или отделение этих частей не наносит значительного повреждения целому; от сложных же общин, как и от сложных животных, нельзя отнять какого-либо значительного органа, не причинив большого вреда или даже смерти остальному. Далее, в обществах низшего типа, как и в низших животных, жизнь всего агрегата, часто пресекаемая разделением или разложением, превышает продолжительностью жизнь составных единиц несравненно менее, чем в обществах цивилизованных

¹ Слово *вещь* употребляется нами как равнозначащее английскому *thing*, как термин более общий, нежели *предмет* (object) и *явление* (phenomenon), и обнимающий оба эти термина. — *Прим. перев.*

и высших животных, которые переживают множество поколений составных единиц.

С другой стороны, главнейшие различия между обществами и индивидуальными организмами следующие.

- 1) Общества не имеют специфических внешних форм. Этот пункт различия теряет, впрочем, значительную часть своей важности, если мы вспомним, что во всем растительном царстве, равно как и в низших отделах животного царства, формы часто бывают весьма неопределенны, — если вспомним, что неопределенность форм составляет тут скорее исключение, нежели правило, и что эти формы, подобно формам обществ, очевидно, определяются отчасти окружающими физическими условиями. Далее, если будет, как мы полагаем, окончательно доказано, что форма каждого вида организма была результатом влияния внешних сил, которому этот организм подвергался в течение своего видового развития, тогда то обстоятельство, что внешняя форма обществ зависит от окружающих условий, составит дальнейшую точку общности между социальными и индивидуальными организмами.
- 2) Тогда как живая ткань, из которой состоит индивидуальный организм, образует сплошную массу, живые элементы, из которых состоят общества, не образуют такой же сплошной массы, а более или менее широко рассеяны по известной части земной поверхности. Это различие, с первого взгляда кажущееся основным, исчезает, однако, в значительной степени при подробном рассмотрении фактов. В низших отделах животного и растительного царств есть типы организации, подходящие гораздо ближе в этом отношении к организации общества, нежели можно бы предполагать, — типы, в которых живые единицы, составляющие сущность массы, рассеяны в инертном веществе, которое едва ли можно назвать живым, в полном смысле этого слова. Таковы, например, некоторые *Protococci* и *Nostocaeae*, существующие в виде клеточек, расположенных в студенистом веществе. Таковы и *Thalassicollae* — тела, состоящие из дифференцированных частей, рассеянных в недифференцированной слизи. В значительной части своего тела некоторые из акалеф*

с большей или меньшей ясностью тоже обнаруживают этот тип организма. Нечто весьма подобное представляет общество. Нужно помнить, что хотя люди, составляющие общество, физически разделены друг от друга и даже рассеяны, однако поверхность, по которой они рассеяны, не лишена жизни, а только покрыта жизнью низшего разряда, вспомогательного их жизни. Растительность страны делает возможной животную жизнь в этой стране, и только посредством своих животных и растительных продуктов может такая страна поддерживать человеческое общество. Поэтому члены политического тела не должны считаться отделенными промежутками мертвого пространства, а размещенными по пространству, занимаемому жизнью низшего разряда. В понятие о социальном организме мы должны включить все то низшее органическое существование, от которого зависит существование человека, а следовательно, и общества. При таком воззрении, граждан, составляющих общину, можно считать единицами, одаренными высокой жизненностью и окруженными веществами низшей жизненности, из которых они получают свое питание, совершенно в таком же роде, как приведенные нами выше животные.

- 3) Третье различие заключается в том, что живые элементы индивидуального организма по большей части безотлучно остаются каждый на своем месте, а элементы социального организма одарены способностью передвигаться с места на место. Между тем различие и тут гораздо меньше, нежели можно бы полагать, потому что если граждане, как личности, имеют способность перемещения, то как части общества они неподвижны. В качестве сельских хозяев, мануфактуристов или торговцев люди ведут свои дела на одних и тех же местах нередко в продолжение всей своей жизни, а если и отлучаются случайно, то оставляют на своем месте других. Каждый значительный центр производительности, каждый мануфактурный город или округ постоянно остается на том же месте, и многие из фирм известного города или округа в продолжение целых поколений поддерживаются потомками или преемниками своих основателей. Точно так же, как в живом теле клетки, составляющие известный орган, каждая сама по себе, исполняют в течение некоторого

времени свое назначение и затем исчезают, уступая место другим, так и в каждой части общества орган остается, хотя личный состав его изменяется. Таким образом, в социальной жизни, как и в жизни животного, единицы, равно как и более или менее обширные органы, составленные из них, вообще говоря, неподвижны по отношению к месту, где они исправляют свои должности и добывают свое пропитание. Следовательно, способность индивидуального перемещения не ослабляет принимаемой нами аналогии.

- 4) Последнее и, быть может, важнейшее различие заключается в том, что в теле животного только известный род ткани одарен чувствительностью, в обществе же все члены одарены ею. Но и это различие далеко не безусловно. В некоторых из низших животных, отличающихся отсутствием нервной системы, та несовершенная чувствительность, которой они обладают, одинаково распространяется на все части. Только в более организованных животных формах чувствительность присваивается исключительно одним рядам жизненных элементов. Кроме того, мы должны помнить, что и общества не лишены некоторого дифференцирования в этом роде. Единицы общины хотя и все чувствительны, но чувствительны не в равной степени. Сословия, занимающиеся земледелием и вообще тяжелыми работами, гораздо менее впечатлительны как в умственном отношении, так и в отношении душевных волнений, нежели другие сословия; особенно резко отличаются они в этом случае от сословий, получивших высшее умственное образование. Но все-таки этот пункт представляет довольно резкий контраст между политическими и индивидуальными телами, контраст, которого никогда не следует упускать из виду, потому что он напоминает нам, что между тем как в индивидуальных телах благосостояние всех частей вполне подчинено благосостоянию нервной системы, в приятном или болезненном возбуждении которой заключается все благо или зло жизни, — о политических телах нельзя сказать того же. Пусть жизнь отдельных частей животного поглощается жизнью целого, оно так и следует, потому что это целое имеет корпоративную сознательность, способную ощущать наслаждение или страдание. Общество же — дело другое: его живые

единицы не утрачивают и не могут утратить индивидуальной сознательности, а община, с другой стороны, не имеет корпоративной сознательности как целое. Это-то и есть главная, неизменная причина, по которой никогда благосостояние граждан не может быть справедливо жертвуемо для какого-то воображаемого блага государства, а напротив того — государство должно существовать единственно только для блага граждан. Корпоративная жизнь в этом случае должна подчиняться жизни отдельных частей, а не жизнь отдельных частей — корпоративной жизни.

Итак, мы указали на пункты сходства и пункты различия между общественным и индивидуальным организмом. Не приводит ли нас это обозрение к заключению, что пункты различия служат только тому, чтобы выставить в более ярком свете пункты сходства? Сличение организмов вообще — в том смысле, в каком обыкновенно понимается это слово, — с организмом социальным определеннее уясняет контрасты между теми и другими, но показывает в то же время, что самые контрасты эти не так резки, как можно было бы ожидать. Неопределенность форм, разрозненность и подвижность частей и повсеместная чувствительность не составляют исключительных особенностей социального организма, которые можно бы привести как существенные: низшие разряды животных представляют близко подходящие к ним явления. Следовательно, мы находим немного, что можно было бы противопоставить наиболее важным сходствам. Медленное увеличение объема; прогрессивное осложнение устройства, идущее рядом с усилением взаимной связи частей; возможность отнятия и замены живых единиц, не нарушая целого; соразмерность той степени, в которой проявляются эти особенности, с жизненной деятельностью — все эти черты одинаково присущи и обществам, и органическим телам. А эти черты, в которых общества сходятся с органическими телами и расходятся со всеми прочими вещами, — черты, специально характеризующие органические тела, вполне подчиняют себе меньшие различия: различия эти немногим больше тех, которые отделяют одну половину органического царства от другой. *Начала организации* — одни и те же; различия же представляют только различия в применении этих начал.

Этим оканчиваем мы общий обзор фактов, оправдывающих уподобление общества живому телу. Разберем их в подробности. Мы убедимся, что параллель выступает тем заметнее, чем ближе мы ее будем рассматривать.

Самые низшие животные и растительные формы — *Protozoa* и *Protophyta** — по преимуществу обитают в воде. Это мельчайшие тела, которые большей частью становятся видимы только при помощи микроскопа. Все они крайне просты в строении, а некоторые даже, как, например, *корненожки*, почти совершенно не имеют строения. Размножаясь, по обыкновению этих видов, самопроизвольным дроблением тела, они дают половинки, которые могут или стать совершенно отдельными и направиться в разные стороны, или остаться в связи. Повторением этого процесса самоделения образуются агрегации различного рода и размеров. Между *Protophyta* есть некоторые разряды, например *Diatomaceae* и «*Yeast-plant*», в которых индивиды либо существуют отдельно, либо связаны группами из двух, трех, четырех и более членов; есть и другие разряды, в которых значительное число отдельных клеточек соединяется в одну нить (*Conferva*, *Monilia*), и другие, в которых они образуют сетчатую ткань (*Hydroduction*), или пластинки (*Ulva*), или, наконец, сплошные массы (*Laminaria*, *Agaricus*); все эти растительные виды, не будучи разделены на различные части, как то: корень, ствол или листья, — называются *Thallogens*. Между *простейшими* мы находим соответственные явления. Несметное множество существ, похожих на *Амобеа*, сплоченных вместе тканью роговидных волокон, составляют губку. *Foraminifera* представляют нам меньшие группы таких существ, принявшие более определенные формы. Эти почти лишенные всякого устройства *простейшие* не только соединяются в правильные или неправильные агрегации различных размеров, но между некоторыми из наиболее организованных, например *Vorticellae*, образуются, кроме того, кучки индивидов, происходящих от одного и того же корня. Однако эти маленькие общества монад или клеточек можно назвать обществами только в самом низшем смысле этого слова; между ними нет подчиненности частей, нет организации. Каждая из составных единиц живет сама для себя и сама по себе, не давая другим и не получая от других никакой помощи. Между ними нет взаимной зависимости,

кроме той, которая является вследствие простого механического сочетания.

Не сказывается ли в подобном устройстве сходство с первыми фазами человеческих обществ? Между низшими расами, например бушменами, мы находим только зарождающееся соединение частей: иногда образуются отдельные семьи, иногда два-три семейства кочуют вместе. Число соединяющихся единиц мало и изменчиво, соединение их непрочно. Разделения труда не существует, кроме как между различными полами, и единственное проявление взаимного содействия заключается в совокупности нападений или обороны. Нам представляется тут только недифференцированная группа неделимых, образующих зародыш общества, точно так же, как в вышеописанной группе однородных клеточек представлялся только зачаточный фазис животной и растительной организации.

Теперь сравнение можно провести ступенью выше. В растительном царстве мы переходим от *Thallogens*, простой массы подобных клеточек, к *Acrogens** в которых клеточки сохраняют подобие не во всей массе: в одном месте они представляют соединение, служащее листом, в другом же — соединение, служащее корнем, образуя таким образом целое, в котором есть некоторого рода подразделения в отправлениях единиц, следовательно, и некоторая взаимная зависимость. В животном царстве мы находим соответственный прогресс. Из простых неорганизованных групп клеточек, или клеточнообразных тел, мы поднимаемся к группам клеточек, расположенных частями, имеющими различные должности. Обыкновенный полип, от которого можно отнять отдельные клеточки, представляющие после своего отделения наружность и движения, напоминающие уединенных *Amoeba*, может служить примером этого фазиса. Составные единицы, хотя все еще обнаруживают большую общность характера, принимают на себя отправления, уже несколько различающиеся между собой в коже, во внутренней оболочке и в щупальцах. Тут есть уже некоторая степень «физиологического разделения труда».

Обращаясь к обществам, мы находим соответственные фазисы в большей части первобытных племен. Когда от маленьких изменчивых групп, какие образуются бушменами, мы приходим к большим и более постоянным группам, образуемым

дикарями, стоящими на менее низкой ступени развития, мы начинаем нападать на следы социального строя. Хотя промышленная организация проявляется еще только в различии занятий обоих полов, однако представляются уже следы правительственной организации. Все мужчины — воины и охотники, но только часть их допускается в совет старшин, и в самом этом совете кто-нибудь из старшин обыкновенно пользуется верховной властью. Таким образом устанавливается некоторое различие сословий и властей, и с помощью этой слабой специализации функций устраивается некоторое взаимное содействие в возрастающей массе неделимых — всякий раз, как обществу приходится действовать в своем корпоративном качестве. Кроме этой аналогии в незначительности пределов организации, есть еще аналогия в определенности самой организации. В *гидре* различные части вещества, из которого состоит животное, имеют много общих отправлений. Все они одарены способностью сокращаться; вся внешняя поверхность, за исключением щупалец, может порождать маленькие *гидры*, и, если вывернуть ее наизнанку, желудок будет исправлять функцию кожи, а кожа — функцию желудка. Те дифференцирования, какие существуют в первобытных обществах, столь же несовершенны. Невзирая на отличие сана, каждый член содержит себя собственными усилиями. Не только старшины племени, наравне с остальными членами, сами строят свои хижины, делают свое оружие, убивают животных, служащих им пищей, но и сам предводитель делает то же. Кроме того, в самых грубых из этих племен если и существует правительственная организация, то крайне непостоянная. Она часто изменяется насильем или предательством, и обязанность управлять народом возлагается на других членов общины. Таким образом, между наиболее грубыми обществами и некоторыми из низших видов животной жизни есть аналогия как в незначительности пределов организации, так и в неопределенности самой организации и недостатке устойчивости в ней.

Тут нам тотчас же представляется дальнейшее усложнение аналогии. От соединения единиц в организованные группы мы переходим к размножению таких групп и их соединению в сложные группы. Когда *гидра* достигает известного размера, она отделяет от своей поверхности почку, которая начинает

расти и, постепенно приняв форму породившего ее тела, отделяется наконец от него, и этим процессом почкования животное населяет окружающие его воды. Соответственный процесс является в размножении вышеописанных низкоорганизованных племен. Когда одно из них достигнет размеров, не совместимых с грубой общественной формой, или размножится несообразно количеству дичи и другой пищи, которой может снабдить окружающая страна, — является стремление к разъяснению, и так как в подобных общинах вечно приключаются ссоры, распри и другие раздоры, то скоро представляется случай, вследствие которого часть племени отделяется под предводительством кого-либо из старшин и выселяется. Так как этот процесс от времени до времени повторяется, то наконец обширная полоса земли населяется многочисленными отдельными племенами, имеющими общих предков. Аналогия отнюдь не ограничивается этим. Хотя в обыкновенной *гидре* потомство, образовавшееся из почки, скоро отделяется и делается независимым, но во всем остальном разряде *Hydrozoa*, к которому принадлежит это животное, дело не всегда происходит таким образом. Индивиды, поочередно развившиеся таким способом, остаются прикрепленными к родичу, порождают новые, подобные же индивиды, которые, в свою очередь, остаются прикрепленными к ним, и результатом является сложное животное. Как мы в самой *гидре* находим агрегацию единиц, которые, будучи рассматриваемы порознь, имеют сродство с низшими *простейшими*, так в *зоофите* мы видим соединение из многих таких агрегаций. То же самое видно и в обширной семье *Polyzoa* или *Molluscoidea*. *Асцидии* в своих многочисленных, разнообразных видах представляют то же самое, выказывая, кроме того, различные степени связи, существующей между составными индивидами. Так, например, в *сальпах* составные индивиды связаны между собой так слабо, что удара по сосуду с водой, в котором они плавают, достаточно, чтобы отделить их друг от друга, тогда как в *Botryllidae* между ними существует связь в органах и общие отправления. В этих различных формах и степенях агрегаций не представляется ли аналогии со слитием групп однородных племен в нацию? Хотя в местностях, где это дозволяют обстоятельства, отдельные племена, происшедшие от какого-нибудь первоначального племени, расселяются

по разным направлениям, удаляются на большие расстояния одно от другого и совсем обособляются, однако же в других случаях, где местность представляет препятствия далеким переселениям, этого не случается: мелкие соплеменные общины становятся в более тесные сношения и наконец более или менее сливаются в одну нацию. Примером тому служит контраст между племенами американских индейцев и шотландскими кланами. Наконец, даже беглый взгляд на собственную нашу историю или историю континентальных наций показывает, что везде происходило такое слитие мелких немногосложных общин, хотя и различными путями и в различных размерах. Как говорит Гизо в своей истории «Происхождения представительного правительства»: «Постепенно среди хаоса возникающего общества образуются агрегации, которые ощущают потребность союза и связи друг с другом... Вскоре между соседними агрегациями обнаруживается неравенство сил. Сильные стремятся к порабощению слабых и сначала присваивают себе право обложения их налогами и военными повинностями. Таким образом, политическая власть предоставляет занять более высокое место агрегациям, впервые учредившим ее».

Это значит, что мелкие племена, кланы или феодальные союзы, имеющие по большей части одно общее происхождение и долгое время находившиеся в близком соприкосновении, в качестве населения соседних одна другой стран, постепенно сливаются различными путями, даже и помимо силы народной связи и близости.

Тут начинается дальнейший ряд изменений, которым мы по-прежнему найдем соответственные явления в индивидуальном организме. Возвращаясь снова к *Hydrozoa*, мы замечаем, что в простейшей из сложных форм их связанные между собою индивиды, развившиеся из одного общего первоначального тела, одинаковы по своему строению и имеют одинаковые отправления с той, впрочем, разницей, что иногда почка, вместо того чтобы, развиваясь, образовать желудок, рот и щупальца, образует яичный мешочек. Но с океаническими *Hydrozoa* этого вовсе не бывает. В *Calycophoridae* некоторые из полипов, вырастающих из общего зародыша, развиваясь и видоизменяясь, превращаются в большие, продолговатые, мешковидные тела, которые движутся в воде посредством ритмических

сокращений, таща за собою всю общину полипов. В *Physophoridae* разнообразие органов образуется подобным же порядком через превращения развивающихся из почек полипов, так что в животных, подобных *пузырьковым* (*Physalia*), вместо древоподобной группы неделимых, составляющей первобытный тип этого разряда, мы видим сложную массу неодинаковых частей, исправляющих неодинаковые функции. Как каждую отдельную гидру можно считать группой *простейших*, отчасти превратившихся в различные органы, точно так же и *пузырьковые*, морфологически рассматриваемые, представляют группу гидр, отдельные индивиды которой подверглись различным превращениям для приспособления к различным функциям.

Такой же процесс сложных дифференцирований происходит и при постепенном развитии цивилизованного общества. Мы знаем, как в мелких первобытных общинах возникает некоторого рода простая политическая организация, некоторое практическое разделение сословий, отправляющих различные обязанности. Теперь нам предстоит рассмотреть, каким образом в нации, образовавшейся слитием нескольких таких мелких общин, отдельные составные части, будучи сначала одинаковы по своему строению и роду деятельности, постепенно становятся различны в том и другом, постепенно делаются взаимно зависимыми частями, различными и по существу своему, и по своим отправлениям.

Учение о прогрессивном разделении труда, к которому мы здесь приходим, знакомо всем читателям. Далее, аналогия между экономическим разделением труда и «физиологическим разделением труда» так разительна, что давно уже привлекла внимание естествоиспытателей и ввела в науку самое выражение это. Следовательно, нет надобности пускаться в излишние подробности при исследовании этой части нашего предмета. Мы удовольствуемся указанием нескольких общих и многозначительных фактов, не бросающихся в глаза при поверхностном рассмотрении дела.

Во всем животном царстве, начиная с *Coelenterata*^{*}, первый фазис развития один и тот же. В зародыше полипа, равно как и в человеческом яйце, масса клеточек, из которых имеет образоваться живое существо, отлагает периферический слой клеточек, слегка различествующих от остальных клеточек, которые

этот слой окружают, впоследствии он разделяется на два слоя: внутренний, находящийся в прикосновении с желтком и называемый слизистым слоем, и наружный, подвергающийся окружающим влияниям и называемый серозным слоем, — или, говоря словами профессора Хаксли, употребленными им при описании процесса развития *Hydrozoa*, образуется *endoderma* и *ectoderma*. Это первобытное разделение обозначает основное различие частей в будущем организме. От слизистого слоя, или *endoderm*'ы, развивается питательный аппарат, тогда как из серозного слоя, или *ectoderm*'ы, развивается аппарат внешней деятельности. Из первого образуются те органы, которыми готовится и поглощается пища, втягивается кислород и очищается кровь; тогда как из последнего образуется нервная, мышечная и костная системы, соединенным действием которых совершаются движения тела как целого. Хотя определение это не есть строго правильное, так как некоторые органы имеют в своем составе обе эти основные оболочки, однако высокие авторитеты соглашаются в том, что его можно принять как *общее* разграничение. В процессе развития обществ мы видим сходное с этим дифференцирование, которое точно так же служит основой всего будущего строения. Мы уже указали, что единственный явный контраст частей в первобытных обществах заключается в различии между управляющими и управляемыми. В наименее организованных племенах совет старшин представлял собрание людей, отличавшихся от других только большей храбростью или опытностью. В более организованных племенах сословие старшин является определенно отдельным от низшего сословия и часто рассматривается как сословие, имеющее особую природу, а иногда и божественное происхождение. Позднее эти два сословия становятся друг к другу в отношении вольных людей и рабов, дворянства и крепостных. Беглый взгляд на взаимные обязанности этих сословий показывает, что резкие разделения, образовавшиеся в такую раннюю пору, находятся друг к другу в отношениях, подобных отношениям первоначальных разделов индивидуально зародыша. С первого своего появления сословие старшин управляет внешними действиями общества как в войне, так и в переговорах или переселениях. Впоследствии, по мере того как высшее сословие развивается отлично от низшего и в то же

время более и более исключительно присваивает себе управительные и оборонительные должности в лице государей, равно как и подчиненных им правителей, жрецов и военных вождей, низшее сословие более и более исключительно занимается снабжением общины предметами жизненной необходимости. Из почвы, с которой масса народа приходит в наиболее близкое соприкосновение, добывает она и изготавливает пищу и те немногие грубые предметы ручного изделия, какие известны в таких первобытных обществах, — между тем как сложившееся поверх его высшее сословие, будучи содержимо рабочим населением, ведает внешние стороны общины, с которыми оно, по положению своему, соприкасается более непосредственно. Впоследствии, по мере того как рабочий слой удаляется все более и более от дел общества и утрачивает свою силу в них, он ограничивается почти исключительно процессами добывания продовольствия, между тем как дворянство, переставая участвовать в этих процессах, посвящает себя управлению движениями политического тела.

Не менее замечательна и дальнейшая аналогия того же рода. После того как отделились слизистый и серозный слой зародыша, между ними образуется третий слой, известный физиологам под названием сосудистого, — слой, из которого формируются главнейшие кровеносные сосуды. Слизистый слой всасывает пищу из массы желтка, который он облегает, пища эта должна передаваться верхнему серозному слою, из которого формируется нервно-мышечная система, и между обоими слоями образуется сосудистая система, посредством которой и совершается эта передача, — система, сохраняющая и впоследствии свою роль разносчика пищи из тех мест, где она принимается и готовится, к тем местам, где она нужна для возрастания организма и пополнения его утрат. Не является ли и в социальном прогрессе подобная же ступень? Первоначально между управляющими и управляемыми не существует посредствующего сословия; даже в некоторых обществах, достигнувших уже значительных размеров, нет почти иных сословных различий, кроме дворянства или подобного ему сословия, с одной стороны, и рабов — с другой: при таком социальном строе предметы потребления переходят прямо от рабов к их господам. Но в обществах более высокого типа между этими двумя

первоначальными сословиями возникает третья, торговое или среднее, сословие. Нам представляется тут такая же аналогия, как и в прежних случаях: среднее сословие в общих чертах равносильно среднему слою зародышевых клеточек, ибо все торговцы суть главнейшим образом распределители. Оптом ли они торгуют, собирая большими массами предметы потребления, поставляемые различными производителями, или по мелочам, дробя массы предметов, собранные таким образом, — все торговцы суть агенты перемещения предметов от места их производства к месту их потребления. Таким образом, распределительный аппарат общества соответствует распределительному аппарату живого тела не только по своим отправлениям, но и по своему посредствующему происхождению, по своему положению и по времени своего появления.

Не исчисляя менее важных дифференцирований, которым впоследствии подвергаются эти три главных сословия, мы заметим только, что эти дифференцирования во всем следуют тому же общему закону, как и дифференцирования индивидуального организма. В обществе, как и в животном, мы видели, что самые общие и резко обозначенные разделения появляются первыми; дальнейшие же подразделения совершаются в обоих случаях в порядке убывающей общности.

Заметим затем, что как в том, так и другом в случае специализирования сначала вовсе не полны и становятся полнее по мере совершенствования организации. Мы видели, что в первобытных племенах, как и у наиболее простых животных, остается еще много общности между отправлениями частей номинально различных; что, например, предводители племен в промышленном отношении остаются долгое время равными низшему сословию, точно так же, как в *гидре* способностью сокращаться обладают единицы *endoderm*'ы наравне с единицами *ectoderm*'ы. Мы указали также, что по мере того, как общество подвигалось вперед, в функциях двух главных первоначальных сословий оставалось все менее и менее общего. Здесь же нам следует заметить, что все дальнейшие специализирования сначала крайне неопределенны и только постепенно выясняются. «В младенчестве общества, — говорит *Гизо*, — все переделано и неверно; нет еще постоянной и точной демаркационной линии между различными властями в государстве...

Первоначально короли жили подобно прочим землевладельцам доходами, получаемыми со своих частных поместий». Дворяне были маленькие государи; государи — наиболее могущественные дворяне. Епископы были феодальными владельцами и военными вождями. Правом чеканить монету могущественные подданные и церковь пользовались наравне с королем. Каждое из передовых лиц в одно и то же время исправляло должности землевладельца, сельского хозяина, воина, государственного человека и судьи. Люди, подвластные этим лицам, были то солдатами, то земледельцами, смотря по надобности. Но церковь постепенно утратила всякую гражданскую юрисдикцию; государственная власть все более и более ограничивала свой контроль над религиозным обучением; военное сословие совершенно обособилось; ремесла сосредоточились в городах; веретена, разбросанные по фермам, уступали место машинам мануфактурных округов. Во всяком прогрессе совершается не только переход от однородного к разнородному, но и переход от неопределенного к определенному.

Есть еще один факт, который не следует оставлять без внимания: в процессе развития большого общества из соединения нескольких небольших общин постепенно изглаживаются первоначальные черты разграничения; этому явлению мы можем найти аналогии и в живых телах: целый подкласс *суставчатых* представляет многообразные и ясные примеры. В низших типах этого подкласса тело животного состоит из многочисленных сегментов, во всем почти одинаковых между собою. У каждого сегмента есть свое наружное кольцо; есть своя пара ног, если животное имеет ноги; есть своя одинаковая с другими доля внутренностей или свой отдельный желудок; есть своя одинаковая с другими доля кровеносного сосуда или в некоторых случаях свое отдельное сердце; есть своя часть нервной системы и, пожалуй, своя отдельная пара узлов. Но в высших типах, как, например, в больших *ракообразных*, многие из этих сегментов вполне слиты вместе, и внутренние органы уже не повторяются однообразно во всех сегментах. Те сегменты, из которых первоначально состоят нации, утрачивают свое отдельное внутреннее и наружное строение таким же точно порядком. В феодальные времена мелкие общины, управляемые феодальными владельцами, были организованы каждая сама по себе по одному

и тому же грубому образцу и связывались между собою единственно подданничеством своих отдельных владельцев какому-нибудь одному сюзерену. Но по мере возрастания центральной власти разграничения этих местных общин стали исчезать, и их отдельные организации слились в одну общую организацию. То же самое представляет в большем размере слитие Англии, Валлиса, Шотландии и Ирландии и слитие областей в континентальных государствах. Даже в исчезновении разграничений, установленных законом, проявляется аналогичный процесс. При англосаксах Англия разделялась на *десятки, сотни и графства*. Были суды графств, суды сотен и суды десятков Суды десятков исчезли первые; за ними последовали суды сотен, которые, однако, еще оставили некоторые следы, между тем как судебная юрисдикция графств до сих пор еще существует. Но более всего достойно внимания, что с ходом развития возникает организация, не имеющая соотношения с этими первоначальными разделениями, но пронизывающая их все, по различным направлениям, как у животных, принадлежащих к только что названному отделу, и что в обоих случаях старинные границы нарушаются именно питающей организацией, тогда как следы этих границ сохраняются в управляющей или координирующей организации. Так, в высших *суставчатых* наружная оболочка и мышечная система никогда не утрачивают вполне следов своего первоначального деления на кольца, тогда как в значительной части тела внутренности нисколько не сообразуются с наружными делениями. Точно так же и в нации мы видим, что, между тем как ради правительственных соображений существует еще деление на графства и приходы, устройство, развившееся для питания общества, решительно не признает этих разграничений: наша главная хлопчатобумажная промышленность простирается из Ланкастерского на север Дербийского графства; Лейстерское и Ноттингемское графства давно делят между собою чулочную торговлю; один из главных центров производства железа и железных товаров включает в себе части Варвикского, Стаффордского и Вустерского графств; наконец, все разнообразные земледельческие специализирования, прославившие различные части Англии своими продуктами, оказывают границам графств не больше уважения, нежели наши возрастающие города оказывают приходским разграничениям.

Если по рассмотрении этих аналогий в строении мы спросим, существуют ли такие же аналогии между процессами органических изменений, — ответ будет утвердительный. Причины, ведущие к увеличению объема любой части политического тела, тождественны по существу своему с причинами, ведущими к увеличению объема любой части индивидуального тела. В обоих случаях такому увеличению предшествует усиление деятельности отправления вследствие большого спроса на эту деятельность. Каждый член, внутренность, железа или иная часть животного развиваются упражнением, деятельным исправлением обязанностей, требуемых от нее целым телом; точно так же любой разряд земледельцев или ремесленников, любой мануфактурный центр начинает возрастать, когда община требует от него усиления работы. И в том и в другом случае возрастание одинаково имеет свои условия и границы. Чтобы какой-нибудь орган в живом теле мог развиваться от упражнения, необходимо соразмерное снабжение его кровью. Каждое действие предполагает известную затрату сил; кровь приносит материалы, нужные для вознаграждения этой затраты, и для того, чтобы орган мог развиваться, нужно, чтобы количество доставляемой крови превышало количество, требующееся для одного только вознаграждения затраченных сил. То же самое бывает и в обществе. Если в каком-нибудь округе, разрабатываемом для общины один какой-нибудь предмет потребления (назовем для примера хоть йоркширские шерстяные изделия), появляется усиленный запрос на разрабатываемый продукт, если для удовлетворения этого запроса мануфактурная организация подвергается известным затратам и порче и если, наконец, в уплату за лишнюю против обыкновенного сумму высланных шерстяных изделий возвращается только такое количество товара, которым вознаграждаются сделанные расходы и затраты сил и машин, — то возрастания, очевидно, быть не может. Для возрастания нужно, чтобы произведений, добытых взамен высланного, было более чем достаточно для этих целей, и в таком случае быстрота развития будет в точной соразмерности с получаемым излишком. Из этого явствует, что то, что в коммерческих делах мы называем *барышом*, соответствует излишку питания над затратой сил в живом теле. Сверх того, в обоих случаях, когда деятельность

отправлений усилена, а питание недостаточно, порождается не развитие, а упадок. Если в животном какой-нибудь из органов работает так сильно, что кровеносные каналы, приносящие к нему кровь, не успевают поставлять нужное для восстановления сил количество ее, то орган этот истощается и уменьшается; точно так же и в политическом теле, если какая-нибудь часть его была вызвана на усиленную производительность, а затем не получает полной платы за все свое производство, то некоторые из членов тела обанкрочиваются и размер производительности его уменьшается.

Есть еще одна аналогия, на которую следует здесь обратить внимание. Она заключается в том, что различные части социального организма, подобно различным частям индивидуального организма, борются между собою за пищу и получают большее или меньшее количество ее, смотря по большей или меньшей своей деятельности. Если в человеке чрезмерно возбужден мозг, то кровь отвлекается от внутренних частей и пищеварение останавливается; если пищеварение совершается деятельно, оно может иметь такое влияние на обращение крови в мозге, что причинит сонливость; сильное мышечное напряжение может вызывать приток такого количества крови к оконечностям, что задержится пищеварение или мозговая деятельность. Таким же образом и в обществе часто случается, что усиленная деятельность по какому-нибудь одному направлению причиняет частые остановки деятельности в другом, отвлекая от различных отраслей капитал, т.е. продукты. Мы имеем такие примеры задержки, причиненной коммерческим операциям внезапным развитием нашей системы железных дорог, и в случаях, когда сбор значительных военных сил временно останавливает развитие главнейших отраслей промышленности.

Последние абзацы приводят нас к следующему отделу нашего предмета. Почти незаметно пришли мы к аналогии, существующей между кровью живого тела и находящейся в обращении массой произведений в политическом теле. Теперь нам предстоит проследить аналогию эту от самых простых к наиболее сложным ее проявлениям.

У низших животных крови в собственном смысле слова не существует. Через небольшую агрегацию клеток,

из которых состоит *гидра*, просачиваются соки, извлекаемые из пищи. Нет аппарата для разработки сконцентрированной и очищенной пищи и разнесения ее по составным единицам; составные единицы эти непосредственно вбирают в себя неприготовленную пищу или из пищеварительной полости, или просто одна из другой. Не то ли же самое бывает и в первобытных племенах? Все члены его, каждый сам по себе, добывают себе неразработанные предметы жизненной необходимости, и каждый порознь, как умеет, prepares эти предметы для своего потребления. Когда возникает положительное дифференцирование между управляющими и управляемыми, начинается некоторая передача предметов от тех низших индивидов, которые в качестве работников приходят в прямое соприкосновение с продуктами земли, к высшим индивидам, облеченным правящими должностями. Процесс аналогичен с тем, которым сопровождается дифференцирование *ectoderm*'ы или *endoderm*'ы: как в том, так и в другом случае передаются продукты почти или вовсе не разработанные, и передача совершается непосредственно от единицы добывающей к единице потребляющей, не вступая предварительно в какой-либо общий ток.

Переходя к более значительным индивидуальным и социальным организмам, мы подвигаемся на шаг вперед от этого устройства. В сложных *Hydrozoa*, представляющих сочетание нескольких таких первоначальных групп, из каких составлены *гидры*, или в *медузе*, представляющей одну из этих групп, достигшую значительных размеров, — существуют грубые каналы, проходящие через вещество, из которого состоит тело, но они не представляют каналов для разнесения приготовленной пищи, а суть только простые продолжения пищеварительной полости, через которые неразработанная млечно-водянистая жидкость достигает более отдаленных частей организма и передвигается взад и вперед сокращениями животного. Не находим ли мы в некоторых из первобытных общин, достигших более высокого развития, подобного же состояния? Когда число людей, отчасти или вполне соединившихся в одно общество, становится значительным, когда, как это обыкновенно случается, люди эти покрывают поверхность страны, производящей не везде одинаковые продукты, когда, в особенности, возникают многочисленные непромышленные сословия, — неизбежно устанавливается

какой-нибудь процесс обмена и распределения. По местностям, покрытым растительностью, обуславливающей возможность существования человека, пролагаются не совсем еще определенные пути, по которым изредка провозятся предметы жизненной потребности для размена на другие, которые, в свою очередь, возвращаются тем же путем. Нужно заметить, однако, что вначале перемещаются таким образом почти одни только сырые продукты — плоды, рыба, скот, шкуры и пр.; обработанных же или приготовленных для потребления продуктов почти вовсе нет. Да и неприготовленные продукты развозятся только случайно, каким-то медленным, неправильным ритмом.

Дальнейший прогресс в разрабатывании и распределении пищи и других произведений есть неперменная принадлежность последующих дифференцирований в отправлениях индивидуального или политического тела. Как только какой-либо орган животного ограничивается в своей деятельности специальной ролью, он по необходимости приходит в зависимость от остальных органов относительно получения всех тех материалов, которых его положение и отправление не позволяют ему добывать самому; точно так же, как скоро какое-либо отдельное сословие общины исключительно отдается производству известного предмета, оно становится в зависимость от остальных сословий относительно получения всех прочих предметов, в которых нуждается. В то же время результатом более высокого специализирования группы питательных органов будет большее совершенство в выработке крови, потому что каждый из органов приспособляется в этом случае к приготовлению особых элементов крови; точно так же и произведения, обращающиеся в обществе, будут доброкачественнее по мере большего разделения труда между работниками. Нужно еще заметить, что и в том и в другом случае масса обращающихся питательных материалов, кроме того что постепенно улучшается в составных частях своих, в то же время становится и многосложнее. Увеличение в числе несходных органов, передающих в кровь утраченные ими вещества и требующих от нее различных материалов, в которых каждый из них нуждается, предполагает более разнообразный состав крови. Это априористическое заключение подтверждается, по словам доктора *Виллиамса*, индуктивно, путем исследования крови на различных ступенях животного царства.

Точно так же очевидно, что по мере увеличения разделения труда в общине должно последовать и увеличение разнородности в произведениях, протекающих по всей общине.

Находящаяся в обращении масса питательных материалов в индивидуальных и социальных организмах, делаясь лучшей по качеству своих составных частей и более разнородной в своем составе по мере того, как возвышается тип устройства организма, прибавляет еще к этому типу в том и другом случае новый элемент, сам по себе не питательный, но облегчающий процессы питания. Мы разумеем в индивидуальном организме кровяные шарики, в социальном организме — деньги. Эта аналогия была указана *Либихом*, который в своих «Популярных письмах о химии» пишет: «Серебро и золото должны исправлять ту же должность в организации государства, какую исправляют в человеческой организации кровяные частицы. Подобно тому, как эти шарики, сами не принимая непосредственного участия в питательном процессе, служат посредствующим и неперменным условием обмена материи, произведения тепла и той силы, которою поддерживается температура тела и определяются движения крови и всех соков, — так и золото сделалось посредствующим условием всякой деятельности в жизни государства».

А так как кровяные частицы уподобляются деньгам и по функциям своим, и по тому факту, что они, подобно деньгам же, не истребляются при питании, то *Либих* указывает далее, что число этих частиц, протекающее через главные центры в известный промежуток времени, громадно, если сравнить его с их абсолютным числом, — точно так же, как громадно количество денег, ежегодно проходящих через главные торговые центры, если сравнить его с общим количеством денег в государстве. Это еще не *все*. *Либих* упустил из виду то многозначительное обстоятельство, что только при достижении известной степени организации появляется этот элемент обращения. В обширных разрядах низших животных кровь не содержит в себе шариков, и в обществах, стоящих на низкой ступени цивилизации, нет денег.

До сих пор мы рассматривали аналогию между кровью в живом теле и предметами, потребляющимися и обращающимися в политическом теле. Сравним теперь те аппараты, с помощью которых распределяются и та и другие. В развитии

Этих аппаратов мы найдем аналогии не менее замечательные, нежели вышеизложенные. Мы показали уже, что оптовые и мелочные распределители, как сословие, исправляют в обществе ту же должность, какую исправляет в индивидуальном существе сосудистая система; что они являются на свет позднее других двух главных сословий, — как сосудистый слой клеточек появляется позднее слизистого и серозного слоев, — и что они занимают такое же посредствующее положение. Тут, впрочем, надо еще указать, что полное представление системы общественного кровообращения заключает в себе не только человеческих деятелей, которые направляют движение продуктов и регулируют их распределение, но и самые пути сообщения. На образование и устройство последних мы теперь и обратим наше внимание.

Возвращаясь еще раз к тем низшим животным, у которых не оказывается ничего, кроме частного разлития не крови, а неразработанных питательных жидкостей, надо заметить, что каналы, через которые совершается это разлитие, суть не что иное, как простые углубления в полуорганизованном веществе тела: они не выложены изнутри оболочкой, это просто *lacinae*, проходящие через грубую ткань. Страны, в которых цивилизация только еще начинается, представляют подобное же состояние; нет дорог в собственном смысле слова, но чаща дикой растительной жизни кое-где просекается тропинками, по которым совершается распределение сырых продуктов. И в том и в другом случае акт распределения совершается только через долгие промежутки (токи с некоторыми перерывами направляются то к общему центру, то от него); перемещение в обоих случаях медленно и затруднительно. Но в числе прочих принадлежностей прогресса, как у животных, так и в обществах, является образование более определенных и совершенных путей сообщения. Кровеносные сосуды получают определенные стенки: дороги окапываются и усыпываются щебнем. Это совершенствование появляется сперва в тех дорогах или сосудах, которые находятся ближе к главным центрам распределения, тогда как периферические сосуды и периферические дороги остаются еще долгое время в первобытном состоянии. При еще более поздней степени развития, когда является сравнительная законченность устройства во всей

системе, а не только около главных центров, — в обоих случаях остается та разница, что главнейшие пути распределения сравнительно широки и прямы, тогда как второстепенные — узки и извилисты, соразмерно своей отдаленности от центра. Наконец, нужно еще заметить, что в высших социальных организациях, как и в высших индивидуальных организмах, со временем образуются важнейшие распределительные каналы, еще более отличающиеся совершенством своего устройства, своей сравнительной прямизной и отсутствием тех мелких ответвлений, которые постоянно пускают от себя меньшие пути сообщения. Железные дороги представляют нам вместе с тем первое специализирование по части направления токов, в двойном пути рельсов, разносящих токи в одно и то же время по противоположным направлениям, наподобие артерий и вен вполне развитого животного.

Эти аналогии в процессах развития и в строении систем обращения приводят нас еще к другим аналогиям в родах и степенях скорости движений, происходящих через посредство этих систем. В низших обществах, как и в низших существах, распределение неразработанной пищи совершается посредством медленного доставления и возвращения. В существах, имеющих грубую сосудистую систему, так же как в обществах, едва начавших устраивать дороги и перевозить по ним произведения, нет правильного обращения в определенных направлениях, а вместо того есть периодические колебания токов, изменяющих свое направление то к одной точке, то к другой. Через каждую часть тела низшего моллюска кровь течет некоторое время по одному направлению, потом останавливается и обращает свое течение назад, по противоположному направлению; точно так же медленно распределяются товары в грубо организованном обществе через посредство больших ярмарок, происходящих в различных местностях и периодически направляющих товарные токи. Только животные, достигшие достаточно совершенной организации, и значительно развитые общины просекаются повсюду постоянными токами, имеющими определенное направление. В живых телах местные изменчивые токи исчезают, когда возникают большие центры обращения, порождающие более могучие токи при ритме, переходящем в быструю, правильную пульсацию. Так же

точно и в социальных телах, когда возникают большие центры коммерческой деятельности, производящей и обменивающей большие количества произведений, быстрые и непрерывные токи, принимаемые и отправляемые этими центрами, подчиняют себе все меньшие и местные обращения: медленный ритм ярмарок переходит в более оживленный ритм еженедельных рынков, а в главных центрах распределения еженедельные рынки учащаются в ежедневные, и в то же время вместо медленной перевозки товаров с места на место, совершавшейся сначала еженедельно, потом два и три раза в неделю, люди начинают перевозить их каждый день, а наконец и по несколько раз в день, и прежний вялый, неправильный ритм превращается в скорый, равномерный пульс. Кроме того, в обоих случаях увеличение деятельности, так же, как и совершенствование устройства, менее заметно на периферии сосудистой системы. На главных линиях железных дорог по каждому направлению отправляются до двадцати поездов в день, с быстротой от тридцати до пятидесяти миль в час; через главные артерии кровь быстро прорывается последовательными волнами. По большим дорогам люди и товары перевозятся на лошадях с гораздо меньшей, хотя все еще значительной, скоростью и с гораздо менее резким ритмом; в меньших артериях быстрота течения крови значительно уменьшается и пульс становится менее заметен. В провинции дороги уже более извилисты; устройство их менее совершенно; скорость движения по ним еще убавляется, а ритм становится почти неуловимым, как в самых отдаленных артериях. На тех, еще более несовершенных, побочных дорогах, которые ведут к разбросанным фермам и коттеджам, движение еще медленнее и уже очень неправильно — как в волосных сосудах. Наконец, на проселочных дорогах, которые в своем неустроенном виде представляют тип *lacinae**, движение является самое медленное, самое неправильное, самое редкое — как оно бывает не только в первобытных *lacinae* животных и обществах, но и в тех *lacinae*, которыми кончается сосудистая система в обширных семействах низших существ.

Итак, между распределительными системами живых тел и политических тел мы находим изумительно близкое сходство. В низших формах индивидуальных и социальных организмов

не существует ни приготовленных питательных веществ, ни пищераспределительных снарядов, и в обоих таковые снаряды, возникая как неперменная принадлежность дифференцирования частей, приближаются к совершенству по мере того, как приближается к нему это дифференцирование. У животных, как и в обществах, распределительные органы начинают появляться относительно в одни и те же периоды, в одном и том же положении. У тех, как и у других, находящиеся в обращении питательные материалы сначала просты и не разработаны; постепенно разрабатываются лучше и делаются более разнородными и, наконец, получают прибавление в виде нового элемента, облегчающего питательные процессы. Каналы и сообщения проходят подобные между собой фазисы развития, которые приводят их к аналогическим формам. Направление, ритм и скорость обращения подвигаются сходными шагами к сходным конечным условиям.

Мы приходим, наконец, к нервной системе. Обратив внимание на первоначальное дифференцирование обществ в управляющее и управляемое сословия и заметив аналогию его с дифференцированием двух первоначальных тканей, из которых вырабатываются органы внешней деятельности и органы питания; приняв к сведению некоторые из главнейших аналогий между развитием промышленного устройства и развитием питательного аппарата и проследив возможно подробно аналогии, существующие между распределительными системами, социальной и индивидуальной, — нам теперь остается сравнить средства, которыми управляется общество, как целое, со средствами, которыми управляются движения отдельного существа. При этом мы найдем параллелизмы не менее разительные, нежели указанные выше.

Сословие, из которого правительственная организация берет свое начало, сходно по своим отношениям, как мы уже сказали, с *ectoderm*'ой низших животных и зародышных форм. И как эта первичная оболочка, из которых развивается нервно-мышечная система, должна на первой же ступени своего дифференцирования слегка отличаться от остального организма большей впечатлительностью и способностью сокращаться, которые характеризуют органы, порождаемые ею, — так и в высшем сословии, превращающемся со временем

в управительно-исполнительную систему общества (законодательные и оборонительные функции), должна быть несколько большая доля способностей, требующихся для этих высших общественных должностей. В первобытных обществах люди наиболее сильные, храбрые и сметливые всегда делаются вождями и правителями, а в племени, получившем уже некоторое устройство, эта черта имеет результатом установление первенствующего сословия, отличающегося вообще теми нравственными и физическими качествами, которые делают его членов способными к обсуждению дел и к энергичным совокупным действиям. Точно так же большая впечатлительность и способность сокращаться, характеризующие у низших животных единицы *ectoderm*'ы, характеризуют и единицы первоначальной социальной *ectoderm*'ы, так как впечатлительность и способность сокращаться суть корни разума и силы.

В первичной *ectoderm*'е гидры все единицы одарены и впечатлительностью, и способностью сокращаться; но по мере того, как мы поднимаемся к более высоким типам организации, *ectoderm*'а дифференцируется на разряды единиц, делящих между собою эти два отправления: некоторые, делаясь исключительно впечатлительными, утрачивают способность сокращаться; другие же, делаясь исключительно способными сокращаться, утрачивают впечатлительность. То же самое бывает и с обществами. В каком-нибудь первобытном племени управительные и исполнительные функции распределены в смешанном виде между всеми членами правящего сословия. Каждый мелкий начальник управляет подвластными себе людьми и, в случае надобности, сам силой принуждает их к повиновению. Старшинный совет сам приводит в исполнение свои решения на поле битвы. Главный начальник не только сам издает законы, но собственноручно исполняет приговоры. В более обширных и установившихся общинах между управительной и исполнительной властями начинают возникать различия. Главный начальник или государь, по мере усложнения своих обязанностей, ограничивает все более и более свою деятельность управлением общественными делами и предоставляет выполнение своей воли другим: он отражает от себя лиц для вынуждения покорности, для исполнения приговоров или осуществления менее важных оборонительных или наступательных мер, и только разве

в таких случаях, где дело касается безопасности общества и его собственной верховной власти, принимает он на себя непосредственно деятельную роль. По мере того как устанавливается это дифференцирование, характеристические черты правителя начинают изменяться. Нет уже необходимости, чтобы он, как в первобытном племени, превосходил всех силой и отвагой; главное условие для него состоит в обладании возможно большей хитростью, предусмотрительностью и ловкостью в управлении другими; потому что в обществах, перешедших за первую ступень развития, подобные качества по преимуществу обеспечивают успех в деле достижения верховной власти и отстаивания ее против внутренних и внешних врагов. Таким образом, тот член управляющего сословия, который делается главным деятелем, наподобие первичного нервного центра в развивающемся организме, обыкновенно бывает человеком, одаренным некоторым превосходством нервной организации.

В тех несколько более обширных и многосложных общинах, в которых есть особое военное сословие, сословие жрецов и рассеянные массы населения, нуждающиеся в местном управлении, по необходимости возникают подчиненные правительственные деятели, которые, в свою очередь, по мере усложнения возложенных на них обязанностей, принимают характер все более управительный и менее исполнительный. Затем государь начинает собирать вокруг себя советников, помогающих ему сообщением сведений, подготовлением предметов для его обсуждения и обнародованием его приказаний. Такую форму организации можно сравнить с формой, весьма распространенной между низшими типами животных, у которых существует один главный узел с несколькими разбросанными, зависящими от него узлами.

Впрочем, аналогии между процессом развития правительственного строения в обществах и процессом развития того же строения в живых телах разительнее обнаруживаются при образовании наций посредством слития небольших общин, — процессе, как уже сказано, во многих отношениях соответственном развитию существ, первоначально состоящих из нескольких подобных сегментов. В числе прочих пунктов общности между последовательными кольцами, составляющими тело низших *Articulata*, находится обладание одинаковыми парами

узлов. Эти пары узлов, хотя и соединенные нервами, находят-ся только в весьма слабой зависимости от одной общей управляющей власти. Вследствие этого, если разрезать тело надвое, задняя часть его продолжает подвигаться вперед с помощью своих многочисленных ног, а если разделить цепь узлов, не рассекая самого тела, задние члены пытаются двигать тело по одному направлению, тогда как передние члены стараются двигать его по другому. Но в высших *Articulata* (морские лилии) число передних пар узлов не только увеличивается, но соединяется в одну массу, и так как этот большой головной узел делается распределителем движений животного, то полной местной независимости уже не может быть. В развитии государства, сплоченного из нескольких мелких держав, не представляется ли соответственных этому изменений? Подобно вышеописанным вождям и первобытным правителям, феодальные владельцы, пользуясь верховной властью над группой вассалов, исправляют должности, схожие с функциями первичных нервных центров, и нам уже известно, что они, подобно этим центрам, отличаются некоторым превосходством своей управительной и исполнительной организации. Между этими местными управляющими центрами в феодальные времена существует весьма малая зависимость. Они часто приходят в антагонизм; индивидуально они обуздываются только влиянием многочисленных членов их же сословия и состоят в неполном и неправильном подданстве тому наиболее могущественному члену своего сословия, который стяжал себе положение сюзерена или короля. По мере прогресса в развитии и организации общества эти местные управительные центры все более и более подпадают под власть одного главного управительного центра. Более тесная коммерческая связь между различными сегментами сопровождается и более тесной правительственной связью, и мелкие правители делаются наконец просто чем-то вроде агентов, применяющих каждый в подвластной ему местности законы, постановленные верховным правителем, — точно так же, как описанные выше локальные узлы делаются со временем агентами, приводящими в исполнение каждый в своем отделе приказание главного узла. Параллель можно провести и далее. Выше мы заметили, говоря о появлении первобытных царей, что по мере возрастания их территорий и обязанностей

они бывают поставлены в необходимость не только отряжать на место себя других лиц для отправления их исполнительных должностей, но еще и собирать вокруг себя советников для облегчения управительных обязанностей и что этим путем вместо одной управляющей единицы развивается целая группа таких единиц, которую можно сравнить с узлом, состоящим из многих клеточек. Прибавим здесь, что советники и главные сановники, образующие таким образом первое основание министерства, уже с самого начала стремятся к приобретению некоторой власти над правителем. Посредством доставляемых ими сведений и выражаемых ими мнений они влияют на суждения и распоряжения государя. Следовательно, он до известной степени делается проводником, с помощью которого сообщается направление, первоначально данное этими советниками и сановниками, и со временем, когда советы министров становятся признанным источником его действий, король делается чем-то весьма похожим на автоматический центр, отражающий впечатления, получаемые им извне.

Далее этого усложнения правительственного строя многие общества уже не идут, только в некоторых происходит еще дальнейшее развитие. Наша нация лучше всех может служить примером этого дальнейшего развития и дальнейших истекающих из него аналогий. К королям и их министерствам в Англии присоединились еще другие большие управительные центры, пользующиеся правом контроля, которые, бывши вначале весьма ограниченными, постепенно стали преобладающим, как это бывает с главными управляющими узлами, специально отличающимися высшие разряды живых существ. Как ни покажется странным подобное утверждение, но наши парламентские палаты исправляют в социальной экономике должности, во многих отношениях удобосравнимые с должностями масс головного мозга у позвоночных животных. Как каждому отдельному узлу свойственно возбуждаться только специальными стимулами от известных частей тела, точно так же свойственно каждому отдельному правителю поддаваться в действиях своих влиянию исключительных личных и сословных интересов. Как группе узлов, состоящей в связи с первичным узлом, свойственно передавать последнему более разнообразные влияния от более многочисленных органов и заставлять

таким образом действия его сообразоваться с более многочисленными требованиями, — точно так же свойственно и государю, окруженному помогающими и контролирующими властями, приспособлять управление свое к большему числу народных потребностей. Как, наконец, большим и позднее развившимся узлам, отличающим высших животных, свойственно передавать и сочетать сложные и разнородные впечатления, полученные ими от всех частей системы, и распорядиться действиями своими так, чтобы принять в должное внимание все эти впечатления, — точно так же свойственно большим и позднее развившимся законодательным собраниям, отличающим общества высшего развития, передавать и сочетать желания и селования всех сословий и местностей и распорядиться общественными делами по возможности согласно с общими потребностями. Мозг можно бы назвать *исчислителем средних величин* интересов жизни — физических, умственных и нравственных; хороший же мозг есть такой, в котором желания, соответствующие этим различным интересам, уравновешены так, что образ действий, ими вызываемый, ни одним из них не жертвует для других. Точно так же и парламент мы можем назвать *исчислителем средних величин* интересов различных сословий общины; хорошим же считается такой парламент, в котором партии, соответствующие этим интересам, так уравновешены, что их совокупное законодательство дает каждому сословию столько, сколько совместимо с правами остальных сословий. Кроме удобосравнимости в своих функциях, эти большие управительные центры, социальные и индивидуальные, выдерживают сравнение и по тем процессам, посредством которых происходит отправление этих функций. Новейшая психология признала за истину, что головной мозг занимается не прямыми впечатлениями извне, а представлениями этих впечатлений; вместо действительных ощущений, производимых в теле и непосредственно оцениваемых чувствительными узлами или первичными нервными центрами, головной мозг получает только представления этих ощущений, и сознательность его называется *представительной* (*representative*), для отличия от сознательности первоначальной, непосредственно воспринимающей впечатления. Не знаменательно ли, что мы напали на то же самое слово для обозначения

функции нашей палаты общин? Мы называем ее *представительным* собранием, потому что интересы, которыми она заведует, не прямо ощущаются ею, а *представляются* ей различными членами; прения же есть столкновение между представлениями зол или благ, могущих последовать за известным образом действий; определение это с равной верностью применимо и к прениям, возникающим в индивидуальной сознательности. Сверх того, в обоих случаях эти главные управительные массы не принимают участия в исполнительных отправлениях. Как после столкновения различных представлений в головном мозге, желанья, получающие верх, действуют на подчиненные узлы и через их посредство определяют действия тела, — точно так же партии, одерживающие победу после парламентской борьбы, не сами выполняют свои желанья, а поручают выполнение их исполнительным отделам правительства. Выполнение всех законодательных решений все-таки проходит через первоначальные управительные центры, причем сообщаемый импульс передается от парламента к министрам, а от министров к королю, от имени которого все совершается, — точно так же, как бывает с теми меньшими, впервые развившимися узлами, которые у низших позвоночных служат главными управляющими деятелями, а в мозге высших позвоночных остаются деятелями, приводящими в исполнение приказания головного мозга. Кроме того, в обоих случаях эти первоначальные центры становятся все более и более автоматическими. В развитом позвоночном животном они почти не имеют иного дела, кроме доставления впечатлений к большим центрам и исполнения постановлений этих центров. Так и в нашем в высокой степени организованном образе правления монарх давно уже пришел в состояние пассивного орудия парламента; а с некоторого времени и министерства быстро клонятся к тому же состоянию. Между обоими случаями есть аналогия даже относительно исключений в этом автоматизме. В индивидуальном существе случается, что при внезапном испуге, например от громкого звука, от неожиданного появления какого-нибудь предмета или от толчка вследствие неверной походки, оно обороняется от опасности быстрым невольным скачком или приведением членов в известное положение прежде, нежели успеет осмыслить грозящую беду и принять разумные

меры к предотвращению ее. Это объясняется тем, что эти сильные впечатления на чувства отражаются от чувствительных узлов непосредственно на спинной мозг и мышцы, не проходя предварительно через головной мозг, как это бывает в обыкновенных случаях. Таким же образом в народных кризисах, требующих быстроты действий, государь и министерство, не имея времени передать дело на обсуждение совещательных собраний, сами распоряжаются исполнением известных движений или принятием известных предосторожностей: первичные, теперь почти уже автоматичные, власти возвращаются на мгновение к прежней своей неограниченности. И всего страннее, что в обоих случаях одинаково следует дополнительный процесс одобрения или неодобрения. Индивид, опомнясь от своего автоматического сотрясения, тотчас же разбирает причину своего испуга и переходит к заключению о том, уместно ли или неуместно было его движение. Таким же точно образом совещательные власти государства при первой же возможности обсуждают самопроизвольные действия исполнительных властей и затем, смотря по уважительности причин, пропускают или не пропускают билль *of indemnity*¹.

До сих пор, сличая правительственную организацию политического тела с той же организацией в индивидуальном теле, мы рассматривали только управляющие центры. Нам еще остается рассмотреть проводники, через которые центры эти получают сведения и сообщают приказания. В наименее сложных обществах, как и в наименее сложных организмах, нет никакого посредствующего аппарата (*internuncial apparatus* — как

¹ Не лишним будет предостеречь читателя от ошибки, в которую впал один господин, разбиравший эту статью при первом ее появлении. Он предположил, что проведенная тут аналогия понимается как специфическая аналогия между организацией общества в Англии и человеческой организацией. Как сказано вначале, такой специфической аналогии вовсе не существует. Параллель проводится тут между наиболее развитыми системами правительственной организации — индивидуальной и социальной; позвоночный же тип приводится в пример потому только, что он есть полнейшее выражение этой наиболее развитой системы. Если бы проводилось специфическое сравнение — чего рационально сделать нельзя, — то пришлось бы взять какой-нибудь вид позвоночного, гораздо более низкий, нежели человеческий.

Гонтер назвал нервную систему). Следовательно, впечатления могут распространяться только медленно от единицы к единице по всей массе тела. Но то же прогрессивное совершенствование, которое в животной организации проявляется введением узлов или управительных центров, проявляется и введением нервных нитей, через которые узлы принимают и сообщают впечатления и таким образом управляют отдельными органами. В обществах происходит то же самое. После долгого периода, в продолжение которого сношения управительных центров с различными частями общества совершаются разными другими средствами, является наконец посредствующий аппарат, сходный с подобным же аппаратом индивидуальных тел. Сравнение телеграфных проволок с нервами всем знакомо. Но применимость этого сравнения простирается далее, нежели обыкновенно предполагают. Так, во всем позвоночном подразделении животного царства главные пучки нервов расходятся от позвоночной оси, рядом с главными артериями; точно таким же образом и наши группы телеграфных проволок проводятся по сторонам наших железных дорог. Но самая поразительная аналогия еще впереди. В каждый значительный пучок нервов, при выходе его из оси тела вместе с артерией, входит ветвь симпатического нерва, которая, следуя за артерией в ее разветвлениях, регулирует ее диаметр и управляет протоком крови, смотря по местным потребностям. Таким же образом и в группе телеграфных проволок, тянущихся вдоль каждой железной дороги, есть одна проволока, назначенная для регулирования движения по линии, — для замедления или ускорения протока пассажиров и товаров, смотря по требованиям местных условий. Весьма вероятно, что с полным развитием нашей покуда еще находящейся в младенческом состоянии телеграфной системы откроются и другие аналогии.

Итак, вот общий очерк доказательств, оправдывающих доведенное до мелочей сравнение обществ с живыми организмами. Что те и другие постепенно увеличиваются в массе своей, мало-помалу усложняются, а части их в то же время приходят в большую взаимную зависимость; что те и другие продолжают жить как целые, между тем как поколения составляющих их единиц одно за другим появляются и исчезают, — все это поразительные особенности, которые

проявляются политическими телами наравне со всеми живыми телами и в которых оба рода тел, сходясь между собой, разнятся от всех прочих явлений. Проводя сравнение до мелочей, мы находим, что эти крупные аналогии влекут за собой множество мелких, гораздо более тесных, нежели можно бы ожидать. К этим сближениям мы бы охотно прибавили еще и другие. Мы надеялись сказать кое-что о различных типах социальной организации и о социальных метаморфозах, но нам не позволяют этого пределы статьи.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ¹

Что рыбу труднее достать на берегу моря, чем в Лондоне, — это факт, хотя и противоречащий здравому смыслу, но тем не менее несомненный. Не менее несогласным со здравым смыслом является и тот факт, что в Западной Шотландии, изобилующей быками, за мясом приходится посылать за 200—300 миль в Глазго. Правители, которые под влиянием здравого смысла стремились подавить те или другие мнения, запрещая содержащие их книги, не думали, что запрещение этих книг повлечет за собой распространение этих мнений; точно так же и правители, которые, руководясь здравым смыслом, запрещали взимать большие проценты и не помышляли, что они делают таким образом условия займа еще более тягостными для заемщиков. Человек, который в тот момент, когда книгопечатание заменило переписывание книг, предсказал бы, что число лиц, занимающихся книжным делом, вследствие этого увеличится, был бы признан абсолютно лишенным здравого смысла. Таким же показался бы и человек, который в эпоху замены экипажей железными дорогами сказал бы, что число лошадей, которое понадобится для перевозки пассажиров и груза со станции и на станцию, превысит число их, замещенное паровозами. Таких примеров можно бы было привести бесчисленное множество. Те, которые помнят, что самые простые явления производят действия, часто в высшей степени отличные от тех, какие при этом ожидалось, поймут, как часто это должно иметь место среди явлений сложных. Что воздушный шар поднимается от действия той же силы, которая вызывает падение камня; что таяние льда может быть значительно задержано посредством завертывания его в одеяло; что самый простой способ воспламенить калий это бросить его в воду, — все это истины, которые человеку, знакомому только с внешнею стороною предметов, покажутся очевидными нелепостями. И если даже

¹ Впервые напечатано в «Fortnightly Review» за декабрь 1871 г.

тогда, когда факторы немногочисленны и несложны, результаты могут абсолютно противоречить кажущейся возможности, тем более могут они часто разниться там, где факторы многочисленны и взаимно связаны. Французское изречение по поводу политических событий: «Всегда случается то, чего не ожидаешь», — изречение, которое французы в последнее время не раз подтверждали на деле, должно бы постоянно иметься виду у законодателя и у тех, которые стремятся ускорить законодательную деятельность. Остановимся на минуту и рассмотрим ряд, по-видимому, невозможных результатов, созданных социальными силами.

Вплоть до последнего времени думали, что язык — сверхъестественного происхождения. Что этот разработанный аппарат символов, столь удивительно приспособленный для передачи мыслей от одного ума к другому, есть дар чудесный, это казалось бесспорным. Люди не могли себе представить, каким путем могли явиться эти многосложные соединения слов различного порядка, рода и вида с их формой, делающей их способными соединяться между собою и составлять вечно новые комбинации, вполне точно передающие любую идею по мере ее возникновения. Гипотеза, что и язык слагался медленно и постепенно в общем процессе эволюции из постоянного употребления знаков, первоначально главным образом химических, затем частью мимических, частью вокальных и, наконец, уже только вокальных — эта гипотеза никогда не приходила в голову людям на ранних ступенях цивилизации; когда же она наконец пришла им в голову, они сочли ее слишком чудовищною нелепостью. Между тем эта чудовищная нелепость оказалась истиной. Эволюция языка, теперь уж достаточно изученная, показывает нам, что все отдельные слова, все выдающиеся черты структуры речи имели естественный генезис, и дальнейшие исследования ежедневно приносят нам новые и совершенно очевидные доказательства того, что этот генезис с самых первых шагов был явлением вполне естественным, и не только естественным, но и самопроизвольным. Ни один язык не был создан по искусственно составленной схеме каким-нибудь правителем или какой-нибудь законодательной коллегией. Не на съезде ученых изобретались части речи и устанавливались правила для их употребления. Мало того, начавшись без всякого юридического

основания или установленной власти, этот процесс продолжался сам собой, и ни один человек того не заметил. Только под влиянием потребности во взаимном общении, в обмене мыслей и чувств, только из личных целей люди мало-помалу развивали речь, абсолютно упуская из виду, что они делают не только то, чего требуют их личные интересы. И это бессознательное отношение продолжается даже и теперь. Возьмите все население земного шара, и вы вряд ли найдете одного человека из миллиона людей, который знал бы, что в своей повседневной речи он продолжает далее тот самый процесс, при помощи которого развился язык.

Я начинаю, таким образом, прямо с основного пункта той аргументации, которую намереваюсь привести дальше. Остановившись на минуту на этом примере, я имел главным образом в виду показать, насколько результаты социологических процессов превосходят все представления не только так называемого здравого смысла, но даже и представления развитого здравого рассудка; и что даже те, которые до самой высокой степени развили в себе «научное употребление воображения», не в состоянии их предвидеть. Но главным образом мне хотелось показать, как поразительны результаты, достигнутые косвенным и бессознательным образом кооперацией людей, просто занятых преследованием своих личных целей. Перейдем теперь к специальному предмету этой статьи.

Я с большим сожалением следил за той поддержкой, какую оказывал своим заслуженным высоким авторитетом проф. Хаксли школе политиков, которая вряд ли нуждается в поддержке, потому что у нее так мало противников. Я сожалею об этом тем более, что до сих пор люди, подготовленные к изучению социологии предварительным изучением биологии и психологии, почти не высказывались по данному вопросу, и то, что проф. Хаксли, который в силу как своей общей эрудиции, так и специальных познаний наиболее подготовлен судить об этом вопросе, пришел к выводам, изложенным в последнем номере «Fortnightly Review», подействует обескураживающим образом на небольшое число лиц, пришедших к противоположным взглядам. Но как бы я ни сожалел об открытом противодействии проф. Хаксли общей политической доктрине, мною исповедуемой, я не имею здесь в виду возражать на его доводы вообще;

меня удерживает от этого частью нежелание останавливаться на пунктах разногласия с человеком, которого я так глубоко уважаю, частью же сознание, что то, что я выскажу, будет повторением главным образом того, что было мною уже раньше так или иначе высказано. На одном только вопросе я считаю себя обязанным остановиться. Проф. Хаксли молчаливо вопрошает меня и ставит, таким образом, передо мной альтернативу, выход из которой для меня очень неприятен. Не отвечая на его вопросы, я тем самым позволяю заключить, что не имею на него ответа и что, следовательно, доктрина, которую я исповедую, не выдерживает критики; приходится, следовательно, дать на этот вопрос соответствующий ответ. Как это мне ни неприятно, я вижу, что как общественные, так и личные интересы требуют, чтобы я сделал это.

Если бы я имел возможность полнее разработать свою статью, на которую ссылается проф. Хаксли, вопрос не был бы, может быть, вовсе поднят. Эта статья заключается следующими словами: «Мы намеревались высказать здесь некоторые замечания относительно различных типов социальной организации, а также сказать несколько слов о социальных метаморфозах, но мы достигли уже указанных нами здесь границ». Это дальнейшее развитие понятий, которые я имею в виду изложить в «Основаниях социологии», я должен наметить здесь в кратких чертах, чтобы сделать свой ответ достаточно понятным. Мне придется при этом сказать многое, что было бы совершенно излишне, если бы этот ответ предназначался исключительно только для проф. Хаксли, — в таком случае достаточно было бы легких намеков на общие явления организации, с которыми он неизмеримо более знаком, чем я. Но так как убедительность моего ответа должна быть отдана на суд обыкновенного читателя, то этот последний должен быть снабжен необходимыми для этого данными, причем точность моего изложения подлежит контролю проф. Хаксли.

Первоначальная дифференциация в структурах организмов, как она обнаруживается в истории каждого отдельного организма, так же как и в истории всего органического мира в его целом, есть дифференциация на части внешние и внутренние, — на части, поддерживающие непосредственное общение с окружающей средой, и части, не находящиеся в непосредственном

с нею общении. Мы видим это как в тех мельчайших низших формах, неправильно, хотя и удобопонятно называемых иногда одноклеточными, так и в наиболее развитом отделе существ, которые на основании серьезных соображений рассматриваются как агрегаты существ более низких. У этих сложных организмов различают две оболочки — энтодерму и эктодерму, мало отличающиеся одна от другой, из них одна служит для образования пищеварительного мешка, другая является внешней оболочкой тела. Согласно описанию их, данному проф. Хаксли в его *Oceanic Hydrozoa*, эти слои представляют обыкновенно, если и не всегда, так как существуют исключения, особенно между паразитами, органы питания и органы внешних сношений. В зародышах высших типов каждый из этих слоев делается двойным благодаря присоединению образовавшегося между ними и расщепившегося на два средних слоя; из внешнего двойного слоя развивается вся внешняя оболочка тела, с его конечностями, нервной системой, органами чувств, мышцами и т.д., тогда как из внутреннего двойного слоя развивается пищевой канал, с его придаточными органами, а также сердце и легкие. Хотя в высших типах эти две системы органов, поглощающих и расходующих пищу, настолько связаны разветвлением кровеносных сосудов и нервов, что это деление не может быть точно проведено, но в целом все же вышеизложенный контраст остается в силе. Следовательно, уже в самом начале возникает это разделение, которое предполагает одновременно кооперацию и антагонизм: кооперацию — так как в то время как наружные органы доставляют внутренним пищу в сыром виде, внутренние органы перерабатывают и доставляют наружным органам материал готовый, который дает им возможность исполнять свое назначение; антагонизм — потому что каждая система органов, существующих и развивающихся за счет этого переработанного материала, не может присвоить себе какую-либо часть общего запаса, не уменьшая на такую же величину запас, нужный для других частей. Эта общая кооперация и этот общий антагонизм усложняются специальными кооперациями и специальными антагонизмами, как только две большие системы органов достигают известной степени развития. Первоначально простой пищевой канал, дифференцируясь на различные части, становится агрегатом структур, которые благодаря кооперации

лучше исполняют свои функции, между которыми тем не менее возникает антагонизм, так как каждая из них должна восстанавить свои потери и приобрести материал для дальнейшего развития за счет общего запаса питания, необходимого для них всех. Точно так же, когда наружная система развивает специальные органы чувств и конечности, между ними также возникают вторичные виды кооперации и вторичные виды антагонизма. Разнообразие комбинаций их действий успешнее обеспечивает питание; но вместе с тем деятельность каждой отдельной группы мышц или нервов вызывает трату некоторой части питательного материала, предназначенного для внешних органов, и происходит за счет всего организма. Таким образом, общий план строения как в целом, так и в деталях заключается одновременно в комбинации и расчленении. Все органы объединяются на почве служения интересам организма, в состав которого входят, но при этом все они имеют и свои специальные интересы и конкурируют один с другим из-за распределения между ними крови.

Форма управления, контроля и координации развивается вместе с развитием этих систем органов; наконец, появляются две управляющие системы. Возникает общее различие между двумя управляющими системами, принадлежащими к двум большим системам органов. Вопрос, образовалась ли внутренняя управляющая система первоначально из внешней или нет, здесь не важен: в развитом состоянии она в значительной мере независима¹.

¹ Здесь и в дальнейшем изложении я имею в виду управляющие системы *Vertebrata* потому, что их соотношения в этом большом отделе животного царства гораздо лучше изучены, а не потому, что подобных соотношений не существовало также и в других отделах его. Например, в большом отделе *Annulosa* эти управляющие системы представляют отношения для нас в высшей степени поучительные. Ибо в то время, как низшие *Annulosa* имеют только одну систему нервных узлов, высший их тип (как, например, моль) имеет нервную систему, управляющую внутренними органами, а также более ясную систему, управляющую органами внешнего сношения. И этот контраст аналогичен одному из контрастов между культурным и некультурным обществом, ибо в то время, как у некультурных и малокультурных существует только простая система управляющих органов (*agegeus*), у вполне цивилизованных, как мы вскоре

Если мы рассмотрим их соответственные функции, мы поймем происхождение этого различия. Для того чтобы внешние органы могли успешно кооперировать в целях захватить добычу, избежать опасности и т.д., необходимо, чтобы они находились под такой властью, которая была бы способна направлять их соединенные действия то так, то иначе, в зависимости от изменения внешних обстоятельств. Необходимо в каждый данный момент быстрое применение к более или менее новым условиям, и, следовательно, нужен сложный централизованный нервный аппарат, которому все эти органы быстро и безусловно повиновались бы. Управляющий центр, необходимый для внутренней системы органов, другого рода и гораздо проще. Когда приобретенная внешними органами пища уже попала в желудок, необходимая кооперация внутренних органов, хотя и изменяется несколько в зависимости от количества или рода пищи, тем не менее представляет общее единообразие и должна происходить более или менее одинаково, каковы бы ни были внешние условия. В каждом случае пища должна превратиться в кашлицу, перемешанную с различными растворяющими выделениями и передвигаемую по известному пути, на котором та часть ее, которая служит для питания, задерживается поглощающими поверхностями. Для того чтобы эти процессы совершались успешно, участвующие в них органы должны быть снабжены годною для этого кровью; для этой цели сердцу и легким приходится работать с большею силой. Эта кооперация внутренних органов, происходящая со сравнительным единообразием, регулируется нервной системой, в значительной мере независимой от той более высокой и более сложной нервной системы, которая управляет органами внешними. Акт глотания, конечно, главным образом происходит при помощи высшей нервной системы, но проглоченная пища раздражает одним своим присутствием местные нервы, посредством этих последних местные нервные узлы и косвенно, через нервные сплетения с другими узлами, возбуждает все остальные внутренние органы к кооперативной деятельности. Правда, функции симпатической или узловатой нервной системы, или

увидим, существуют две системы управляющих органов (*agensis*), соответственно внешней и внутренней структурам.

«нервной системы органической жизни», как ее иначе называют, не вполне исследованы. Но раз мы положительно знаем, что некоторые из ее сплетений, как, например, сердечные, представляют те центры местной стимуляции и координации, которые могут действовать самостоятельно, хотя и находятся под влиянием высших центров, мы можем смело заключить, что другие и более обширные сплетения, распространенные между внутренностями, тоже являются такими местными и в значительной степени независимыми центрами; тем более что нервы, которые они посылают к внутренностям для соединения со многими второстепенными узлами, рассеянными среди них, значительно превосходят в количестве сопровождающие их цереброспинальные волокна, и предполагать что-либо другое значило бы оставить открытым вопрос: в чем заключаются их функции? — а равно и вопрос: каким образом совершаются эти бессознательные координации внутренностей? Нам остается только исследовать род кооперации, существующей между этими двумя нервными системами. Эта кооперация является одновременно и общей, и частной. Общая кооперация — это та, при помощи которой каждая система органов получает возможность возбуждать к деятельности другую систему органов. Пищевой канал вызывает посредством известных нервных сплетений высшей нервной системы ощущение голода и побуждает таким образом делать усилия, какие необходимы, чтобы добыть пищу. И обратно: действие нервно-мышечной системы или, по крайней мере, ее нормальная деятельность посылает внутрь сердечным или иным сплетениям целый ряд стимулов, возбуждающих деятельность внутренностей. Специальная кооперация — та, при помощи которой одна система как бы сдерживает косвенным образом другую систему. Волокна симпатической нервной системы сопровождают каждую артерию на всем протяжении органов внешнего сношения и обуславливают ее сокращение; обратное действие вызывается некоторыми цереброспинальными волокнами, сплетающимися с симпатическим нервом во внутренней полости; блуждающий и другие нервы производят задерживающее действие на сердце, кишечник, поджелудочную железу и т.д. Несмотря на некоторые сомнительные подробности, интересующий нас здесь факт достаточно очевиден. Соответственно двум

системам органов, существуют две нервные системы, в значительной мере независимые одна от другой, и если не подлежит сомнению, что высшая система воздействует на низшую, то также несомненно и то, что низшая очень сильно влияет на высшую. Сдерживающее действие симпатической нервной системы на кровообращение при помощи нервно-мышечной системы неоспоримо; таким образом, становится возможным то, что при усиленной работе внутренних органов нервно-мышечная система утомляется в такой значительной степени¹.

Дальнейший факт, интересующий нас здесь, заключается в том контрасте, который представляет у различных родов животных степень развития этих двух больших систем, которые соответственно обуславливают внешние и внутренние функции. Существуют такие активные существа, у которых органы движения, органы чувств, вместе с комбинирующим их действия нервным аппаратом, занимают значительное место по сравнению с органами питания и их придатками, и в то же время существуют такие малоактивные создания, в которых те же органы внешних сношений занимают очень незначительное место

¹ Идя навстречу возражению, которое будет мне, может быть, сделано, что опыты Бернара, Людвиг и др. относительно некоторых желез показывают, что нервы цереброспинальной системы управляют выделительным процессом, я хотел бы высказать, что как в этих случаях, так и во многих других, в которых изучены были относительные функции цереброспинальных нервов и симпатической нервной системы, брались органы, в которых *ощущение* является или стимулом деятельности, или сопутствующим ему фактором, и что поэтому эти случаи не позволяют нам делать заключений применительно к случаям, где речь идет о внутренних органах, которые при нормальном состоянии исполняют свои функции без ощущений. Возможно даже, что функции симпатических волокон, сопровождающих артерии внешних органов, играют просто вспомогательную роль по отношению к центральным частям симпатической системы, которые возбуждают и регулируют работу внутренних органов, — вспомогательную в том смысле, что они задерживают прилив крови к внешним органам в тех случаях, когда она необходима внутренним; цереброспинальная система производит задержку (кроме ее действия на сердце), действующую в обратном смысле. И возможно, что это есть способ поддержать ту конкуренцию из-за питания, которая возникает, как мы видели с самого начала, между этими двумя большими системами органов.

сравнительно с органами питания. И что еще замечательно и для нас особенно поучительно — это то, что тут часто имеет место метаморфоза, характерной чертой которой является значительное изменение в соотношении этих двух систем, — метаморфоза, сопровождающая глубокое изменение в образе жизни. Наиболее обычная метаморфоза иллюстрируется очень разнообразно миром насекомых. В течение личиночного периода в жизни бабочки ее органы питания значительно развиты, тогда как внешние органы развиты очень мало, а когда затем, во время периода покоя, внешние органы претерпевают громадное развитие, делающее возможным деятельное и многообразное приспособление насекомого к окружающему миру, пищеварительная система становится сравнительно незначительной. С другой стороны, у низших беспозвоночных наблюдается очень обычная метаморфоза противоположного характера. Молодой индивидуум с совершенно ничтожной пищеварительной системой, но снабженный конечностями и органами чувств, свободно плавает по всем направлениям. Затем он устраивается в таком месте, где можно находить пищу, не прибегая к движениям, теряет в значительной степени свои внешние органы, развивает систему внутренних органов и, по мере роста, принимает вид, чрезвычайно мало напоминающий первоначальный вид, приспособленный почти исключительно к питанию и размножению.

Но обратимся теперь к организму социальному и к тем аналогиям в строении и функциях, которые могут быть в нем прослежены. Понятно, что аналогии между явлениями, которые представляет собою индивидуум, т.е. агрегат физически связанный, и явлениями, которые представляют физически несвязанный агрегат индивидуумов, распространенных на большом пространстве, не могут быть видимыми или осязательными; здесь возможна только аналогия между системами, между методами организации. Существующие аналогии являются продуктом несомненной общности обеих организаций: *в той и другой существует взаимная зависимость частей*, что и составляет зерно всякой организации. Этим определяется и параллелизм между организмом индивидуальным и социальным. Понятно, что этот параллелизм сопровождается и глубокими различиями между агрегатами. Одно из основных различий заключается

в том, что, в то время как в индивидуальном организме есть только один центр сознания, способный ощущать удовольствия или страдания, в организме социальном этих центров столько же, сколько в нем заключается индивидуумов, а самый их агрегат не чувствует ни удовольствия, ни страданий, — обстоятельство, коренным образом изменяющее их цели.

Рассмотрим же теперь вышеупомянутый параллелизм.

В обществе, как и в индивидууме, имеется ряд структур, делающих его способным воздействовать на окружающую среду, как, например, приспособления для нападения и защиты, армия, флот, укрепленные и снабженные гарнизоном пункты. И вместе с тем общество имеет организацию промышленную, поддерживающую все те процессы, которые создают жизнь нации. И хотя обе системы органов — системы внешней и внутренней деятельности — и не находятся между собой в совершенно таком же отношении, как внешние и внутренние органы животного, так как промышленные органы в обществе людей сами снабжают себя сырыми материалами, вместо того чтобы получать их от внешних органов, они тем не менее связаны отношением в другом смысле аналогичным. Тут сразу открываются перед нами явления как кооперации, так и антагонизма. При помощи системы оборонительной промышленная система получает возможность поддерживать свои функции, не испытывая вреда со стороны внешних врагов, и, с другой стороны, при помощи промышленной системы, снабжающей ее материалом для питания, оборонительная система получает возможность поддерживать эту безопасность. И в то же самое время эти две системы находятся во взаимном антагонизме, так как обе в своем существовании зависят от общего для них обоих запаса продуктов. Далее, в социальном, как и в индивидуальном, организме эта первичная кооперация и первоначальный антагонизм подразделяются на вторичные виды кооперации и антагонизма. Присматриваясь к промышленной организации, мы замечаем, что земледельческая и мануфактурная отрасли взаимно помогают одна другой посредством обмена своих продуктов, но в других отношениях находятся между собою в антагонизме, так как каждая стремится взять наибольшую сумму продуктов, принадлежащую другой, в обмен на свои собственные продукты. То же самое замечается и во всех областях

мануфактурной деятельности. Из общего дохода, получаемого Манчестером за свои товары, Ливерпуль старается захватить возможно большую долю за доставляемый им сырой материал, Манчестер стремится дать возможно меньше, и оба они в то же самое время кооперируются в снабжении остальной части общества необходимыми для него ткацкими фабрикатами, причем опять-таки стараются получить от него общими силами возможно больше за свои товары.

Таков, с теми или другими изменениями, обычный ход вещей во всех отраслях промышленной организации. Побуждаемые своими собственными потребностями или потребностями своих детей, и единичные личности, и более или менее агрегированные группы их быстро открывают у своих сограждан какую-нибудь неудовлетворенную потребность и охотно удовлетворяют ее в обмен на удовлетворение своих собственных потребностей, и действие этого процесса неизбежно ведет к тому, что самая сильная потребность, удовлетворение которой оплачивается лучше других, привлекает наибольшее число работников, так что при этом получается постоянное уравновешивание потребностей и служащих для их удовлетворения приспособлений.

Мы переходим теперь к регулятивным структурам, управляющим действиями этих двух кооперирующих систем. Как в индивидуальном организме, так и в социальном внешние части находятся под строгим контролем центра. Для приспособления к изменчивым и неожиданным переменам в окружающей среде внешние органы должны быть способны к быстрым комбинациям как оборонительного, так и наступательного характера, а для того чтобы действия их могли быстро комбинироваться сообразно каждому возникающему требованию, эти органы должны быть всецело подчинены высшей исполнительной власти: армии и флот должны управляться деспотически. Совершенно другое дело регулятивный аппарат, потребный для промышленной системы. Система, поддерживающая питание общества, как и система внутренних органов питания индивидуума, имеет регулятивный аппарат, в значительной степени отличающийся от того, который управляется внешними органами. Не в силу правительственного указа сеет фермер столько-то пшеницы и столько-то ячменя или делит свою землю

в надлежащем отношении на пашню и луга. Не по телеграмме Home Office'a* изменяется производство шерстяных изделий в Лидсе так, чтобы оно точно соответствовало существующим запасам и ожидаемому количеству шерсти. Стеффордшир производит надлежащее количество гончарных изделий, Шеффилд — ножовый товар с быстротой, соответствующей спросу, также без всякого поощрения или задержки со стороны законодательной власти. Получаемые фабрикантами и фабричными центрами импульсы к усилению или сокращению производства совершенно другого происхождения. Они побуждаются к усилению или сокращению размеров своей деятельности частью прямыми заказами распределителей, частью косвенными указаниями, заключающимися в отчетах о состоянии рынка на всем пространстве государства. Регулятивный аппарат, благодаря которому эти промышленные органы дружно кооперируются, действует приблизительно так, как симпатическая нервная система у позвоночного животного. Между большими центрами производства и распределения существует система сообщения, побуждающая или задерживающая их деятельность соответственно изменяющимся обстоятельствам. Между главнейшими провинциальными городами и Лондоном существует ежедневная передача известий, в зависимости от которых изменяются цены, заказываются товары, переводится с места на место капитал, смотря по тому, где больше надобность в нем. Все это происходит без всякого министерского надзора, без предписания со стороны тех исполнительных центров, которые комбинируют действия внешних органов. Существует, однако же, один чрезвычайно важный род влияния, которое эти высшие центры производят на различные виды промышленной деятельности, а именно: задерживающее влияние, предупреждающее агрессивные действия прямого или косвенного характера. Необходимое условие, при котором только и возможно нормальное течение продуктивного и распределительного процесса: где происходит работа или трата, там должен быть пропорциональный приток материала для восстановления.

И обеспечение этого не менее важно, чем обеспечение исполнения договоров. Совершенно аналогично тому, как физический орган, исполняющий свои функции и не получающий соответственного притока крови, должен прийти в упадок,

причем и весь организм страдает, так и промышленный центр, выработавший и выславший свой специальный товар и не получивший в обмен соответствующего количества других товаров, должен прийти в упадок. Если мы спросим, какое необходимое условие для предупреждения этого местного расстройства питания и упадка, мы увидим, что оно заключается в том, чтобы взаимные соглашения неукоснительно приводились в исполнение, товары оплачивались по условленным ценам и правосудие надлежащим образом отправлялось.

Еще один выдающийся параллелизм должен быть здесь описан, а именно тот, который существует между метаморфозами, имеющими место в обоих вышеупомянутых случаях. Эти метаморфозы аналогичны в том отношении, что обе представляют изменения во взаимных соотношениях внешней и внутренней системы органов, а также и в том, что происходят при аналогичных условиях. С одной стороны, мы видим простой тип маленького общества — это кочующая ватага дикарей, — тип по своей организации совершенно хищнический. Он представляет не что иное, как кооперативную структуру для военных целей: промышленная часть почти совершенно отсутствует и, поскольку существует, представлена исключительно женщинами. Когда кочующее племя становится оседлым, начинает обнаруживаться и промышленная организация, особенно там, где посредством завоеваний приобретен класс рабов, который может быть принужден к работе. Тем не менее хищнический строй еще долго сохраняет за собой господство. За исключением рабов и женщин, все политическое целое состоит из частей, организованных для нападения и защиты, и действует успешно соответственно тому, насколько власть над ним централизована. Общества подобного рода, продолжая подчинять себе соседние общества и развивая довольно сложную организацию, тем не менее сохраняют преобладающий хищнический тип, при котором промышленные структуры возникают в таком именно количестве, какое необходимо для поддержания существования структур, служащих для нападения и защиты. Прекрасный пример последнего типа представляет Древняя Спарта. Отличительные черты подобного социального типа следующие: каждый член господствующей расы есть воин; война составляет главное дело жизни; каждый член подчинен

строгой дисциплине, приспособляющей его для этого дела; централизованная власть управляет всеми видами социальной деятельности, до подробностей повседневной жизни человека включительно, и, наконец, благосостояние государства — всё, и индивидуум живет только для его пользы. Эти черты сохраняются до тех пор, пока окружающие общества по своему характеру продолжают требовать и поддерживают в действии воинствующую организацию. Когда, благодаря главным образом завоеваниям и образованию крупных агрегатов, воинственная деятельность становится менее постоянной и война перестает быть занятием каждого свободного человека, тогда начинают брать верх промышленные структуры. Не останавливаясь в подробностях на этом переходном моменте, достаточно взять как образец мирного или промышленного типа Северо-Американские Штаты до последней войны. Тут военная организация уже совершенно исчезла: редкие местные сборы милиции превратились в увеселительные сборища, и все, что имеет отношение к военному делу, находится во всеобщем презрении. Отличительные черты мирного или промышленного типа следующие: центральная власть сравнительно слаба, она почти вовсе не вмешивается в частные действия индивидуумов, и, наконец, государство не представляет уже нечто такое, для блага чего существуют отдельные лица; напротив, оно само должно служить на пользу этих отдельных лиц.

Нам остается только еще прибавить, что эта сопутствующая развитию культуры метаморфоза очень быстро регрессирует, как только внешние условия перестают быть для нее благоприятными. Во время последней войны в Америке похвальба м-ра Сьюарда (Seward) — «мне достаточно прикоснуться к этому колокольчику, и каждый человек в самом отдаленном штате станет пленником государства» (похвальба не пустая, вызвавшая горячее одобрение со стороны многих членов республиканской партии) — показывает нам, как быстро рядом с развитием воинствующей деятельности стремится к осуществлению и полезный для нее тип централизованной структуры и как скоро нарождаются соответствующие чувства и идеи. Наша собственная история с 1815 г. представляет двойной пример такого рода метаморфозы. В течение тридцатилетнего мирного периода воинствующая организация сократилась, воинственные

чувства значительно охладели, в то же время быстро расцвела промышленная деятельность; признание индивидуальных прав граждан получило большую определенность, и многие ограничительные и деспотические постановления совершенно исчезли. И обратно: со времени оживления воинственной деятельности и воинственного строя на континенте возродилась и наша собственная организация, служащая для защиты и нападения, и более резко обозначилось стремление к усилению центральной власти, обычно сопровождающее этот строй.

Закончив это несколько длинное вступление, я готов приступить к ответу на поставленный мне вопрос. Прочитав некоторые места из того моего опыта («Социальный организм»), который я несколько пополнил на предшествующих страницах, и высказав некоторое согласие с моими мнениями, — согласие, которое я высоко ценю, так как оно исходит от такого авторитетного судьи, проф. Хаксли приступает со свойственной ему тонкостью к анализу несоответствия, существующего якобы между некоторыми приведенными в этом опыте аналогиями и моей доктриной об обязанностях государства. Ссылаясь на одно место в моей статье, в котором я излагаю функции индивидуального ума, как «уравновешивающего интереса жизни — физические, умственные, моральные, социальные», и сравнивая их с функциями парламента, «уравновешивающего интересы различных классов общества», присовокупляя, что хороший парламент тот, в котором партии разделяются соответственно этим различным интересам так, что их соединенное законодательство дарует каждому классу столько, сколько совместимо с правами других классов, проф. Хаксли пишет:

«Все это представляется совершенно справедливым, но если сходство между физиологическим и политическим организмом может служить указанием не только того, что последний представляет, и как стал тем, что он есть, но также чем он должен быть и чем стремится стать, я не могу не думать, что истинный смысл данной аналогии глубоко противоречит отрицательному взгляду на функцию государства.

Представим себе, что, согласно этому взгляду, каждая мышца стала бы утверждать, что нервная система не имеет права вмешиваться в ее сокращения, за исключением тех случаев, когда они являются помехой для сокращения других мышц,

или что каждая железа настаивала бы на своем праве выделять секрет, поскольку это не мешает выделениям других желез; представим себе далее, что каждая клеточка пользуется полною свободой следовать своим „интересам“ и что *laissez faire* сделалось всеобщим законом, — что станется в таком случае с физиологическим организмом?»

Первое, что я замечу на этот вопрос, это то, что, если бы я придерживался доктрины Прудона, который прямо называет себя «анархистом», и если бы наряду с этой доктриной я высказывал вышеизложенную теорию социального строя и его функций, непоследовательность, доказываемая этим вопросом, была бы очевидна и вопрос должен бы быть признан не имеющим ответа. Но так как я не разделяю мнений Прудона и считаю, что в пределах своих истинных границ правительственные действия не только законны, но и в высшей степени важны, я не понимаю, какое отношение я имею к вопросу, который по смыслу своему предполагает с моей стороны отрицание законности и важности правительственной деятельности. Я не только утверждаю, что ограничительная власть государства по отношению к отдельным индивидуумам, корпорациям или классам индивидуумов необходима, но утверждал даже, что она должна быть более реальна, должна быть шире, чем в настоящее время¹. А так как выполнение такого контроля предполагает существование соответствующего контролирующего аппарата, то вопрос, что случилось бы, если бы действия этого контролирующего аппарата были воспрещены, не может поставить меня в затруднительное положение. По поводу этого общего взгляда на вопрос я должен еще заметить, что, сравнивая национальное совещательное собрание с совещательную ролью нервного центра у позвоночного животного, как соответственно уравнивающих интересы общества и индивидуума, причем оба действуют посредством процесса представлений, я не отождествляю эти два ряда интересов, ибо в обществе (по крайней мере мирном) эти интересы относятся главным образом к внутренним действиям, тогда как в живом индивидууме они имеют дело преимущественно с действиями

¹ См. *Social statics*. Ch. XXI «The Duty of the State». См. также опыт «Чрезмерность законодательства».

внешними. Те «интересы», о которых я здесь говорю, которые, по моему мнению, уравниваются представительным правящим органом, это те противоречивые интересы различных классов и различных индивидуумов, уравнивание которых заключается только в предупреждении агрессивных действий и в отправлении правосудия.

От этой общей постановки вопроса, не касающейся меня, я перехожу теперь к более специальной постановке его, которая меня действительно касается. Разделяя действия правящих структур как в индивидуальных, так и в политических организациях на *положительно-регулятивные* и *отрицательно-регулятивные*, т.е. на такие, которые возбуждают и направляют, в отличие от тех, которые только задерживают, я должен сказать, что если бы мне здесь предложили вопрос: что случится, если контролирующий аппарат перестанет действовать? — я должен бы был дать два совершенно противоположных ответа, смотря по тому, какая из этих двух систем органов имеется при этом в виду. Если бы в индивидуальном организме каждая мышца в отдельности стала независимой от совещательных и исполнительных центров, из этого возникло бы совершенное бессилие: при отсутствии мышечной координации невозможно было бы стояние на ногах, еще менее — воздействие на окружающую среду, и организм стал бы добычей первого встречного врага. Для того чтобы надлежащим образом комбинировать действия этих внешних органов, большие нервные центры должны исполнять функции, имеющие одновременно положительно-регулятивный и отрицательно-регулятивный характер — они должны предписывать действия и задерживать их. То же самое относится и к внешним органам политического организма. Для того чтобы сделать возможными те быстрые комбинации и приспособления, которые необходимы ввиду изменчивых действий внешних врагов, нужно, чтобы структуры, служащие для защиты и нападения, деспотически управлялись центральной властью. Но если, вместо того чтобы спрашивать, что случилось бы, если бы внешние органы в том и другом случае были освобождены от контроля больших правящих центров, мы спросим, что случилось бы, если бы внутренние органы (промышленные коммерческие организации в одном случае, питательные и распределительные — в другом)

были лишены подобного контроля, ответ получился бы иной. Оставим в стороне дыхательную и некоторые другие менее важные служебные части индивидуального организма, не имеющие аналогичных частей в социальном организме, и ограничимся рассмотрением поглощающих, обрабатывающих и распределяющих структур, которые встречаются в обоих. Мне кажется, можно было бы с успехом утверждать, что как в одном, так и в другом случае они не нуждаются в положительно-регулятивном контроле со стороны больших правящих центров, а только в отрицательно-регулятивном. Но обратимся к фактам¹.

Пищеварение и кровообращение совершаются в полном порядке у лунатиков и идиотов, хотя высшие *нервные* центры у них расстроены или в некоторых своих частях даже совершенно отсутствуют. Жизненные функции не прекращаются во время сна, они становятся только менее интенсивными, чем тогда, когда мозг бодрствует. В детстве, когда цереброспинальная система почти бессильна и не в состоянии выполнять даже таких простых действий, как управление сфинктерами, функции внутренних органов деятельны и правильны, и даже у взрослого остановка мозговой деятельности, проявляющаяся нечувствительностью, или даже общий паралич спинной мозговой системы, вызывающий неподвижность всех конечностей, не останавливают этих функций в течение довольно продолжительного времени, хотя они и начинают неизбежно ослабевать за отсутствием спроса, который предъявляется к ним со стороны активной системы внешних органов. Зависимость

¹ Во избежание возможного недоразумения по поводу терминов *положительно-регулятивный* и *отрицательно-регулятивный* позволю себе пояснить их несколькими краткими примерами. Если человек владеет землей, а я обрабатываю ее для него всю или только некоторую часть ее или научаю его способам обработки ее, мои действия положительно-регулятивны, но если, предоставляя его хозяйство всецело его собственным силам и разумению, я только удерживаю его от захвата чужого поля, мои действия отрицательно-регулятивны. Между обеспечением человеку его целей или поддержкой его в достижении их и удержанием его, когда он при этом врывается в жизнь других граждан, разница весьма значительная.

этих внутренних органов от положительно-направляющего контроля высших нервных центров так незначительна, что их самостоятельность становится иногда очень неудобной. Никакое предписание, посланное внутренним органам, не в силах остановить понос; точно так же, когда неудобоваримое блюдо ускоряет ночью кровообращение, вызывая бессонницу, никакое веление мозга не может заставить сердце биться спокойнее. Не подлежит сомнению, что эти жизненные процессы значительно видоизменяются под влиянием общего возбуждения и задержки со стороны цереброспинальной системы, но что они в очень значительной степени независимы, это не может, мне кажется, подлежать сомнению. Тот факт, что перистальтические движения кишечника могут продолжаться после перерезки его нервных волокон и что сердце (у хладнокровных позвоночных, по крайней мере) продолжает пульсировать еще некоторое время после отделения его от туловища, ясно показывает, что свободная деятельность этих жизненных органов служит потребностям всего организма в целом, независимо от действия его высших регулирующих центров. И это еще более подтверждается произведенными под руководством Людвига опытами Шмулевича (если только этот факт достоверен), показывающими, что при выбранных надлежащим образом условиях выделение желчи может быть поддержано еще некоторое время в вырезанной печени только что убитого кролика, если через нее продолжает проходить кровь. Есть ответ, и, как мне кажется, ответ достаточно удовлетворительный, даже и на коренной вопрос. «Допустим, что каждая отдельная клетка свободна следовать своим собственным интересам и что *laisser aller** господствует над всем, — что станет в таком случае с физиологическим организмом?» Ограничивая вышеупомянутым образом круг этого вопроса теми органами и частями органов, которые ведают жизненные процессы, мнение, утверждающее, что хотя они преследуют свои отдельные «интересы» (ограниченные здесь ростом и размножением), но благополучие всего организма достаточно обеспечено, мне кажется очень правдоподобным. Согласно опытам Гунтера, произведенным над коршунами и чайками, та часть пищевого канала, которой приходится перемалывать более твердую пищу, чем та, какую обыкновенно питается животное, приобретает более толстую

и твердую внутреннюю оболочку. Когда сужение кишечника препятствует прохождению содержимого, мышечные стенки участка, лежащего выше этого места, утолщаются и проталкивают содержимое с большей силой. Если на каком-нибудь участке кровеносной системы кровообращение встречает серьезное препятствие, то при этом обыкновенно происходит гипертрофия сердца или уплотнение его мышечных стенок, дающие ему возможность гнать кровь с большею энергией. Точно так же и желчный пузырь утолщается и усиливает свою деятельность, когда закупоривается проток, через который изливается его содержимое. Все эти изменения происходят совершенно независимо от мозга, помимо каких бы то ни было его предписаний, без всякого сознания о течении этих процессов. Они вызываются ростом или размножением или приспособлением местных единиц (будут ли то клетки или волокна), порождаемыми усилением или изменением выпадающей на их долю деятельности. Единственное условие, которое непременно должно предшествовать этому произвольному приспособительному изменению, это то, что эти местные единицы должны быть снабжены усиленным притоком крови сообразно их усиленной деятельности, — требование, соответствующее тому, которое в обществе гарантируется справедливостью, а именно, что больший труд должен вести за собою большую плату. И если бы понадобилось прямое доказательство того, что система органов, свободно выполняя свои отдельные, независимые функции, содействует тем самым благу всего агрегата, в состав которого она входит, мы найдем его в обширном классе существ, которые совершенно лишены нервной системы и тем не менее обнаруживают, по крайней мере некоторые из них, значительную степень активности. Прекрасный пример этого представляют океанические *Hydrozoa*. Несмотря на «многочисленность и сложность органов у некоторых из них», эти животные не имеют нервных центров, т.е. лишены регулирующего аппарата, который координировал бы действия их органов. Один из высших видов группы включает в себе различные части, которые носят название цёносарка, полипита, щупалец (*tentacula*), гидроциста, *nectocalyces*, *genocalyces** и т.д., и каждая из этих различных частей включает в себе множество частичных независимых единиц — нитевидные клетки, реснитчатые

клетки, сокращающиеся волокна и т.д., так что весь организм в целом представляет группу разнородных групп, из которых каждая, в свою очередь, есть более или менее разнородная группа. При отсутствии нервной системы устройство неизбежно должно быть таково, что различные единицы и различные группы единиц, имеющие каждая в отдельности свою собственную жизнь, без всякого положительного контроля со стороны остальных, в силу своего устройства, а также относительного положения, в котором она развивалась, способствуют существованию как друг друга, так и всего агрегата в целом. И если такова деятельность ряда органов, не связанных нервными волокнами, то тем более это возможно по отношению к ряду органов, которые, подобно внутренним органам у высших животных, имеют специальную систему нервных путей для возбуждения друг друга к совместной деятельности.

Обратимся теперь к тем параллельным явлениям, которые наблюдаются в социальном организме. И в нем, как в индивидуальном организме, мы видим, что, в то время как система внешних органов должна быть строго подчинена большому правящему центру, регулирующему ее в положительном смысле, система внутренних органов не нуждается в подобном положительном регулировании. Производство и обмен, которыми поддерживается национальная жизнь, действуют одинаково успешно как тогда, когда парламент заседает, так и тогда, когда он не заседает. В то время когда министры охотятся на тетеревов или гоняют зайцев, Ливерпуль продолжает свой импорт, Манчестер фабрикует, Лондон распределяет, и все идет своим обычным порядком. Все, что необходимо для нормального выполнения этих внутренних социальных функций, — это чтобы сдерживающая или запрещающая структуры оставались в действии: ибо деятельность всех этих отдельных индивидуумов, корпораций, классов должна быть направлена так, чтобы не нарушать известных условий, необходимых при одновременном существовании других деятельностей. Пока порядок не нарушен и исполнение договоров повсеместно обеспечено, пока для каждого гражданина в отдельности для всякой комбинации граждан в целом обеспечено полное условленное удовлетворение за произведенную работу или изготовленный товар, пока каждый может пользоваться трудами своих рук, не нарушая подобных же прав

других граждан, — эти функции успешно будут выполняться, и, несомненно, более успешно, чем при всяком другом способе регулирования. Для того чтобы вполне убедиться в этом факте, достаточно рассмотреть происхождение и деятельность главнейших промышленных структур. Мы остановимся только на двух из них, наиболее разнородных по своей природе.

Первая из этих структур та, при помощи которой производятся и распределяются предметы питания. В четвертой вступительной лекции в курс политической экономии архиепископ Уотли замечает: «Многие из наиболее важных предметов производятся совместной деятельностью лиц, которые никогда о них и не думают и не имеют ни малейшего сознания о своем участии в общей деятельности: и это происходит с такой точностью, полностью и правильностью, с какою вряд ли могла бы сравниться самая деятельная доброжелательность, руководимая величайшею человеческой мудростью» (*Whately. Introductory Lectures on Political Economy*).

И далее, в подкрепление своей мысли, он прибавляет: «Пусть кто-нибудь вдумается в задачу ежедневного снабжения разнообразным провиантом такого города, как Лондон, с его миллионным населением». Он указывает затем на те многочисленные и серьезные затруднения, сопряженные с неаккуратным подвозом запасов, способностью к порче многих из них, с колеблющимся числом потребителей, разнородностью их требований, изменчивостью запасов и необходимостью сообразоваться с размером потребления и, наконец, со сложностью распределительного процесса, который должен доставлять каждому семейству потребное количество этих многочисленных товаров. Рассмотрев все эти бесчисленные трудности, Уотли завершает свою картину так: «И между тем эта задача исполняется лучше, чем она могла бы выполняться при самом большом усилии человеческого ума, и исполняется посредством деятельности людей, из которых каждый думает только о своих насущных интересах, — людей, которые, имея перед глазами цель своекорыстную, исполняют каждый свою роль с тщательностью и усердием и бессознательно соединяются между собой для применения наиболее разумных средств и для осуществления задачи, обширность которой поразила бы их, если бы они над ней задумались».

Но хотя широко распространенная и сложная организация, при помощи которой производятся, перерабатываются и распределяются по всему государству различные роды съестных припасов, и является результатом естественного развития, а не государственного установления; хотя государство не определяет, где и в каком количестве следует разводить скот и сеять хлеб, и не устанавливает на них цены с тем, чтобы запас не был израсходован прежде, чем явился новый; хотя оно ничего не сделало для того значительного улучшения в качестве, которому подверглись с течением времени съестные припасы, и не ему принадлежит заслуга устройства того усовершенствованного аппарата, при помощи которого хлеб, мясо и молоко являются к нам ежедневно с такой же правильностью, с какою совершается сердцебиение; — тем не менее государство не играло при этом исключительно пассивной роли: время от времени оно причиняло большой вред. Эдуард I, запретивший всем городам давать пристанище скупщикам (*forestallers*), и Эдуард VI, объявивший преступлением покупку зерна с целью перепродажи его, препятствовали тем самым процессу, при помощи которого потребление приравнивается к предложению, и сделали все, что было в их силах, для того, чтобы вызвать в стране неизбежное чередование изобилия и голода. То же самое было и с многочисленными законодательными попытками регулирования той или другой отрасли торговли съестными припасами, до печальной памяти хлебных законов включительно. Поражительной успешностью этой организации мы обязаны частной предприимчивости, тогда как расстройством ее мы обязаны положительно-регулятивной деятельности государства. В то же время государство не исполнило надлежащим образом своей отрицательно-регулятивной деятельности, необходимой для поддержания порядка в этой организации. Мы все еще не имеем быстрого и безвозмездного способа нарушения договора, как скоро торговец продает под видом требуемого товара нечто, не соответствующее ему по качеству. Как на второй наш пример, укажем на организацию передачи исков и долгов, чрезвычайно облегчающую торговлю. Банки не были придуманы правителями или их советниками. Они развивались очень медленно из частных сделок торговцев между собою. Основателями их были люди, которые ради безопасности держали свои

деньги у золотых дел мастеров и брали от них расписки; эти золотых дел мастера начали отдавать под проценты доверенные им деньги, выплачивая в то же время более низкий процент собственникам их. Когда, как это вскоре случилось, расписки в силу передаточных надписей стали переходить из рук в руки, это положило начало банковскому делу, развивавшемуся с этого момента все шире и шире, несмотря на многочисленные помехи. Банки возникли в силу того же самого стимула, который породил и все остальные роды торговых предприятий. Многочисленные формы кредита постепенно дифференцировались из первоначальной его формы, и банковая система, развившаяся и усложнившаяся, объединилась вместе с тем посредством самопроизвольного процесса в одно целое. Ликвидационная контора (Clearing house)*, представляющая собою место для сведения счетов между банкирами, возникла сама собою из стремления к сбережению времени и денег. И когда в 1862 г. Дж. Леббоку удалось — не в качестве законодателя, а в качестве банкира — распространить преимущества этого учреждения на провинциальные банки, объединение стало настолько полным, что в настоящее время сделка между любыми коммерсантами на пространстве всего государства может быть совершена путем записи и сведения баланса в банковых книгах. Эта естественная эволюция, скажем мимоходом, достигла более высокой степени развития у нас, в Англии, нежели там, где положительно-регулятивный контроль государства выражен более резко. Во Франции нет ликвидационной конторы; так широко распространенный у нас способ платежа посредством чеков там очень мало в ходу и притом в очень несовершенной форме. Я не хочу этим сказать, что государственная власть в Англии была только пассивной зрительницей этой эволюции. К несчастью, она с самого начала имела сношения с банками и банкирами, и не к пользе как этих последних, так и всего населения вообще. Первый депозитный банк был в некотором смысле государственным банком: купцы из предосторожности хранили свои деньги на монетном дворе в Тауэре. Но когда Карл I самовольно присвоил себе их собственность** и вернул ее лишь по принуждению, и только много времени спустя он разрушил их доверие. Карл II, вступавший для поддержания государственных дел в постоянные сделки с наиболее богатыми

из частных банкиров, также нанес значительный удар банковской системе в том виде, в каком она тогда существовала: собрав в казначейство около полутора миллиона принадлежавших этим банкирам денег, он украл их и тем самым разорил целую массу негоциантов, довел до нищеты 10 тыс. вкладчиков и вызвал целый ряд помешательств и самоубийств. Хотя результаты сношений государства с банками в последующие времена и не были столь же зловредными, они тем не менее причинили вред косвенным путем и, может быть, даже в более сильной степени, чем прежде. Так, в награду за заем государство даровало Английскому банку специальные привилегии; в оплату за увеличение суммы займа и продление срока его банку предоставлено было дальнейшее сохранение этих привилегий, самым сильным образом противодействовавших развитию банковского дела. Но это не всё: государство поступило еще хуже. Принудительным выпуском кредитных билетов оно привело Английский банк на край банкротства, а потом уполномочило его не платить по своим обязательствам. Еще более: оно запретило Английскому банку выполнять свои обязательства, когда банк хотел это сделать. Бедствия, порожденные положительно-регулятивным воздействием государства на банки, слишком многочисленны и не могут быть здесь перечислены. О них можно прочесть в сочинениях Тука, Ньюмарча, Фуллартона, Маклеода, Вильсона, Дж. Ст. Милля и др. Упомянем здесь только, что, в то время как частные предприятия граждан, направленные к достижению личных целей, развили огромный коммерческий аппарат, чрезвычайно содействовавший всему коммерческому развитию, действия правительства неоднократно нарушали его в очень значительной степени и, причиняя, с одной стороны, громадное зло своим положительно-регулятивным воздействием, с другой — причиняли не меньшее зло, хотя и другого рода, своими неудачными действиями в смысле отрицательно-регулятивном. Единственной же задачи, которую могли исполнить, они не исполнили: они не настаивали достаточно последовательно на исполнении договоров между банкирами и их клиентами, перед которыми те принимают на себя обязательства.

Между этими двумя видами торговли — торговлей съестными припасами и торговлей деньгами — могут быть

размещены все остальные виды ее, подобным же образом возникшие и организованные и точно так же до поры до времени расстраиваемые вмешательством государства. Но оставим их в стороне и перейдем теперь от положительного метода разъяснения к методу сравнительному. Если нас спросят, действительно ли свободная кооперация людей, преследуя личные интересы, в то же время служит достижению общего блага, мы можем найти указания для решения этого вопроса в сравнении результатов, достигнутых в странах, где свободная кооперация была наиболее деятельна и наименее стеснена, с теми результатами, к которым пришли в странах, где свободная кооперация пользовалась меньшим доверием, чем государственная деятельность. Для доказательства достаточно будет привести два примера, заимствованные из жизни двух выдающихся европейских наций.

В 1747 г. во Франции учреждена была *Ecole des Ponts et Chaussées* для подготовки гражданских инженеров; в 1795 г. возникла *Ecole Polytechnique*, которая ставила себе между прочим задачей общую научную подготовку тех лиц, которые должны были впоследствии получить более специальное образование в качестве гражданских инженеров. Принимая в соображение эти две даты, мы имеем право сказать, что в течение целого столетия Франция имела учрежденные и поддерживаемые государством заведения для подготовки искусных работников в этой области — двойную железу, если можно так выразиться, для выделения, в интересах общего блага, искусных инженеров. В Англии мы до последнего времени не имели учреждений для подготовки гражданских инженеров. Совершенно бессознательно, помимо всякого намерения, мы предоставили эту область действию закона спроса и предложения, — закона, который, по-видимому, встречает теперь по отношению к образованию не более признания, чем в прежнее время, в дни налогов и ограничений, по отношению к торговле. Но это только между прочим. Мы хотим здесь лишь напомнить, что наши Бриндлей, Смитон, Ренни, Тельфорд и все остальные вплоть до Джорджа Стефенсона приобрели свои познания без помощи или надзора государства. Сравним теперь результаты, полученные в этих двух государствах. Недостаток места не позволяет нам привести детальное сравнение, приходится удовлетвориться

результатами, проявившимися в последнее время. Железные дороги возникли впервые в Англии, а не во Франции, и распространялись у нас быстрее, чем в этой стране. Многие железные дороги во Франции проводились по планам, составленным английскими инженерами, и управлялись этими последними. Первые железные дороги во Франции строились английскими подрядчиками, и английские локомотивы служили моделями для французских производителей. Первый французский труд о паровых двигателях, появившийся около 1848 г. (по крайней мере, я имел издание этого года), принадлежал перу графа Памбура, изучавшего это дело в Англии, и сам труд его состоял исключительно из чертежей и описаний машин, построенных английскими мастерами.

Второй пример нам доставляет та образцовая нация, которую нам так часто в последнее время ставят в пример как образец, достойный подражания. Попробуем сопоставить Лондон и Берлин в отношении одного приспособления, имеющего первостепенную важность для удобства и здоровья граждан. Когда в начале XVII в. источники и местные акведуки вместе с водовозами не могли удовлетворить потребности Лондона в воде и когда проявившийся с давних пор недостаток воды не мог ни заставить городскую общину перейти от составления планов к делу, ни побудить центральное правительство прийти на помощь населению, тогда дело проведения Нью-Ривера к Ислингтону взял в свои руки купец Хью Мидлтон. Когда он сделал уже наполовину свое дело, к нему присоединился король, но не в качестве правителя, а в качестве спекулянта, рассчитывающего на выгодное помещение капитала, и его преемник впоследствии воспользовался его долей после того, как образовалась *New River Company*, закончившая устройство распределительной системы. С течением времени образовались новые водопроводные компании для утилизации других источников, давшие Лондону запас воды, возраставший вместе с ростом города. Теперь посмотрим, что происходило в то же самое время в Берлине? Явилась ли там в 1613 г., когда Хью Мидлтон завершил свое дело, столь же успешная система? Отнюдь нет. Прошел XVII век, прошел и XVIII, наступила, наконец, и середина XIX, а Берлин все еще не имел водоснабжения, подобного лондонскому. Что же тогда случилось?

Сделало ли наконец отеческое правление то, что давно должно было сделать? Нет. Соединились ли, наконец, граждане с целью устроить это в высшей степени желательное дело? Еще раз — нет! Оно было в конце концов исполнено гражданами другой нации, более привычными соединять свои усилия для достижения личных интересов, служащих вместе с тем и общему благу. В 1845 г. образовалась английская компания для устройства в Берлине надлежащего водоснабжения, и потребные для этого работы были исполнены английскими подрядчиками — Фоксом и Крамптоном.

Если мне скажут, что крупные предприятия древних народов, вроде акведуков, дорог и т.п., могут служить примером того, что и государство может выполнять подобные задачи, или что сравнение между ранним развитием внутреннего судоходства на материке и позднейшим появлением его у нас в Англии противоречит нашему утверждению, — я отвечу, что, несмотря на кажущееся несоответствие, и эти факты согласны с вышеизложенной общей доктриной. Пока преобладает воинственный социальный тип и промышленная организация еще мало развита, существует только один координирующий фактор для регулирования обоих видов деятельности, как это происходит у низших типов индивидуальных организмов, что мы видели и выше. И только тогда, когда достигнут уже значительный прогресс в том процессе метаморфозы, который развивает промышленную организацию насчет военного строя и который создает вместе с тем существенно независимый координирующий фактор для промышленных структур, — только тогда свободные кооперации для разнообразных целей внутренней жизни начинают превосходить в смысле успешности деятельность центрального правящего органа.

Нам возразят, быть может, что действия индивидуумов, вызванные нуждой и поощряемые конкуренцией, несомненно достаточно сильны для удовлетворения материальных потребностей, но не для достижения других целей. Я не вижу, чтобы подобное положение находило себе подтверждение в фактах. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что не менее многочисленны возникшие подобным же образом приспособления для удовлетворения наших высших потребностей. Тот факт, что изящные искусства расцвели у нас не так пышно, как

на материке, объясняется скорее свойствами национального характера, поглощением энергии другими видами деятельности и угнетающим влиянием хронического аскетизма, нежели отсутствием благоприятствующих факторов: последние в избытке создаются индивидуальными интересами. Наша литература, в которой мы никому не уступаем, ничем не обязана государству. Та поэзия, которая имеет непреходящее значение, есть поэзия, созданная без поощрения со стороны государства, и, хотя мы и имеем обыкновенно поэта-лауреата, получающего вознаграждение за сочинение верноподданнических стихов, мы можем тем не менее сказать, — ничего не отнимая у ныне здравствующего лауреата, — оглядываясь на ряд наших поэтов, что поэзия ничего не выиграла от покровительства государства. То же самое можно сказать и относительно других литературных форм: они также ничем не обязаны покровительству государства. Они и созданы потому, что в обществе существовал вкус к ним; этот вкус, продолжая существовать, служит постоянным стимулом для творчества, и между массой ничтожных произведений появляется также и многое такое, что не могло бы быть лучше и при существовании академического или какого-либо иного надзора. И то же самое относится и к биографии, истории, научным трудам и т.д. Еще более поразительный пример фактора, вызванного к жизни потребностями нематериального характера, представляет газетная пресса. Каков был генезис этого удивительного приспособления, дающего нам ежедневно краткий обзор мировой жизни за предшествующий день? Что содействовало объединению всех этих издателей, их товарищей, сотрудников, фельетонистов, репортеров, сообщающих нам о парламентских прениях, публичных митингах, судебных заседаниях и полицейских происшествиях; этих музыкальных, театральных и художественных критиков, этих корреспондентов со всех концов мира? Кто придумал и довел до совершенства эту систему, которая в 6 часов утра дает жителям Эдинбурга отчет о прениях в палате общин, окончившихся в 2—3 часа ночи, и в то же самое время рассказывает им о происшествиях, случившихся накануне в Америке? Это не государственное изобретение, не им оно и вызвано к жизни. Законодательство не содействовало ни малейшим образом ее усовершенствованию или развитию этой системы. Напротив, она выросла

вопреки целой массе помех, воздвигаемых на ее пути государством, вопреки бесконечному ряду испытаний, которым последнее ее подвергало. Долгое время запрещалось печатание отчетов о парламентских прениях: в течение целого ряда десятилетий газеты подвергались гнету цензурных мероприятий и преследований всякого рода, в течение значительного периода времени действующие законы не допускали дешевой прессы и сопутствующего ей просветительного влияния.

От военного корреспондента, письма которого дают воюющим нациям единственные достоверные отчеты о том, что делается на театре войны, до мальчишки-газетчика, разносящего третье издание с только что полученными телеграммами, — вся организация является продуктом свободной кооперации частных лиц, стремящихся к удовлетворению своих личных интересов, удовлетворяет в то же время интеллектуальным потребностям своих сограждан, по крайней мере, не малому числу из них, стремясь также приносить пользу своим согражданам и сообщая им более ясные представления и более возвышенные понятия. И даже более. В то время как пресса ничем не обязана государству, последнее в неоплатном долгу перед прессой, без которой оно на каждом шагу терпело бы задержки в исполнении своих функций. Тот фактор, который государство когда-то изо всех сил стремилось уничтожить, деятельности которого оно на каждом шагу воздвигало препятствия, дает теперь правителям известия, предваряющие их депеши членам парламента, — руководящее знакомство с общественным мнением и возможность, сидя на своих скамьях в палате общин, обращаться к своим избирателям и, наконец, обеим законодательным палатам — полный отчет об их действиях.

Я не вижу поэтому, каким образом может явиться сомнение относительно пригодности возникших таким образом факторов. Та истина, что при взаимной зависимости, создаваемой социальной жизнью, неизбежно возникают такие условия, при которых каждый, работая для собственной пользы, служит вместе с тем интересам других, была, по-видимому, долгое время одним из тех открытых секретов, которые остаются секретами именно благодаря тому, что для всех открыты. До сих пор еще очевидность этой истины вызывает, как кажется, недостаточное ясное сознание всего ее значения. Факты показывают нам,

что, если бы даже не существовало между людьми других форм свободной кооперации, кроме тех, которые порождаются личными интересами, можно было бы с достаточным основанием утверждать, что при отрицательно-регулятивном контроле центральной власти эти интересы выработали бы в соответствующей последовательности приспособления, необходимые для удовлетворения всех социальных нужд и для нормального отправления всех существенных социальных функций.

Существует, однако же, особый вид свободной кооперации, возникающий, подобно всем прочим, независимо от государственной деятельности и играющий значительную роль в удовлетворении некоторых родов потребностей. Как ни обычен этот вид свободной кооперации, он упускается обыкновенно из виду в социологических исследованиях. Как из газетных статей, так равно и из парламентских прений можно было бы заключить, что, помимо силы, заключающейся в своекорыстной деятельности человека, не существует никакой другой социальной среды, кроме правительственной. Как будто бы нарочно закрывают глаза на тот факт, что кроме своекорыстных интересов люди имеют также интересы сочувствия, и эти последние, действуя в каждой личности, сообща создают результаты вряд ли менее значительные, чем те, которые вызываются эгоистическими интересами. Правда, на ранних ступенях социальной эволюции, пока социальный тип имеет преобладающий милитарный характер, созданные таким образом учреждения еще не существуют; в Спарте было, вероятно, очень немного, а, может быть, и вовсе не было, филантропических учреждений. Но по мере возникновения социальных форм, приближающихся к мирному типу, — форм, при которых развивается промышленная организация, и деятельность людей принимает характер, не иссушающий постоянно их симпатических чувств, структуры, порождаемые этими чувствами, увеличиваются в числе и значении. К эгоистическим интересам и созданным ими кооперациям присоединяются альтруистические интересы с соответственными кооперациями, и чего не делают одни, то делается другими. Тот факт, что в своем изложении опровергаемой им доктрины проф. Хаксли не указывает на действия альтруистических чувств, как дополняющие действия чувств эгоистических, удивляет меня тем более, что сам он обнаруживает

в такой высоте степени эти чувства и своею собственной жизнью доказывает, каким сильным социальным фактором они могут стать. Пользуясь полезным выражением Конта, бросим беглый взгляд на результаты, созданные у нас индивидуальным и коллективным «альтруизмом».

Я не буду останавливаться, несмотря на то что и здесь обнаруживаются некоторые следы этих чувств, на тех многочисленных учреждениях, которые дают людям возможность уравнивать свои шансы в жизни, как то страховые общества, обеспечивающие против бедствий, порождаемых преждевременной смертью, несчастными случаями, огнем, крушениями, ибо происхождение их по преимуществу меркантильное и эгоистическое. Я ограничусь также только упоминанием о тех многочисленных кружках взаимопомощи, возникших среди рабочего класса в силу свободной инициативы в целях взаимной помощи на случай болезни и приносящих, несмотря на свои недостатки, очень значительную пользу, — ибо и они, хотя заключают в себя более значительный элемент симпатии, тем не менее поддерживаются главным образом своекорыстным расчетом. Оставим их в стороне и обратимся к организациям с более резко выраженным альтруистическим характером, и прежде всего к тем, которые служат религиозным интересам. Если мы в Шотландии и Англии исключим из этой области все то, что не установлено законом: в Шотландии — епископальную церковь, свободную церковь, соединенных пресвитерианцев и другие диссентерские корпорации; в Англии — методистов, индепендентов и различные менее значительные секты; если мы от государственной церкви отнимем все то, что было внесено в нее за последнее время добровольным усердием, особенно заметным благодаря появившимся повсюду новым храмам; затем, если мы и из остальной ее части исключим еще ту энергию, которую возбудило в ней в течение последнего столетия соревнование с диссентерами, — мы последовательно доведем ее до того униженного, инертного состояния, в котором застал ее Джон Уэсли. И вы убедитесь тогда, что более половины организации и неизмеримо более половины ее функций не правительственного происхождения. Взгляните на бесчисленные учреждения для облегчения человеческих бедствий — больницы, даровые лечебницы, богадельни, на различные благотворительные общества, которых в одном

Лондоне насчитывается около 600—700. Начиная с нашего громадного Св. Фомы (St. Thomas)*, превосходящего размерами сам дворец законодательства, до обществ Доркаса и сельских кружков, заботящихся об одеянии неимущих, мы имеем целую массу благотворительных учреждений, разнообразных по роду и многочисленных по количеству, которые поддерживают, быть может, даже слишком широко, установленное законом учреждение, и сколько бы вреда рядом с добром они иногда ни причиняли, они принесли его все же гораздо менее, чем закон о бедных до его изменения в 1834 г. Наряду с этим существуют и более яркие примеры значения подобных учреждений, как, например, Anti-Slavery Society, общество, поставившее себе целью борьбу против рабства и добившееся его уничтожения, несмотря на чрезвычайно сильную оппозицию в парламенте. Если мы станем искать примеры более близкие нам по времени, мы найдем их в быстрых и успешных действиях во время безработицы на хлопчатобумажных фабриках в Ланкашире, так же как и в организации помощи в прошлом году в разбитой и разоренной Франции. И наконец, взгляните на нашу образовательную систему, как она существовала вплоть до последнего времени. За исключением тех школ, которые открываются людьми для личных выгод, все остальные школы и колледжи были открыты или поддерживались частными лицами в интересах своих сограждан или их подрастающего поколения. За исключением тех немногих школ, которые были в большей или меньшей мере основаны королями, многочисленные субсидированные школы, рассеянные по всему государству, возникли благодаря альтруистическим чувствам (поскольку, впрочем, основатели их не руководились желанием приуготовить себе тепленькое местечко на том свете). И когда, несмотря на все эти приспособления для распространения просвещения, бедный пошел почти всецело под власть богатого, откуда явилось спасение? Возникла новая альтруистическая организация, поставившая себе целью просвещение народа, поборовшая противодействие духовенства и правящего класса, принудившая их выступить на путь соревнования и создавать подобные же альтруистические организации, пока система школ, местных и общих, церковных, диссентерских и светских, не привела народную массу из состояния почти полного невежества к такому, при котором

почти вся она обладает некоторыми зачатками знания. Не будь этих свободно развившихся органов, и невежество было бы у нас всеобщим явлением. И эти возникшие в силу одной только частной инициативы органы, эгоистического или альтруистического происхождения, создали не только то знание, которым обладает теперь народ и промышленный класс, и даже не только знание тех, которые сочиняют книги и пишут руководящие статьи, но также и знание людей, которые в качестве министров и законодателей правят страной. Между тем теперь, как это ни странно, наша интеллигенция с пренебрежением относится к своим отцам и презирает тех, которым обязана своим существованием и самым сознанием своего собственного значения, как будто бы они не сделали и не могли сделать ничего ценного! Прибавлю еще один только факт. Этим свободным органам мы обязаны не одною только учебной организацией и плодотворными результатами ее на поприще народного просвещения, — им же мы обязаны также и значительным прогрессом культуры в качественном отношении, прогрессом, который в последнее время, к счастью, начинает уже сказываться. Распространение научного образования и научного духа создано не законами и чиновниками. Наши ученые общества возникли благодаря свободной кооперации людей, заинтересованных в накоплении и распространении тех истин, которые составляют предмет их занятий. Хотя Британская ассоциация и получала время от времени незначительные субсидии, но вызванные ими научные результаты очень незначительны по сравнению с результатами, достигнутыми помимо такого рода поддержки. Убедительное доказательство могущества возникающих подобным образом учреждений и представляет нам история Королевского института. Являясь продуктом альтруистической кооперации, он имел целый ряд выдающихся профессоров, как то: Юнг, Дэви, Фарадей и Тиндаль, и вызвал такой ряд блестящих открытий, в сравнение с которыми не могут идти открытия какого бы то ни было поддерживаемого государством учреждения.

Итак, я полагаю, что люди, вынужденные, в силу условий существования гражданского общества, искать удовлетворения своих потребностей путем удовлетворения потребностей своих сограждан и побуждаемые чувствами, развившимися в них под влиянием социальной жизни, служат чужим потребностям

независимо от своих собственных, находятся под влиянием двух родов сил, соединение которых вполне достаточно для поддержания полезной деятельности во всех ее видах. Факты, как мне кажется, вполне подтверждают мой взгляд. Правда, что *a priori* человек вряд ли счел бы возможным, чтобы люди могли достигать подобных результатов при помощи бессознательных коопераций, так же точно, как ему трудно было бы представить себе априори, что такой же бессознательной кооперации обязан своим развитием и человеческий язык. Но рассуждение апостериори, самое надежное, когда факты у нас налицо, убеждает нас, что это так, что люди действительно могут совершать подобное, что они совершили уже в прошлом много поразительного и в будущем совершат, может быть, еще больше. Я думаю, что вряд ли какое-либо научное обобщение имеет более широкий индуктивный базис, чем наш взгляд, что эти эгоистические и альтруистические чувства представляют собою своего рода силы, соединение которых способно вызвать к жизни и поддерживать все те виды деятельности, которые создают здоровую, нормальную национальную жизнь, — при одном только условии, чтобы они были подчинены отрицательно-регулятивному контролю центральной власти, чтобы весь в совокупности агрегат индивидуумов, действуя посредством закона и исполнительных органов в качестве его агентов, налагал на каждого индивидуума, на каждую группу индивидуумов те ограничения, которые необходимы для предупреждения прямых или косвенных агрессивных действий.

В дополнение к моей аргументации здесь не лишне будет показать, что громадное большинство тех зол, для пресечения которых призывается на помощь государственная власть, возникает, непосредственно или косвенно, благодаря тому, что последняя не исполняет надлежащим образом своих отрицательно-регулятивных функций. Начиная с траты, может быть, 100 миллионов национального капитала на непроизводительные железнодорожные линии, траты, за которые ответственна законодательная власть, так как она разрешила нарушение контрактов первоначальных собственников¹ и кончая железнодорожными катастрофами и сопровожда-

¹ См. опыт «Нравственность и политика железных дорог».

ющими их смертельными случаями, вызванными небрежностью, которая никогда не достигла бы своих настоящих размеров, если бы существовал достаточно легкий способ нарушения договора между компанией и пассажиром, — почти все недостатки железнодорожного хозяйства возникли благодаря бездеятельности правосудия. Итак, везде и всюду мы видим одно и то же: если бы ограничительная деятельность государства была быстра, успешна и безвозмездна для потерпевших, почти все доводы в пользу положительной деятельности государства исчезли бы сами собою. Теперь, с моей стороны, будет уместно перейти к следующим замечаниям по поводу названия, данного этой теории государственной деятельности. Возможно, что название «административный нигилизм» вполне соответствует высказанному В. Гумбольдтом взгляду: я незнаком с его трудом. Но я решительно не вижу, каким образом оно может выражать защищаемую мною доктрину; точно так же не усматриваю и того, чтобы ей вполне соответствовало другое, более положительное, название — «полицейское государство». Понятие о полицейском государстве не включает в себе понятия об организации для целей внешнего покровительства. Я же вполне признаю, что до тех пор, пока каждая нация занимается грабежом, все другие нации должны быть настороже, чтобы посредством армии или флота, или того и другого вместе, в случае надобности отразить нападение грабителей. Между тем название полицейского государства, в обычном своем значении, не обнимает собою этих необходимых в борьбе с внешними врагами приспособлений для нападения и защиты. С другой стороны, оно не покрывает и всей относящейся сюда области. Выражая собою совершенно определенно представление об организации, необходимой для предупреждения и наказания уголовных нарушений, оно совершенно исключает представление о не менее важной организации для противодействия нарушениям гражданского характера, — организации, в высшей степени существенной при надлежащем исполнении отрицательно-регулятивных функций. Хотя полицейская власть может быть рассматриваема как подразумеваемая поддержка для решений во имя закона по всем вопросам, возникающим в судах *in ius prius*, но так как полицейская власть здесь редко проявляется видимым образом, то название «поли-

цейское государство» не указывает на эту очень важную часть отправления правосудия. Я не только не стою за политику *laissez faire* в том смысле, какой обыкновенно придается этим словам, но защищаю более деятельную власть той категории, которую я различаю как отрицательно-регулятивную. Одна из причин, почему я настаивал на исключении государственной деятельности из других областей, заключается в том, чтобы сделать ее более успешной в ее настоящей сфере. И я старался показать, что неудовлетворительное исполнение государством его обязанностей в пределах его настоящей сферы продолжается и до сих пор, потому что его время тратится главным образом на исполнение фиктивных обязанностей¹. Существует целый ряд фактов, как, например, в случае банкротства — трата трех четвертей, а иногда и более, имущества несостоятельного должника на расходы; вынуждение кредиторов под опасением проволочки и незначительности размера платежей при окончательном расчете принимать всякое предложение, как бы оно ни было невыгодно; в силу таких условий оказывается, что закон о банкротстве предоставляет как бы премию мошенникам, — все это факты, которые давно прекратили бы свое существование, если бы граждане сосредоточили свое внимание на установлении надлежащей судебной системы. Если бы надлежащее исполнение государством его существеннейших функций составляло решающий вопрос при выборах, нам не пришлось бы видеть, — что теперь не редкость, — как дрожащий от холода поселянин, крадущий колья из чужого палисадника, чтобы нагреть свой коттедж, или голодный рабочий, укравший что-нибудь из чужого огорода, подвергаются каре, превосходящей по своей строгости древнееврейские наказания, тогда как громадные финансовые мошенничества, разоряющие тысячи людей, остаются безнаказанными. Если бы отрицательно-регулятивная деятельность государства в вопросах внутреннего управления имела преобладающее значение в умах людей как в сфере законодателей, так и вне ее, то образ действий, которому подверглись недавно г-да Уолкер из Корнгилля, был бы невозможен: обокраденные на сумму в 6 тыс. ф., потратив 950 ф. на награды за открытие и преследование воров,

¹ См. опыт «Чрезмерность законодательства».

они не могут добиться возвращения им их собственности, найденной на ворах: таким образом они несут на себе издержки по отправлению правосудия, тогда как Лондонская корпорация наживает на их потере 940 ф. Вышеизложенный взгляд основывается именно на том, что, по моему мнению, эти вопиющие злоупотребления и упущения, характеризующие состояние нашего правосудия, требуют исцеления прежде всех других зол и что это исцеление может идти только рука об руку с постепенным сведением внутренних функций государства исключительно к отправлению правосудия. *Все организации, к какому бы роду они не принадлежали, иллюстрируют для нас тот закон, что успешность какой-либо деятельности может идти только рука об руку со специализацией как строения, так и функций, — специализацией, которая неизбежно предполагает сопутствующее ей ограничение.* Как я уже говорил в другом месте, развитие представительного строя есть развитие такого типа правления, который наиболее приспособлен к такому отрицательно-регулятивному контролю и менее всех других годится для положительно-регулятивной власти¹. Это учение, утверждающее, что, в то время как отрицательно-регулятивная власть должна расширяться и улучшаться положительно-регулятивная должна постепенно сокращаться, и что одна перемена предполагает другую, может быть по справедливости названо учением о специализации управления, если говорить о нем с точки зрения администрации. Я сожалею, что характер моего изложения привел к неверному истолкованию этого учения. Или я не объяснил своей мысли надлежащим образом, что меня удивляет, или место, потребное для того, чтобы доказать, что не входит в обязанности государства, настолько превышает место, которое приходится употребить для определения его обязанностей, что эти последние производят очень слабое впечатление. Как бы то ни было, но тот факт, что проф. Хаксли так истолковал мой взгляд, доказывает, что он нуждается в более полном разъяснении, ибо, если бы он понял меня согласно моей мысли, он не подвел бы, как мне кажется, моего положения под такую рубрику и не счел бы нужным возбудить вопрос, на который я здесь дал посильный ответ.

¹ См. опыт «Представительное правление».

Postscriptum. После окончания этой статьи до моего сведения дошел заслуживающий некоторого внимания факт, относящийся к вопросу о деятельности государства. Существует, по крайней мере, одна область, в которой государство преуспевает, — это почтовое ведомство. И это последнее приводится иногда как доказательство превосходства государственного управления над частным.

Я не подвергаю сомнению удовлетворительность нашего почтового устройства и не думаю утверждать, что эта отрасль государственного управления, в настоящее время хорошо поставленная, могла бы быть с пользой изменена. Возможно, что тип нашего социального строя настолько уже в этом отношении установился, что радикальная перемена была бы невыгодна для нас. По отношению к тем, которые придают большое значение такому успеху, я ограничился лишь замечанием, что успехи, приведшие наше почтовое ведомство к таким почтенным результатам, не были созданы правительством, напротив, — они были ему навязаны извне. В доказательство я сослался на то, что система почтовых карет (*mail-coach*) была создана частным предпринимателем Пальмером и должна была при своем возникновении преодолеть официальную оппозицию; что реформа, предпринятая мэром Роуландом Холлом (*Rowland Holl*), была проведена наперекор мнению чиновников; далее я указал на то, что и при теперешнем положении почтового ведомства многое в нем делается частными предпринимателями, что правительство для большинства своих внутренних сообщений прибегает к помощи железнодорожных компаний, для внешних сообщений — к пароходным обществам, ограничиваясь местным собиранием и распределением почтового материала.

Что касается общего вопроса, смогла ли бы частная предпринимчивость, в отсутствии существующей почтовой системы, создать свою систему, настолько же или еще более успешную, я могу сказать только то, что аналогичные явления, которые представляет нам наша газетная система с ее успешной организацией продажи газет, служат нам ручательством в этом случае. И только недавно я убедился не только в том, что частная предпринимчивость вполне способна создать нечто подобное, но и что, если бы не формальное запрещение, она сделала бы давно то, что государство сделало только недавно. Вот

доказательство: «Облегчение корреспонденции между различными частями Лондона не входило первоначально в число задач почтового ведомства. Но в царствование Карла II один предприимчивый гражданин Лондона, Уилльям Докрей, учредил, с большими издержками, городскую почту, которая доставляла письма и посылки шесть или восемь раз в день в бойкие и многолюдные улицы близ биржи и четыре раза в день в предместьях столицы... Лишь только сделалось ясным, что спекуляция будет выгодною, герцог Йоркский тотчас же восстал против нее, как против нарушения его монополии, и судебные места постановили решение в его пользу!» (Маколей. История Англии. II. Полн. собр. соч. VI. С. 382 и сл.)

Таким образом, оказывается, двести лет тому назад частная предприимчивость создала местную почтовую систему, в отношении дешевизны и частоты распределения подобную той, которая основана недавно и превозносится как продукт государственной деятельности. Судя по результатам, достигнутым частною предприимчивостью в других областях, в которых она точно так же начинала с малого, мы можем заключить, что начатое таким образом дело распространилось бы по всему королевству, сообразно существующей в нем потребности и насколько позволили бы обстоятельства. Следовательно, мы и в этом отношении ничем не обязаны государству; напротив, мы имеем основание предполагать, что при отсутствии правительственного запрещения мы давным-давно имели бы почтовую организацию, подобную нынешней.

Postscriptum. Когда настоящий опыт был перепечатан в третьей серии моих «Опытов научных, политических и философских», я включил в предисловие к нему несколько объяснений, относящихся к ответу проф. Хаксли. За отсутствием этого предисловия, теперь уже несвоевременного, я нахожу эту приписку наиболее подходящим местом для этих разъяснений. Поэтому привожу их здесь:

«Выскажу здесь несколько слов по поводу краткого возражения на мои доводы, сделанного проф. Хаксли в предисловии к его книге, озаглавленной „*Critiques et Adresses*“. В ответ на приведенные им основания, заставляющие его, по его словам, настаивать на том, что название „административный нигилизм“ вполне соответствует изложенной мною под

названием „отрицательно-регулятивной“ системе, я мог бы с таким же правом спросить, соответствует ли название „этический нигилизм“ тому, что осталось бы от десяти заповедей, если бы исключить из них все положительные предписания. Если восемь заповедей, которые все по существу или буквально подходят под рубрику: „ты не должен“, составляют ряд правил, который вряд ли может быть назван нигилистическим, то я положительно не могу себе представить, каким образом может быть названа этим именем административная система, ограниченная подкреплением такого ряда правил, особенно если к наказанию за убийство, воровство, прелюбодеяние и лжесвидетельство она прибавляет наказание за все менее значительные нарушения, начиная с самоуправства, нарушения договора и кончая нарушением спокойствия соседей. Относительно второго существенного вопроса, поскольку ограничение внутренних функций государства исключительно только отрицательно-регулятивными согласно с той теорией социального организма и его органов власти, которую я защищаю, я имею право сказать, мне кажется, что несостоятельность моего возражения пока еще не доказана. Мне молчаливо предложен был вопрос, как согласить аналогию, проведенную мною между государственной организацией, управляющей действиями политического организма, и теми нервными организациями, которые управляют органическими действиями живого индивидуума, с моим убеждением, что социальные деятельности в главном взаимно согласуются. Я ответил следующее: я признаю необходимыми положительно-регулятивные функции государства в отношении к средствам нападения и обороны, необходимые в интересах национального самосохранения в течение хищнического фазиса социальной эволюции; и я не только признаю важность его отрицательно-регулятивных функций в отношении внутренней социальной работы, но и настаивал на том, чтобы они исполнялись более успешно, чем до сих пор. Тем не менее, признавая, что внутренняя социальная работа должна подчиняться тому сдерживающему воздействию государства, которое заключается в предупреждении агрессивных действий граждан, прямых или косвенных, я утверждал, что

координация этих внутренних социальных деятельностей исполняется другими органами другого рода. Я старался доказать, что эти два утверждения не противоречат друг другу, показывая, что в индивидуальном организме эти жизненные процессы, соответствующие процессам, составляющим жизнь нации, также регулируются существенно независимой нервной системой. Проф. Хаксли напоминает мне, что новейшие исследования все более подтверждают влияние цереброспинальной нервной системы на процессы органической жизни, чему можно бы, однако, противопоставить возрастающую очевидность влияния симпатической нервной системы на цереброспинальную. Но, признавая указанное им влияние (которое соответствует тому влиянию правительства, какое я считаю необходимым), я полагаю, что мои положения не опровергнуты, поскольку очевидно, что внутренние органы, управляемые своей собственной нервной системой, могут поддерживать жизненные функции и тогда, когда контроль цереброспинальной системы существенно задержан, например сном, действием анестезирующих средств или какими-либо другими причинами, вызывающими нечувствительность; они подтверждаются также и тем, что значительная степень координации может существовать даже между органами существа, совершенно лишенного нервной системы».

ОТ СВОБОДЫ К РАБСТВУ¹

Суждения здравого смысла об общественных явлениях нередко оказываются в резком противоречии с фактами: так, например, меры, направленные к изъятию из обращения той или другой книги, усиливают ее распространение в публике; попытки ограничить ростовщичество только ухудшают положение должников, принуждая их платить еще более высокие проценты; некоторые продукты оказывается всего труднее достать на месте их производства и т.п. Одним из наиболее любопытных примеров этого рода является тот факт, что чем больше улучшается порядок вещей, тем громче становятся жалобы на его недостатки.

В те дни, когда народ не имел никаких политических прав, жалобы на его порабощение слышались очень редко; когда же свободные учреждения в Англии достигли такой высокой степени развития, что наш политический строй сделался предметом зависти народов континента, — нарекания на аристократический образ правления все росли и росли, пока не привели к значительному расширению прав и привилегий граждан, после чего вскоре начались новые жалобы на дурное положение вещей, вытекающее из того, что вышеупомянутое расширение недостаточно. Если мы припомним, как обращались с женщиной в эпоху варварства, когда она таскала на себе тяжести и выполняла все работы, а в пищу получала только объедки, остававшиеся после мужчин; если проследим, далее, ее положение от Средних веков, когда она прислуживала мужчинам за трапезой, и до наших дней, когда во всех наших общественных начинаниях требования женщин всегда выдвигаются на первый план, — мы увидим, что в пору наихудшего отношения к женщине, она, по-видимому, наименее сознавала, что к ней относятся дурно; теперь же, когда ей живется лучше, чем когда бы то ни было, ее недовольство своим положением все растет, и она заявляет о нем с каждым днем все громче, причем

¹ Впервые напечатано в качестве введения к сборнику антисоциалистических опытов, вышедшему в начале 1891 г. под заглавием: «В защиту свободы» («A Plea for Liberty»).

самые громкие вопли несутся из женского «рая» — Америки. Сто лет тому назад едва ли можно было найти хоть одного человека, который бы при случае не напивался допьяна, а неспособность выпить бутылку-другую вина вызывала общее презрение, но тогда не возникало никакой агитации против пьянства; теперь же, когда за последние пятьдесят лет добровольные усилия общества трезвости, в связи с более общими причинами, привели людей к сравнительной трезвости, раздаются громкие требования законов для предупреждения губительных последствий торговли крепкими напитками. То же самое с образованием. Несколько поколений назад умение читать и писать на практике ограничивалось высшими и средними классами населения; требования элементарного образования для рабочих никем не высказывались, а если и высказывались, то вызывали только смех; но когда, при наших дедах, стала распространяться, по почину немногих филантропов, система воскресных школ, за которыми последовало учреждение приходских (day-schools), вследствие чего лица, умеющие читать и писать, перестали составлять исключение в массе, а спрос на дешевую литературу сильно возрос, — тогда начали кричать, что народ гибнет от невежества и что государство должно не только воспитывать народ, но и насильно давать ему образование.

То же самое замечается и относительно пищи, одежды, жилища и жизненных удобств населения. Во всех этих отношениях положение его с течением времени несомненно улучшается. Не говоря уже о первобытной варварской эпохе, прогресс сразу бросается в глаза, если сравнить время, когда большинство крестьян питалось ячменным или ржаным хлебом и овсяной мукой, — с нынешним, когда везде распространено потребление белого пшеничного хлеба; или дни, когда носили грубые одежды до колен, а ноги оставались голыми, — с нашими, когда у работника, как и у хозяина, все тело прикрыто платьем, состоящим из двух и более слоев ткани; древнюю эпоху лачуг в одну горницу без печной трубы, или XV век, когда даже в помещичьих домах стены были по большей части не обшиты панелями и не оштукатурены, — с нашим, когда в любом крестьянском коттедже не меньше двух комнат, а в домах ремесленников обыкновенно их несколько, причем всюду имеются печи, камины, окна со стеклами, большею частью также обои

и крашенные двери. Стоит провести такого рода параллель, и достигнутый в этом отношении прогресс, повторяем, становится очевиден.

Еще рельефнее выступает прогресс, совершающийся на наших глазах. Кто оглянется на 60 лет назад, когда пауперизм и нищенство имели гораздо большие размеры, чем ныне, тот будет поражен сравнительной обширностью и роскошной отделкой новых домов, занимаемых рабочими улучшенем одежды; как рабочих, которые по воскресеньям носят платья из тонкого сукна, так и женской прислуги, соперничающей в нарядах со своими господами; повышением уровня потребностей, ведущих к повышению спроса на пищу лучшего качества среди трудящегося люда, — все результат двоякой перемены: повышения заработной платы и удешевления жизненных припасов, с одной стороны, и перераспределения налогов, облегчившего низшие классы за счет высших, — с другой. Такой наблюдатель будет поражен также контрастом между той ничтожной; ролью, какую играл в глазах общества вопрос о благосостоянии народа *тогда*, и тем огромным значением, какое ему придается теперь, когда и в парламенте, и вне его планы благодетельствования народной массы являются обычными темами для обсуждения и от каждого более или менее состоятельного человека ждут участия в каком-либо филантропическом предприятии. И, однако же, в то время как прогресс в области духовной и физической жизни масс совершается значительно быстрее, чем когда-либо прежде, а понижение процента смертности показывает, что в общем жизнь стала не так трудна, — именно в это время все громче и громче раздаются голоса, твердящие, что зло слишком велико и ничто не может помочь горю, кроме разве социальной революции. При наличии очевидного улучшения жизни, в связи с ее увеличенной продолжительностью, которая уже сама по себе достаточно убедительный признак общего улучшения, все с большей настойчивостью заявляют, что дело обстоит совсем скверно, что общество необходимо разрушить до основания и перестроить его по новому плану, и здесь, как и в вышеприведенных примерах, чем меньше становится зло, тем чаще и громче на него жалуются; и чем больше выясняется могущество естественных причин, тем более возрастает уверенность в их бессилии.

Это не значит, что зло, подлежащее врачеванию, незначительно. Да не подумает никто, что, подчеркивая вышеуказанный парадокс, мы хотим умалить страдания, выпадающие на долю большинства людей. Участь огромного большинства людей всегда была и остается такой печальной, что тяжело и думать о ней. Бесспорно, существующий тип социальной организации не может удовлетворить человека, который любит ближнего и желает ему блага; бесспорно и то, что проявления человеческой деятельности, сопровождающие этот тип организации, далеки от совершенства. Строгость классовых различий и поразительное неравенство средств противоречат тому идеалу человеческих отношений, который любит себе рисовать благожелательно настроенное воображение; а средний уровень человеческого поведения, под давлением и воздействием общественной жизни, как она сложилась ныне, во многих отношениях непригляден. Правда, многие противники свободной конкуренции странным образом игнорируют проистекающие от нее огромные блага — забывают, что большая часть продуктов и приспособлений, отличающих цивилизованное состояние от дикого и делающих возможным существование значительного населения на небольшом пространстве, появились и усовершенствовались благодаря борьбе за существование; правда, они игнорируют тот факт, что каждый человек, страдая в качестве производителя от понижения цен вследствие конкуренции, в то же время выигрывает как потребитель от удешевления всего, что ему приходится покупать; правда, они усиленно подчеркивают дурные стороны конкуренции и умалчивают о хороших, тем не менее нельзя отрицать, что зло велико и является значительным противовесом выгодам. Весь строй нашей жизни поощряет ложь и нечестность. Он вызывает бесчисленные обманы и надувательства всякого рода и дешевые имитации, во многих случаях вытесняющие с рынка подлинные продукты: он приводит к употреблению фальшивых мер и весов, он создает подкупы, наблюдаемые в большинстве торговых отношений, начиная от отношений фабриканта к покупателю и кончая отношениями лавочника к прислуге; обман поощряется в такой мере, что, если приказчик не умеет правдоподобно лгать, его бранят; и очень часто добросовестному купцу приходится выбирать между злоупотреблениями, практикуемыми его конкурентами,

и банкротством, от которого пострадают его кредиторы. Кроме того, мошенничества более крупных размеров, обычные в коммерческом мире и ежедневно обнаруживаемые на суде и в газетах, в значительной мере вызываются, с одной стороны, постоянным гнётом, который оказывает конкуренция на высшие индустриальные классы; с другой — необузданной роскошью, которую они вынуждены поддерживать как наглядное доказательство их успехов в коммерческой борьбе. К этому ряду мелких зол следует присоединить то большое зло, что при такой системе распределение доходов совершается крайне непропорционально, и на долю тех, кто надзирает и регулирует, приходится слишком значительная часть сравнительно с тем, что получают действительно работавшие.

А потому пусть никто не толкует вышеприведенных наших слов в том смысле, что мы придаем слишком мало значения недостаткам нашего основанного на конкуренции строя, который мы еще 30 лет назад описывали и порицали¹. Но речь идет не об абсолютном зле, а об относительном; о том, действительно ли зло, от которого мы страдаем теперь, больше того, с каким пришлось бы мириться при другом общественном строе; и действительно ли усилия, направленные к уменьшению зла по принятому до сих пор пути, имеют больше шансов на успех, чем если бы они были направлены совершенно иначе.

Этот-то вопрос мы и намерены рассмотреть; прежде всего мы должны извиниться, что начинаем с изложения довольно известных — по крайней мере для некоторых — истин, прежде чем приступить к выводам, менее общеизвестным.

Говоря вообще, каждый человек работает, чтобы избежать страданий. В одном случае стимулом является воспоминание о муках голода, в другом — вид плети в руках надсмотрщика. Непосредственный руководитель — страх — вызывается в человеке представлением о наказании, будет ли оно причинено физическими условиями или человеческой волей. Он должен иметь господина, будь то природа или его ближний. Если над ним властвует безличная природа, мы говорим, что он свободен; когда же он находится под личным воздействием другого человека, стоящего выше его, мы зовем его, смотря по степени зависимости,

¹ См. опыт «Торговая нравственность».

рабом, крепостным, вассалом. Мы оставляем, конечно, в стороне незначительное меньшинство лиц, получающих средства к жизни по наследству; это — общественный элемент случайный, не необходимый. Мы говорим лишь о том огромном большинстве людей, как образованных, так и необразованных, которые содержат себя трудом, физическим или умственным, и трудятся либо по доброй воле, никем не принуждаемые, имея в виду лишь выгоды и невыгоды, естественно вытекающие из их действий, либо по принуждению, поневоле, побуждаемые мыслью о выгодах и невыгодах, создаваемых искусственно.

Люди могут работать совместно, обществом, точно так же добровольно или по принуждению; эти две формы власти во многих случаях сливаются, но по существу своему противоположны. Употребляя слово «кооперация» в широком смысле, а не в том ограниченном, какой ему обыкновенно придают теперь, можно сказать, что общественная жизнь должна быть построена либо на добровольной, либо на принудительной кооперации; или же, выражаясь словами сэра Генри Мэна, людей должна соединять или система *договора*, или система *status*, т.е. система, при которой индивиду предоставлена полная возможность достигать наилучшего, чего он может достигнуть собственными усилиями, причем успех или неудача зависят от его способностей и умения; или такой режим, где каждый имеет свое определенное место, несет обязательный труд и получает определенную долю пищи, одежды и крова.

Система добровольного сотрудничества и есть система, положенная в основу современной промышленности во всех цивилизованных государствах. В простейшей форме мы видим ее на всякой ферме, где рабочие, получающие жалованье от самого фермера и исполняющие непосредственно его приказания, вольны оставаться или уходить, когда им угодно.

Пример более сложной формы представляет любое промышленное предприятие, в котором имеются разные степени подчинения: во главе предприятия стоят хозяева, затем управляющие и конторщики, еще ниже — надсмотрщики и десятники и, наконец, рабочие разных категорий. В обоих случаях мы видим совместный труд или кооперацию между хозяином и работниками с целью получения там жатвы, здесь — обработанных продуктов. Одновременно с этим существует гораздо

более широкая, хотя и бессознательная, кооперация участников одного предприятия с участниками всех других — иначе говоря, со всеми трудящимися членами общества. Ибо в то время как каждый предприниматель и каждый рабочий в отдельности заняты своей специальной отраслью труда, другие предприниматели и рабочие производят другие предметы житейского обихода, необходимые как для себя, так и для него. Отличительная черта этой добровольной кооперации — всех ее форм, от самых простых и до самых сложных, — заключается в том, что все участники ее работают вместе в силу соглашения. Тут никто не навязывает условий и не принуждает подчиняться им.

Правда, в некоторых случаях наниматель предлагает, а наемник принимает условия неохотно, говоря, что его вынуждают так поступать обстоятельства. Но что такое обстоятельства? В одном случае — это полученный заказ или заключенный контракт, которые не могут быть выполняемы без уступок с его стороны; в другом — он соглашается на более низкую плату, чем желал бы, потому что иначе ему негде будет взять денег на пищу и топливо. Общая формула не говорит: «Сделай это, иначе я заставлю тебя», но говорит: «Сделай это или же уходи и пеняй на себя».

С другой стороны, примером принудительной кооперации может служить армия — не столько наша английская армия, куда поступают на службу на известный срок и по договору, сколько континентальные, состоящие из солдат, вербуемых по набору. Здесь ежедневные занятия в мирное время, чистка и уборка, парады, учения, караулы и прочее, а также различные маневры в лагере и на поле битвы производятся по приказу начальства, так что у солдата не остается никакой возможности выбора. Общий для всех закон — это безусловное подчинение низшего чина высшему, начиная от простого солдата до обер- и штаб-офицеров. Сфера индивидуальной воли ограничена волей начальства. Нарушения субординации влекут за собой, смотря по тяжести проступка, лишение отпуска, сверхурочные занятия, карцер, розги, наконец, высшую кару — расстрел. Тут нет уговора повиноваться в пределах определенных обязанностей, под страхом лишения места; тут просто говорят: «Делай все, что тебе велят, иначе тебе угрожают страдания, а может быть, и смерть».

Эта форма кооперации, воплощаемая армией, в прежние времена была формой кооперации, обнимавшей собой все гражданское общество. Хронические войны везде и во все времена порождали военный тип организации не только войска, но и мирной общины. Пока общества ведут между собою деятельную борьбу и война считается единственным занятием, достойным мужчины, общество представляется как бы армией в состоянии покоя и армия — мобилизованным обществом; элементы же, не принимающие участия в боях, — рабы; женщины и крепостные составляют как бы интендантство. Естественно поэтому, что в отношении массы лиц последнего разряда применяется дисциплина, по существу тождественная с военной, хотя и менее выработанная. Раз при таких условиях войско является правящим сословием, а остальные элементы общества не способны к сопротивлению, естественно, те, кому подчинено войско, подчинят себе и несражающиеся элементы, и принудительный режим будет приложен к ним с теми лишь изменениями, какие вытекают из различия обстоятельств. Военнопленные становятся рабами; бывшие вольные хлебопашцы в завоеванной стране — крепостными. Вожди небольших племен становятся в зависимости от вождей больших; мелкие землевладельцы-дворяне делаются вассалами крупных и так далее в восходящем порядке: все это потому, что общественная иерархия власти по существу своему однородна с иерархией власти военной организации.

И в то время как рабы имеют дело с принудительной кооперацией в ее элементарной форме, та же система отчасти господствует и над всеми прочими высшими слоями. Клятва верности, приносимая каждым своему сюзерену, гласит: «Я — твой слуга».

Повсюду в Европе, и в особенности у нас, в Англии, этот тип принудительной кооперации постепенно утрачивал силу, уступая шаг за шагом место кооперации добровольной. Как только война перестала быть главной задачей жизни, социальный строй, порожденный войной и к ней приноровленный, стал мало-помалу изменяться, переходя в строй иного рода, созданный промышленной жизнью и наиболее выгодный для интересов промышленности. Пропорционально уменьшению части общества, преданной наступательным и оборонительным действиям, росла часть, посвятившая себя производству

и распределению. Увеличиваясь численно, выигрывая в силе, чувствуя себя в городах менее под властью военного сословия, это промышленное население построило свою жизнь на началах добровольной кооперации. Само собой, муниципалитеты и цехи, проникнутые отчасти идеями и правами военного типа общества, вносили в свои постановления известную долю принудительности; тем не менее производство и распределение совершались преимущественно на основании договора — по соглашению — как между продавцами и покупателями, так и между хозяевами и рабочими.

Как только эти социальные отношения и формы деятельности стали господствующими среди городского населения, они стали влиять и на все общество в целом: принудительная кооперация все более и более расшатывалась благодаря тому, что явилась возможность откупаться деньгами от военных и гражданских повинностей; вместе с тем расшатывались сословные перегородки и уменьшалось значение классовых различий. Мало-помалу, когда ослабела власть промышленных корпораций, равно как и власть одного сословия над другим, добровольная кооперация сделалась общим принципом.

Купля-продажа стала обязательной для получения какого бы то ни было рода услуг, точно так же как и для приобретения товаров всякого рода.

Жизненные тяготы, порождая недовольство условиями жизни, постоянно поддерживают и возбуждают в нас желание изменить свое положение. Всякому известно, как утомительно продолжительное пребывание в одной и той же позе; всякому приходилось замечать, как самое удобное кресло, в котором вы сначала чувствовали себя превосходно, после нескольких часов сидения становится настолько невыносимым, что вы охотно меняете его на жесткий стул, которым раньше пренебрегали. То же происходит и с общественными организациями. Освободившись после долгой борьбы от суровой дисциплины старого режима и заметив, что, при всех относительных достоинствах нового режима, и оно не лишено неудобств и недостатков, люди снова начинают испытывать недовольство, вызывающее в них желание попробовать другую систему, которая если не по форме, то по существу оказывается тою же, от которой предшествующие поколения с великой радостью избавились.

Ибо, как только общество отказывается от режима, основанного на взаимном договоре, оно, по необходимости, должно принять режим *status'a*. Раз оставлена добровольная кооперация, она должна быть заменена принудительной. Без организации труд обойтись не может, какая-нибудь организация труда должна существовать: если не возникшая путем соглашения при условии свободной конкуренции, так навязанная высшей властью!

При всем внешнем различии между старым порядком, при котором рабы и крепостные работали на своих хозяев, подчиненных баронам, которые, в свою очередь, были вассалами герцогов или королей, — и новым строем, к которому теперь стремятся, в котором рабочие работают небольшими группами под наблюдением надсмотрщиков, подчиненных старшим надзирателям, подчиненным, в свою очередь, местным управляющим, опять-таки поставленным в зависимость от окружающих, непосредственно получающих распоряжения от центрального правительства, — оба, по существу, основаны на одном и том же принципе. Как в том, так и в другом строе должны существовать установленные степени и вынужденное подчинение низших степеней высшим. Это — истина, с которой коммунисты и социалисты недостаточно считаются. Недовольные существующим порядком вещей, где каждый заботится о себе и все вместе о том, чтобы никто не плутовал, они считают, что было бы несравненно лучше для всех, если бы все сообща заботилось о каждом в отдельности, — но не останавливаются на мысли о том, при помощи какого механизма можно осуществить это? Если каждый явится предметом забот всех, взятых вместе, то эти *все*, объединенные в одно целое, неизбежно должны иметь в своем распоряжении необходимые на это средства. То, что дается каждому в отдельности, должно быть взято из накопленного общими силами; а потому *все* непременно потребуют от *каждого* соответствующего взноса; должно определить его долю участия в составлении общественного капитала, т.е. в производстве, взамен чего он получит содержание. Значит, для того чтобы быть обеспеченным, он должен отказаться от независимости и повиноваться тем, кто указывает ему, что ему делать, когда, где и кто даст ему его долю пищи, одежды и жилья. Раз конкуренция устранена, а вместе

с ней — купля-продажа, не может быть уже добровольного обмена данного количества труда на данное количество продукта; соотношение между тем и другим определяется установленными должностными лицами и становится обязательным. Свобода выбора отсутствует как при выполнении труда, так и при получении вознаграждения, каково бы оно ни было, ибо рабочий не может по желанию отказаться от места и предложить свой труд в другом месте. При этой системе он может быть принят в другом месте не иначе как по распоряжению властей. Ясно, что раз установлен такой порядок вещей, член общины, не подчинившийся *властям* в одном месте, не мог бы получить работы в другом, ибо этот порядок вещей немыслим при условии, что каждый рабочий имеет право произвольно наниматься и уходить. Отдавая приказы капралам и сержантам, капитаны промышленности должны исполнять приказания своих полковников, эти — приказания генералов и так далее, до главнокомандующего включительно; и повиновение так же обязательно для всех чинов промышленной армии, как и для чинов военной. В той и другой правило одно и то же: делай, что тебе предписано, и получай, что тебе причитается.

«Ну что же, пусть так, — возразит социалист, — рабочие сами будут выбирать себе должностных лиц, и, значит, эти последние будут всегда подчинены контролю управляемой ими массы. Под страхом общественного мнения они, несомненно, будут действовать справедливо и честно: в противном случае они будут отставлены от должностей путем народного голосования, местного или общего. Не обидно повиноваться властям, когда сами эти власти подчинены контролю народа». И социалисты всецело верят в эту привлекательную иллюзию.

Железо и медь — предметы более простые, чем плоть и кровь, а мертвое дерево — чем живой нерв; машина, сделанная из первых материалов, работает более точно, чем организм, построенный из элементов второго рода, именно потому, что движущая сила в организме — энергия живых нервных центров, тогда как машину приводят в движение неорганические силы: вода или пар. Ясно отсюда, что гораздо легче предвидеть и рассчитать действие машины, чем деятельность организма. А между тем как редко расчет изобретателя относительно действия нового аппарата оказывается правильным! Просмотрите

список патентов, и вы увидите, что из пятидесяти изобретений одно оказывается полезным на практике. Как ни легко осуществим кажется автору план его изобретения, на деле какая-нибудь зацепка препятствует ожидаемому действию и полученный результат далеко не соответствует ожидаемому. Что же сказать о тех схемах, которые имеют дело не с мертвыми силами вещества, а со сложными живыми организмами, с деятельностью, гораздо менее доступной предвидению и включающей кооперацию многих подобных организмов. Очень часто им не понятны даже те единицы, из которых должно сложиться реорганизованное политическое целое. Каждому из нас приходится иногда дивиться чьему-либо поведению или даже поступкам своих родственников, которых он отлично знает. Если так трудно предвидеть поступки индивида, возможно ли сколько-нибудь точно определить заранее действие того или другого общественного строя? Авторы большинства социальных схем исходят из предположения, что все будут правильно поступать и судить честно, будут мыслить, как они должны мыслить, и действовать, как они должны действовать, и держатся этого взгляда, невзирая на повседневный опыт, доказывающий, что люди не делают ни того, ни другого, и забывая, что его сетования на существующий порядок вещей доказывают его убеждение в том, что людям как раз недостает того благоразумия и той честности, которые нужны для осуществления его плана.

Конституции на бумаге вызывают улыбку на лице всякого, кто видел их результаты; такое же впечатление производит и социальная система на бумаге на тех, кто наблюдал действительные факты. Как далеки были люди, делавшие Французскую революцию, и главные инициаторы установки нового правительственного аппарата от мысли, что одним из первых действий этого аппарата будет обезглавливание всех их! Как мало авторы американской декларации независимости и создатели республики предвидели тот факт, что несколько поколений спустя законодательство станет добычей интриганов; что оно создаст обширное поприще для борьбы и конкуренции искателей мест; что политическая деятельность повсюду будет загрязнена вторжением в эту сферу чуждого элемента — баланса, поддерживающего равновесие между партиями; что избиратели, вместо того чтобы голосовать самостоятельно, будут представлять

собой тысячеголовое стадо, руководимое несколькими вожаками (bosses), и что сфера общественной деятельности будет закрыта для людей достойных благодаря оскорблениям и клеветам профессиональных политиков. Также мало предугадывали события авторы конституции различных других государств Нового Света, в которых бесчисленные революции с поразительным постоянством обнаруживали контраст между ожидаемыми результатами политических систем и результатами, достигнутыми в действительности. То же самое приходится сказать и о предлагавшихся системах общественного переустройства, поскольку они были испробованы на практике. За исключением социальных схем, предписывавших безбрачие, история всех остальных представляет собою ряд неудач; одно из последних свидетельств дает нам история Икарыйской колонии Кабэ, рассказанная одним из ее членов, г-жою Флери Робинзон в «The Open Court», — история последовательно повторявшихся расколов, распада на группы, все более и более мелкие, сопровождавшегося многочисленными случаями отпадения отдельных членов и закончившегося полным распадением. Причина неудачи подобных как общественных, так и политических схем одна и та же.

Развитие путем превращения — универсальный закон, господствующий как на небесах, так и на земле, в особенности в органическом мире, и прежде всего среди животных. Ни одно существо, не исключая самых простых и ничтожных, не начинает своего бытия в той форме, какую оно принимает впоследствии, и в большинстве случаев несходство первичной и позднейшей формы так велико, что родственная связь их казалась бы совершенно невероятной, если бы возможность ее не подтверждалась ежедневно на любом птичьем дворе и в любом саду. Более того, многие существа меняют форму по несколько раз, причем каждый раз с ними происходит, по-видимому, полное превращение: например, яичко, личинка, куколка и окончательная форма (imago). Закон метаморфозы — общий закон, управляющий развитием как планеты, так и любого семени, произрастающего на ее поверхности; этот же закон управляет и обществами, взятыми в целом, и составляющими их отдельными учреждениями. Ни одно из них не кончается так, как начало; и разница между первоначальной и конечной формой бывает так велика, что

вначале переход из одной в другую показался бы совершенно невероятным. В грубейшей форме общества — диком племени — вождю повинуются, как военачальнику в военное время, но лишь только война прекратилась, он лишается своего выдающегося положения; и даже там, где непрерывные войны вызвали потребность в постоянном вожде, этот последний отличается от других только большим влиянием, в остальном же, так, как и все, сам себе строит хижину, сам добывает себе пищу, сам делает для себя оружие и домашнюю утварь. Здесь нет и намека на то, что произойдет с течением времени, когда путем завоеваний, объединения племен и соединения образовавшихся таким образом нескольких отдельных групп в одну сложится наконец нация и первоначальный вождь превратится в царя или императора, которые с высоты своего блеска и роскоши деспотически властвуют над многими миллионами при помощи сотен тысяч солдат и сотен тысяч чиновников. Когда первые проповедники христианства, миссионеры, люди скромной внешности и аскетического образа жизни, странствовали по языческой Европе, проповедуя забвение обид и воздаяние добром за зло, никому из них не приходило в голову, что со временем их преемники составят обширную иерархию, с огромными земельными владениями по всему свету, с сановниками церкви, надменность и спесь которых растет пропорционально их положению, с воинствующими епископами, самолично водящими в бой своих ратников, с Папой во главе, с высоты своего величия повелевающим королями.

То же было и с промышленной системой, которую многие теперь жаждут устранить. В ее первоначальной форме не было и намека на фабричную систему или родственные ей организации труда. Хозяин работал вместе со своими учениками и одним-двумя наемниками, отличаясь от них только своим положением главы дома; он делил с ними стол, кров и сам продавал продукты общего их труда. Лишь с ростом промышленности стали применять большее количество рабочих рук, а участие хозяев в производстве стало ограничиваться общим надзором и руководством. И уже в новейшее время сложился такой порядок вещей, где сотни и тысячи человек работают за известную плату под надзором всякого рода служащих, также состоящих на жалованье, а высшее руководство принадлежит одному

или нескольким лицам, стоящим во главе дела. Первоначальные небольшие полусоциалистические группы производителей, подобные большим семьям или родам древних времен, мало-помалу распались, не будучи в состоянии выдержать конкуренцию с более крупными предприятиями, с лучшим разделением труда; эти последние совершенно вытеснили первые, ибо они успешнее служили нуждам общества. Но нам нет надобности заглядывать далеко назад, в глубь веков, чтобы найти пример достаточно значительной и непредвиденной трансформации.

В тот день, когда в Англии впервые вотировали в виде опыта 30 000 ф. ст. из государственных сумм на нужды образования, всякий назвал бы идиотом того, кто вздумал бы предсказывать, что через 50 лет сумма, расходуемая на этот предмет из средств общегосударственных и местных, достигнет цифры 10 000 000 ф. ст.; и кто заявил бы, что вслед за заботами об образовании государство возьмет на себя попечение о народной одежде и пище, что родителей и детей, лишенных всякой свободы выбора, будут принуждать, хотя бы они умирали с голоду, — под страхом арестов и штрафов — давать и получать то, что государство с непогрешимой самоуверенностью пока называет образованием. Повторяем, никому бы не пришло в голову, что из такого невинного, на первый взгляд, зародыша вырастет с такой быстротой тиранический режим, которому смиренно покоряется народ, мнящий себя свободным.

В общественных отношениях, как и в прочих вещах, изменение неизбежно. Было бы безумием рассчитывать, что новые учреждения сохраняют в течение долгого времени характер, приданный им учредителями. Быстро или медленно, они преобразуются в учреждения, несходные с тем, что предполагалось вначале, столь несходные, что их не узнали бы даже сами их инициаторы. Какая же метаморфоза предстоит в интересующем нас случае? Ответ, подсказанный приведенными выше примерами и подкрепленный разнообразными аналогиями, очевиден.

Основная черта всякой прогрессирующей организации — развитие регулятивного аппарата. Для того чтобы части целого работали сообща, необходимы приборы, управляющие их действием; и пропорционально размерам и сложности целого, обилию требований, подлежащих удовлетворению различными

путями, должны возрасти размеры, сложность и энергия направляющего аппарата. Что дело обстоит именно так с организациями отдельных особей — это не нуждается в доказательствах; но легко видеть, что то же происходит и с общественными организациями. Помимо регулятивного аппарата, какой необходим и в нашем обществе для обеспечения национальной защиты, общественного порядка и личной безопасности граждан, в социалистическом строе должен быть еще регулятивный аппарат, заведующий всеми видами производства и распределения, в том числе распределением долей всевозможных продуктов между отдельными местностями, рабочими учреждениями и лицами. При существующей системе добровольной кооперации, с ее свободными договорами и конкуренцией, нет нужды в официальном надзоре за производством и распределением.

Благодаря спросу и предложению и желанию обеспечить себе средства к жизни путем служения нуждам прочих естественно слагается этот удивительный порядок вещей, при котором пищевые продукты ежедневно доставляются каждому обывателю на дом или же ожидают его в соседних с его домом лавках; к услугам обывателя повсюду разнообразная одежда; в любом месте можно иметь готовый дом, обстановку, топливо; сколько угодно духовной пищи, начиная с грошовых газеток, названия которых часами выкрикивают на улицах разносчики, кончая массой еженедельно выходящих романов и менее обильным количеством научных книг и учебников, — и все это за незначительную плату. И по всей стране, как при производстве, так и при распределении, минимальный надзор оказывается вполне достаточным; все многообразные удобства и блага жизни, требуемые ежедневно повсюду, доставляются куда следует, без всякого иного воздействия, кроме погони за наживой. Вообразите себе теперь, что эта промышленная система, основанная на добровольном труде, заменена системой труда обязательного повиновения, обеспеченного надзором должностных лиц. Вообразите только, какое множество чиновников потребуется для распределения всяких благ жизни среди населения страны, по городам, местечкам и деревням, что теперь выполняется торговцами! Подумайте, далее, что еще более сложная администрация потребуется для исполнения всего того, что теперь делают фермеры, фабриканты, купцы; что понадобится

не только местный надзор с различными градациями местной власти, но и центральная администрация с филиальными отделениями для правильного распределения всего необходимого между всеми и в надлежащее время. Прибавьте сюда штаты чиновников, которые будут заведовать рудниками, железными и простыми дорогами, каналами; другие штаты, нужные для заведования ввозом, вывозом и торговым судоходством; контингенты лиц, обязанных заботиться о снабжении городов не только водой и газом, но и средствами передвижения — трамваями, омнибусами и пр., а также о распределении силы, электрической и иных. Прикиньте сюда уже имеющуюся администрацию почтового, телеграфного и телефонного ведомств и, наконец, огромные штаты служащих в армии и полиции, при помощи которых будет достигаться принудительное исполнение предписаний этого огромного объединенного регулятивного механизма.

Представьте себе все это и задайте себе вопрос: каково же будет положение простых рабочих? Уже теперь на континенте, где правительственные организации лучше выработаны и распоряжаются более властно, чем в Англии, слышны вечные жалобы на тиранический характер бюрократии, на высокомерие и грубость ее представителей. Что же будет, когда не только общественная деятельность граждан, но и весь их домашний обиход будут подчинены контролю? Что произойдет, когда разные части этой огромной армии чиновников, объединенной интересами, общими всем правителям, интересами власть имущих по отношению к подвластным, будут иметь под рукой необходимую им силу для обуздания всякого неповиновения, выступая притом в роли «спасителей общества»? Каково придется всем этим рудокопам и плавильщикам, землекопам и ткачам, когда все элементы, в чьих руках управление и надзор, спустя несколько поколений сольются, и, таким образом, образуется ряд каст с возрастающим влиянием; когда эти элементы, имея всё в своей власти, привыкнут жить для собственных выгод; когда, стало быть, сложится новая аристократия, гораздо более выработанная и лучше организованная, чем старая? Что делать тогда отдельному труженику, если он не удовлетворен своим положением: считает, что он получает меньшую, чем ему следует, долю продуктов, или что его заставляют работать

больше, чем он обязан, или если он желает взять на себя обязанности, к исполнению которых он сам себя считает годным, но его начальство смотрит иначе; наконец, если он желает действовать независимо, на свой страх? Этой недовольной единице, единственной во всем огромном механизме, скажут: покорись или уходи! Самая мягкая кара за неповиновение — исключение из промышленного союза. Но если, как предполагают, возникнет международная организация труда, исключение из промышленной организации в одной стране будет равносильно исключению отовсюду, — промышленное отлучение будет означать голодную смерть.

Что такое положение вещей неизбежно — это заключение, основанное не на дедукции только, не только на индуктивных выводах из вышеприведенных данных прошлого опыта или из аналогий, представляемых организмами разного рода, но и на повседневном наблюдении того, что происходит у нас перед глазами. Та истина, что регулирующий аппарат всегда склонен к усилению своей власти, иллюстрируется примерами. Возьмем любое организованное человеческое общество, ученое или иное. История каждого из них наглядно показывает, как администрация, постоянная или отчасти меняющая свой состав, постепенно захватывает в свои руки все большую и большую власть и направляет по-своему деятельность общества, встречая лишь незначительное сопротивление даже и в тех случаях, когда большинство не согласно: боязнь всего, что сколько-нибудь смахивает на революцию, удерживает и запугивает большинство. То же самое и в акционерных компаниях, например железнодорожных. Предложения директоров правления утверждаются обыкновенно беспрекословно или после самого поверхностного обсуждения; а если окажется сколько-нибудь значительная оппозиция, ее сопротивление непременно будет сломано подавляющим большинством тех, кто всегда стоит за существующую власть. Только в случае крайних непорядков в управлении недовольство акционеров доходит до желания переменить администрацию.

Не иначе обстоит дело и в обществах, созданных людьми труда и принимающих интересы последнего особенно близко к сердцу, в рабочих союзах (*trade unions*). И люди, стоящие во главе правления, становятся мало-помалу всесильными.

Члены этих обществ подчиняются властям, ими поставленным, даже когда они не одобряют их образа действий. Они уступают, чтобы не нажить себе врагов среди своих же собратий, что нередко сопряжено с потерей места и всякой надежды на заработок. Последний рабочий конгресс показал нам, что и в этой молодой организации уже раздаются жалобы на «интриганов» (*wie pullers*), «вожаков» (*bosses*) и «несменяемость должностных лиц». Но если такое верховенство руководителей наблюдается в обществах весьма недавнего происхождения, члены которых имели полную возможность отстоять и обеспечить свою независимость, то какова же будет власть руководителей давне уже существующих учреждений, получивших мало-помалу широкую и сложную организацию, — учреждений, которые контролируют жизнь отдельной единицы не отчасти только, а целиком?

Нам скажут в ответ: «Против всего этого мы примем меры. Образование станет достоянием всех; каждый будет следить зорко за администрацией, и всякое злоупотребление властью будет тотчас же предупреждено». Ценность подобных упований была бы незначительна даже и в том случае, если бы мы не могли воочию видеть причины, действие которых должно разрушить эти надежды; ибо в сфере человеческих начинаний самые заманчивые и, казалось бы, многообещающие планы терпят крушение совершенно непредвиденным манером. В настоящем же случае крушение неизбежно должно быть вызвано очевидными причинами. Деятельность учреждений определяется свойствами человеческой природы, а присущие этой природе недостатки неизбежно должны повлечь за собой вышеуказанные последствия. Человеческая природа не в достаточной степени одарена чувствами, потребными для того, чтобы помешать росту деспотической бюрократии.

Если бы понадобились косвенные доказательства, большой материал в этом смысле могло бы доставить поведение так называемой либеральной партии, — партии, которая забыла, что лидер не более как представитель политики, заранее известной и принятой, и которая считает себя обязанной подчиняться той политике, какой решил держаться лидер без согласия и ведома партии; партии, до того забывшей основную идею и смысл либерализма, что она не возмущается, видя попорченным

право частного суждения — этот корень либерализма и называется ренегатами тех из своих членов, которые отказываются поступиться своей независимостью. Но мы не станем тратить время на подбор косвенных доказательств того, что природа людей в общем не такова, чтобы ставить преграды на пути развития бюрократической тирании. Достаточно рассмотреть прямые данные, доставляемые классами, среди которых идеи социализма наиболее популярны и которые видят свой прямой интерес в распространении этих идей, — мы говорим о рабочих классах. Они-то главным образом и войдут в состав обширной социалистической организации; их свойствами определится и природа последней. Каковы же эти свойства, поскольку они выразились в уже существующих рабочих организациях?

Вместо эгоизма предпринимателей и эгоизма конкуренции мы теперь имеем дело с бескорыстием системы взаимопомощи. Насколько же проявляется это бескорыстие во взаимоотношениях рабочих? Что сказать об ограничении доступа новых рабочих рук к каждой отрасли труда или о препятствиях к переходу из низшего разряда рабочих в высший? В явлениях подобного рода незаметно альтруизма, — а ведь он-то и должен служить основой социализма. Напротив, всякий заметит здесь такое же открытое преследование личных выгод, как и в среде купцов. Поэтому, если отбросить мысль о внезапном исправлении людей, придется заключить, что искание частных выгод будет управлять поступками всех классов, входящих в состав социалистического общества.

Индифферентное отношение к стремлениям других сопровождается активным нарушением чужих прав. «Будь заодно с нами, или мы лишим тебя средств к жизни» — вот обычная угроза со стороны любого рабочего союза рабочим той же отрасли труда, стоящим вне союза. Члены его ревниво оберегают свою свободу установления размера заработной платы, однако же они не только отрицают свободу всякого, кто вздумает не согласиться с ними, но несогласие с ними считают за преступление. Людей, настаивающих на своем праве самостоятельно вступить в договор, они клеймят прозвищем «плутов» и «изменников»; по отношению к ним проявляют грубость, которая перешла бы в полную безжалостность, не будь уголовных кар и полиции. Рядом с таким попранием свободы

людей своего класса замечается стремление давать решительные предписания классу хозяев: не только условия и порядок работ должны сообразоваться с этими предписаниями, но нельзя нанимать кого-либо, кроме тех, кто принадлежит к данному союзу; более того, в иных случаях угрожает забастовка, если хозяин войдет в сделку с предприятиями, дающими работу не членам союза. Не раз рабочие союзы — особенно недавно возникшие — обнаруживали стремление навязывать свои требования, нисколько не считаясь с правами тех, кого они понуждают к уступкам. Превратность понятий и чувств дошла до того, что соблюдение права считается преступлением, нарушение же его — добродетелью¹.

Параллельно с грозной наступательной политикой в одном направлении замечается податливость в другом. Применяя принуждение к находящимся вне союза, организованные рабочие в то же время вполне подчинены своим вожакам. Для того чтобы победить в борьбе, они жертвуют своей личной свободой, свободой своего суждения и не проявляют недовольства, как бы ни были безапелляционны предъявляемые к ним вождями требования. Повсюду мы видим такое подчинение, что целые организации рабочих единодушно бросают работу или возвращаются к ней по приказу своих заправил. Они не могут

¹ К удивительным заключениям приходят люди, когда они забывают простой принцип, что каждый вправе стремиться к достижению своих жизненных целей с ограничениями, обусловленными исключительно подобными же действиями прочих людей. Поколение назад мы слышали громкие заявления о «правах на труд», т.е. о правах требовать труда; еще и теперь иные считают общество обязанным доставлять труд каждому в отдельности. Сравните с этим доктрину, господствовавшую по Франции в эпоху высшего расцвета монархии, что «право трудиться есть право короля, которое он может продать, а подданные обязаны купить». Контраст поразительный; но иногда приходится наблюдать и еще более поразительные контрасты. Мы присутствуем при возрождении деспотической доктрины; разница в том лишь, что короля заменяли рабочие союзы. Действительно, теперь союзы распространяются повсюду; каждый рабочий должен вносить установленную сумму в тот или другой союз, — в случае же, если он не сделается членом союза, у него силой отнимут работу; таким образом, дошло до того, что право труда принадлежит теперь союзу, и он может это право продать, а отдельные рабочие обязаны его покупать!

противиться и круговому обложению для поддержки стачечников, все равно, одобряют они или нет поступки последних; наоборот, они должны даже принимать меры против упорствующих членов их организации, не принявших участия в сборе.

Эти явления должны наблюдаться при всякой новой организации общества, и спрашивается: что последует из этого, когда будут устранены все препятствия, стесняющие их влияние? В настоящее время отдельные группы людей, в среде которых мы встречаем указанные явления, входят в состав общества отчасти пассивного, отчасти враждебного; независимая пресса имеет возможность критиковать и осуждать эти группы; они подчиняются контролю закона, полиции. Если при таких условиях группы эти вступают на путь, уничтожающий личную свободу, что же будет, когда обособленные организации, управляемые раздельными регуляторами, сольются между собою и охватят собою все общество, управляемое единой системой таких регуляторов; когда должностные лица всех категорий, включая и руководителей прессы, станут частями регулятивной организации, а последняя будет одновременно создавать законы и приводить их в исполнение? Фанатические приверженцы социализма способны на самые крайние меры для осуществления своих взглядов; подобно безжалостным ревнителям религии прошлых времен, они считают, что цель оправдывает средства. А раз установится общая социалистическая организация, то обширная, широко разветвленная и объединенная в одно целое корпорация лиц, руководящих деятельностью общества, получит возможность применять принуждение беспрепятственно, насколько это покажется нужным в интересах системы, т.е. в сущности, в их собственных интересах, не преминет распространить свое суровое владычество на все жизненные отношения действительных работников; и в конце концов разовьется чиновная олигархия с более чудовищной и страшной тиранией, чем какую когда-либо видел свет.

Я позволю себе предупредить ошибочное заключение. Кто думает, что предыдущее рассуждение предполагает довольство существующим порядком, тот глубоко заблуждается. Нынешнее состояние общества переходное, как и все предшествовавшие. Я надеюсь и верю, что создастся в будущем общественный строй, столь же отличный от настоящего, сколь нынешний

разнится от предшествовавшего, — с его закованными в латы баронами и беззащитными крепостными. В «Социальной статике», так же, как в «Изучении социологии» и в «Политических учреждениях», ясно выражено желание организации, более благоприятной счастью массы, чем нынешняя. Моя оппозиция социализму исходит из убеждения, что он задержит движение к высшей ступени и вернет худшее состояние. Только медленное изменение человеческой природы путем общественной дисциплины, и только оно одно может создать непрерывное изменение к лучшему.

Почти все как политические, так и социальные партии допускают в своих рассуждениях то основное заблуждение, будто со злом можно бороться непосредственно действующими и радикальными средствами: «Стоит вам только сделать это, и зло будет предупреждено», «Примите мой план — и нужда исчезнет», «Общественная испорченность бесспорно уступит такой-то мере». Повсюду встречаешь подобную уверенность — явную или подразумеваемую. Но все-таки предположения неосновательны. Возможно устранить причины, усиливающие зло; возможно изменить форму, в какой оно обнаруживается; но непосредственное врачевание немислимо. Постепенно, на протяжении тысячелетий, люди, размножаясь, принуждены были по необходимости выйти из своей первоначальной дикости, когда небольшое число их могло прокормиться первобытным способом, и перейти в цивилизованное состояние, при котором пропитание, необходимое огромной массе людей, можно добыть лишь постоянным трудом. Цивилизованный образ жизни требует от человека совершенно других данных, чем нецивилизованный, и много пришлось претерпеть, чтобы одно состояние заменить другим. Организация, не гармонирующая с жизненными условиями, должна была, по необходимости, порождать несчастье, а эта организация, которая была унаследована от людей первобытных, не гармонирует с условиями жизни нынешних людей. Поэтому-то невозможно сразу создать удовлетворительный общественный строй.

При наличности нравов и характеров, наполнивших Европу миллионами солдат то с целью завоевания, то с целью отмщения, — нравов, побуждающих так называемые христианские нации, с одобрения десятков тысяч служителей религии

любви, соперничать друг с другом в разбойничьих предприятиях по всему свету, несмотря на вопли туземцев; в среде людей, нарушающих в общении с более слабыми расами даже примитивное правило: жизнь за жизнь, и за одну жизнь берущих несколько, — невозможно путем какой-либо комбинации создать гармоничное сообщество. Основа всякой осмысленной деятельности в обществе — чувство справедливости, требующее личной свободы и вместе с тем внимательное к свободе других; а в настоящее время чувство это существует у людей лишь в очень недостаточной степени.

Поэтому нужна, прежде всего, долгая непрерывная дисциплина общественной жизни, где каждый делает свое дело, относясь с должным вниманием к аналогичному стремлению других делать свое дело; и где человек получает все плоды своего труда, но одновременно не должен взваливать на других невыгоды, какие могут произойти от его деятельности, разве только они по доброй воле захотят взять на себя эти невыгоды. Считать, что возможно обойтись без такой дисциплины, значит не только потерпеть неудачу, но это может привести к чему-либо еще худшему, чем то, от чего желательно избавиться.

Бороться с социализмом следует, значит, главным образом не в интересах класса предпринимателей, но еще более в интересах рабочих. Тем или иным путем производство должно быть регулируемо; и элементы, регулирующие по самому существу вещей, всегда будут менее многочисленны, чем действительные производители. При добровольной кооперации, как теперь, элементы, регулирующие производство, преследуя личную выгоду, берут себе такую долю продукта, какую только могут; но, как показывают в наши дни успехи рабочих союзов, эгоизм хозяев находит себе преграду. В принудительной же кооперации, какую повлечет за собой социализм, регулирующие элементы, преследующие свои виды с не меньшим эгоизмом, натолкнутся уже на согласное сопротивление свободных рабочих; и власть их, которой не пригрозят уже отказом работать с целью вынудить новые условия труда, будет расти, расширяться и крепнуть, пока не станет совершенно неодолимой. В конечном результате получится, как я уже отметил, общество, подобное Древнему Перу, на которое страшно смотреть, где вся масса населения, прихотливо распределенная по группам в 10, 50,

100, 500 и 1000 человек, находилась во власти чиновников соответствующих степеней; прикованные к своим участкам, люди опекались в своей частной жизни так же, как в промышленной деятельности, неся бремя труда в интересах правительственной организации без всякой надежды на освобождение.

КОММЕНТАРИИ

Личность и государство

с.4*

В эпоху Революции... — то есть во времена Славной революции 1688 г., государственного переворота в Англии, когда сторонники парламента свергли короля Якова II Стюарта с помощью голландской армии во главе со штатгальтером Вильгельмом III Оранским, который и стал королем Англии.

с.5*

Принципы вигов выразились в habeas corpus акте... — лат. *habeas corpus*, буквально «ты должен иметь тело», содержательно — «представь арестованного лично в суд» — издревле существовавшее понятие английского права, которым гарантировалась личная свобода. До акта 1679 г. выпуск постановления *habeas corpus* предоставлялся на усмотрение судей, не обладавших независимостью. В 1679 г. был издан Хабеас корпус акт, которым интересы личности ограждались от королевского произвола.

с. 5**

...оставив в стороне период войны в конце XVIII и начале XIX в... — английские войны этого периода включают: войну за независимость США (с 1775 г.), с Францией (1792—1802, 1803—1814), англо-американскую войну (1812—1814).

с. 5**

...восстановление мира дало возможность воскресить промышленный режим со свойственным ему строем — закон о запрещении рабства — 1807 г., отмена запрета на рабочие союзы — 1824 г., акт об эмансипации католиков — 1829 г.

с. 6*

Благодаря Биллю о реформе и Биллю о муниципальной реформе... — билль о парламентской реформе (о расширении избирательного права) впервые представлен в 1819 г., принят в 1832 г., билль о муниципальной реформе принят в 1835 г.

с. 21*

Лига защиты свободы и собственности (Liberty and Property Defense League) — основана в 1882 г. лордом Элкоу (Elcho) в поддержку принципа *laissez faire* и служила своего рода лоббистской группой промышленников и землевладельцев, а также либералов и философов индивидуализма в борьбе против тред-юнионизма, социализма и администрации Гладстона. Существовала до 1920-х годов.

с. 24*

...старый закон о бедных... — «старым» законом здесь назван закон о бедных 1601 г., который утратил силу в 1834 г. с принятием нового закона о бедных, многие положения которого оказались принципиально новыми и впоследствии были скопированы многими другими странами. В частности, в законе утверждалось, что бедные, старики и больные не обладают правами на получение общественной помощи, а государство не несет ответственности за безработных, нетрудоспособных и стариков. Этот закон создал централизованную систему социального призрения и ввел в действие масштабную систему рабочих домов.

с. 30*

...составители закона 1834 года о регулировании в некоторых фабричных производствах женского и детского труда... — Спенсер объединяет акт 1834 г. относительно труда детей с актом 1844 г., ограничивающим труд женщин наравне с трудом детей. Акт 1834 г. ограничивал продолжительность рабочего дня детей до 13 лет восьмью часами, а молодежи до 18 лет двенадцатью часами, с запретом ночного труда.

с. 31*

...система вознаграждения учителей по результатам их деятельности... — эта система была введена в 1862 г.

с. 31**

Практическим политикам, сделавшим обязательным обозначение грузовой линии на торговых судах... — нанесение на суда ватерлинии, или грузовой марки, в 1835 г. рекомендовала страховая компания Ллойда, а в 1876 г. акт о коммерческом судоходстве сделал эту меру обязательной.

с. 35*

Старый закон о бедных... — см. комм. к с. 24.

с. 37*

...после введения конкурентных экзаменов, открывающих молодым людям доступ к общественной деятельности... — то есть после 1855 г.

с. 39*

...на недавнем конгрессе профессиональных союзов (Trades Unions Congress), состоявшемся в Париже — Парижский конгресс тред-юнионов состоялся в 1889 г.

с. 39**

«Мы должны воспитывать наших правителей» (We must educate our masters) — слова Роберта Лоу, оказавшего большое влияние на внутреннюю политику Британии конца XIX в.

с. 40*

...в этом нас достаточно убеждает настоящее положение вещей в Германии... — то есть рост забастовочного движения и общий подъем рабочего движения, а также применение германскими социал-демократами классовой борьбы в качестве политической тактики.

с. 40**

ad captandum — (лат.) из желания угодить толпе.

с. 41*

...демократическая федерация... — Социал-демократическая федерация (основана в 1881 г. Генри Гайндменом) была первой организованной социалистической партией Британии. В нее, среди прочих, вошли Уильям Моррис, Джордж Лэнсбери и Элинор Маркс. Фридрих Энгельс отказался поддержать Гайндмена. В 1911 г. Социал-демократическая федерация объединилась с другими радикальными политическими группами и была преобразована в Британскую социалистическую партию.

с. 50*

...примеру французского правительства, которое долго было табачным лавочником... — французская государственная монополия на торговлю табаком была установлена в 1811 г. Наполеон финансировал свои военные кампании среди прочего и за счет продажи табака.

с. 54*

...французское правительство времен Второй империи... попирало свободу граждан до такой степени, что английские делегаты на последнем конгрессе промышленных союзов называли это попирательство «позорным и небывалым явлением в республиканской нации». — Вторая империя — период в истории Франции с 1852 по 1870 г. В результате плебисцита 1852 г. была установлена конституционная монархия во главе с президентом Луи Наполеоном Бонапартом, принявшим имя Наполеона III. До 1860 г. в номинально конституционном государстве фокус управления и законодательства находился в руках одного императора. Парламент мог только принимать или отвергать правительственные законопроекты и не имел права вносить в них изменения или поправки. Теоретически широкие выборные права граждан подвергались административному ограничению. Пресса, несмотря на формальную свободу печати, полностью зависела от администрации.

с. 55*

Недавние признания господина де Мопа... — Спенсер говорит о государственном перевороте во Франции в 1851 г. Национальное собрание отклонило предложенную тогдашним президентом Луи Наполеоном поправку к конституции, позволявшую ему в 1852 г. вновь баллотироваться на президентских выборах. Зимой 1851 г. президент с узким кругом сообщников начал готовить государственный переворот, о котором объявили 1 декабря 1851 г. на балу. В это время войска числом около 50 тысяч чел. окружали Париж. Стратегически важные пункты были заняты надежными полицейскими силами, а сам Мопа был назначен префектом парижской полиции. Париж объявили на осадном положении, а конституция 1848 г. утратила силу. Было подписано шестьдесят приказов на арест военных и политических деятелей,

- известных своими антибонапартистскими взглядами. В конце 1852 г. на плебисците большинство французов проголосовали за империю. 2 декабря 1852 г. для главы государства было восстановлено императорское достоинство, и бывший президент принял имя Наполеона III.
- с. 58*
Хлебные законы (англ. *Corn Laws*) — действовали в период между 1815 и 1846 гг. и представляли собой пошлины на импорт зерна, защищавшие английских фермеров и землевладельцев от конкуренции с дешевым иностранным зерном. Эти законы зачастую рассматриваются как примеры британского меркантилизма. Их отмена знаменовала значительный шаг в направлении свободы торговли. Хлебные законы защищали политические и деловые интересы английских землевладельцев.
- с. 61*
De Pistoribus — акт «О хлебопеках» 1326 г.
- с. 63*
статут Мертона — парламентский акт 1235 г. об огораживании общинных земель.
- с. 71*
...метод литья Мурсома... — речь идет о проблеме бронирования военных кораблей. В 1857 г. в английской печати появились призывы последовать примеру французов и приступить к бронированию кораблей. Капитан Уильям Мурсом обосновал выгоды этого нововведения и представил план переделки кораблей с обшивкой бортов броневыми плитами.
- с. 72*
...при провале моста на Тэ... — открытый в 1878 г. мост через залив Фёрт-оф-Тэй в Данди, Великобритания, считался чудом инженерной техники, но рухнул в 1879 г., когда в штормовую погоду по нему проходил пассажирский поезд. Жертвами одной из первых техногенных катастроф стали 75 человек.
- с. 75*
...действия великих людей, которые, по теории Карлейля... — прогресс человечества Карлейль сводил к жизни отдельных выдающихся личностей-героев, а в основе цивилизации видел исключительно нравственный долг; его политическая программа ограничивается проповедью труда, нравственного чувства и веры. Утрированная оценка героического в истории и недоверие к силе институтов и знания привели его к формальному культу прошедших времен, более благоприятных для героических людей.
- с. 83*
В сочинении, которому Cobden Club присудил... — речь идет о книге *Summing A. N. On the Value of Political Economy to Mankind*. *Cobden Club* — политический клуб, основанный в Лондоне в 1866 г. поборниками доктрины свободной торговли и названный в честь

Ричарда Кобдена, умершего годом ранее. В 1870 г. клуб издал избранные речи Кобдена. Членами клуба были либералы. С падением популярности идеи свободной торговли и с обращением членов клуба к воздержанию от алкоголя клуб перестал привлекать новых членов и пришел в упадок. Закрылся в конце 1970-х годов.

с. 87*

«Пятнадцати решающих сражений мира» — Спенсер упоминает вышедшую в 1851 г. книгу *Creasy E. Fifteen Decisive Battles Of The World: From Marathon To Waterloo*, которая по мере хода истории переиздается (с дополнениями состоявшихся очередных решающих сражений) по сей день.

с. 103*

...общественный договор, как в форме, принятой Гоббсом, так и в форме, принятой Руссо... — согласно Руссо, государство возникает на основе общественного договора, и, следовательно, граждане вправе расторгнуть этот договор в случае злоупотребления властью. Это учение легло в основу политики и практики якобинцев.

с. 106*

в глазах закона каждый землевладелец есть арендатор казны — в Британии формально вся земля принадлежит королевской семье, и монарх — ее единственный и верховный собственник.

с. 110*

бечуаны, или чуаны — название сильного и многочисленного племени, живущего в Южной Африке;

готтентоты — этническая общность на юге Африки; *корана* — народность, относящаяся к готтентотам, живущая на территории ЮАР;

араукане (арауканцы) — племя на территории современного Чили; *даяки* — общее название аборигенов о-ва Борнео.

с. 111*

...у племени змей... — племя снейков;

У чипавеев... — племя чиппева;

о миролюбивых арафурах... — племя островов папуа.

с. 118*

таннесы — обитатели о-ва Тана, входящего в архипелаг Вануату;

чиппавеи — см. комм. к с. 111;

санталы, лепхасы, бодосы (бодо) — горные индийские племена;

чакмацы (чакма) — народность Бенгалии;

такуны (описка; у Спенсера якуны) — народность Малаккского полуострова.

с. 119*

лесные ведды — племя Цейлона.

с. 133*

...показывает прошлое древних цивилизаций и нынешний Восток, великие предприятия могут осуществляться только

государством... — прокладка Суэцкого канала произвела на современников огромное впечатление; посвященная открытию канала премьера оперы Дж. Верди «Аида» на фоне пирамид связала в сознании многих, и в том числе Спенсера, грандиозные сооружения прошлого и настоящего.

Шесть опытов о государстве, обществе и свободе

с. 145*

хлебные законы — см. комм. к с. 58.

с. 146*

законы о бедных — см. комм. к с. 24.

с. 165*

Спенсер перечисляет следующие войны, которые вела Британия: опиумные войны (с Китаем) — 1840—1842 и 1856—1860 гг.; афганские войны 1839—1842 и 1878—1881 гг.; сирийская война 1839—1840 гг.; война против мятежной американской колонии 1775—1883. Последнюю войну с Францией Британия вела в 1803—1814 гг.

с. 171*

Недавнее восстание в Канаде... — восстание на реке Ред-Ривер. В ходе борьбы с урезанием колониальными властями земельных владений метисов (т.е. потомков франко-индейских семей) последние восстали, под предводительством Луи Риля (1844—1885) захватили Форт Гэри (ныне Виннипег) и сформировали временное правительство. В 1870 г. восстание было подавлено, но в 1885 г. Риль возглавил новое восстание, в котором метисы вновь потерпели поражение. 16 ноября 1885 г. Риль был казнен.

с. 192*

Зоофит (устар.) — растениевидное животное, к которым относили кораллы, полипы, актинии и проч.

с. 206*

...обличение злоупотреблений канцлерского суда... — Канцлерский суд (или Суд справедливости) дополнял судебную систему. Председателем суда был канцлер, т.е. министр юстиции. Правосудие в канцлерском суде сопровождалось бюрократизмом и волокитой, а разбирательство дел часто сопровождалось ухищрениями недобросовестных адвокатов. Упразднен в 1873 г.

с. 209*

Признайте, что все отчеты о никуда не годных судах... — далее перечисляются скандальные происшествия на флоте Ее Величества, рассматривавшиеся на парламентских слушаниях.

Megæra — паровой десантный корабль. Спенсер упоминает случай выхода «Мегеры», перевозившей 800 солдат, из Лондона на мыс

Доброй Надежды, чье оружие в результате небрежности не было погружено на борт, а запаса угля хватило всего на шесть дней.

Hudra — парусно-паровой шлюп.

Нару — канонерка.

с. 214*

Хотя пожар на «Амазон»... — «Amazon» — парусно-паровой шлюп, построенный с большими конструктивными недостатками, однако принятый в эксплуатацию; «Adelaide» — работорговое судно, перестроенное под плавбазу.

с. 215*

Железный мост в Честере... — строительство моста было завершено в 1846 г., катастрофа произошла в 1847 г. по причине серьезных конструктивных недостатков.

с. 220*

...не было бы ни торговцев скотом, ни Смитфилда... — Смитфилд — район Лондона, где расположен мясной рынок.

с. 223*

...комиссией Сьюэра... — Комиссия по сточным водам.

с. 226*

...дают клятву быть pauper, pius et doctus... — клятву бедности, послушания и учености (лат.).

с. 227*

М. Уистон мог бы порассказать, как силен консерватизм в грамматических школах — речь идет о так называемом «деле Уистона». Преподобный Роберт Уистон был директором кафедральной грамматической школы в Рочестере и в 1849 г. опубликовал памфлет, который декан собора и собрание каноников сочли клеветническим. Автор памфлета был уволен и подал судебный иск. Судебный процесс длился три года и завершился восстановлением Уистона на службе. «Дело Уистона» привлекло внимание общества и легло в основу сюжета романа Энтони Троллопа «Смотритель» («Warden»).

с. 232*

Первый канал в Англии — работа, казалось бы, наиболее подходящая для правительства... — строительство внутренней транспортной сети каналов развивалось с 1760 до 1820 г. Каналы сократили транспортные расходы (в частности, на уголь), что способствовало развитию Промышленной революции. Строительство каналов прекратилось после появления железных дорог.

с. 233*

Паркхерст — тюрьма на острове Уайт.

с. 236*

...что население Ирландии найдет средство от излишней скученности, как нашло его теперь... — «хлебные законы» и болезни картофеля вызвали в Ирландии голод 1845—1849 гг., в результате которого умерли около 1 млн и эмигрировали около 1,5 млн человек.

В 1841—1851 гг. население Ирландии сократилось на 30%, а эмиграция стала постоянной чертой исторического развития Ирландии. Всего численность населения Ирландии сократилась с 8,2 млн в 1841 г. до 4,5 млн в 1901 г.

с. 237*

Фермер, конечно, последний человек, от которого можно ожидать изобретения винтового движения пароходов — первый пароход с гребным винтом по заказу Адмиралтейства построил фермер Френсис Смит, воспользовавшись идеей Бернулли, высказанной в 1752 г.

с. 237**

паголенки — часть обуви или чулка, охватывающая голень.

с. 238*

...зерно нового органа для поимки преступников и облегчения сношений... — витиеватое описание телеграфа.

с. 238**

...результатом этого явится место для развлечения и просвещения народа с Сиденгаме — Великая выставка, проводившаяся в 1851 г. в Гайд-парке, разместилась в Хрустальном дворце — здании из стекла и металлических конструкций. По завершении выставки дворец был разобран и перенесен на новое место, в лондонское предместье Сайденхем-Хилл, где стал местом проведения выставок, конференций, концертов и т.п.

с. 242*

...первая железнодорожная линия пролегла между Ливерпулем и Манчестером. — На самом деле первая в мире железная дорога общего пользования с паровой тягой была построена Джорджем Стефенсоном в 1825 г. между Стоктоном и Дарлингтоном, а линия между Ливерпулем и Манчестером появилась в 1830 г.

...потратили несметные сокровища на отыскание Северо-западного прохода... — то есть морского пути через Северный Ледовитый океан вдоль северного берега Северной Америки, который искали с XVII в. Поисками Северо-западного прохода занимались экспедиции Джона Росса (1818) и Джона Франклина (1819), а также экспедиция Джона Франклина (1845) на кораблях «Эребус» и «Террор».

с. 261*

...позволяющую безнаказанно мошенничать таким господам, как Робсон и Редпат... — оба эти громких дела о мошенничествах с акциями произошли в 1857 г. Клерк *The Crystal Palace Company* Уильям Редпат подделал акции на 100 тыс. ф. ст., а клерк *The Great Northern Railway Company* — на 250 тыс. ф. ст. По всем фальшивым акциям компании выплатили дивиденды.

с. 276*

В Мальборо-Гоузе они диктуют законы хорошего вкуса и осуждают дурной — в Мальборо-хаусе с 1863 г. размещалась Национальная школа искусств (позднее Королевская школа искусств).

с. 279*

Догберри — персонаж комедии Шекспира «Много шума из ничего», самодовольный стражник (в русском переводе Т. Щепкиной-Куперник его зовут Кизил).

с. 292*

«на виселицы сорок футов вышиной» — цитата из сочинения Т. Карлейля «История французской революции».

с. 308*

зоофит — см. комм. к с. 192.

с. 309*

Protococci — протококки, одноклеточные зеленые водоросли семейства Protococcaceae, из отряда Protococcoideae.

Nostocae — семейство цианобактерий.

Thalassicollae — один из видов радиолярий, планктонных организмов. *акалефа (Acalephæ)* — зонтичная медуза.

с. 313* и далее на этой странице

Protozoa — протозоа, род простейшие, низшие животные формы.

Protophyta — род низших растений.

Корненожки (ризоподы) — один из классов протозоа.

Diatomaceae — диатомовые водоросли.

Yeast-plant (англ.) дрожжевая клетка.

Thallogens — таллофиты, талломные растения, тела которых не разделены на стебель и листья (грибы, водоросли, лишайники).

Foraminifera — морские раковинные ризоподы.

Vorticellae — круглоресничные инфузории.

с. 314*

Acrogens — споровые растения.

с. 316* и далее на этой странице

Hydrozoa — класс гидроидных.

Polyzoa — колониальные животные класса беспозвоночных (зоофиты).

Molluscoida (устар.) — брахиоподы (плеченогие), класс беспозвоночных морских животных.

Botryllidae — семейство ботриллид класса асцидиевых.

с. 316**

зоофит — см. комм. к с. 192.

с. 318*

Coelenterata — тип кишечнополостные.

с. 331*

laciniae — в физиологии промежутки между элементами тканей и между органами, не имеющие собственной стенки.

с. 339*

Билль of indemnity (англ. о компенсации ущерба) — аллюзия на поднятый Бентамом вопрос о компенсации государством ущерба, причиненного несправедливым уголовным преследованием. В 1808 г.

Сэмюэл Ромили (Samuel Romilly) внес в палату общин билль «О возмещении за судебные ошибки», который возлагал на суд обязанность при вынесении оправдательного приговора решать, заслуживает ли оправданный компенсации. Предложение вызвало споры, Ромили взял предложение обратно для внесения поправок, и более в XIX в. не предпринималось попыток законодательно урегулировать государственную ответственность. Тем не менее по нескольким делам Парламент предоставлял ошибочно осужденным единовременные «вознаграждения» *ex gratia* (в порядке милости).

с. 354*

Home Office — министерство внутренних дел.

с. 358*

...если бы я придерживался доктрины Прудона... — то есть организации общества на принципах равенства и взаимности. Централизованное государство Прудон предлагал заменить федерацией автономных местных общин и промышленных ассоциаций, связанных договорными отношениями; суд — арбитражем, бюрократию — рабочим контролем, а академическое образование — общим образованием.

с. 361*

Laisser aller — (*фр.*) самотеком, без организации.

с. 362*

nectocalyx — нектофор, плавательный колокол у колониальных гидроидных из отряда сифонофор.

gonocalyx — колокол полового зооида у колониальных гидроидных.

с. 366*

Clearing House — расчетная палата, организация, при помощи которой производился зачет встречных требований по векселям и банкнотам, соответственно учтенным и эмитированным разными банками, с оплатой звонкой монетой или банкнотами Банка Англии только оставшейся разницы.

с. 366**

...купцы из предосторожности хранили свои деньги на монетном дворе в Таузере. Но когда Карл I самовольно присвоил себе их собственность... — в 1640 г. король Карл I захватил хранящиеся в Таузере золотые и серебряные слитки, которые сдали на хранение купцы. И хотя король потом вернул захваченное, доверие к королевским хранилищам было подорвано. В результате в коммерческую практику вошли частные заместители денег — чеки и векселя золотых дел мастеров, которые принимали золото на хранение и выдавали векселя на соответствующие суммы.

с. 375*

Начиная с нашего громадного Св. Фомы... — основанная в XII в. благотворительная больница св. Фомы (по имени канонизированного в то время Томаса Бекета); существует и по сей день.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Альберт*, герцог Саксен-Кобург-Готский (Albert Franz August Karl Emmanuel Herzog von Sachsen-Coburg-Gotha, 1819—1861), муж (принц-консорт) королевы Великобритании Виктории. — 259
- Анна*, королева Англии и Шотландии (1665—1714). — 5
- Арнольд*, Мэтью (Arnold, Matthew, 1822—1888), английский поэт и критик — 107, 108
- Барлоу*, Томас (Barlow, Thomas, 1845—1945), британский врач и общественный деятель, профессор, личный терапевт королевы Виктории. — 209, 227
- Бастиян*, Адольф (Bastian, Adolf, 1826—1905), немецкий этнограф и антрополог. — 69
- Бентам*, Иеремиа (Bentham, Jeremy, 1748—1832), английский социолог, юрист, крупнейший теоретик политического либерализма, основоположник философии утилитаризма. — 107, 108, 110, 111, 112
- Бернар*, Клод (Bernard, Claude, 1813—1878), французский физиолог. — 350
- Блэкстон*, Уильям (Blackstone, William, 1723—1780), английский юрист, судья и профессор права, автор трактата по общему праву «Commentaries on the Laws of England», который по сей день служит важным источником классических взглядов на общее право и его принципы. — 234, 271
- Болинброк*, Генри Сент-Джон, виконт (1678—1751), английский государственный деятель и писатель. — 4
- Боссюэ*, Жак Бенинь (Bossuet, Jacques Bénigne, 1627—1704), французский проповедник и богослов XVII в., писатель, епископ Мо. — 96
- Брайт*, Джон (Bright, John, 1811—1889), британский политический деятель и радикальный либерал, вместе с Ричардом Кобденом основал Лигу против хлебных законов. — 290
- Бриндли*, Джеймс (Brindley, James, 1716—1772), английский инженер. — 368
- Брук*, Джеймс (Brooke, James, 1803—1868), первый белый раджа Саравака (Борнео). — 110
- Брюстер*, сэр Дэвид (Brewster, Sir David, 1781—1868), шотландский физик, математик, астроном, изобретатель и писатель, член Королевского общества. — 16
- Бурлей*, см. Сесил, Уильям, лорд Барли Бьянкони, Чарльз, или Карло (Bianconi, Charles, 1786—1875), итальянец, иммигрировавший в Ирландию и основавший новаторскую систему общественного транспорта — регулярные линии дилижансов. — 233
- Быкова* А. — 294
- Бэкон*, Френсис (Bacon, Francis, 1561—1626), английский философ, историк, политический и государственный деятель, основоположник эмпиризма; известен прежде всего как философ и защитник научной революции, а также основатель индуктивной методологии научного исследования, часто называемой методом Бэкона. — 284
- Ваггорн*, Томас (Waghorn, Thomas Fletcher, 1800—1850), британский государственный служащий, открыл сухопутный почтовый маршрут из Бомбея в Лондон через пустыни Египта, после чего доставка почты стала занимать 30 дней вместо прежних 4—5 месяцев. — 233
- Виктория* (Victoria, 1819—1901), королева Великобритании (1837—1901) из Ганноверской династии, императрица Индии. — 63
- Вильсон*, см. Уилсон
- Виньоле*, Чарльз (Vignoles, Charles, 1793—1875), британский инженер-железнодорожник — 122
- Вольсей*, см. Уолси
- Вольтер*, Франсуа-Мари Аруэ (Voltaire, François Marie Arouet, 1694—1778),

- французский философ-просветитель XVIII в., поэт, прозаик, историк, публицист. — 279
- Гайндмен, Генри* (Hyndman, Henry Mayers, 1842—1921), английский публицист и политик, основатель Социал-демократической федерации и британской Национальной социалистической партии. — 41, 91
- Гатлифф, Чарльз* (Gatliff, Charles), секретарь Общества за улучшение жилья рабочих, автор цитируемого Спенсером отчета «On improved dwellings and their beneficial effect on health and morals, and suggestions for their extension». — 66
- Генрих III Плантагенет* (1207—1272), король Англии (1216—1272). — 63
- Генрих VIII Тюдор* (1491—1547), король Англии; прославился уничтожением политических противников, в том числе своего друга Томаса Мора, и церковной реформой, в ходе которой появилась англиканская церковь и Рим утратил владычество над Англией. — 10, 284
- Георге III* (1738—1820), король Великобритании и курфюрст Ганновера, из ганноверской династии. Царствовал с 1760 г., враждовал с виггами, воевал с провозгласившими независимость бунтовщиками из американских колоний, в 1811 г. впал в помешательство, после чего королевская власть перешла к принцу-регенту. — 290
- Георге IV* (1762—1830), с 1811 г. принц-регент, с 1820 г. король Великобритании из Ганноверской династии. Из-за душевной болезни отца, короля Георга III, фактически возглавил страну на рубеже XVIII и XIX в. — 286
- Герцог Бриджвотерский*, см. Идджертон, Френсис
- Герцог Йоркский*, см. Иаков II
- Гизо, Франсуа Пьер Гийом* (Guizot, François Pierre Guillaume, 1787—1874) — французский историк, критик и государственный деятель. — 252, 317
- Гладстон, Уильям Эwart* (Gladstone, William Ewart, 1809—1898) — британский государственный деятель и литератор. Четырежды был премьер-министром Великобритании; начинавший как
- тори, Гладстон затем сошелся с передовыми либералами. — 13, 73
- Гоббс, Томас* (Hobbes, Thomas, 1588—1679), английский философ-материалист, один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета. — 98—100, 103, 108 305—306
- Говард, Джон* (Howard, John, 1726—1790), английский юрист, филантроп и первый в Англии тюремный реформатор, исследователь массовых инфекционных заболеваний в Европе. — 233
- Гонтер*, см. Хантер
- Грэм, Джеймс* (Graham, James, 1792—1861), английский политический деятель, член правительства Пилы. — 186
- Гумбольдт, Вильгельм фон* (von Humboldt, Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand Freiherr, 1767—1835), немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. — 378
- Гунтер*, см. Хантер
- Гуйонно де Памбур, Франсуа-Мари, граф де* (Guyonneau de Pambour, François Marie, comte, 1795—1848), французский инженер и изобретатель, автор книг и руководств по паровым двигателям. — 369
- Дарвин, Чарльз* (Darwin, Charles, 1809—1882) — английский натуралист и путешественник, основоположник эволюционного направления мысли (дарвинизм), автор труда «Происхождение видов путем естественного отбора, или Выживание благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». — 85, 97
- Дарган, Уильям* (Dargan, William, 1799—1867), инженер, которого часто называют «отцом ирландских железных дорог», один из основателей Национальной галереи Ирландии и руководитель Великой дублинской выставки. — 233
- Денисон, Уильям* (Denison, William), предприниматель, строивший образцовое жилье для бедных, спроектированное на основе достижений санитарии и здравоохранения начала XIX в. — 233
- Джевонс, Уильям Стенли* (Jevons, William Stanley, 1835—1882), английский экономист, статистик и философ, один из основоположников теории предельной полезности. — 107

- Дженсон, Фредерик* (Janson, Frederick, 1813—1913), английский законовед и солиситор. — 63
- Джордж, Генри* (George, Henry, 1839—1897) — американский публицист, политический деятель и экономист, вдохновитель идеологии «джорджизма»; отстаивал единый налог на землю и отрицал частную земельную собственность. — 41, 91
- Докрей, Уильям* (Dockrwa, William, ок. 1635—1716), английский предприниматель, учредивший первую городскую почту в 1680 г. в Лондоне. — 382
- Дэви, Гемфри* (Davy, Humphry, 1778—1829), английский химик и физик. — 376
- Елизавета I* (1533—1603) — королева Англии (1558—1603). — 284
- Иаков I Стюарт* (1566—1625), король Шотландии с 1567 г.; король Англии с 1603 г. — 284
- Иаков II Стюарт* (James II, 1633—1701), король Англии, Шотландии и Ирландии, до воцарения звался Джеймс Стюарт; герцог Йоркский, свергнут в результате Славной революции 1688 г. — 382
- Иджертон, Френсис*, герцог Бриджуотерский (Egerton, Francis, Duke of Bridgewater, 1736—1803), руководитель строительства сети каналов в северо-западной Англии, в том числе первого в Британии канала Бриджуотер. — 232
- Иоанн Безземельный* (John Lackland, 1167—1216), король Англии (с 1199) и герцог Аквитании из династии Плантагенетов; под давлением восставших баронов в 1215 г. подписал Великую хартию вольностей. — 292
- Кабэ, Этьен* (Cabot, Etienne, 1788—1856), французский революционер, социалист-утопист, автор доктрины «икарийского коммунизма» и организатор икарийского движения. — 397
- Карл I Стюарт* (1600—1649), король Англии, Шотландии и Ирландии с 1625 г. В ходе гражданских войн Карл I потерпел поражение, был предан суду парламента и казнен. — 366
- Карл II Стюарт* (1630—1685), король Англии и Шотландии с 1660 г. Важнейшее политическое событие его царствования — принятие акта Habeas Corpus (1679). — 4, 367, 382
- Карлейль, Томас* (Carlyle, Thomas, 1795—1881) — британский (шотландский) писатель, историк и философ. — 75, 96, 219, 269, 289
- Киннард, Артур Фицджералд*, лорд (Kinnaird, Arthur FitzGerald, 10th Lord Kinnaird, 1814—1887), шотландский банкир, либеральный политический деятель, член палаты лордов. — 66
- Кобден, Ричард* (Cobden, Richard, 1804—1865), английский политический деятель, лидер фритредеров, фабрикант, один из руководителей Лиги против хлебных законов; выступал за систему неограниченной конкуренции, свободу торговли и против фабричного законодательства и профсоюзов как «недопустимой монополии». — 290
- Кольф, Дирк* (Kolf, Dirk, 1800—1843), офицер флота Нидерландов. — 111
- Конт, Огюст* (Auguste Comte, 1798—1857), французский философ и социолог, основатель позитивизма и социологии как самостоятельной науки. — 374
- Кук, Эдвард* (Coke, Edward, 1552—1634), английский правовед, солиситор и авторней королевы Елизаветы I. — 234
- Кромвель, Оливер* (Cromwell, Oliver, 1599—1658), лидер Английской революции, военачальник и государственный деятель. Положил конец притязаниям монарха на абсолютную власть, установил диктатуру и восстановил порядок в стране. — 284
- Куфу*, царь, см. Хуфу
- Кэд, Джек* (Cade, Jack), предводитель народного мятежа в 1450 г. в Кенте. — 279
- Лайелл, Чарльз* (Lyell, Charles, 1797—1875), британский (шотландский) естествоиспытатель, основоположник современной геологии. — 97
- Леббок, Джон* (Lubbock, John, Baron Avebury, 1834—1913), английский банкир, политический деятель, натуралист и археолог. — 366
- Либих, Юстус фон* (Liebig, Justus von, 1803—1873), германский химик, внесший большой вклад в биохимию и

- в сельскохозяйственную химию и разработавший систему органической химии. — 238
- Линдсей, Уильям Шоу** (Lindsay, William Schaw, 1816—1877), английский предприниматель, судовладелец и политический деятель. — 252
- Литтлтон, Джордж** (Lyttelton, George, Baron Lyttelton, 1817—1876), британский консервативный политический деятель. — 73
- Лэнг, Сэмюэл** (Laing, Samuel, 1780—1868), писатель и путешественник. — 179, 255
- Людвиг, Хуберт** (Ludwig, Hubert, 1852—1913), немецкий зоолог. — 350, 361
- Людвиг XI Валуа**, по прозвищу Осторожный (1423—1483), король Франции с 1461 г., один из самых образованных людей своего времени, покровитель искусств и наук; интригами и насилием добился объединения раздробленной Франции, на руинах феодализма основал абсолютную монархию и расширил территорию Франции. — 284
- Людвиг XIV Бурбон** (1638—1715) — король Франции и Наварры с 1643 г., чье царствование разорило страну постоянными войнами и при этом стало эпохой расцвета культуры и искусства — 96
- Людвиг XV Бурбон** (1710—1774) — король Франции с 1 сентября 1715 г. — 61
- Ляйель**, см. Лайелл
- Мазарини, Джулио** (Mazarino, Giulio; фр. Mazarin, Jules, 1602—1661), политический деятель, кардинал и с 1642 г. первый министр Франции. — 284
- Макинтош, Джеймс** (Mackintosh, Sir James, 1765—1832), шотландский юрист, политический деятель и историк. — 300
- Мак-Куллох, Джон Рамсей** (McCulloch, John Ramsey, 1789—1864), экономист и статистик, возглавивший рикардянскую школу после смерти Давида Рикардо. — 168, 172
- Маклеод, Генри** (Macleod, Henry, 1821—1902), шотландский экономист. — 367
- Макблей, Томас Бабингтон** (Macaulay, Thomas Babington, 1800—1859), британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи, автор многотомной «Истории Англии». — 382
- Мей, Эрскин** (May, Thomas Erskine, 1st Baron Farnborough, 1815—1886), британский историк и государственный служащий, теоретик государства. — 58
- Миддлтон, Хью** (Myddelton, Middleton, Hugh, 1560—1631), уэльский ювелир, часовщик, банкир, предприниматель и инженер-самоучка. — 232, 369
- Милль, Джон Стюарт** (Mill, John Stuart, 1806—1873), известный английский мыслитель и экономист. — 367
- Мильтон, Джон** (Milton, John, 1608—1674), английский поэт, политический деятель, мыслитель. — 284, 289, 290, 303
- Моисей**, в Пятикнижии — пророк и законодатель, основоположник иудаизма, сплотивший израильские колена в единый народ. — 97
- Молесворт, Уильям** (Molesworth, William, 1810—1855), британский политический деятель и член парламента, в описываемое Спенсером время был главным уполномоченным по вопросам строительства. — 216
- Моль-Рамсей, Фокс, граф Далхуси** (Maule-Ramsay, Fox, Earl of Dalhousie, 1801—1874), британский политический деятель. — 70
- Мона́, Шарлемань де** (Maupas, Charlemagne Émile de, 1818—1888), французский политический деятель, поборник авторитаризма и участник движения буланжистов. — 54
- Моррис, Уильям** (Morris, William, 1834—1896), английский художник, дизайнер, разработчик типографских шрифтов, поэт и социалист, основатель «Движения искусств и ремесел», ученик и единомышленник Джона Рескина. — 40
- Мурсом, Уильям** (Moogson, William, 1804—1863), английский морской офицер и инженер, строитель железных дорог. — 71
- Мэн, Генри Джеймс Самнер** (Maine, Henry James Sumner, 1822—1888), английский юрист и историк права; стремился создать полную историю развития права и ранних социальных институтов на основе изучения индусского, древнеримского, германского, древнеирландского и славянского права. — 390

- Наполеон I Бонапарт** (Napoléon Bonaparte, 1769—1821), французский полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства, император Франции в 1804—1815 гг. — 58, 284
- Ньюмарч, Уильям** (Newmarch, William, 1820—1882), английский банкир, экономист и статистик. — 367
- Овидий Назон, Публий** (Publius Ovidius Naso, 43 до н.э. — 17 или 18 н.э.), римский поэт, оказавший огромное влияние на европейскую литературу; основные произведения «Метаморфозы» и «Искусство любви». — 298
- Остин, Джон** (Austin, John, 1790—1859), британский юрист и законовед, автор трудов по философии права. — 99—100, 104, 109
- Пальмер, Джон** (Palmer, John, 1742—1818), владелец театра и организатор британской системы почтовых дилжансов, зачинатель реформы британской почты. — 381
- Пальмерстон, с.м.** Темпл Генри, виконт Пальмерстон
- Памбур, граф**, см. Гюйонно де Памбур
- Пиль, Роберт** (Peel, Robert, 1788—1850), британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1834—1835 и 1841—1846 гг. — 256
- Питт, Уильям Младший** (Pitt, William the Younger, 1759—1806), второй сын Уильяма Питта, английский государственный деятель. Премьер-министр Великобритании с 1783 по 1801 г. и с 1804 по 1806 г. — 30
- Питт, Уильям**, граф Четэм (Pitt, William, 1st Earl of Chatham, 1708—1778) — британский государственный деятель из партии вигов, военный министр, позднее (1766—1768) премьер-министр. — 30
- Платон**, наст. имя Аристокл (428 или 427 до н.э.— 348 или 347 до н.э.), древнегреческий философ, ученик Сократа и учитель Аристотеля. — 304—306
- Поллак**, см. Поллок
- Поллок, Фредерик** (Pollock, Frederick, 1845—1937), английский юрист и историк права, профессор Оксфордского университета. — 115
- Прайс** — английский фабрикант. — 231
- Прудон, Пьер Жозеф** (Proudhon, Pierre-Joseph, 1809—1865), французский публицист, экономист и социолог, социалист и один из основоположников анархизма. — 358
- Пэли, Вильям** (Paley, William, 1743—1805), английский философ и богослов; Спенсер приводит цитату из книги Пэли «Принципы моральной и политической философии» (1785). — 158
- Рассел И. С. К.** — 219
- Рассел, Джон**, лорд (Russell, John, 1792—1878), премьер-министр Великобритании в 1846—1852 и 1865—1866 гг., виг и либерал. — 13, 70, 270
- Ратбон, Уильям** (Rathbone, William, 1819—1905) — английский предприниматель и политик, совместно с Флоренс Найтингейл основал Школу медицинских сестер. В парламенте поддерживал партию либералов. — 46
- Ратборн**, см. Ратбон, Уильям
- Раффлз, Томас** (Raffles, Thomas, 1781—1826), британский государственный деятель, эрудит-востоковед, знаток истории и культуры Нусангара. Освоитель современного Сингапура. Один из наиболее известных «отцов» Британской империи. — 111
- Ренни, Джордж** (Rennie, George, 1791—1866), британский инженер-строитель. — 368
- Рескин, Джон** (Ruskin, John, 1819—1900) — английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт, сильно повлиявший на развитие искусствоведения и эстетики второй половины XIX — начала XX в. — 40
- Рифль**, см. Раффлз
- Ришелье, Арман Жан дю Плесси**, кардинал, герцог де (Richelieu, Armand Jean du Plessis, 1585—1642), французский кардинал и государственный деятель, глава правительства с 1624 г. до своей смерти. — 284
- Ромили, Джон** (Romilly, John, 1802—1874), английский судья и государственный деятель. — 248.
- Руссо, Жан-Жак** (Rousseau, Jean-Jacques, 1712—1778), французский мыслитель и писатель, один из представителей французского Просвещения XVIII в. — 103

- Сесил, Уильям, лорд Барли* (Cecil, William, Baron Burghley, 1520—1598), английский государственный деятель, главный советник королевы Елизаветы I. — 284
- Сименс, Чарльз* (Карл) (Siemens, Charles, 1823—1883), инженер, родившийся в Германии и принявший английское подданство; создал регенеративную печь, что предшествовало изобретению мартеновской печи. — 71
- Скулкрафт, Генри Роу* (Schoolcraft, Henry Rowe, 1793—1864) — американский географ, геолог и этнолог, исследователь культур аборигенов Америки. — 118
- Смит, Уильям* (Smith, William, 1769—1839), английский геолог и составитель первой геологической карты Британии. — 232
- Смиттон, Джон* (Smeaton, John, 1724—1792), английский инженер-строитель, «отец гражданского строительства». — 368
- Стефенсон, Джордж* (Stephenson, George, 1781—1848), английский инженер-механик и изобретатель, один из «отцов железных дорог», прославившийся изобретением паровоза. — 223, 368
- Сьюард, Уильям старший* (Seward, William Sr., 1801—1872), губернатор штата Нью-Йорк, сенатор и государственный секретарь при Аврааме Линкольне. — 356
- Тельфорд, Томас* (Telford, Thomas, 1757—1834), известный шотландский инженер-строитель и архитектор. — 368
- Темпл, Генри, виконт Пальмерстон* (Henry Temple, 3rd Viscount of Palmerston, 1784—1865), английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1855—1865 гг. (с перерывом). — 11
- Теннисон, Альфред* (Tennyson, Alfred, 1809—1892), знаменитый английский поэт, имел почетное звание поэта-лауреата. — 288
- Тернер, Джордж* (Turner, George, 1818—1891), английский миссионер и автор классической книги о религиях Полинезии. — 118
- Тундаль, Джон* (Tyndall, John, 1820—1893), английский физик. — 376
- Токвиль, Алексис де* (Тоcquerville, Alexis-Charles-Henri Clérel de, 1805—1859), французский политический мыслитель, историк и политический деятель. — 128
- Томпсон, Томас* (Thompson, Thomas Peronet, 1783—1869), британский военный и политический деятель, сторонник радикальных реформ. — 290
- Тотлебен, Эдуард Иванович, граф* (1818—1884), военный деятель России, знаменитый военный инженер генерал-адъютант (1855), инженер-генерал (1869). — 284
- Тук, Томас* (Tooke, Thomas, 1774—1858), английский экономист, известный своими трудами по проблемам денег и экономической статистике. — 367
- Тьер, Луи-Адольф* (Thiers, Louis-Adolphe, 1797—1877), французский политический деятель и историк. — 122
- Тэн, Ипполит* (Taine, Hippolyte, 1828—1893), французский философ-позитивист, эстетик, писатель, историк, психолог, создатель культурно-исторической школы в искусствознании. — 128
- Тюрго, Анн Робер Жак, барон д'Ольн* (Turgot, Anne Robert Jacques, baron de l'Aulne, 1727—1781), французский государственный деятель, философ-просветитель, последователь экономической школы физиократов. — 284
- Уилсон (Вильсон), Джеймс* (Wilson, James, 1805—1860), шотландский фабрикант шляп, политик-либерал и экономист, основатель журнала «Economist». — 217, 367
- Уистон, Роберт* (Whiston, Robert, 1808—1895), преподаватель кафедральной грамматической школы в Рочестере, выигравший в суде так называемое дело Уистона (см. также комм. к с. 227). — 227
- Уокли, Томас* (Wakley, Thomas, 1795—1862), английский хирург и социальный реформатор. — 189—190
- Уолси, Томас* (Wolsey, Thomas, ок. 1473—1530), канцлер Английского королевства в 1515—1529 гг.; архиепископ Йоркский с 1514 г.; кардинал с 1515 г.; сосредоточил в своих руках всю внешнюю и значительную часть внутренней политики. — 284
- Уотли, Ричард* (Whately, Richard, 1787—1863), британский теолог, логик и политэконом, архиепископ англиканской церкви. — 364

- Уэслей (Уэсли), Джон** (Wesley, John, 1703—1791), английский протестантский проповедник, один из основателей методизма. — 374
- Фарадей, Майкл** (Faraday, Michael, 1791—1867), английский физик, химик и физико-химик, основоположник учения об электромагнитном поле. — 376
- Фаррер, Томас, барон Фаррер** (Farrer, Thomas Henry, Baron Farrer, 1819—1899), английский государственный служащий и статистик. — 32
- Фицрой, Роберт** (FitzRoy, Robert, 1805—1865), вице-адмирал, капитан корабля «Бигль», на котором совершил свое путешествие Чарльз Дарвин, а также натуралист, гидрограф и основатель науки метеорологии. — 118
- Фокс, сэр Чарльз** (Sir Charles Douglas Fox, 1840—1921), британский инженер-строитель. — 70
- Фуллартон, Джон** (Fullarton, John, ок. 1780—1849), британский хирург и банкир, известный работами по регулированию денежного обращения и теории денег. — 367
- Хаксли (Пексли), Томас** (Huxley, Thomas Henry, 1825—1895), британский биолог, сторонник Чарльза Дарвина и изобретатель термина «гностицизм». — 319, 344—346, 357, 373, 380, 382—384
- Хантер, Джон** (Hunter, John, 1728—1793), шотландский хирург и ученый. — 339, 361
- Харрис, Уильям Сноу** (Harris, William Snow, 1791—1867), английский физик и исследователь электричества, известный изобретением громоотвода для кораблей. — 227
- Хилл, Роуланд** (Hill, Rowland, 1795—1879), английский учитель, изобретатель и социальный реформатор; инициировал кампанию за реформу почтовой системы. — 381
- Холл, Бенджамин** (Hall, Benjamin, 1802—1867), британский инженер и политический деятель, по имени которого (Биг Бен) прозвали часы на башне Вестминстерского дворца. — 223
- Холл, Роуланд**, см. Хилл, Роуланд
- Хуфу (Хеопс), фараон IV династии Древнего царства Египта** (2551—2528 до н.э. или 2589—2566 до н.э.), строитель Великой пирамиды в Гизе. — 58
- Чизхольм, Кэролайн** (Chisholm, Caroline, 1808—1877), английская сторонница помощи эмиграции бедняков в Австралию, общественный деятель и филантроп; в 1849 г. основала Общество кредитования семейной колонизации. — 233
- Шоу (Шоу), Эйр Мэсси** (Shaw, Eyre Massey, 1830—1908), суперинтендант пожарной бригады Лондона в 1861—1891 гг., ввел современные методы борьбы с огнем и предупреждения пожаров. — 71
- Эдуард I Плантагенет**, по прозвищу Длинноногий (Edward I «Longshanks», 1239—1307), король Англии в 1272—1307 гг. — 365
- Эдуард III Плантагенет** (1312—1377), король Англии и Шотландии с 1327 г. — 11, 62
- Эдуард IV Плантагенет** (1442—1483), король Англии в 1461—1470 и 1471—1483 гг. — 10
- Эдуард VI Тюдор** (Edward VI, 1537—1553), король Англии и Ирландии с 1547 г., сын Генриха VIII от третьего брака с Джейн Сеймур. — 365
- Эллис, Джон** (Ellis, John), лондонский башмачник из района бедноты, добротой и терпением перевоспитавший за свой счет и обучивший своей профессии 15 малолетних преступников. — 233
- Эрстед, Ханс Христиан** (Ørsted, Hans Christian, 1777—1851), датский физик, исследователь явлений электромагнетизма. — 238
- Эрч, Джозеф** (Arch, Joseph, 1826—1919), английский политический деятель и священник, основатель «Национального союза сельскохозяйственных рабочих», член парламента. Принадлежал к либеральной партии и считал задачей государства наделить землей всех сельских рабочих. — 47
- Эшли, Энтони, лорд, граф Шафтсбери** (Anthony Ashley Cooper, 7th Earl of Shaftesbury, 1801—1885), английский политический деятель и прославленный филантроп. — 66
- Юм, Джеймс Дикон** (Hume, James Deacon, 1774—1842), служащий таможи, известный тем, что полторы тысячи та-

- моженных законов, действовавший со времен Эдуарда I, свел в десять законодательных актов, получивших в 1825 г. королевское одобрение. — 234
- Юнг (Янг), Артур* (Young, Arthur, 1741—1820), английский публицист, автор работ по сельскому хозяйству, экономике и социальной статистике. — 61
- Юнг (Янг), Томас* (Young, Thomas, 1773—1829), английский ученый-энциклопедист, отличившийся значительным вкладом в области оптики, механики, физиологии, лингвистики, теории музыки и египтологии. — 376

В Москве книги издательства «Социум»
можно купить в магазине

«Фаланстер»

Пн-Вс 11⁰⁰—20⁰⁰

м. Тверская, Пушкинская, Чеховская
Малый Гнезниковский пер., 12/27

Вход в арке, над аркой вывеска "КНИГИ", 2-й этаж.

Тел.: (495) 749-57-21



ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

I том

Подписано в печать 09.06.2014. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 29.
Тираж 1000 (1-й завод — 500) экз.

ООО «ИД «Социум»,
e-mail: info@sotsium.ru ; (495) 330-51-98